

ПСИХОЛОГИЯ
ЛИЧНОСТИ
ТЕКСТЫ

15

026723/2

П86

Психология

личности.

1982

Ip20к.

12.04.84 Тихоход

23.04.84. Сам

27.04.84. Лопух

21.11.

14.10.88. Алев

30.03.92. Бель

05.02.94. Алев

15.03.97

11.04.97. Тамб

27.09.97. Степ

20.03.00. Бул

26.11.01. Алев

026723/2

3.10.03. *мг*
29.04.04. *мг*
28.12.04. *Бул*

026723/2

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ТЕКСТЫ

Под редакцией Ю. Б. Гиппенрейтер,
А. А. Пузыря

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 288 с.

Книга продолжает серию хрестоматий, представляющих собой учебные пособия по курсу общей психологии психологических факультетов университетов. В нее включены тексты из оригинальных работ отечественных и зарубежных авторов по основным направлениям в психологии личности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей факультетов психологии.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
доктор психологических наук
академик АПН СССР В. В. Давыдов,
кандидат психологических наук доцент Ю. К. Корнилов

П 0304000000—110 БЗ №11-3-82
077(02)—82

026723/2

© Издательство Московского университета, 1982 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. ПОНЯТИЕ О ЛИЧНОСТИ. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ	11
Ильенков Э. В. Что такое личность?	11
Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность	20
Рубинштейн С. Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности	28
Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности	35
Ананьев Б. Г. Некоторые черты психологической структуры личности	39
Сэв Л. Основные понятия. Акты, способности. Проблема потребностей	42
Фромм Э. Характер и социальный процесс	48
Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности	55
2. ДИНАМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ	
Джемс У. Личность	61
Леонтьев А. Н. Мотивы, эмоции и личность	71
Узнадзе Д. Н. Мотивация — период, предшествующий волевому акту	80
Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс П. Уровень притязаний	86
Левин К. Типы конфликтов	93
Хорни К. Культура и невроз	97
Олпорт Г. Принцип «редукции напряжения»	106
Маслоу А. Самоактуализация	108
Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия	118
Рубинштейн С. Л. Самосознание личности и ее жизненный путь	127
Мейли Р. Различные аспекты Я	132
Мейли Р. Черты личности	142
3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ (в норме и патологии)	150
Леонтьев А. Н. Формирование личности	150
Выготский Л. С. Развитие личности и мировоззрения ребенка	161
Божович Л. И. Социальная ситуация и движущие силы развития ребенка	166
Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте	172
Массен П., Конгер Дж., Каган Дж., Гивитц Дж. Развитие личности в среднем возрасте	182
Зейгарник Б. В. О патологическом развитии личности	187
Белкин А. И. Формирование личности при смене пола	197

ПРИЛОЖЕНИЕ. Психологические проблемы личности в философской, художественной литературе, жизнеописаниях, дневниках и пр.	206
Олпорт Г. Личность: проблема науки или искусства?	208
Платон. Апология Сократа	218
Платон. Смерть Сократа	225
Феофраст. Характеры	228
Кант И. О характере как образе мыслей	232
Гоголь Н. В. Мир Акакия Акакиевича	236
Толстой Л. Н. Исповедь	242
Бахтин М. М. Герой и позиция автора по отношению к герою в творчестве Достоевского	250
Лазурский А. Ф. Альтруизм	262
Чекалина Н. Мой сын	268
Адамович А., Гранин Д. Главы из блокадной книги	275

Сборник текстов по *психологии личности* представляет собой очередной выпуск в серии хрестоматий по отдельным разделам психологии¹, подготовленной на кафедре общей психологии психологического факультета Московского государственного университета.

Он выходит одновременно с еще одним изданием текстов, посвященным *психологии индивидуальных различий*. Оба этих тома можно рассматривать как две составные части пособия по разделу «Личность» курса общей психологии.

По-видимому, нет необходимости говорить об особом положении психологии личности среди других разделов психологии. Ее исключительная важность, но вместе с тем и сложность очевидны.

Психология личности прямо касается проблем, волнующих каждого человека. Это проблемы жизни человека среди людей, нравственного поведения, воспитания детей, поиска смысла жизни и многие другие.

Особое значение психологии личности определяется ее теснейшей связью с решением задачи воспитания нового человека коммунистического общества.

Вместе с тем читатель, впервые знакомящийся с данной областью исследований, должен столкнуться с серьезными трудностями. Они обусловлены состоянием современной психологии личности. Достаточно сказать, что, несмотря на большую работу, проделанную философами и психологами по уточнению понятия «личность», единого и общепринятого определения его пока нет.

При определении общей структуры предлагаемого издания и отборе текстов мы руководствовались задачей помочь студенту, впервые знакомящемуся с психологией личности, составить общее представление о той реальности, которая называется личностью, а также о тех вопросах, которые ставит и решает общая психология при изучении и осмыслении этой реальности.

В сборник не вошли *теории личности*, а также изложение методов ее исследования. Обе эти темы требуют специального углубленного изучения на следующем этапе психологического образования.

Ввиду общепсихологической ориентации издания в нем не представлены как таковые социально-психологические и патопсихологические подходы к исследованию личности.

Наконец, общеобразовательное назначение сборника обусловило включение особого *Приложения*, в котором собраны непсихологические

¹ См. выпущенные ранее в Издательстве МГУ хрестоматии по психологии восприятия (под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской), психологии внимания (под ред. А. Н. Леонтьева, А. А. Пузыря, В. Я. Романова), психологии памяти (под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова) и психологии мышления (под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова).

тексты (из философской, художественной, дневниковой литературы). Они должны послужить материалом для конкретного обсуждения некоторых вопросов психологии личности в рамках семинарских занятий и при самостоятельной работе студентов (см. предисловие и комментарии в Приложении).

Первый раздел сборника включает работы, каждая из которых фактически содержит попытку ответить на вопрос: «Что такое личность?»

Он открывается статьей советского философа Э. В. Ильенкова, в которой дается анализ марксистского понимания личности. В следующих затем работах ведущих советских психологов представлены различные конкретно-психологические разработки марксистского подхода к проблеме личности.

Принципиальный ответ на вопрос о том, что такое личность, материалистическая психология получает из определения Марксом сущности человека². Это определение задает как бы «пространство» существования личности и позволяет сделать решающий шаг на пути формирования собственно научного предмета психологии личности.

Как показывает в своей статье Э. В. Ильенков, из марксова определения сущности человека вытекает ряд важных следствий. Во-первых, вопрос о сущности каждого человека есть вопрос о той совершенно конкретной системе его отношений с другими людьми, которые возникают в процессе коллективной деятельности по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом. Во-вторых, эта его сущность лежит не внутри, но вне отдельного индивида, и, наконец, в-третьих, сущность эта является общественно-исторической, ибо такова система отношений, через которую она определяется.

Акцентирование общественно-исторической природы личности проходит красной нитью через работы советских психологов. Однако авторы этих работ различаются по тому, где они проводят границу между личностью и неличностью, личностным и неличностным.

Как видно из представленных работ, существует более *широкая* и более *узкая* трактовка понятия личности. Авторы, придерживающиеся более широкого понимания личности, включают в ее структуру также и индивидуальные биофизиологические характеристики организма: инертность — подвижность нервных процессов, тип метаболизма и т. п. (Б. Г. Ананьев) или, например, такие «природно-обусловленные» свойства, как свойства зрения (С. Л. Рубинштейн).

Очевидно, что при таком употреблении термина «личность» его значение практически совпадает с понятием конкретного, отдельного человека. Такое понимание личности близко к точке зрения обыденного сознания, с характерным для него акцентом на неповторимость, уникальность облика каждого человека.

Представление о личности в узком смысле наиболее четко сформулировано в работе А. Н. Леонтьева. *Личность* — это особое образование, «особого рода целостность», которая возникает на сравнительно поздних этапах онтогенетического развития. Это образование порождается специфически человеческими отношениями. Что касается природных индивидуальных свойств: морфологических, физиологических, а также некоторых индивидуально приобретенных психологических особенностей человека, то они к собственно личностным свойствам не относятся, а характеризуют человека как индивида. Индивид — это скорее та реальность, которая заключена в границах тела человека, в то время как личность — образование, не только выходящее за пределы этого тела, но и формирующееся во внешнем пространстве социальных отношений.

² «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3).

Следует, однако, отметить, что и у сторонников широкой трактовки личности природные и общественно обусловленные аспекты личности отнюдь не выступают как рядоположенные. Так, например, Б. Г. Ананьев говорит о различных уровнях в структуре личности, подчеркивая при этом, что биофизиологические характеристики организма входят в структуру личности, только если они «многократно опосредствуются социальными свойствами личности».

Еще определеннее высказывается С. Л. Рубинштейн, противопоставляя «индивидуальным свойствам личности» «личностные свойства индивида», т. е. фактически выделяя в человеке собственно личностные свойства. К последним он относит те, которые «обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека».

Таким образом, здесь Рубинштейн приближается к пониманию личности в узком значении слова.

Одну из центральных тем работ советских авторов составляет процесс взаимодействия человека с внешним, прежде всего социальным миром. Анализ этого процесса оказывается ключом к раскрытию внутреннего строения и внутреннего мира личности, ее генезиса, наконец, «структур» внешнего мира, непосредственно обращенных к личности.

Для описания и анализа процесса взаимодействия личности с внешним миром в различных школах создана своя система понятий, которая позволяет проставить авторские акценты на различных его сторонах. Вместе с тем можно увидеть, что за различной терминологией подчас скрываются одни и те же места общей эмпирической картины личности.

В работах В. Н. Мясищева и Б. Г. Ананьева в качестве основной вводится категория *отношения*. Через описание доминирующих отношений, уровня их развития, согласованности, динамики эти авторы подходят к раскрытию структуры личности и процесса ее формирования. Формирование личности представляется как процесс перехода интериндивидуальных систем связей в интраиндивидуальные структуры личности и ее характера.

Согласно С. Л. Рубинштейну, человек как личность формируется, вступая во взаимодействие с миром (и другими людьми). С. Л. Рубинштейн рассматривает личность, прежде всего, как «совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия». Эти внутренние условия сами, в свою очередь, сформировались в процессе «внешних взаимодействий».

Рассмотрение личности также в качестве *субъекта деятельности* позволяет С. Л. Рубинштейну поставить вопрос о «психологических содержаниях» личности. Ядро личности составляют мотивы сознательных действий, однако личность характеризуют также и неосознаваемые тенденции, или побуждения.

А. Н. Леонтьев как основополагающую для анализа личности вводит категорию *деятельности*. Структура и образующие личности при этом раскрываются через анализ мотивационно-потребностной сферы. Потребности выступают в качестве исходного пункта всякой деятельности, опредмечиваясь в мотивах. Первые «узелки» личности завязываются тогда, когда начинает устанавливаться иерархия деятельностей, или иерархия мотивов.

В работе французского философа-марксиста Л. Сэва подчеркивается социальный аспект существования личности. Для описания «биографии» личности он предлагает понятие *акта*, под которым подразумевает поступок человека, имеющий те или иные социальные следствия. Результаты «актов» личности возвращаются к ней через более или менее сложные объективные социальные опосредствования. Такой «механизм» позволяет понять некоторые важные динамические аспекты жизни личности, в частности социальную природу *конфликтов* и *развитие потребностей*. Выступая сначала в качестве исходных пунктов деятельности, потребности в процессе этой деятельности трансформируются, развиваются, иными словами «расширенно воспроизводятся».

В первом разделе представлены работы еще двух зарубежных авторов,

стоящих на иных, немарксистских общетеоретических позициях³. Тем не менее отдельные их положения интересны и заслуживают оценки с позиции советской психологии.

В работе Э. Фромма вводится понятие *социального характера*, под которым подразумеваются общие черты характера большинства членов социальной группы. Складываясь в результате «опыта и способов жизни» группы, через систему образования социальный характер передается от одного индивиду. Таким образом, Э. Фромм вносит вклад в описание объективированных социальных структур как факторов формирования личности. Вместе с тем в его концепции обнаруживаются как переоценка роли субъективного фактора в социальном процессе, так и отголоски ортодоксальных психоаналитических идей (показательна в этом отношении его трактовка потребности в труде).

Э. Шпрангер представлен своей типологией личностей. В ее основу он кладет типы человеческих «ценностей». В соответствии со своей идеалистической установкой Шпрангер абсолютизирует эти ценности, рассматривая их как выражения человеческой природы. Антиисторизм Шпрангера проявляется в том, что он рассматривает свои типы как вечные, не зависящие от конкретно-социальных условий жизни и деятельности людей. Вместе с тем, при соответствующей методологической коррекции взглядов Шпрангера, его концепцию можно оценить как одну из ярких попыток описания личности со стороны «вершинного» (Л. С. Выготский) в человеке.

Второй раздел сборника посвящен вопросу *динамики и организации* личности. В работах этого раздела содержится анализ жизни личности со стороны движущих сил ее поведения, ее эмоционально-волевой сферы, ее конфликтов, целевых и смысловых образований, ее самосознания.

Подбирая статьи этого раздела, мы пытались отразить различные точки зрения на широкий круг указанных вопросов, которые разрабатывались в различных школах и в различные периоды развития психологии. Поэтому данный раздел невозможно было построить по единому жесткому плану, соблюдая какой-то один принцип отбора и классификации статей.

Здесь, как и в первом разделе, представлены позиции советских психологов (см. статьи Леонтьева, Рубинштейна, Узнадзе) и зарубежных авторов, классические и современные подходы, оригинальные и обзорные статьи.

Содержание данного раздела не может также претендовать на полноту; помещенные в нем тексты — это скорее образцы разработки проблем, относящихся к различным аспектам динамики, организации и «внутренней картины» личности.

Прокомментируем более подробно статьи второго раздела в порядке их следования.

Раздел открывается (по хронологическим соображениям) главой из учебника У. Джемса. Здесь мы находим одну из первых попыток дать систематическую картину личности. Анализ личности проводится У. Джемсом целиком в рамках *психологии сознания*; личность для него — это только то, что человек *переживает* как Я или как «свое». Вместе с тем У. Джемсом намечается ряд важных тем, получивших впоследствии разработку в других теоретических школах. Среди них можно назвать уровень притязаний, иерархию мотивов («забот» о физическом, социальном и духовном Я), образ самого себя, самооценка и т. д.

В работе А. Н. Леонтьева углубленно анализируются потребностно-мотивационная и эмоциональная сферы личности с позиций общепсихологической *теории деятельности*. Рассматриваются виды и функции мотивов, их отношение к сознанию, их иерархии и значение для формирования и развития личности. Вступая в спор с гедонистическими концепциями

³ Общетеоретические позиции всех зарубежных авторов, не всегда нашедшие полное отражение в помещенных в хрестоматии текстах, дополнительно охарактеризованы в авторских справках, предваряющих их работы.

человека, согласно которым истинным мотивом поведения является в конечном счете стремление к удовольствию, А. Н. Леонтьев противопоставляет им концепцию личности, достигающей действительного счастья лишь на пути постановки и реализации высоких жизненных целей, таких, которые «сливают ее жизнь с жизнью людей, их благам».

В работе другого советского психолога — Д. Н. Узнадзе — дается сопоставление понятий мотива, потребности и установки. С позиции *психологии установки* проводится анализ волевых актов личности.

Большой вклад в разработку динамических аспектов личности внесли исследования школы К. Левина. В этой школе были разработаны остроумные методики исследования мотивационных и смысловых образований личности, многие из которых стали классическими. Включенный в хрестоматию отрывок из статьи К. Левина и его сотрудников — пример такого исследования. Наряду с другой статьей К. Левина, посвященной типам конфликта, он дает представление о понятийном аппарате, использовавшемся в этой школе для описания структуры и динамики личности. Теоретические представления, созданные в школе К. Левина, оказались пригодными для анализа поведения личности во многих важных жизненных ситуациях. Вместе с тем левиновские модели имели явно выраженный физикалистский характер, в силу чего анализ аффективно-мотивационной сферы личности был ограничен формально-динамическими аспектами. В нем отсутствует сколько-нибудь серьезный учет социальных источников мотивации и конфликтов (см. содержательное рассмотрение последних со стороны их социальной детерминации в статье К. Хорни).

Наконец, следует заметить, что К. Левин остается в рамках *гомеостатической* модели поведения, согласно которой ведущим мотивом является стремление к *редукции напряжения*.

На несостоятельность такого понимания мотивации человека указывает ряд современных зарубежных психологов, принадлежащих к так называемому *гуманистическому* направлению в психологии личности. В статьях Г. Олпорта, А. Маслоу, В. Франкла высказывается общая мысль о том, что ведущая тенденция человеческого поведения состоит не в редукции напряжения, а в стремлении к поиску «*предельных ценностей*» — истины, справедливости, добра, смысла существования и т. п. В этом поиске человек «*актуализирует*» себя и тем самым себя находит.

Здесь современная зарубежная психология делает серьезный шаг вперед по сравнению со всеми предшествующими концепциями личности. Сильная сторона указанного направления в том, что оно возникло на почве психотерапевтической практики, с самого начала противопоставлявшей себя традиционному психоанализу. Задача, сформулированная ее представителями, — «помочь человеку стать тем, чем он *способен* стать» (Маслоу).

Можно сомневаться, однако, что эта задача целиком разрешима с помощью традиционных средств психотерапевтической беседы, предлагаемой авторами (Маслоу, Франкл). Радикальный сдвиг в сфере сознания и самосознания личности может произвести только изменение ее реальной позиции в непосредственном социальном окружении, ее социального бытия.

Следующие две работы (Р. Мейли и С. Л. Рубинштейна) посвящены проблеме *самосознания* личности.

Систематическому обзору зарубежных исследований проблемы Я посвящен включенный в сборник фрагмент работы швейцарского психолога Р. Мейли.

Раньше других предметом психологического анализа стало то, что, по терминологии У. Джемса, представляет собой «чистое Я». Это некоторое «ощущение» себя в качестве субъекта своих действий, восприятий, эмоций и т. д. Оно составляет основу чувства тождественности нашей личности — в различные периоды нашей жизни, при различных психических состояниях.

Сколь бы остро и значимо, однако, не переживалась субъектом эта его «центральная инстанция», она не могла стать предметом серьезного научного анализа ввиду ее неуловимости в акте самонаблюдения. По

образному выражению Э. Кречмера, «чистое Я» остается всегда только «воображаемой точкой позади всякого опыта». Непосредственное его переживание лишено какого бы то ни было конкретного содержания.

В результате уже в рамках психологии сознания наряду с «чистым» Я было включено в рассмотрение также и «эмпирическое», или «познаваемое» Я, как внутренний референт, к которому относит человек все то, что он о самом себе знает.

Как уже отмечалось, В. Джемс расширил границы Я за счет включения в него и всего того, что человек может считать «своим».

Еще более расширился спектр тем, разрабатываемых в современных зарубежных исследованиях Я: восприятие человеком своего внешнего вида, оценки отдельных своих качеств, психологический образ самого себя и его генезис, идеальный образ и др.

Как показывает работа Р. Мейли, ни традиционная психология сознания, ни психоанализ, ни современная зарубежная экспериментальная психология личности не способны дать принципиального ответа на вопрос о природе человеческого Я.

Только рассмотрение субъективного мира личности в контексте ее социальных взаимодействий позволяет раскрыть тайну человеческого Я. Ощущение, оценка, осознание самого себя рождаются, по мысли К. Маркса, в акте общения с другим человеком через перенос отношения к другому на отношение другого к себе и интериоризацию этого отношения.

Проследивая генезис самосознания, С. Л. Рубинштейн показывает, что в развитых формах самосознание выполняет функцию определения внутреннего смысла тех задач, которые решает человек в своей жизни.

Второй раздел заканчивается обзором Р. Мейли, посвященным исследованиям *черт личности*. Хотя эта тема не вписывается органически в проблемы второго раздела, мы сочли необходимым поместить данный обзор, так как он представляет интенсивно развивающееся за рубежом направление исследований личности. Как отмечает Р. Мейли, в этом направлении все более усиливается атомистическая тенденция перехода в описании личности от «созвездий» взаимосвязанных черт, или типов, к выделению изолированных черт. Эта тенденция означает, вопреки тому, что явно провозглашается представителями данного направления, не приближение, но все больший отход от решения проблемы структуры личности.

Третий раздел сборника посвящен проблеме формирования и развития личности. Его основу составляют работы советских психологов, внесших существенный вклад в разработку этой центральной проблемы психологии личности с марксистских позиций.

Фундаментальная идея, пронизывающая все эти работы, состоит в том, что личность человека (подобно его потребностям и сознанию) «*производится*», т. е. создается теми общественными по своей природе отношениями, в которые человек вступает в своей деятельности. Ситуация развития ребенка, как отмечал еще Л. С. Выготский, с самого начала является *социальной и культурной* ситуацией: все отношения ребенка с миром опосредствуются для него его отношениями с другими людьми, и прежде всего со взрослыми.

В работах Л. С. Выготского, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконина предпринята попытка наметить основные *стадии* процесса формирования личности ребенка, показать своеобразную диалектику, движущие силы и механизмы последовательной смены ведущих мотивов деятельности ребенка. А. Н. Леонтьев особо выделяет две критические точки: *первого и второго рождения личности*. Они соответствуют установлению иерархических отношений между деятельностями и возникновению самосознания.

Появление самосознания означает новую эпоху в развитии личности. Для человека становится возможным *овладение* (Л. С. Выготский) процессом развития собственной личности, активное и целенаправленное ее *самовоспитание* (С. Л. Рубинштейн). Иначе говоря, появление самосознания означает радикальное изменение самого типа развития личности.

Становление личности на этом этапе определяется не только тем, как она воспринимает себя в настоящем, но также и тем, как она осмысляет свое прошлое, как видит ближайшие и более далекие *жизненные перспективы* (А. Н. Леонтьев).

Рождение сознательной личности — только начало длительного и драматичного пути *развития* личности взрослого человека.

Попытка выделить основные вопросы, встающие перед психологией при обращении к анализу развития личности *взрослого* человека, представлена в небольшом отрывке из учебника американских авторов П. Массена и др. Особое значение приобретают здесь анализ характерных *кризисов* в развитии личности взрослого человека, вопросы об истоках, содержании этих кризисов и способах их разрешения.

Чрезвычайно ценный материал для понимания некоторых важных сторон процесса формирования нормальной личности дает прослеживание различных форм *аномального и патологического* развития личности, в частности при некоторых психических заболеваниях (Б. В. Зейгарник). Особый интерес для психолога представляют те процессы радикальной перестройки личности, которые наблюдаются в случаях искусственного *изменения пола* человека (А. И. Белкин). Как показывает исследование, личность человека в таком случае на глазах исследователя строится буквально заново. При этом с предельной ясностью обнажаются многие важные, но обычно скрытые от психолога моменты формирования как образа самого себя, так и личности в целом. Так, чрезвычайно убедительно демонстрируется решающее значение для формирования личности отыскания человеком своего места в *системе отношений* с другими людьми.

Как уже отмечалось, данный сборник текстов является пособием по разделу «Личность» курса общей психологии наряду с другим, выходящим практически одновременно выпуском «Психология индивидуальных различий». При распределении материала по этим двум книгам составители столкнулись со значительными трудностями, ибо многие проблемы являются общими для обоих разделов психологии.

Принцип, который в конечном счете лег в основу распределения текстов, заключается в следующем. В настоящий выпуск вошли работы, относящиеся в основном к анализу *личности в узком смысле*, тогда как в другой — тексты, посвященные описанию и анализу «*индивидуальных свойств человека*» (свойств нервной системы, темперамента, способностей, характера), относимых обычно к личности в широком смысле.

Мы, конечно, понимаем всю условность такого деления. Она становится очевидной при обращении к анализу любой конкретной проблемы, например к такой, как проблема характера.

Психологическое исследование позволяет одним авторам рассматривать характер в основном как совокупность формально-динамических особенностей поведения (Н. Д. Левитов), в то время как другие — с неменьшим основанием — представляют его как производное от социальных отношений личности (А. Ф. Лазурский, Б. Г. Ананьев и др.).

В результате проблема характера обсуждается в каждом из названных томов сборника: один раз с акцентом на «природную» его основу, другой — на социальную обусловленность и «личностное» происхождение некоторых его черт.

Необходимо отметить, что почти все тексты сборника печатаются с сокращениями.

Данная книга не могла бы выйти без помощи и участия многих людей, которым мы приносим свою благодарность. Мы особенно признательны профессорам Г. М. Андреевой, Л. И. Анцыферовой, А. А. Богомолову, А. А. Бодалеву и Б. В. Зейгарник за большую помощь и ценные советы при определении содержания издания, его структуры, состава авторов, а также за моральную поддержку на всех этапах подготовки текстов.

Мы благодарим также сотрудников факультета психологии — доцента Б. С. Братуся за большую работу, сделанную им на предварительном

этапе подготовки сборника, профессора *О. К. Тихомирова* и доцента *Л. А. Петровскую* за многие ценные критические замечания, весь преподавательский состав кафедры общей психологии за активное и доброжелательное обсуждение книги.

Составители сборника признательны семье *Л. С. Выготского* за предоставление фрагмента его рукописи.

Мы должны отметить большой труд, вложенный в подготовку текстов нашими переводчиками: *Л. Л. Бергельсон, Б. С. Братусем, И. М. Гурьевой, В. Э. Реньге, Е. Б. Родионовой* и *А. Б. Холмогоровой*.

Большую помощь в технической подготовке рукописи нам оказали *Т. Г. Горячева, Э. С. Мамедова, Н. В. Обоева*.

Составители сборника с благодарностью примут все критические замечания.

Ю. Б. ГИППЕНРЕЙТЕР,
А. А. ПУЗЫРЕЙ

Ильенков Эвальд
(18 февраля 1924 — 2
советский философ,
ских наук, профес
работы посвящены
логике, истории фил
современной буржуаз
философским и м
проблемам психологи

Э. В. Ильенков

В мире довольно
ных, бытует мн
сводится примерно
оправдавшее себя
ческого значения
классов, партий, н
ной судьбе челове
и, более того, яко
ния внутреннего
своего рода моляр
Наиболее отчет
выразилось в требо
относительно авто
своего внимания л
видуального Я, про
ные этим сюжеты.
А возможна ли
тированная психо
чить свой пр

1. ПОНЯТИЕ О ЛИЧНОСТИ. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ильенков Эвальд Васильевич
(18 февраля 1924 — 21 марта 1979) — советский философ, доктор философских наук, профессор. Основные работы посвящены диалектической логике, истории философии, критике современной буржуазной философии, философским и методологическим проблемам психологии.

Соч.: Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; Идеальное. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 2. М., 1966; Об идолах и идеалах. М., 1968; Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974.

Э. В. Ильенков

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЛИЧНОСТЬ?

В мире довольно широко, и притом среди людей весьма образованных, бытует мнение, которое, если обрисовать его схематично, сводится примерно к следующему. Марксистское учение, блестяще оправдавшее себя там, где речь идет о событиях всемирно-исторического значения и масштаба, т. е. о судьбах миллионов масс, классов, партий, народов и государств, короче говоря, о совокупной судьбе человеческого рода, ничего (или почти ничего) не дало и, более того, якобы не может дать для рационального уразумения внутреннего строя личности, индивидуальности, Я — этой своего рода молярной единицы исторического процесса.

Наиболее отчетливо и последовательно такое представление выразилось в требовании «дополнить» марксизм некоторой особой, относительно автономной этической теорией, ставящей в центр своего внимания личность как таковую, интересы и счастье индивидуального Я, проблему свободы и достоинства личности и подобные этим сюжеты.

А возможна ли вообще в принципе материалистически ориентированная психология? Если да, то она обязана прежде всего определить свой предмет, т. е. объяснить, что же такое личность.

---

¹ С чего начинается личность. М., 1979.

...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

К. Маркс

Человеческую личность при всей присущей ей «неповторимости» нельзя превращать в простой синоним чисто логической категории «единичного вообще». В этом случае понятие «личность» обессысливается в самой сути.

«Сущность» каждого индивида, относящегося к данному «роду», заключается, согласно логике мышления К. Маркса, в той совершенно конкретной системе взаимодействующих между собой индивидов, которая только и делает каждого из них тем, что он есть. В данном случае это принадлежность к роду человеческому, понимаемому не как естественно-природная, биологически заданная «немая связь», а как исторически возникшая и исторически же развивающаяся социальная система, т. е. общественно-исторический организм как расчлененное целое.

Биологическая же связь, выражающаяся в тождестве морфофизиологической организации особей вида *homo sapiens*, составляет лишь *предпосылку* (хотя и абсолютно необходимую, и даже *ближайшую*), лишь условие человеческого, «родового», в человеке, но никак не «сущность», не внутреннее условие, не *конкретную общность*, не общность социально-человеческую, не общность личности и личностей.

Нельзя раскрыть тайну «стоимости» на пути физико-химического исследования золотой монеты или бумажной ассигнации. Ведь золото и бумага лишь вещественный материал, в котором выражено нечто совершенно иное, принципиально другая «сущность», абсолютно непохожая на него, хотя и не менее реальная, конкретная действительность, а именно система конкретно-исторических взаимоотношений между людьми, опосредствованных вещами.

Точно так же знание особенностей мозга человека не раскроет нам тайны его личности. Наличие медицински нормального мозга — это одна из материальных предпосылок (повторим это еще раз) личности, но никак не сама личность.

Чтобы понять, что такое личность, надо исследовать организацию всей той совокупности человеческих отношений конкретной человеческой индивидуальности ко всем другим таким же индивидуальностям, т. е. *динамический ансамбль людей, связанных взаимными узами*, имеющими всегда и везде социально-исторический, а не естественно-природный характер.

Тайна человеческой личности потому-то веками и оставалась для научного мышления тайной, что ее разгадку искали совсем не там, где эта личность существует реально. Совсем не в том

пространстве: то в пространстве сердца, то в пространстве «шишковидной железы», то вообще вне пространства, то в особом «трансцендентальном» пространстве, в особом бестелесном эфире «духа».

А она существовала и существует в пространстве вполне реальном — в том самом пространстве, где размещаются горы и реки, каменные топоры и синхрофазотроны, хижины и небоскребы, железные дороги и телефонные линии связи, где распространяются электромагнитные и акустические волны. Одним словом, имеется в виду пространство, где находятся все те вещи, по поводу которых и через которые тело человека связано с телом другого человека «как бы в одно тело», как сказал в свое время Б. Спиноза, в один «ансамбль», как предпочитал говорить К. Маркс, в одно культурно-историческое образование, как скажем мы сегодня, — в «тело», созданное не природой, а трудом людей, преобразующих эту природу в свое собственное «неорганическое тело».

Личность не только существует, но и впервые рождается именно как «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений, которые возникают между индивидами в процессе коллективной деятельности (труда) по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом.

И мозг как орган, непосредственно реализующий личность, проявляет себя таковым лишь там, где он реально выполняет функцию управления «ансамблем» отношений человека к человеку, опосредствованных через созданные человеком для человека вещи, т. е. там, где он превращается в орган отношений человека к человеку, или, другими словами, человека к самому себе.

Внутри тела отдельного индивида реально существует не личность, а лишь ее односторонняя («абстрактная») проекция на экран биологии, осуществляемая динамикой нервных процессов. И то, что в обиходе (и в мнимоматериалистической традиции) называют «личностью», или «душой», не есть личность в подлинно материалистическом смысле, а лишь ее одностороннее и не всегда адекватное самочувствие, ее самосознание, ее сомнение, ее мнение о самой себе, а не она сама как таковая.

ТАК РОЖДАЕТСЯ ЛИЧНОСТЬ

Предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку.

К. Маркс

В 1844 г., говоря о будущей материалистической психологии — о науке, которая в то время еще не была создана, К. Маркс писал, что именно «история промышленности и сложившееся

предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих *сущностных сил*, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*» и что «такая *психология*, для которой эта книга, т. е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной *наукой*»².

Первыми (и по существу и по времени) являются те непосредственные формы общения, которые завязываются между индивидами в актах коллективного труда совместно осуществляемых операций по изготовлению нужной вещи. Эта последняя и выступает в данном случае как опосредствующее звено между двумя изготавливающими ее или хотя бы совместно пользующимися ею индивидами.

Таким образом, *человеческое отношение* всегда предполагает, с одной стороны, созданную человеком для человека вещь, а с другой стороны — другого человека, который относится по-человечески к этой вещи, а через нее — к другому человеку. И *человеческая индивидуальность* существует лишь там, где одно органическое тело человека находится в особом — социальном — отношении к самому себе, опосредствованном через отношение к другому такому же телу с помощью искусственно созданного «органа», «внешней вещи» — с помощью орудия общения.

Только внутри такой состоящей из «трех тел» системы и оказывается возможным проявление уникальной и загадочной способности человека «относиться к самому себе как к некоему другому», т. е. *возникновение личности специфически человеческой индивидуальности*. Там, где такой системы из «трех тел» нет, есть лишь биологическая индивидуальность, есть лишь естественно-природная предпосылка рождения человеческой индивидуальности, но ни в коем случае не она сама как таковая.

Предоставленный самому себе, организм ребенка так и остался бы чисто биологическим организмом — животным. Человеческое же развитие протекает как процесс *вытеснения* органически «встроенных» в биологию функций (поскольку они еще сохранились) принципиально иными функциями — способами жизнедеятельности, совокупность которых «встроена» в морфологию и физиологию коллективного «тела рода».

Биологически (анатомически и физиологически, структурно и функционально) передние конечности человека вовсе не устроены так, чтобы они могли держать ложку или карандаш, застегивать пуговицы или перебирать клавиши рояля. Заранее морфологически они для этого не предназначены. И именно потому они способны принять на себя исполнение любого вида (способа) работы. Свобода от какого бы то ни было заранее «встроенного» в их морфологию способа функционирования и составляет их *морфологическое*

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 123.

преимущество, благодаря которому передние конечности новорожденного и могут быть развиты в органы человеческой деятельности, могут превратиться в человеческие руки.

По мере того как органы тела индивида превращаются в органы человеческой жизнедеятельности, возникает и сама личность как *индивидуальная совокупность человечески-функциональных органов*. В этом смысле процесс возникновения личности выступает как процесс преобразования биологически заданного материала силами социальной действительности, существующей до, вне и совершенно независимо от этого материала.

Иногда этот процесс называют «социализацией личности». На наш взгляд, это название неудачно, потому что уже предполагает, будто личность как-то существует и до ее «социализации». На деле же «социализируется» не личность, а естественно-природное тело новорожденного, которому еще лишь предстоит превратиться в личность в процессе этой «социализации», т. е. личность еще должна *возникнуть*. И акт ее *рождения* не совпадает ни по времени, ни по существу с актом рождения человеческого тела, с днем физического появления человека на свет.

Поскольку тело младенца с первых минут включено в совокупность человеческих отношений, потенциально он уже личность. Потенциально, но не актуально.

Личностью — социальной единицей, субъектом, носителем социально-человеческой деятельности — ребенок станет лишь там и тогда, когда *сам* начнет совершать деятельность. На первых порах с помощью взрослого, а затем и без него.

Отсюда ясно, что материалистический подход к психической деятельности состоит в понимании того, что она определяется в своем течении не структурой мозга, а *системой социальных отношений человека к человеку, опосредствованных через созданные и создаваемые человеком для человека вещи внешнего мира*.

Это и дает нам право настаивать на тезисе, согласно которому в теле индивида выполняет себя, реализует себя, осуществляет себя *личность* как принципиально отличное от его тела и мозга социальное образование («сущность»), а именно совокупность («ансамбль») реальных, чувственно-предметных, через вещи осуществляемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам).

САМОЧУВСТВИЕ, САМОСОЗНАНИЕ И РЕАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Не понимая дел, нельзя понять и людей, иначе, как... внешне.

В. И. Ленин

В описанном выше процессе *реального взаимодействия* индивидов и возникает то самое «отношение к самому себе», которое еще Декартом и Фихте было выявлено в качестве самой первой,

самой общей и самой характерной черты личности, «души», «Я». То самое отношение «к самому себе», которое, с их точки зрения, принципиально невозможно в качестве материального отношения, в качестве отношения *материального тела*, а возможно только в виде отношения идеального (*бестелесного*).

Но почему же оно невозможно как материальное отношение? Да только потому, что это отношение *с самого начала* рассматривается ими исключительно как *психическое состояние отдельного Я*, как акт *осознания «самого себя»*, совершающийся внутри этого отдельного Я, как акт «интроспекции».

Личность, человеческая индивидуальность, очевиднейшим образом наделенная способностью *самочувствия* и не менее бесспорной способностью совершать *акты самонаблюдения* — наблюдения над самим собой, над своими собственными поступками и словами, — это ведь не спекулятивная выдумка Декарта или Фихте, а *факт*.

Другой вопрос, почему этот факт имеет место, почему личность существует?

Ответ Декарта — «потому, что мыслит». Ответ Фихте и Гегеля — «потому, что обладает самосознанием». Это уже не факт, а его *теоретическая интерпретация*. Как раз против нее, а не против самого факта обязана выступить материалистически ориентированная наука. Она же обязана и дать ответ на вопрос, почему и как возможно пространственно-организованное тело, обладающее *самочувствием* и *самосознанием* — «отношением к самому себе».

Судить о человеческой форме «отношения к самому себе» по фактам, открывающимся исключительно в актах самонаблюдения, самоотчета о своих собственных состояниях, было бы по меньшей мере неосмотрительно. Ведь *сочувствие*, а тем более его выраженное в словах *самосознание* бывает весьма неадекватным. Реальная личность человека вовсе не совпадает с тем, что человек о самом себе говорит и думает, с *самоуверением* личности, с ее осознанным *самочувствием*, с ее вербальным самоотчетом, даже самым искренним.

Реальная личность нередко вынуждена бывает убеждаться в том, что «на самом деле» она совсем не такова, какой сама себя мнила, что именно в составе (в структуре) ее таились такие *неодолимые* для нее самой силы, о наличии которых она до поры до времени и не подозревала. И таились они именно в *составе личности*, а никак не в ее *самосознании*, не в составе ее представления о самой себе. Разве не в этом суть драмы Родиона Раскольникова?

В связи с этим возникает вопрос, требующий материалистического ответа: *в каком виде* и *где* таились эти неведомые герою силы, беспощадно развеивающие его прежнее самосознание, представлявшее собой лишь трагическую иллюзию личности о самой себе? Где, в каком пространстве они прятались от самосознания и от *самочувствия* индивида, чтобы вдруг выступить перед ним в образе *собственного поступка*, неожиданного и непредвиденного для него

самого и в
личности, хо

Философ
столь узко,
предметных
к другому
«структуры
вида и им
пространств
ла возника
затем —
превратить
ванное чер
личностной

Поскольку
руках и не
чала смотре
к человеку
относиться
как таковы
ностями. е
волос и ко
рода «чело

Нельзя
для разли
рые харак
кричащих
шего отно
на обратн
Индивиду
действител
для друго
таких дейс
всей мощь

Маркс К.

самого и в виде его ужасных последствий? Несомненно *внутри личности*, хотя и не внутри ее самосознания.

В КАКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СУЩЕСТВУЕТ ЛИЧНОСТЬ?

Где Я? Не тут (касается ладонью головы) и не здесь (указывает на грудь)... А, понял: Я — в сумме моих отношений с друзьями... и с врагами тоже. В совокупности моих отношений с другими людьми, вот где...

(Из размышлений студента МГУ А. Суворова)

Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в «ансамбле») предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве *вне органического тела индивида* и именно поэтому, как ни парадоксально, — во *внутреннем пространстве личности*. В том самом пространстве, в котором сначала возникает человеческое отношение к *другому индивиду*, чтобы затем — вследствие взаимного характера этого отношения — превратиться в то самое «отношение к самому себе», опосредствованное через отношение «к другому», которое и составляет *суть личностной — специфически человеческой* — природы индивида.

Поскольку человек, пишет К. Маркс, «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности (со всеми особенностями его внешнего облика, со всеми случайностями цвета его волос и кожи. — И. Э.), становится для него формой проявления рода «человек»³.

Нельзя научно исследовать личность, не имея четкого критерия для различения тех индивидуальных особенностей человека, которые характеризуют его как личность, от таких (может быть, даже кричащих и прежде всего бросающихся в глаза), которые ни малейшего отношения к его личности не имеют и могут быть заменены на обратные с такой же легкостью, как фасон пиджака или прическа.

Индивидуальность, лишенная возможности проявлять себя в действительно важных, значимых не только для нее одной, а и для другого (для других, для всех) действиях, поскольку формы таких действий заранее заданы ей, ритуализированы и охраняются всей мощью социальных механизмов, поневоле начинает искать вы-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 62.

хода для себя в пустяках, в ничего не значащих (для другого, для всех) причудах, в странностях. И чем меньше действительно индивидуального, заранее незаштампованного отношения к действительно серьезным, социально значимым вещам дозволяется ей проявлять, тем больше она хорохорится своей «неповторимостью» в пустяках, в ерунде, в курьезных особенностях: в словах, в одежде, в манерах, в мимике, призванных лишь скрыть (и от других, и прежде всего от себя самой) отсутствие личности (индивидуальности) в главном, в решающем — в социально значимых параметрах.

И наоборот, действительная личность обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, короче — *всеобщий результат, всеобщий эффект*. Платон или Евклид, Ньютон или Спиноза, Бетховен или Наполеон, Робеспьер или Микеланджело, Чернышевский или Толстой — это личности, которых ни с кем другим не спутаешь, в которых сконцентрировано, как в фокусе, социально значимое (то есть значимое *для других*) дело их жизни, ломающее косные штампы, с которыми другие люди свыклись, несмотря на то, что эти штампы уже устарели, стали тесны для новых, исподволь созревающих отношений человека к человеку.

Масштаб личности человека измеряется только масштабом тех реальных задач, в ходе решения которых она и возникает, и оформляется в своей определенности, и разворачивается в делах, волнующих и интересующих не только собственную персону, а и многих других людей. Чем шире круг этих людей, тем значительнее личность, а чем значительнее личность, тем больше у нее друзей и врагов, тем меньше равнодушных, для которых само ее существование безразлично, для которых она попросту не существует.

Поэтому сила личности — это всегда *индивидуально выраженная* сила того коллектива, того «ансамбля» индивидов, который в ней идеально представлен, сила индивидуализированной *всеобщности устремлений, потребностей, целей*, ею руководящих. Эта сила исторически накопившейся энергии множества индивидов, сконцентрированная в ней, как в фокусе, и поэтому способная сломать сопротивление исторически изживших себя форм отношений человека к человеку, противодействие косных штампов, стереотипов мышления и действия, сковывающих инициативу и энергию людей.

Неповторимость подлинной личности состоит именно в том, что она по-своему открывает нечто *новое для всех*, лучше других и полнее других выражая «суть» всех других людей, своими делами раздвигая рамки наличных возможностей, открывая для всех то, чего они еще не знают, не умеют, не понимают. Ее неповторимость не в том, чтобы во что бы то ни стало выпячивать свою индивидуальную особенность, свою «непохожесть» на других, свою

«дурную индивидуальность»
создавая (открывая)
дуально выраженные
Подлинная инди-
красе развития все-
который становится
со своим «органи-

«дурную индивидуальность», а в том, и только в том, что, впервые создавая (открывая) *новое всеобщее*, она выступает как *индивидуально выраженное всеобщее*.

Подлинная индивидуальность рождается всегда на переднем крае развития всеобщей культуры, в создании такого продукта, который становится достоянием всех, а потому и не умирает вместе со своим «органическим телом».

Леонтьев Алексей Николаевич (5 февраля 1903 — 21 января 1979) — советский психолог, доктор психологических наук, профессор, академик АПН СССР, лауреат Ленинской премии.

По окончании в 1924 г. отделения общественных наук Московского университета работал в Институте психологии и в Академии коммунистического воспитания в Москве. Первое крупное исследование Леонтьева, обобщенное им в монографии «Развитие памяти» (1931), было выполнено в русле идей культурно-исторической концепции Л. С. Выготского. Переехав в Харьков, Леонтьев объединил вокруг себя группу молодых исследователей (Л. И. Божович, П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, П. И. Зинченко и др.), приступив к разработке проблемы деятельности в психологии. В 1934—1940 гг., вернувшись в Москву, Леонть-

ев выполнил экспериментальные исследования генезиса чувствительности у человека, представленные в его докторской диссертации «Развитие психики» (1940). В 1942—1945 гг. Леонтьев возглавлял научную работу Опытного восстановительного госпиталя под Свердловском. С 1945 г. Леонтьев заведовал отделом детской психологии Института психологии в Москве, с 1963 — отделением психологии философского факультета, а с 1966 был деканом психологического факультета МГУ и зав. кафедрой общей психологии этого факультета. А. Н. Леонтьев разрабатывал прежде всего наиболее принципиальные и фундаментальные теоретические и методологические проблемы психологии.

Соч.: Восстановление движений. М., 1945 (совм. с А. В. Запорожцем); Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981; Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

А. Н. Леонтьев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СОЗНАНИЕ, ЛИЧНОСТЬ¹. индивид и личность

Различение понятий *индивид* и *личность* составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово «личность» употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим «личность животного» или «личность новорожденного». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т. д.; то же,

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

конечно, и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения; кстати сказать, это обстоятельство лишний раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида: раздвоенный, «разделенный» индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не «полипняк». Но личность представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся...

Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека.

Формирование личности есть процесс *sui generis*, прямо не совпадающий с процессом прижизненного изменения природных свойств индивида в ходе его приспособления к внешней среде. Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, типом нервной системы, темпераментом, динамическими силами биологических потребностей, аффективности и многими другими чертами, которые в ходе онтогенетического развития частью разворачиваются, а частью подавляются, словом, многообразно меняются. Однако не изменения этих врожденных свойств человека порождают его личность.

Личность есть специальное человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности, как и сознание человека, так и его потребности (Маркс говорит: *производство сознания, производство потребностей*), личность человека тоже «производится» — создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности.

Выразим это иначе: особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности), так что первые уничтожаются; они сохраняются, но именно как особенности индивида. Так, особенности высшей нервной деятельности индивида не становятся особенностями его личности и не определяют ее. Хотя функционирование нервной системы составляет, конечно, необходимую предпосылку развития личности, но ее тип вовсе не является тем «скелетом», на котором она «надстраивается». Сила или слабость

нервных процессов, уравновешенность их и т. д. проявляют себя лишь на уровне механизмов, посредством которых реализуется система отношений индивида с миром. Это и определяет неоднозначность их роли в формировании личности.

Чтобы подчеркнуть сказанное, я позволю себе некоторое отступление. Когда речь заходит о личности, мы привычно ассоциируем ее психологическую характеристику с ближайшим, так сказать, субстратом психики — центральными нервными процессами. Представим себе, однако, следующий случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту. Подобная грубо анатомическая исключительность очень далека от того класса особенностей, которые входят в перечни особенностей личности (в так называемую их «структуру»), тем не менее ее значение для формирования личности несопоставимо больше, чем, скажем, слабый тип нервной системы. Подумать только, сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик — в стороне; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как «подпирать стенку». Как сложится в этих условиях его личность? Этого невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже столь грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. Сама по себе она не способна породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям и вообще никаких собственно психологических особенностей человека как личности. Парадокс в том, что предпосылки развития личности по самому существу своему безличны.

Личность как индивид есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений — это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм, все они характеризуются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, т. е. наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами эти деятельности, процесс их объединения — возникновения, развития и распада связей между ними — есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям.

Изучение процесса объединения, связывания деятельности субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования... Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредствованной процессами сознания, которые и «сшивают» отдельные деятельности между собой.

Субъект, вступая в общество в новую систему отношений, обре-

тает также новые — системные — качества, которые только и образуют действительную характеристику личности: психологическую, когда субъект рассматривается в системе деятельности, осуществляющих его жизнь в обществе, социальную, когда мы рассматриваем его в системе объективных отношений общества как их «персонификацию»².

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различием понятий «индивид» и «личность». Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как «субъекта природы» и «субъекта общества»³.

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. Оно радикально меняет понимание ее предмета и разрушает укоренившиеся в ней схемы, в которые включаются такие разнородные черты или «подструктуры», как, например, моральные качества, знания, навыки и привычки, формы психического отражения и темперамент. Источником подобных «схем личности» является представление о развитии личности как о результате наслаивания прижизненных приобретений на некий предсуществующий метапсихологический базис. Но как раз с этой точки зрения личность как специфически человеческое образование вообще не может быть понята.

Действительный путь исследования личности заключается в изучении тех трансформаций субъекта (или, говоря языком Л. Сэва, «фундаментальных переворачиваний»), которые создаются самодвижением его деятельности в системе общественных отношений⁴. На этом пути мы, однако, с самого начала сталкиваемся с необходимостью переосмыслить некоторые общие теоретические положения.

Одно из них, от которого зависит исходная постановка проблемы личности, возвращает нас к уже упомянутому положению о том, что внешние условия действуют через внутренние. «Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом опосредствованно через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии личности...»⁵. То, что внешнее действует через внутреннее, верно, и к тому же безоговорочно верно, для случаев, когда мы рассматриваем эффект того или иного воздействия. Другое дело, если видеть в этом положении ключ к пониманию внутреннего как личности. Автор поясняет, что это

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 244; т. 46, ч. I, с. 505.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 50; т. 46, ч. I, с. 89; т. 46, ч. II, с. 19.

⁴ Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972, с. 413.

⁵ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 118.

внутреннее само зависит от предшествующих внешних воздействий. Но этим возникновение личности как *особой* целостности, прямо не совпадающей с целостностью индивида, еще не раскрывается, и поэтому по-прежнему остается возможность понимания личности лишь как обогащенного предшествующим опытом индивида.

Мне представляется, что для того, чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще выступает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса, «самостоятельной силой реакции», но эта сила может действовать только через внешнее, в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность: ее конкретизация; ее развитие и обогащение — словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее носителя. Теперь, т. е. в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные «образующие» личности — этого высшего единства человека, изменчивого, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство, свою аутоидентичность.

Реальным базисом личности человека является совокупность его, общественных по своей природе, отношений к миру, но отношений, которые *реализуются*, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно *деятельности* субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, обедняющим их, тем не менее оно единственно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности.

Прежде всего на этом пути устраняется главная трудность: определение того, какие процессы и особенности человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными. Дело в том, что, взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к личности. Едва ли, например, разумно рассматривать как «личностные» операции письма, способность чистописания. Но вот перед нами образ героя повести Гоголя «Шинель» Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и при-

тягательный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, которые он принес домой, если же таковых не случалось, он снимал копии нарочно, для себя, для собственного удовольствия. «Написавшись всласть, — повествует Гоголь, — он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра».

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг одного из главных мотивов на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность, в этом качестве они и выступили как характеризующие личность.

Иногда дело обстоит иначе. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает иное, а именно, что они являются лишь средством достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, — оболочку, которая зависит от условий, иногда случайных. Вот почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе ничего еще не говорит о его личности; ее особенности обнаруживают себя не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает, может быть, в процессе своего труда, а может быть, и вне этого процесса.

В исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования обращается не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризующим ими деятельности, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными.

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности вступают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простого пучка, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их

субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта — общими и индивидуальными, врожденными и приобретенными прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант.

Другое дело — иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, «узлы», соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые «узлы», с образования которых у ребенка начинается самый ранний этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с детьми-дошкольниками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу — достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило — не вставать со своего места. Как только ребенок принимался решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды после ряда безуспешных попыток малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас вошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что лежит за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: 1) общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача; 2) решение задачи и 3) общение с экспериментатором после того, как ребенок взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, т. е. осуществляли двоякую деятельность: одну — по отношению к экспериментатору, другую — по отношению к предмету (награде). Как показывает наблюдение, в то время, когда ребенок доставал предмет, ситуация не переживалась им как конфликтная, как ситуация «сшибки». Иерархическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, *post factum*: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, личностному смыслу.

Описанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря на всю наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они

свидетель
бого обра
соподчине
зато в дал
и «спрята
по аналог
явления, ка
Развити
не просто
центрирова
другие. Это
имеет свои
тия сознани
вооснову, он

свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в более младшем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и «спрятанных» формах они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызения совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову, оно лишь опосредствует и, так сказать, резюмирует его.

Рубинштейн Сергей Леонидович (18 июня 1889 — 11 января 1960) — советский психолог и философ, профессор, член-корреспондент АН СССР (с 1943), действительный член АПН РСФСР (с 1945). Окончил Одесский (Новороссийский) университет (1913). С 1919 г. — доцент кафедры философии и психологии Одесского университета. В 1932—1942 гг. — зав. кафедрой психологии Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, в 1942—1950 гг. зав. кафедрой психологии Московского университета, в 1942—1945 гг. — директор Института психологии в Москве. С 1945 г. — зав. сектором психологии Института философии АН СССР.

Основные работы С. Л. Рубинштейна посвящены философским и методологическим проблемам психологии, и

прежде всего проблемам сознания, деятельности и личности. С. Л. Рубинштейном выполнен ряд экспериментальных исследований в области психологии восприятия, мышления и др. С. Л. Рубинштейн был непревзойденным систематизатором. Его фундаментальные «Основы общей психологии» (2-е изд., 1946), удостоенные Государственной премии, до сих пор остаются одним из лучших на русском языке руководств по психологии с глубоким марксистским анализом основных ее проблем.

Соч.: Основы психологии. М., 1935; Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946; Бытие и сознание. М., 1957; О мышлении и путях его исследования. М., 1958; Принципы и пути развития психологии. М., 1959; Проблемы общей психологии. М., 1973.

С. Л. Рубинштейн

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ¹

Введение в психологию понятия личности означает прежде всего, что в объяснении психических явлений исходят из реального бытия человека как реального существа, в его взаимоотношениях с материальным миром.

При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия (в эти внутренние условия включаются и психические явления — психические свойства и состояния личности)². Поэтому введение личности

¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

² Важнейший психологический компонент этих внутренних условий составляют свойства нервной системы. Их систематическое изучение Б. М. Тепловым приобретает в этой связи свое «место», свою истинную психологическую значимость.

в психологию представляет собой необходимую предпосылку для объяснения психических явлений.

Поскольку внутренние условия, через которые в каждый данный момент преломляются внешние воздействия на личность, в свою очередь формировались в зависимости от предшествующих внешних взаимодействий, положение о преломлении внешних взаимодействий через внутренние условия означает вместе с тем, что психологический эффект каждого внешнего (в том числе и педагогического) воздействия на личность обусловлен историей ее развития.

Говоря об истории, обуславливающей структуру личности, надо понимать ее широко: она включает эволюцию живых существ, и собственно историю человека, и, наконец, личную историю развития данного человека. В силу такой исторической обусловленности в психологии личности обнаруживаются *компоненты разной меры общности и устойчивости, которые изменяются различными темпами*. Так, психология каждого человека включает в себя черты, обусловленные природными условиями и являющиеся общими для всех людей. Таковы, например, свойства зрения, обусловленные распространением солнечных лучей на земле и детерминированным им строением глаза. Поскольку эти условия являются неизменными, закрепившимися в самом строении зрительного прибора и его функциях, общими для всех людей являются и соответствующие свойства зрения. Другие черты изменяются в ходе исторического развития человечества. Таковы, например, особенности фонематического слуха, обусловленные фонематическим строем родного языка. Они различны не только у представителей различных народов, говорящих на разных языках, но и изменяются в ходе развития одного народа. Так, в XII—XIII вв. произошли существенные изменения в фонематическом строе русского языка. В этот период появилась соотносительность глухих и звонких согласных и стали самостоятельными фонемами появившиеся в это время соотносительные твердые и мягкие согласные и т. д. В соответствии с этим у русских людей стали формироваться особенности фонематического слуха, которые сейчас для них характерны. Так, формы чувствительности — в данном случае речевой слух — меняются в результате исторического развития. То же можно сказать и о музыкальном слухе.

Определенные сдвиги и изменения в психическом облике людей происходят с изменением общественной формации. Хотя существуют общие для всех людей законы мотивации, конкретное содержание мотивов, соотношение мотивов общественных и личных изменяется у людей с изменением общественного строя. Эти изменения являются типически общими для людей, живущих в условиях определенного общественного строя. С этим сочетается индивидуальная история развития личности, обусловленная соотношением специфических для нее внешних и внутренних условий. В силу этого одни и те же внешние условия (например, условия жизни и воспитания для двух детей в одной семье) по существу, по своему

жизненному смыслу для индивида оказываются различными. В этой индивидуальной истории развития складываются индивидуальные свойства или особенности личности. Таким образом, свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное.

Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. *Индивидуальные свойства личности* — это не одно и то же, что *личностные свойства индивида*, т. е. свойства, характеризующие его как личность.

В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека. Основное место в них поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (т. е. те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям) и способности человека (т. е. свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности).

Из представления о личности, заключенного в первоначальном значении этого слова и указывающего на роль, которую актер играет в пьесе (а в дальнейшем и на ту реальную роль, которую человек играет в жизни), должна быть все же удержана одна существенная черта. Она заключается в том, что личность определяется своими отношениями к окружающему миру, к общественному окружению, к другим людям. Эти отношения реализуются в деятельности людей, в той реальной деятельности, посредством которой люди познают мир (природу и общество) и изменяют его. Никак нельзя вовсе обособить личность от той реальной роли, которую она играет в жизни. Значительность личности определяется не только самими по себе свойствами, но и значительностью тех общественно-исторических сил, носителем которых она выступает. Дистанция, отделяющая историческую личность от рядового человека, определяется не соотношением их природных способностей самих по себе, а значительностью тех дел, которые человеку, ставшему исторической личностью, удалось совершить в силу не только его исходных, природных способностей, но и стечения обстоятельств исторического развития и его собственной жизни. Роль крупного деятеля в истории, а не просто непосредственно сами по себе его способности определяют соотношение масштабов его личности и рядового человека. Отнесение этих различий между исторической личностью и «простым» человеком исключительно за счет различий их исходных данных обуславливает ложное противопоставление гения и толпы и создает неверные перспективы в оценке возможностей, открытых перед каждым человеком.

Личность формируется во взаимодействии, в которое человек вступает с окружающим миром. Во взаимодействии с миром, в осуществляемой им деятельности человек не только проявляется, но и формируется. Поэтому-то такое фундаментальное значение

для псих
личность,
понятием
живой, д
ни как п
образова
ности».

В каче
обществен
В этом зак
утверждае
логическая
личность к
многообраз
ственными,
из которых
отношениях
потому что
При этом по
психические
личности, по
ских явлений
людей. Будуч
процессы об
поведения су
Человек ес
единичных, н
того, что он
щему. Челове
есть в максима
ности, безраз
отношению ко
как личности
только как зн
способности созн
ности.
Подчеркива
многоплановост
на разных уров
личности всегда
берется какой-т

Часто говорят, ч
верно в том смыс
вание и не может
верно и то, что п
личность; поэтом

для психологии приобретает деятельность человека. Человеческая личность, т. е. объективная реальность, которая обозначается понятием личность, — это, в конце концов, реальный индивид, живой, действующий человек. Не существует никакой личности ни как психофизически «нейтрального», ни как чисто духовного образования и никакой особой науки о так понимаемой «личности».

В качестве личности человек выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений. В этом заключается положительное ядро той точки зрения, которая утверждает, что *понятие* личности есть *общественная*, а не психологическая категория. Это не исключает, однако, того, что сама личность как реальность, как кусок действительности, обладая многообразными свойствами — и природными, а не только общественными, — является предметом изучения разных наук, каждая из которых изучает ее в своих специфических для нее связях и отношениях. В число этих наук необходимо входит психология, потому что нет личности без психики, более того — без сознания. При этом психический аспект личности не рядоположен с другими; психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешними воздействиями, психические процессы обуславливают поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий³.

Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств; человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему. Человек есть личность, поскольку у него свое лицо. Человек есть в максимальной мере личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия, максимум «партийности» по отношению ко всему общественно значимому. Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет *сознание* не только как знание, но и как отношение. Без сознания, без способности сознательно занять определенную позицию нет личности.

Подчеркивая роль сознания, надо вместе с тем учитывать многоплановость психического, протекание психических процессов на разных уровнях. Одноплановый, плоскостной подход к психике личности всегда есть поверхностный подход, даже если при этом берется какой-то «глубинный слой». При этой многоплановости

³ Часто говорят, что личность не входит в сферу психологии. Это, конечно, верно в том смысле, что личность в целом не есть психологическое образование и не может быть поэтому только предметом психологии. Но не менее верно и то, что психические явления входят, и притом необходимо входят в личность; поэтому без психологии не может быть всестороннего изучения личности.

целостность психического склада человека сохраняется в силу взаимосвязи всех его иногда противоречивых свойств и тенденций.

Положение о протекании психических процессов на разных уровнях имеет фундаментальное значение для понимания психологического строения самой личности. В частности, вопрос о личности как психологическом субъекте непосредственно связан с соотношением произвольных и так называемых произвольных процессов. Субъект в специфическом смысле слова (как Я) — это субъект сознательной, «произвольной» деятельности. Ядро его составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий. Всякая личность есть субъект в смысле Я, однако понятие личности и применительно к психологии не может быть сведено к понятию субъекта в этом узком специфическом смысле. Психическое содержание человеческой личности не исчерпывается мотивами сознательной деятельности; оно включает в себя также многообразие неосознанных тенденций — побуждений его произвольной деятельности. Я — как субъект — это образование, неотделимое от многоплановой совокупности тенденций, составляющих в целом психологический склад личности. В общей характеристике личности надо еще также учитывать ее «идеологию», идеи, применяемые человеком в качестве принципов, на основе которых им производится оценка своих и чужих поступков, определяемых теми или иными побуждениями, но которые сами не выступают как побуждения его деятельности.

Характер человека — это закрепленная в индивидууме система генерализованных обобщенных побуждений. Обычно рассматривая отношение мотивов и характера, подчеркивают зависимость побуждений, мотивов человека от его характера: поведение человека, мол, исходит из каких-то побуждений (благородных, корыстных, честолюбивых), потому что таков его характер. На самом деле таким выступает отношение характера и мотивов, лишь будучи взято статически. Ограничиться таким рассмотрением характера и его отношения к мотивам — значит закрыть себе путь к раскрытию его генезиса. Для того чтобы открыть путь к пониманию становления характера, нужно обернуть это отношение характера и побуждений или мотивов, обратившись к побуждениям и мотивам не столько личностным, сколько ситуационным, определяемым не столько внутренней логикой характера, сколько стечением внешних обстоятельств. И несмелый человек может совершить смелый поступок, если на это его толкают обстоятельства. Лишь обращаясь к таким мотивам, источниками которых непосредственно выступают внешние обстоятельства, можно прорвать порочный круг, в который попадаешь во внутренних взаимоотношениях психологических свойств личности и ими обусловленных мотивов. Узловой вопрос — это вопрос о том, как мотивы (побуждения), характеризующие не столько личность, сколько обстоятельства, в которых она оказалась по ходу жизни, превращаются в то устойчивое, что характеризует

данную личность. Именно к этому вопросу сводится в конечном счете вопрос о становлении и развитии характера в ходе жизни. Побуждения, порождаемые обстоятельствами жизни, — это и есть тот «строительный материал», из которого складывается характер. Побуждение, мотив — это свойство характера в его генезисе. Для того чтобы мотив (побуждение) стал личностным свойством, закрепившимся за личностью, «стереотипизированным» в ней, он должен генерализоваться по отношению к ситуации, в которой он первоначально появился, распространившись на все ситуации, однородные с первой, в существенных по отношению к личности чертах. Свойство характера — это в конечном счете и есть тенденция, побуждение, мотив, закономерно появляющийся у данного человека при однородных условиях.

Каждое свойство характера всегда есть тенденция к совершению в определенных условиях определенных поступков. Истоки характера человека и ключ к его формированию — в побуждениях и мотивах его деятельности. Ситуационно обусловленный мотив или побуждение к тому или иному поступку — это и есть личностная черта характера в ее генезисе. Поэтому пытаться строить характерологию как отдельную дисциплину, обособленную от психологии, — значит стать на ложный путь.

Исследование характера и его формирования, до сих пор мало продвинутое, должно было бы сосредоточиться в первую очередь на этой проблеме — проблеме перехода ситуационно, стечением обстоятельств порожденных мотивов (побуждений) в устойчивые личностные побуждения. Этим в педагогическом плане определяется и основная линия воспитательной работы по формированию характера. Исходное здесь — это отбор и «прививка» надлежащих мотивов путем их генерализации и «стереотипизации».

Общая концепция, согласно которой внешние причины действуют через посредство внутренних условий, определяющая в конечном счете наш подход к психологическому изучению человеческой личности, определяет и понимание путей ее психического развития.

В силу того что внешние причины действуют лишь через внутренние условия, внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается с его «спонтанностью». Все в психологии формирующейся личности так или иначе внешне обусловлено, но ничто в ее развитии не выводимо непосредственно из внешних воздействий. Законы внешне обусловленного развития личности — это внутренние законы. Из этого должно исходить подлинное решение важнейшей проблемы развития и обучения, развития и воспитания.

Когда исходят из наивного механистического представления, будто педагогические воздействия непосредственно проецируются в ребенка, отпадает необходимость специально работать над развитием, над формированием, строить педагогическую работу так, чтобы обучение давало образовательный эффект, не только

сообщало знания, но и развивало мышление, чтобы воспитание не только снабжало правилами поведения, но и формировало характер, внутреннее отношение личности к воздействиям, которым она подвергается. Неверный подход к этой проблеме и ее неразработанность в нашей педагогике — одна из существенных помех в деле воспитания подрастающего поколения. Поэтому принципиально правильное решение проблемы детерминации психического развития личности и связанного с ней вопроса о соотношении развития и воспитания имеет не только теоретическое, но и практическое жизненное значение.

Мясищев Влад
(10 июля 1893 —
советский психолог,
ских наук, профес-
сент АПН СССР
медицинского факультета
ского психоневрологического
та (1919) работавший
научно-исследовательским
им. В. М. Бехтерева
Научные исследования
ва охватывали широкий
психоневрологии,
общей и педагогической
но наибольшее значение
именной психологии

В. Н. Мясищев

В современной психологии того, чтобы характер системы психологии

Личность как находится в особом развитии

Известное мнение в виду прежде всего личности и общественной

софское и общественное раскрыто в его портрете

Многообразие богатство личности развития, требует

отношений, характерных, обусловленных

сове

Мясищев Владимир Николаевич (10 июля 1893 — 4 октября 1973) — советский психолог, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР. После окончания медицинского факультета Петроградского психоневрологического института (1919) работал в Ленинградском научно-исследовательском институте им. В. М. Бехтерева. Научные исследования В. Н. Мясищева охватывали широкий круг вопросов психоневрологии, психофизиологии, общей и педагогической психологии, но наибольшее значение для современной психологии имеют разработан-

ная Мясищевым патогенетическая теория неврозов, а также его общепсихологическая теория личности, основу которой составляет оригинальная психология отношений человека. Соч.: Личность и неврозы. Л., 1960; Психические особенности человека, т. 1—2. Л., 1957—1960 (совм. с А. Г. Ковалевым); Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. — В кн.: Психологическая наука в СССР, т. 2. М., 1960; Введение в медицинскую психологию, Л., 1966. (соавт.).

В. Н. Мясищев

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ И ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ¹

В современной психологии все более осознается необходимость того, чтобы характеристика личности пронизывала все содержание системы психологии.

Личность как присущее только человеку психическое образование находится в особенно отчетливой зависимости от общественных условий развития человека.

Известное марксистское определение сущности личности имеет в виду прежде всего личность человека в его общественной обусловленности и общественной значимости его отношений. Это философское и общественно-историческое определение должно быть раскрыто в его психологическом значении.

Многообразие отношений, определяющее многосторонность и богатство личности как сложнейший синтетический продукт истории развития, требует выделения в структуре личности *доминирующих отношений*, характеризующих ее *направленность*. Процесс развития, обусловленный внешними и внутренними условиями, определяет

¹ Доклады на совещании по психологии. М., 1954.

общий уровень развития и различные уровни развития различных отношений человека. Согласованность человека в его реакциях выражающих отношения к действительности, позволяет говорить о структуре отношений личности. Важный компонент в характеристике личности представляет динамика ее отношений к действительности.

Говоря о направленности или доминирующем отношении, надо учесть: а) отношение человека к людям, б) отношение его к себе и в) отношение к предметам внешнего мира. Категория отношения к людям является решающей и определяющей и носит характер взаимоотношения.

Система взаимоотношений с окружающим определяет объективное положение ребенка и взрослого в окружающей социальной среде, их различную роль в ней, их отношение к социальному окружению.

Личность, формируясь во взаимодействии с людьми, не только удовлетворяет свои потребности, но и регулирует свое поведение. Существенные условия и психологические закономерности педагогического успеха заложены в связи потребностей личности и требований окружающих, в связи привязанности к окружающим с удовлетворением ими потребностей личности, в вытекающей отсюда внутренней готовности выполнять на основе привязанности неприятные внешние требования или отказываться от желаемого, но запретного.

Уже в раннем возрасте в связи с существованием общественных требований и запретов у ребенка возникает сознание обязательного и запрещенного. Наряду с формулой «хочу» отчетливее сказываются формулы: «можно», «нельзя», «нужно», «должно». Возникает различное соотношение внешнего и внутреннего мира — поведения «для себя» и «для других». Из этих же взаимоотношений формируются такие черты характера, как инициативность, смелость, боязливость, откровенность, замкнутость, капризность, скрытность, прямота, лживость.

Особенности типа нервной деятельности в соотношении с систематичностью, последовательностью и объективной обоснованностью (или противоположными особенностями) воздействия также влекут за собой образование различных свойств характера как особенностей отношения и способов реакции на различные обстоятельства.

В зависимости главным образом от социально-экономического положения ребенок более или менее рано вовлекается в труд (бытовой, учебный, производственный). Осознание жизненной необходимости труда, любовь к нему, потребность в труде, так же как и противоположные свойства, вырастают с необходимостью из истории развития ребенка.

Отсутствие требований и безотказное удовлетворение потребностей формируют ребенка, подростка и далее юношу с недоразвитием общественно обязательного характера отношений.

Решающим в генетическом понимании отношений ученика к

личных
акциях
говорить
актери-
ействи-
и, надо
к себе
ошения
арактер
ектив-
альной
льному
только
едение.
и педа-
и тре-
щим с
отсюда
еприят-
ого, но
венных
затель-
етливее
олжно».
мира —
моотно-
ивность,
изность,
с систе-
ностью
влекут
обенно-
ельства.
ческого
уд (бы-
й необ-
же как
тью из
потреб-
недораз-
еника к

труду, учебному труду, к общественным требованиям, к дисциплине и первичным в этом смысле отношениям является отношение к руководителю, к тому, кто указывает правила. Рост личности заключается в превращении персонального отношения в принципиальное, при котором незаметно происходит переход от зависимого действия (ради руководителя) к самостоятельному действию (ради принципа).

Тесные связи с коллективом развивают единство с общественными требованиями. Наоборот, изоляция, одиночество, жестокость и грубость, так же как и чрезмерная снисходительность и преклонение окружающих, влекут за собой гипертрофию индивидуальности и недоразвитие общественно положительных черт личности. Чрезмерные требования могут повести за собой обезличенность, лицемерие или невротическое развитие.

Наряду с доминирующими отношениями общественной и индивидуалистической личности наблюдается и третий вариант этих отношений: неслаженность или компромисс сознания общественной необходимости и эгоистических личных тенденций. Это соотношение может быть различным, и, так же как и оба крайних полюса отношений личности, оно зависит от условий развития ребенка. Необходимо развенчать миф о закономерной неискренности или стойкости дефектов характера, в ряде случаев возрождающийся при педагогических трудностях. Анализ положительного педагогического опыта, особенно блестящих результатов А. С. Макаренко, требует отказа от *статической характерологии свойств* и перехода к *динамической характерологии отношений*, которая показывает, что даже внешне устойчивые стереотипно-привычные отношения, существующие длительное время, могут медленно или быстро изменяться, «взрываться» путем формирования новых отношений.

Переходя от характеристики роли направленности отношений в структуре личности к характеристике процесса развития, необходимо отметить, что в процессе развития повышается уровень личности, отношения интеллектуализируются, дифференцируются и обобщаются, усложняются и становятся все более опосредствованными всей сложностью прошлого опыта, переходят от внешних и случайных к внутренним, устойчивым, принципиальным.

Можно и должно, далее, говорить о *структуре отношений* человека. Должна быть установлена фактически существующая субординация отношений. Имеются основания говорить о привычных, эмотивных и принципиальных отношениях, о цельности, гармоничности или о противоречивости, раздвоенности, внутренней несогласованности тенденций личности. Можно говорить о профиле отношений в зависимости от большего или меньшего развития и роли тех или других из них в системе отношений личности. Структура отношений отражает систематичность, последовательность или противоречивость, объем и остроту формирующих влияний.

Динамика отношений личности обусловлена не только динамикой высшей нервной деятельности (в смысле темперамента). Харак-

теризуя эмоциональность отношений, их устойчивость или неустойчивость, прочность, стереотипность и в известной мере глубину и богатство отношений человека, она отражает также объективную динамику условий жизни.

Представляя собой продукт общественных условий и воспитания, качество личности, очевидно, ставит перед педагогикой ряд задач и является предметом педагогических усилий. Как продукт активного и инициативного взаимодействия с окружающей социальной средой, человек тем полнее реализует свои возможности развития, чем более среда требует от него инициативного действия и поощряет инициативу. Вопрос о развитии и воспитании личности является вопросом организации ее взаимоотношений с различными коллективами.

Наша задача в связи со сказанным заключается главным образом в формировании отношений человека. Воспитание личности представляет процесс организации и реорганизации личности, руководимой коллективом, осуществляемый при активном участии личности в форме самовоспитания.

Ананьев Борис Г.
густа 1907 — 18
ветский психолог
член АПН СССР
гических наук, пр
По окончании а
градского государ
по изучению мозг
рева с 1931 по 194
В 1943—1944 гг.
ститута усовершен
и филиала Ленин
гического института
С 1944 по 1951 г.
отделением психо
ского университет
1960 г. — директо
научно-исследовател
педагогике АПН РСФСР

Б. Г. Ананьев

Рассмотрение ст
тельности и цен
как зависимость
тивность самой л
или иных социал
Современная пси
существующую м
циального целого
видуальной струк
ности с общество
и институтами о
ности, организаци
сфо

Ананьев Борис Герасимович (14 августа 1907 — 18 мая 1972) — советский психолог, действительный член АПН СССР, доктор психологических наук, профессор.

По окончании аспирантуры Ленинградского государственного института по изучению мозга им. В. М. Бехтерева с 1931 по 1942 г. работал в нем. В 1943—1944 гг. — профессор Института усовершенствования учителей и филиала Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. С 1944 по 1951 г. — зав. кафедрой и отделением психологии Ленинградского университета. С 1951 по 1960 г. — директор Ленинградского научно-исследовательского института педагогики АПН РСФСР. С 1960 по

1967 г. — зав. кафедрой, а с 1967 г. — декан факультета психологии Ленинградского университета.

Как ученый, Б. Г. Ананьев сформировался под влиянием идей И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. Работы Б. Г. Ананьева охватывали широкий круг проблем истории психологии, педагогической психологии, психофизиологии, пространственного и осязательного восприятия, проблем общей картины психологического развития человека.

Соч.: О проблемах современного человекознания, М., 1977; Избранные психологические труды, т. 1—2. М., 1980.

Лит.: Вопросы психологии, 1972, № 3. (Некролог).

Б. Г. Ананьев

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ¹

Рассмотрение статуса, социальных функций и ролей, целей деятельности и ценностных ориентаций личности позволяет понять как зависимость ее от конкретных социальных структур, так и активность самой личности в общем процессе функционирования тех или иных социальных (например, производственных) образований. Современная психология все более глубоко проникает в связь, существующую между интериндивидуальной структурой того социального целого, к которому принадлежит личность, и *интраиндивидуальной структурой* самой личности. Многообразие связей личности с обществом в целом, различными социальными группами и институтами определяет интраиндивидуальную структуру личности, организацию личностных свойств и ее внутренний мир. В свою очередь, сформировавшиеся и ставшие устойчивыми образованиями комплексы личностных свойств регулируют объем и меру

¹ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.

активности социальных контактов личности, оказывают влияние на образование собственной среды развития.

Как и всякая структура, интраиндивидуальная структура есть целостное образование и определенная организация свойств. Функционирование такого образования возможно лишь посредством взаимодействия различных свойств, являющихся компонентами структуры личности. Исследование *компонентов*, относящихся к разным уровням и сторонам развития личности, при структурном изучении этого развития обязательно сочетается с исследованием различных видов *взаимосвязей* между этими компонентами. Известно, что далеко не все психофизиологические функции, психические процессы и состояния входят в структуру личности. Из множества социальных ролей, установок, ценностных ориентаций лишь некоторые входят в структуру личности. Вместе с тем в эту структуру могут войти свойства индивида, многократно опосредствованные социальными свойствами личности, но сами относящиеся к биофизиологическим характеристикам организма (например, подвижность или инертность нервной системы, тип метаболизма и т. д.). Структура личности включает, следовательно, структуру индивида в виде наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и поведения комплекса органических свойств. Эту связь нельзя, конечно, понимать упрощенно как прямую корреляционную зависимость структуры личности от соматической конституции, типа нервной системы и т. д.

Новейшие исследования показывают весьма сложные корреляционные плеяды, объединяющие разные социальные, социально-психологические и психофизиологические характеристики человека. Факторный анализ позволяет выявить вес, относительное значение групп или комплексов разнородных характеристик, в которые входят некоторые нейродинамические свойства (сила, динамичность, подвижность нервных процессов) и конституционально-биохимические особенности организма (обмен веществ, энергетический баланс, морфологическая структура тела). В коллективном комплексном исследовании нашей лаборатории дифференциальной психологии и антропологии получены серии корреляционных плеяд.

Следовательно, определенный комплекс коррелируемых свойств индивида (возрастно-половых, нейродинамических, конституционально-биохимических) входит в структуру личности.

Статус и социальные функции-роли, мотивация поведения и ценностные ориентации, структура и динамика отношений — все это характеристики личности, определяющие ее мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение, основные тенденции развития. Совокупность таких свойств и составляет характер как систему свойств личности, ее субъективных отношений к обществу, другим людям, деятельности, самому себе, постоянно реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни. Переход отношений в черты характера — одна из основных закономерностей характерообразования. Впервые эта закономер-

ность была
личности и
одного поря
Личность
А. Ф. Лазу
плодотворну
личности ра
шений. Стру
рактор лично
Крупнейш
ляется педаг
марксистско-л
и целей ком
глубоко пока
макрогрупп (и
широкие систе
процессе соци
нравственный
ведении, а вме
человека.

Социальный
центрические,
оставался закр
са формировани
нием взаимоотно
в той или иной
не педагогическ
рода психологи
генез характера
взаимосвязей, во
миру.

ность была обнаружена А. Ф. Лазурским, для которого отношения личности и генезис характерообразования оказались категориями одного порядка.

Личность в этом смысле есть субъект отношений. Вслед за А. Ф. Лазурским В. Н. Мясищев и его ученики развивают эту плодотворную концепцию, в которой единство и многообразие личности раскрываются через взаимосвязь и многообразие отношений. Структурной интеграцией отношений является именно характер личности.

Крупнейшим вкладом в теорию личности и характерологию является педагогическое учение А. С. Макаренко. Основанное на марксистско-ленинском понимании процесса становления человека и целей коммунистического воспитания, это учение необычайно глубоко показало формирование личности как члена микро- и макрогрупп (коллектива), через которые личность входит в более широкие системы общественных связей и взаимозависимостей. В процессе социального формирования человека складывается его нравственный опыт, постоянно практикуемый в общественном поведении, а вместе с ним комплекс ценностей и собственных свойств человека.

Социальный генезис характерологических свойств, включая эгоцентрические, аутистические и антисоциальные черты личности, оставался закрытой книгой до тех пор, пока исследование процесса формирования отношений личности не было совмещено с изучением взаимоотношений между людьми, начиная с раннего детства, в той или иной структуре социальной группы. Именно в этом плане педагогический опыт и учение А. С. Макаренко были своего рода психологическим открытием, поскольку раскрывался социогенез характера, прослеживался переход внешних коллективных взаимосвязей во внутренние отношения человека к окружающему миру.

Сэв (Seve) Люсьен (род. в 1926) — французский философ-марксист и психолог. Окончил философский факультет Сорбоннского университета, специализировался в области психологии. Является членом Центрального Комитета Коммунистической партии Франции, директором издатель-

ства Editions Sociales. Основные работы относятся к области философских и методологических проблем теории личности.

Соч.: Марксизм и теория личности. М., 1972; Марксистская критика психоанализа. М., 1976 (соавт.).

Л. Сэв

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ. АКТЫ, СПОСОБНОСТИ. ПРОБЛЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ¹

Под актом мы понимаем всякий поступок индивида, на каком бы уровне он ни совершался, рассматриваемый не только в качестве поступка, т. е. как относящегося к *психике*, но и в качестве конкретной деятельности, т. е. как относящегося к *биографии*; иными словами, поступок рассматривается как дающий (возможно) определенное число *результатов*, но не только непосредственных результатов для самого индивида, а в результате для всего общества с учетом его конкретных условий, результатов, возвращающихся (возможно) к индивиду через более сложные объективные социальные опосредствования. *Акты являются существенными* — и единственно существенными — *элементами теоретического рассмотрения биографии*.

Конкретно познать личность — значит прежде всего познать совокупность актов, составляющих ее биографию. Способность понятия акта играть роль *основного понятия* в теории личности сразу явствует из того факта, что он непосредственно нам открывает доступ к фундаментальным противоречиям личности. В самом деле, именно потому, что особенность акта в отличие от поступка или поведения заключается в том, что он совершает что-то, знание чего в *высшей степени* важно для его понимания, всякий акт есть, с одной стороны, акт индивида, аспект его биографии, его самовыражение, но, с другой стороны, он является актом *детерминированного социального мира*, аспектом общественных отношений,

¹ Сэв Л. Марксизм и теория личности. М. 1972.

выражением объективных исторических условий. В этой основной двойственности заключается формальная возможность бесчисленных противоречий не только между индивидом, в смысле чисто биологическом, предварительном по отношению ко всякой гоминизации, и обществом, но скорее между социально развитым индивидом и социальными условиями его развития, — противоречий, отражающих в психологическом плане противоречия общества с самим собой.

Понятие *способностей* — это второе основное понятие теории личности.

Я называю *способностями* совокупность «актуальных потенциальностей», врожденных или приобретенных, дающих возможность совершить какой бы то ни было акт на каком бы то ни было уровне. В таком значении данный термин получает неизмеримо более широкое применение, чем при своем обычном употреблении, когда он обозначает вообще невозможность совершать акты на определенном уровне психической сложности, даже на определенном уровне признанной социальной полезности. Напротив, в его употреблении в данном случае речь идет о *тотальности* актов индивида, пусть самых элементарных и наименее полезных в социальном отношении. Сразу видно, что между актами и способностями индивида существуют многочисленные диалектические отношения, анализ которых составляет важный раздел теории личности. Способность есть индивидуальное условие совершения акта, но огромное большинство само создается или развивается в индивиде благодаря совокупности тех актов, условием которых они, в свою очередь, являются. Эти две стороны диалектических отношений актов-способностей выражают не только факт их принадлежности к *одному* циклу деятельности, в котором они *возникают* как моменты; они ведут также к рассмотрению всей деятельности индивида как неизбежно *раздваивающейся* на два основных сектора, поддерживающих друг с другом четко определенные отношения. Я называю *сектором № 1* индивидуальной деятельности совокупность актов, создающих, развивающих или уточняющих способности. Я называю *сектором № 2* индивидуальной деятельности совокупность актов, которые, приводя в действие только уже существующие способности, создают тот или иной результат с помощью этих способностей. Само собой разумеется, что это теоретическое разделение может быть применено к конкретной биографии лишь в той мере, в какой предварительно разрешены многочисленные частные проблемы, например проблемы двойной принадлежности: многие виды деятельности являются одновременно тренировкой и применением способностей, и даже в определенном смысле это можно сказать о всякой деятельности.

Если верно, что «важнейшая прогрессивная функция общества» — «накопление»², развитие производительных сил, то *точно*

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 323.

так же — не в смысле простого сравнения, а в смежно-структурной связи — *наиболее важной прогрессивной функцией личности является развитие способностей*. Можно даже, строго следуя марксистской теории, сравнить способности индивида с основным капиталом данной экономической формации. Итак, перед нами возникает возможность материалистического *ритмического анализа* личности. Мы видим, например, как в противоположность инертным и чуждым содержанию реальной деятельности структурам, являющимся объектом традиционных концепций характера, становится возможным подойти с научных позиций к *движению основного фонда активной личности*, который непосредственно согласуется с ритмами, развитием и переломными моментами биографии, который подвергается опасностям социального обесценивания, подчиняется разнородным требованиям обновления, но который также способен к расширенному воспроизводству; короче говоря, проясняется основной аспект конкретной логики процессов индивидуальной жизни. Речь пойдет, в частности, о подходе вплотную к изучению проблем пропорциональности между сектором № 1 и сектором № 2, ибо всякое возрастание способностей (сектор № 1) требует определенных изменений в непосредственной деятельности (сектор № 2) также с целью высвобождения времени для обучения, как и с целью применения новых способностей в соответствующей сфере деятельности — другими словами, речь пойдет о выработке теории простого и расширенного воспроизводства личности.

Но в этом пункте исследования мы неизбежно сталкиваемся с проблемой движущей силы простого или расширенного воспроизводства личной деятельности, т. е. прежде всего с проблемой *потребностей*. Еще в первой главе мы говорили о том, почему понятие «потребность», хотя оно и является, несомненно, важным научным понятием, не может претендовать на то, чтобы *самому* играть роль *основного* понятия в теории развития личности. И тем не менее существует не одна причина, позволяющая судить об этом иначе. Во-первых, разве на самом деле потребности в своей первичной биологической форме не являются как у людей, так и у животных реальной отправной точкой деятельности? Что-то не видно, как можно помешать удовлетворению объективных потребностей организма быть отправной точкой психологической деятельности. Во-вторых, если бесспорно, что у человека потребности получают формы и содержания, все более и более специализированные, а следовательно, все менее и менее *первичные* по отношению к индивидуальной деятельности, не основной, а скорее производной, то их производный характер не мешает им с более ограниченной точки зрения каждой конкретной деятельности быть еще и *относительными отправными точками*: не *соответствует* ли каждое поведение потребностям, пусть даже потребностям, которые можно объяснить только исходя из предшествующих поведений? Короче говоря, потребности, будучи абсолютными отправными точками в своем начальном биоло-

гическом аспекте, сохранили благодаря сложным взаимодействиям развитой личности относительную роль движущих сил. В-третьих, даже если предыдущие аргументы будут отвергнуты во имя фундаментального приоритета деятельности по отношению к потребности, не придем ли мы к убеждению, как это показывает пример исследователей-марксистов, что у человека деятельность, труд составляют именно *первую потребность*: разве не писал Маркс, что для человека в коммунистическом обществе «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет самой первой потребностью жизни»³, так что не приведет ли нас само оспаривание первичности потребностей к его новому подтверждению?

Невозможно, следовательно, рассматривать основные понятия теории личности, не попытавшись разобраться в проблеме потребностей.

На первый аргумент, согласно которому объективные потребности организма, взятого в его первичной форме, находятся у истоков всякой психологической деятельности, нечего возразить, кроме того, что во всяком *реальном* развитии, в процессе которого, следовательно, возникают качественно новые реальности, то, что вначале играло первичную роль, роль основы, в высших фазах уже не играет этой роли, так как свойство *основных* трансформаций состоит именно в перемещении главных противоречий, т. е. движущих сил развития. Не видеть этого — значит оставаться в зависимости от слишком простой концепции развития, отождествляемого с разворачиванием абстрактной сущности в неизменном времени, как это можно было часто наблюдать в концепции «прогресса» XVIII века или в концепции «эволюции» XIX века. Мы не хотим этим сказать, что вся человеческая деятельность, даже самая сложная, не основывается в известном смысле на перманентной необходимости удовлетворения элементарных органических потребностей, как это подтверждается, например, всякий раз, когда люди в силу обстоятельств оказываются в более или менее «естественных» условиях жизни: в таких случаях примат органических потребностей в их самой непосредственной форме с особенной силой привлекает к себе внимание; речь идет о том, что его нужно подчеркивать не как «проявление» воображаемой «человеческой природы», которая якобы дремлет, погребенная под социальностью, а как исключительное обнаружение *минимальных условий возможности* для человека жить или вообще уцелеть. Но особенно важно не путать крайнюю необходимость, которую человеческая деятельность, пусть даже самая сложная, удовлетворяет в этих минимальных условиях, и реальную *объяснительную* основу этой сложной деятельности, взятой сама по себе, ибо способ, при помощи которого первичные потребности завладевают личностью, сам по себе первичен так мало, насколько это возможно, и если *вначале* первичные потребности могут играть роль *основы*, то именно в силу

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 20.

того, что не проявились еще все последствия социальной гоминизации.

Перейдем к обсуждению второго аргумента... Если специфические человеческие потребности — это нечто совсем иное, чем непосредственные органические потребности, делает ли это невозможным утверждение, что в постоянном цикле деятельности и потребностей момент потребности сохраняет в относительном смысле роль первого момента, которую мы отказываемся дать, в абсолютном смысле, первичной органической потребности? Конечно, если рассматривать как уже данное непрекращающееся циклическое повторение деятельности удовлетворения развитых потребностей постоянное проявление потребностей, которые частично являются следствием самой этой деятельности, то ясно, что каждый момент может быть взят за отправной по отношению к другому, и тогда схема потребность — деятельность — потребность (П—Д—П) не менее законна, чем обратная схема деятельность — потребность — деятельность (Д—П—Д), так как одна из них непрерывно соединяется с другой. Взятый в этом смысле вопрос о том, являются ли потребности относительно первичными элементами или нет, т. е. вопрос о том, является ли какая-то одна точка окружности ее «началом», по сути своей лишен смысла. Единственная реальная проблема заключается в понимании того, каким образом общий цикл деятельности и потребностей стал тем, что он есть в развитой личности, в понимании способа, при помощи которого потребности проявляются в личности, способа, который является аспектом цикла, рассматриваемого в его совокупности. Социальная гоминизация выражается не в простых переустройствах или добавлениях к модели потребностей, по существу неизменной, а в создании радикально новой структуры мотивации. Слишком часто мы ограничиваемся подчеркиванием чрезвычайного разнообразия и социально-исторической изменчивости человеческих потребностей. Это, с общей точки зрения, соответствует только историзованному психологическому натурализму. Действительно, это еще не самое важное. Самое важное заключается в том, что если элементарная органическая потребность является *настоятельной, внутренней и гомеостатичной*, то развитая человеческая потребность, напротив, характеризуется, более или менее широко, мерой своей терпимости даже к длительному неудовлетворению, своей *эксцентризацией* и своим *расширенным воспроизводством*, не имеющим внутренних ограничений.

Мера терпимости проявляется, например, в классических поступках отказа, иногда на всю жизнь, от удовлетворения настоятельных, подчас существенных потребностей. Эксцентризм выражается в особенности в способности брать на себя, пусть даже в ущерб своим собственным потребностям, но тем не менее с чрезвычайной настойчивостью, потребности другого индивида или социальной группы. Разумеется, в этом случае можно считать, что, если человек действует в зависимости от объективно внешних по

отношению к
такой степени,
или, другими
внутри индиви
согласимся, чт
и потребности
результат инте
качественное р
которых состоя
ни видеть толь
что она многим
соответствует е
му-то вроде о
меньше понять
ни-борьбы осно
удовлетворение
определенного
объективная ло
полно, непосред
ностей, взятых
следовательно,
принесения себя
ванию, она явл
противопоставле
социальным тро
отказа от внутр
важной эксцент
всю деятельность
потребностей, то
историческом ра
и в их безграни
венного наслажд
ним.

отношению к нему потребностей, значит он их интериоризует до такой степени, что они становятся его личными потребностями, или, другими словами, даже в этом случае потребность коренится внутри индивида, что бесспорно. Но не будем играть словами и согласимся, что между *первоначальной внутренней* потребностью и потребностью, внутренний аспект которой понятен только как результат *интериоризации требований внешней сущности*, есть качественное различие. Так, например, совокупность усилий, из которых состоит жизнь борца, остается непонятой, если в его жизни видеть только совокупность *жестов* и недооценивать тот факт, что она многими своими сторонами (и часто самыми глубокими) соответствует его *личной потребности*; но свести его жизнь к чему-то вроде огромного корыстного расчета — значило бы еще меньше понять ее. В действительности все усилия реальной жизни-борьбы основаны именно на осознании того факта, что общее удовлетворение личных потребностей *проходит* через совершение определенного числа социальных преобразований — совершение, объективная логика которого *подчиняет себе*, более или менее полно, непосредственное предельное удовлетворение личных потребностей, взятых отдельно. *Личная потребность бороться* не есть, следовательно, удовлетворение простой внутренней потребности принесения себя в жертву простому внешнему социальному требованию, она является до определенного момента *предопределением* противопоставления между внутренней потребностью и внешним социальным требованием, причем преодолением не на основе *отказа* от внутренней потребности, а на осознании существенно важной *эксцентрики* ее основы, что, по существу, модифицирует всю деятельность. Что касается расширенного воспроизводства потребностей, то оно настолько ярко проявляется в чрезвычайном историческом разнообразии мотиваций человеческой деятельности и в их безграничном заострении, например в области художественного наслаждения, что здесь всякое развитие было бы излишним.

Фромм (Fromm) **Эрих** (23 марта 1900—1980) — немецко-американский психолог, философ и социолог. Один из главных теоретиков неопрейдизма. Родился в Германии. Изучал философию в Гейдельбергском университете, психоаналитическое образование получил в Мюнхенском университете, а затем в Берлинском психоаналитическом институте. С 1929 по 1932 г. работал в Институте социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, в котором сложилась и получила широкую известность так называемая франкфуртская социологическая школа. После прихода Гитлера к власти Э. Фромм эмигрировал в США. Преподавал в различных университетах США, вел широкие теоретические исследования в области психоаналитической теории личности. Э. Фромм, так же как и некоторые другие неопрейдисты, испытал заметное влияние марксизма. В противовес ортодоксальному фрейдизму Э. Фромм подчеркивает известную автономию по отношению к органическим потребностям, социальный и исторический характер собствен-

но человеческих потребностей и мотивов, рассматривая их как продукт «исторического процесса, который творит людей». Однако в трактовке самого «исторического процесса» Э. Фромм склоняется к психологистической позиции, нередко пытаясь объяснять те или иные исторические и социальные события через апелляцию к собственно психологическим механизмам («бегство от свободы»). Соч.: *Escape from Freedom* (1941); *Man for himself* (1947); *Psychoanalysis and Religion* (1950); *The Sane Society* (1955); *Marx's Concept of Man* (1961); *May Man Prevail?* (1961); *Beyond the Chains of Illusion* (1962); *The revolution of Hope* (1968); *The nature of Man* (1969); *The Crisis of Psychoanalysis* (1970).

Лит.: Современная психология в капиталистических странах. М., 1963; Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М., 1968; Добренков В. И. Неопрейдизм в поисках «истины» (иллюзии и заблуждения Эриха Фромма). М., 1974; Ковалев С. М. Разумный гуманизм и его противники. М., 1975.

Э. Фромм

ХАРАКТЕР И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС¹

При изучении психологических реакций социальной группы мы имеем дело со структурой характера отдельных членов группы, т. е. индивидуальных лиц; однако нас интересуют не те особенности, которыми эти лица отличаются друг от друга, а та часть структур их характеров, которая является общей для большинства

¹ Фрагмент из приложения к книге: Fromm E. *Escape from Freedom*. N. Y., 1941.

членов группы. Эту общую для них часть мы можем назвать *социальным характером*. Социальный характер, естественно, менее специфичен, чем индивидуальный характер. При описании последнего мы рассматриваем всю совокупность черт, которые в своей особой конфигурации образуют структуру личности того или иного индивида. Социальный же характер содержит лишь выборку черт, существенное ядро структуры характера большинства членов группы, которое сложилось в результате основного опыта и способа жизни, общего для этой группы. Хотя здесь всегда будут «отклоняющиеся» индивиды с совершенно иной структурой характера, структура характера большинства членов группы представляет вариации этого ядра, возникающие благодаря случайным факторам рождения и жизненного опыта, различных у каждого отдельного индивида. Если мы хотим наиболее полно понять отдельного индивида, эти различающиеся элементы имеют важнейшее значение. Однако, если мы хотим понять, как энергия человека распределяется и действует в качестве продуктивной силы в данном социальном устройстве, тогда нас главным образом должен интересовать социальный характер.

Понятие социального характера является ключевым для анализа социального процесса. Характер в динамическом смысле аналитической психологии — это специфическая форма, которую придает энергии человека динамическая адаптация его потребностей к определенному способу существования данного общества. Характер, в свою очередь, определяет мышление, эмоции и действия индивидов. Увидеть это довольно трудно, ибо мы обычно убеждены, что мышление является исключительно интеллектуальным актом и не зависит от психологической структуры личности. Это, однако, не так, и тем меньше соответствует действительности, чем больше наше мышление сталкивается с этическими, философскими, политическими, психологическими или социальными проблемами, а не просто с эмпирическими манипуляциями конкретными объектами. Такое мышление, помимо чисто логических элементов, вовлеченных в акт мышления, в значительной мере детерминировано личностной структурой того человека, который мыслит. В равной мере это относится как ко всякой доктрине и теоретической системе, так и к отдельным понятиям: любовь, справедливость, равенство, самопожертвование и т. д. Каждое такое понятие, как и каждая доктрина, обладает эмоциональной насыщенностью, корни которой лежат в структуре характера индивида.

Мы устранили бы много путаницы, проанализировав психологический смысл этих понятий, тогда как всякая попытка чисто логической классификации заведомо обречена здесь на неудачу.

Тот факт, что идеи несут в себе эмоциональную насыщенность, чрезвычайно важен. Он является ключевым для понимания духа всякой культуры. Различные общества или классы внутри общества обладают своим особым социальным характером, и на его основе развиваются и приобретают силу определенные идеи. Так, на-

пример, представление о труде и успехе как основных целях жизни обрело значимость и привлекательность для современного человека вследствие присущих его характеру постоянных сомнений и чувства одиночества. Тщетно было бы пытаться проповедовать эту идею непрерывных усилий и стремления к успеху индейцам Пуэбло или мексиканским крестьянам; понимая язык, они как люди с другим типом структуры характера не понимали бы о чем собственно идет речь. Точно также Гитлер и та часть населения Германии, представители которой имеют² одинаковую с ним структуру характера, искренне убеждены, что настаивать на возможности устранения войн может либо законченный дурак, либо бессовестный лгун. Для людей с таким социальным характером одинаково непостижимы как жизнь без страданий и бедствий, так и представление о свободе и равенстве.

Идеи часто лишь сознательно принимаются определенными группами, которые в силу особенностей их социального характера в действительности не проникаются этими идеями. Такие идеи остаются в виде запаса сознательных убеждений, но люди оказываются неспособными действовать согласно им в решающую минуту.

Идеи могут стать реальными силами, но лишь в той мере, в какой они отвечают особым человеческим потребностям, свойственным данному социальному характеру.

Мы должны теперь выяснить вопрос о функции характера по отношению к индивиду и по отношению к обществу. Этот вопрос, как и предыдущий, не вызывает особых затруднений. Если характер индивида не сильно отличается от социального характера, то основные мотивы личности человека побуждают его к тому, что необходимо и желательно с точки зрения данных социальных условий его культуры. Так, страсть человека к бережливости и отвращение к бесполезной трате денег может оказаться полезной, если мы возьмем мелкого лавочника, для которого экономия и бережливость — просто условия выживания. Помимо этой экономической функции черты характера имеют также не менее важную психологическую функцию. Человеку, для которого бережливость — это черта характера, экономия доставляет не только практическую пользу, но и глубокое психологическое удовлетворение. В этом легко убедиться, наблюдая, например, за хозяйкой, которая радуется сэкономленным на рынке двум центам так, как другой человек, с другой структурой характера радовался бы чувственному наслаждению. Кроме того, человек испытывает психологическое удовлетворение, не только действуя сообразно требованиям, вытекающим из структуры его характера, но и воспринимая идеи, соответствующие ей. Для авторитарного характера очень привлекательна идеология, описывающая природу как могучую силу, которой мы должны подчиняться. Восприятие таких идей вызывает у него психологическое удовольствие. Итак, субъективная функция характера человека

² Книга вышла в 1941 г. (Прим. ред.).

закljučается, во-первых, в побуждении его к действиям, необходимым для него с практической точки зрения, и, во-вторых, в обеспечении ему психологического удовольствия от его действий.

Если взглянуть на социальный характер с точки зрения его функции в социальном процессе, то мы должны будем начать с положения, высказанного в отношении функций индивидуального характера, т. е. с утверждения, что, приспособляясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты, которые заставляют его *желать* действовать так, как он *должен* действовать. Если характер большинства людей данного общества, т. е. социальный характер, приспособлен к объективным задачам, которые индивид должен решать в этом обществе, то человеческая энергия направляется по путям, на которых она становится продуктивной силой, необходимой для функционирования этого общества. Обратимся еще раз к примеру с трудом. Современная индустриальная система требует от нас отдачи большей части нашей энергии труду. Когда люди работают только в силу внешней необходимости, возникает противоречие между тем, что они должны делать, и тем, что они хотели бы делать, и это снижает их продуктивность. Однако в результате динамической адаптации характера к социальным требованиям человеческая энергия оформляется таким образом, что это приводит к действиям, соответствующим определенным экономическим потребностям. То усердие, с которым современный человек трудится, не требуя особого принуждения, вытекает из его внутреннего стремления к труду, которое мы попытались проанализировать с точки зрения его психологического смысла, т. е. вместо внешней власти человек создал себе внутреннюю — совесть и чувство долга, которые контролируют его гораздо успешнее, чем это могла бы сделать любая внешняя власть. Таким образом, социальный характер интериоризует внешние требования и тем самым использует энергию человека для решения задач данной экономической и социальной системы.

Как мы видим, коль скоро определенные потребности появляются в структуре характера, любое поведение, отвечающее им, одновременно доставляет удовлетворение как с психологической, так и с практической точек зрения. До тех пор, пока общество обеспечивает индивиду возможность получать эти два удовлетворения одновременно, мы имеем дело с ситуацией, где психологические силы укрепляют социальную структуру. Однако рано или поздно между ними происходит разрыв. Старая структура характера продолжает существовать, хотя уже образовались новые экономические условия, для которых традиционные черты характера больше не годятся. В этой ситуации люди либо действуют в соответствии со своей структурой характера, и тогда эти действия оказываются помехами в их экономических занятиях, либо они не могут найти такую внешнюю позицию, которая позволяла бы им действовать согласно их внутренней «природе». Иллюстрацией такого положения дел служит структура характера пожилой части представи-

телей среднего класса, особенно в странах с жесткой классовой стратификацией, как например в Германии. Традиционные достоинства этих людей — умеренность, бережливость, предусмотрительность — утрачивают свое значение в современной деловой жизни по сравнению с такими новыми качествами, как инициатива, готовность рисковать, агрессивность и т. д. Даже если эти старые достоинства и представляют еще некоторую ценность, например, для мелкого лавочника, то возможности соответствующих им действий настолько сужены, что лишь немногим из нового поколения среднего класса эти черты характера приносят «пользу» в их экономических делах. Благодаря своему воспитанию они развили в себе черты характера, которые были когда-то приспособлены к социальной ситуации их класса, однако развитие экономики опережает развитие характера. Этот разрыв между экономической и психологической эволюциями приводит к ситуации, в которой психологические потребности не могут больше удовлетворяться обычными экономическими действиями. Тем не менее эти потребности существуют и вынуждены искать своего удовлетворения другим путем. Узкоэгоистическое стремление к своему собственному успеху, характерное для низших слоев среднего класса, распространилось с индивидуального уровня на уровень жизни. Садистические импульсы, использовавшиеся в конкурентной борьбе частных предпринимателей, частично переместились на социальную и политическую сцену, усилившись при этом фрустрацией. И теперь, освобожденные от любых ограничений, они искали удовлетворения в актах политических преследований и в войне. Таким образом, в сочетании с возмущением, вызванным фрустрирующими факторами всей ситуации, психологические силы вместо укрепления существующего социального порядка превратились в динамит, попавший в руки групп, которые хотели уничтожить традиционную политическую и экономическую структуру демократического общества.

Мы пока не упоминали о роли обучения в формировании социального характера, но ввиду того обстоятельства, что многие психологи считают причиной развития характера именно способ воспитания и приемы обучения детей, особенно в раннем возрасте, нам кажется уместным сделать некоторые замечания по этому поводу. В первую очередь мы должны задаться вопросом — что такое образование? Его можно определять по-разному. С точки зрения социальных процессов оно может рассматриваться следующим образом. Социальная функция образования заключается в подготовке индивида к той роли, которую он впоследствии будет играть в обществе, т. е. эта функция состоит в том, чтобы формировать его характер, стремясь приблизить его к социальному так, чтобы желания индивида совпадали с требованиями его социальной роли. Система образования любого общества определяется этой функцией. Поэтому мы не можем объяснять структуру общества или структуру личности его членов, исходя из образования, а наоборот, системе образования мы должны объяснять из требований, вытекающих

из соци
ко мето
механиз
качества
как сред
чества.
деленног
мов его
дов образ
циониров

Эти по
тей всего
ребенок
ниченный
им? Дело
деленных
приемы, п
сами как
щества ил
психологи
что они я
образом, м
та общест

Выдвиг
ется спосо
читателю о
человек фо
ских и соц
безграничн
потребности
некоторые
реализовать
за качества
развитию и
цессе истор
критическом
дая из эти
процессе эв
Эти тенден
подавление
ванию дестр
ция к росту,
тичной биол
стремлении
является нео
стремление
исчезнуть из
существовать

из социальной и экономической структуры данного общества. Однако методы образования крайне важны, поскольку они являются механизмами, посредством которых индивид приобретает требуемые качества. Эти методы, таким образом, могут быть рассмотрены как средства превращения социальных требований в личностные качества. Хотя образовательный процесс не является причиной определенного социального характера, он составляет один из механизмов его формирования. В этом смысле знание и понимание методов образования являются важной частью целостного анализа функционирования общества.

Эти положения остаются в силе и для семьи как одной из частей всего образовательного процесса. Как можно представить, что ребенок (по крайней мере нашей культуры), имея настолько ограниченный контакт с жизнью общества, тем не менее формируется им? Дело не только в том, что родители, если отвлечься от определенных индивидуальных вариаций, применяют образовательные приемы, принятые в данном обществе, но также и в том, что они сами как личности представляют социальный характер своего общества или класса. Они передают ребенку то, что можно назвать психологической атмосферой или духом общества уже в силу того, что они являются представителями этого общества. Семья, таким образом, может рассматриваться в качестве психологического агента общества.

Выдвигая положение о том, что социальный характер определяется способом существования данного общества, я хочу напомнить читателю о проблеме динамической адаптации. Хотя и верно, что человек формируется, приспособляясь к требованиям экономических и социальных структур, но его адаптивные возможности не безграничны. Существуют не только определенные психологические потребности, настойчиво требующие своего удовлетворения, но и некоторые неотъемлемые психологические качества, невозможность реализовать которые приводит к определенным реакциям. Что это за качества? Наиболее важным из них является тенденция к росту, развитию и реализации потенций, выработанных человеком в процессе истории, таких, например, как способность к творчеству, к критическому мышлению, способность утонченно чувствовать. Каждая из этих потенций имеет свою динамику. Раз появившись в процессе эволюции, они постоянно стремятся реализовываться. Эти тенденции могут подавляться и фрустрироваться, но такое подавление приводит к особым реакциям, в частности к формированию деструктивных и симбиотических импульсов. Общая тенденция к росту, которая является психологическим эквивалентом идентичной биологической тенденции, выражается, в частности, в стремлении к свободе и в ненависти к угнетению, так как свобода является необходимым условием любого развития. В свою очередь, стремление к свободе может подавляться и в конце концов даже исчезнуть из сознания индивида, но даже тогда оно продолжает существовать как потенциальность, что проявляется в сознатель-

ной или бессознательной ненависти, всегда вызываемой таким давлением.

Есть основания предполагать, как уже говорилось, что стремление к справедливости и истине является неотъемлемой чертой человеческой природы, хотя оно может подавляться и искажаться, так же как и стремление к свободе. Однако, предполагая это, мы попадаем в опасное теоретическое поле. Здесь легко оказаться под властью известных религиозных и философских объяснений этих тенденций, т. е. объяснить их либо верой в то, что человек создан по образу и подобию божьему, либо, что эти потенциальности существуют благодаря действию особого естественного закона. Мы, однако, не можем основывать наши доводы на таких объяснениях. По нашему мнению, единственным способом объяснения этих стремлений человека к справедливости и истине является анализ всей человеческой истории, как социальной, так и индивидуальной. В ней мы обнаруживаем, что для каждого бесправного идеи справедливости и истины — важнейшее средство в борьбе за свою свободу и развитие. Наряду с тем, что большая часть человечества на протяжении его истории была вынуждена защищать себя от более сильных групп, которые подавляли и эксплуатировали ее, каждый индивид и в детстве проходит через период бессилия. Мы, таким образом, приходим к следующему: характер не зафиксирован в биологической природе человека, его развитие определяется основными условиями жизни, но вместе с тем человеческая природа имеет свою собственную динамику, которая является активным фактором социальной эволюции. Пусть мы и не в состоянии пока объяснить в психологических понятиях, что из себя представляет эта динамика, но все же мы должны признать ее существование. Пытаясь избежать ошибок биологических и метафизических концепций, нам следует опасаться столь же серьезной ошибки — социологического релятивизма, который представляет человека не более, чем марионеткой, управляемой нитками социальных обстоятельств. Неотъемлемые права человека на свободу и счастье заложены в присущих ему качествах: стремлении жить, развиваться, реализовать потенциальности, развившиеся в нем в процессе исторической эволюции.

Шпрангер (S
ня 1882 —
мецкий фило
и педагог. П
1912) и Бер
1944 г. подве
нию в Моаб
Берлинского
Профессор в
В работах Шп
нейшую разраб
ходящая к В. Д
строения особ
«описательной
«психологии ка
противовес вне
объяснению ес
в понимании и
стижении» вну
ческой) связи ду
ка видели В. Ди
специфический
наук, своеобра
которых и должн
мающая психоло
В своем основн
мы жизни» (Le
Saale, 1914) Шпр
основных идеальн

Э. Шпрангер

Теоретическа
которая, так же
чается у живого

Spranger

Шпрангер (Spranger) Эдуард (27 июня 1882 — 17 сентября 1963) — немецкий философ-идеалист, психолог и педагог. Профессор в Лейпциге (с 1912) и Берлине (1920—1946). В 1944 г. подвергся аресту и заключению в Моабитскую тюрьму. Ректор Берлинского университета (1945). Профессор в Тюбингене (с 1946). В работах Шпрангера получила дальнейшую разработку и реализацию восходящая к В. Дильтею программа построения особой, так называемой «описательной психологии», или «психологии как науки о духе». В противовес внешнему «рассудочному» объяснению естествознания именно в понимании или «интуитивном постижении» внутренней (телеологической) связи душевной жизни человека видели В. Дильтей и Э. Шпрангер специфический метод гуманитарных наук, своеобразной методологией которых и должна была стать «понижающая психология». В своем основном сочинении — «Формы жизни» (Lebensformen. Halle — Saale, 1914) Шпрангер выделил шесть основных идеальных типов людей со-

ответственно различиям в их ценностной ориентации. Эти основные типы людей трактуются Шпрангером как универсалии человеческой природы, независимые от места и времени, без учета конкретных исторических и социальных условий, т. е. абстрактно-метафизически.

Соч.: Psychologie des Jugendalters. Lpz., 1924; Kultur and Erziehung, 4 Aufl., Lpz, 1928; Die Magie der Seele, 2 Aufl., Tübingen, 1949; Kulturfragen der Gegenwart, 3 Aufl., Hdlb., 1961; Hdlb, 1962. В русском переводе: Эротика и сексуальность (2-я гл. из «Психологии юношеского возраста»). — В кн.: Педология юности. М., 1930; Две психологии (1-я глава из книги «Формы жизни»). — В кн.: Хрестоматия по истории психологии (под ред. П. Я. Гальперина и А. Н. Ждан). М., 1980.

Лит.: Выготский Л. С. Основные течения современной психологии. — В кн.: Избранные психологические произведения. М., 1956; Ярошевский М. Г. История психологии. 2-е изд. М., 1978.

Э. Шпрангер

ОСНОВНЫЕ ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ¹

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Теоретическая установка является собственно лишь тенденцией, которая, так же как и все остальные установки, никогда не встречается у живого человека совершенно изолированно, в абсолютно

¹ Spranger E. Lebensformen, 3 Aufl. B., 1922.

законченном ценностном соответствии. Чисто теоретический человек — это всего лишь конструкция. В реальном мире его никогда не будет, хотя он обладает своей внутренней логикой, к которой может приближаться живой человек, а именно если у него с выраженной односторонностью господствует познавательная установка.

Какова же эта установка?

Теоретический человек, в чистом виде, знает лишь одну страсть: страсть к проблеме, к вопросу, которая ведет к объяснению, установлению связей, теоретизированию. Его переживания оторваны от реальной жизни: он может отчаяться от невозможности познать, ликовать из-за чисто теоретического открытия, будь это даже то открытие, которое убивает его. Он изнуряет себя как психологическое существо ради порождения чисто идеального мира закономерных связей. Для него имеет ценность лишь чистота методов познания — истина любой ценой. Мир для него — это бесконечное производство сущностей и система отношений зависимости. С помощью этого представления он преодолевает зависимость от момента. Он живет в мире без времени, его взгляд проникает в далекое будущее, иногда охватывает целые эпохи; погружаясь в них, он связывает прошедшее и будущее в закономерный порядок, создаваемый его духом. Его Я причастно к вечности, светящейся в непреходящей ценности его истин. В практическое поведение он также вносит систему, которая отсутствует у существ, живущих моментом, руководимых инстинктами. В равной мере он соединяет в себе предметность, необходимость, всеобщую закономерность и логику. В наиболее естественном и чистом виде эта форма жизни воплощается в профессиональных ученых, которые, как правило, приходят к постановке своих жизненных задач в результате свободного интереса. Но предварительные ступени такого рода духовной организации встречаются и независимо от профессиональной принадлежности, и, возможно, на них гораздо отчетливее выступают структурные особенности типа, чем у больших ученых, которые часто являются очень сложными натурами.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Экономический человек — это необязательно человек, связанный с производством. Самое главное то, что основным мотивом, определяющим самые различные сферы личности и характер ее бытия, является мотив полезности.

Итак, в самом общем плане экономическим человеком является тот, кто во всех жизненных связях на первое место ставит полезность. Все для него становится средством поддержания жизни, борьбы за существование и наилучшего устройства своей жизни. Он экономит материал, силы, время — только бы извлечь из этого максимальную пользу. Вернее было бы назвать его практичным человеком, так как с понятием экономики связана и вся область техники. Смысл же его действий не в самой деятельности, а в ее

полезном эффекте. Греки называли бы его «делющим», но не деятельным.

3. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Произведение искусства может родиться только в душе эстетически переживающей: лишь из внутреннего видения вырастает непосредственно данный созерцанию предмет искусства, и лишь из внутреннего ритма души рождается музыка.

Чисто эстетическому поведению несвойственно вождение. Непосредственное соприкосновение с миром всегда болезненно, связано с борьбой за существование. Но есть второй мир, где боль так же сладка, как и веселье, страдания так же одухотворены, как и радость: это мир фантазии. Мы знаем, что есть люди, окружающие себя подобными фантазиями, сквозь которые они и воспринимают действительность. Но если чувство удовлетворения от этих фантазий является единственным переживанием, то в этом не содержится ничего от поэтики, от эстетического. Только в том случае, если душа выступает как формирующая сила, дающая цвет, форму, ритм, мы имеем тип эстетического человека. Суть его наиболее коротко можно сформулировать как стремление к оформленному выражению своих впечатлений.

Эстетический человек обладает собственным органом миропонимания: особой способностью предвидения или проникающей интуицией. Для теоретика люди подобного сорта — мечтатели, романтики. Для последнего природа представляет собой систему функциональных уравнений или комплекс понятийно определяемых энергий. Что касается экономических ценностей, то принцип полезности и эстетический взгляд противостоят друг другу. Приписывание полезности эстетическому разрушает его сущность. Эстетический человек, так же как и теоретический, беспомощен перед лицом экономических условий жизни.

При рассмотрении эстетического типа мы имеем в виду не столько деятелей искусства, создающих материальные произведения, сколько людей, творящих самих себя, обладающих внутренней структурой эстетического типа.

Людей, относящихся к эстетическому типу, можно рассмотреть с точки зрения того, является ли для них наиболее важной красота души, или же их внутренняя жизнь сосредоточена на природе, или же, наконец, они чувствуют красоту только в завершенных формах конкретных произведений искусства.

Важным является различие между творящей эстетической натурой и натурой наслаждающейся.

4. СОЦИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Аргументом против выделения социального человека как особой формы жизни могло бы быть утверждение, что она не обладает никаким собственным содержанием. В самом деле, всякое об-

щество исповедует экономические или теоретические, эстетические или религиозные ценности или же все эти ценности одновременно. Мы, однако, видели в первой части, что для социального поведения характерен особый акт, а именно обращенность к чужой жизни и чувство себя в другом. Особая жизненная форма, которую мы называли социальной, возникает, когда эта потребность в самоотречении ради другого становится ведущей жизненной потребностью. Все духовные акты, имеющие отношение к прагматике, целиком исключаются, так как в них определяющим является не социальный момент, а какие-то другие, например экономические или политические. Только если социальная установка является организующим принципом душевной жизни, она становится предметом нашей характерологии.

Социальная направленность в своем высшем проявлении — это любовь. Она может быть основополагающим чувством, обращенным ко всей жизни. Но она может быть направлена и на отдельный предмет или круг предметов и при этом не терять характера ведущей потребности, определяющей все индивидуальное бытие. Отдельный человек становится предметом любви как средоточие ценностей. Можно любить другого человека, потому что в нем открываются ценность истины, или красоты, или святости. Сродни такой любви страстное стремление обрести ценности жизни, нам уже известные. Но суть самой любви еще глубже: она остается чем-то в себе, обращенным к другой жизни ради ценностей, заключенных в этой жизни. Понятийно определяя то, что в конечном счете не поддается формулировке, можно сказать, что любовь открывает в другом человеке — в одном, нескольких или многих — потенциальных носителей определенных ценностей и находит смысл своей собственной жизни в преданности этим людям.

5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Власть представляется прежде всего общественной формой, в которой могут быть отражены четыре содержательные сферы ценностей. Один может подчинить другого или благодаря своему уму и знаниям, или экономическим и техническим средствам, имеющимся в его распоряжении, или благодаря внутреннему богатству и законченности своей личности, или, наконец, благодаря религиозной вере, воспринимаемой другим как божья благодать. Власть всегда заключается в одной из этих форм. Особый случай, когда человек направлен не на одну из этих ценностей, а главным для него становится могущество само по себе. Власть можно определить как способность, а также стремление делать собственную ценностную направленность ведущим мотивом других людей. Здесь мы имеем тотальность мироощущения: самоутверждение, достижение успеха, жизненная сила, энергия бытия. Наиболее ярко эта сторона жизни проявляется в организованной коллективной власти государства. Так как государство по своей идее представляет выс-

шую власть, то все частные проявления власти как-то связаны с ним, посредством его реализуются, ограничиваются или же направляются против него. Поэтому все проявления отношений, основанные на власти, носят стиль, который можно было бы назвать политическим в широком смысле слова. В связи с этим людей, ведущей ценностью которых является власть, мы будем называть политическими, пусть даже отношения, в которые они включены, и не являются политическими в прямом смысле.

Как это ни парадоксально, можно говорить об активных и пассивных политических натурах. Одни стремятся к высокому социальному статусу и только тогда, в качестве вождей, в лучах славы чувствуют себя на своем месте. Другие, напротив, не могут ориентироваться в жизни без руководства. Они несамостоятельны в своих вкусах, действиях, суждениях, мировоззрении. Особый тип эта форма жизни образует, когда потребность в опоре определяет бытие и выражается в служении и подражании другому.

В формах политического типа всегда играет роль еще один момент, связанный с происхождением власти и отношений зависимости. На одном полюсе находится чисто физическая власть, на другом — власть, опосредствованная духовно. Между ними обеими находится еще одна сила, которую нельзя назвать духовной, хотя она играет большую роль в политико-социологической сфере, — это сила привычки. Происхождение дает права. Вера в эту связующую власть характерна для политической природы. Право господства, основанное на происхождении, считается само собой разумеющимся, пусть оно даже давно потеряло свой смысл и основания. Поэтому наряду с физическими и духовными политическими натурами мы выделили природы, детерминируемые традициями.

6. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Религиозный человек — это тот, чья духовная структура постоянно и вся целиком направлена на достижение высшего переживания ценностей. Из нашего определения сути религиозности следует, что имеются три основные формы религиозного типа, третья из которых на самом деле находится между двумя остальными и имеет еще целый ряд более четких проявлений.

Различение проводится на основании того, в каком отношении находятся ценности, о которых мы уже говорили, к общему смыслу жизни: позитивном, негативном или смешанном (как позитивном, так и негативном). Если все жизненные ценности переживаются как стоящие в позитивном отношении к высшему смыслу жизни, мы имеем тип имманентного мистика; если же они ставятся в негативное отношение, то возникает тип трансцендентного мистика. Если же они оцениваются частью позитивно, частью негативно, то возникает дуалистическая религиозная натура.

2. ДИНАМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Джемс (James) Уильям (11 января 1842 — 16 августа 1910) — американский философ-идеалист и психолог, один из основателей прагматизма. Изучал медицину и естественные науки в Гарвардском университете США и в Германии. С 1872 г. — ассистент, с 1885 г. — профессор философии, а с 1889 по 1907 г. — профессор в Гарвардском университете. С 1878 по 1890 г. Джемс пишет свои «Принципы психологии», в которых отвергает атомизм немецкой психологии и выдвигает задачу изучения конкретных фактов и состояний сознания. С точки зрения Джемса сознание является функцией, которая «по всей вероятности, как и другие биологические функции, развилась потому, что она полезна». Исходя из такого приспособительного характера сознания он отводил важную роль инстинктам и эмоциям. Развита в одной из глав «Психологии», теория личности оказала решающее влияние на формирование американской персонологии. Многие темы, намеченные здесь Джемсом, были подхвачены научной психологией личности и в настоящее время интенсивно разрабатываются в рамках исследований «образа самого себя», «самооценки», «самосознания». Другие же стали исходными точками в разработке таких аспектов личности, которые раскрываются со стороны ее собственного сознания. Эмоциональная жизнь личности, ее смысловые образования, ее жизненные проблемы, перспективы и прочее стали важными проблемами психологических исследований личности.

Джемс включает в личность, наряду с «чистым Я», также «эмпирическое Я», которое составляет не только то, что человек считает самим собой, но также и все то, что он может считать своим: свой дом, близких, свои дела, репутацию и т. п. По отношению ко всему этому человек испытывает те же чувства, что и по отношению к самому себе: потеря доброго имени переживается как утрата части собственного Я. Самая логика обсуждаемых Джемсом вопросов заставляла его выходить за пределы индивидуального сознания человека. Понятно, однако, что в рамках традиционной психологии сознания поднимавшиеся Джемсом проблемы не могли получить адекватного решения. Широкое распространение получила выдвинутая в 1884 г. теория эмоций Джемса. В 1892 г. Джемс совместно с Мюнстербегом организовал первую в США лабораторию прикладной психологии при Гарвардском университете. Соч.: Научные основы психологии. Спб., 1902; Беседы с учителями о психологии. М., 1902; Прагматизм, 2-е изд. Спб., 1910; Многообразие религиозного опыта. М., 1910; Вселенная с плюреалистической точки зрения. М., 1911; Существует ли сознание? — В сб.: Новые идеи в философии, вып. 4. Спб., 1913. Лит.: Современная буржуазная философия. М., 1972; Perry R. B. The Thought and Character of William James. Boston, 1935, vol. 1—2.

«Личность» и Я. О чем бы я ни думал, я всегда в то же время более или менее сознаю самого себя, свое личное существование. Вместе с тем ведь это я сознаю, так что мое самосознание в его целом является как бы двойственным — частью познаваемым и частью познающим, частью объектом и частью субъектом: в нем надо различать две стороны, из которых для краткости одну мы будем называть личностью, а другую — Я. Я говорю «две стороны», а не «две обособленные сущности», так как признание тождества нашего Я и нашей «личности» даже в самом акте их различения представляет, быть может, самое неукоснительное требование здравого смысла, и мы не должны упускать из виду это требование с самого начала при установлении терминологии, к каким бы выводам относительно ее состоятельности мы ни пришли в конце нашего исследования. Итак, рассмотрим сначала познаваемый элемент в сознании личности, или, как иногда выражаются, наше эмпирическое Эго.

Эмпирическое Я, или «личность». В самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические и душевные качества, но также его платье, его дом, его жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, его лошади, его яхта и капиталы. Все это вызывает в нем аналогичные чувства. Если по отношению ко всему этому дело обстоит благополучно — он торжествует; если дела приходят в упадок — он огорчен; разумеется, каждый из перечисленных нами объектов влияет не в одинаковой степени на состояние его духа, но все они оказывают более или менее сходное воздействие на его самочувствие. Понимая слово «личность» в самом широком смысле, мы можем прежде всего подразделить анализ ее на три части в отношении:

- а) ее составных элементов;
- б) чувств и эмоций, вызываемых ими (самооценка);
- в) поступков, вызываемых ими (заботы о самом себе и самосохранение).

(а) Составные элементы личности могут быть подразделены на три класса:

- физическая личность,
- социальная личность и
- духовная личность.

Физическая личность. В каждом из нас телесная организация представляет существенную часть нашей физической личности, а некоторые части нашего тела могут быть названы нашими в теснейшем смысле слова. За телесной организацией следует одежда. Старая поговорка, что человеческая личность состоит из трех частей:

¹ Джемс У. Психология. М., 1922.

души, тела и платья, — нечто большее, нежели простая шутка. Мы в такой степени присваиваем платье нашей личности, до того отождествляем одно с другим, что немногие из нас дадут, не колеблясь ни минуты, решительный ответ на вопрос, какую бы из двух альтернатив они выбрали: иметь прекрасное тело, обложенное вечно грязные и рваные лохмотья, или под вечно-новым костюмом с иголки скрывать безобразное, уродливое тело. Затем ближайшей частью нас самих является наше семейство, наши отец и мать, жена и дети — плоть от плоти и кость от кости нашей. Когда они умирают, исчезает часть нас самих. Нам стыдно за их дурные поступки. Если кто-нибудь обидел их, негодование вспыхивает в нас тотчас, как будто мы сами были на их месте. Далее следует наш «домашний очаг». Сцены в нем составляют часть нашей жизни, его вид вызывает в нас нежнейшее чувство привязанности, и мы неохотно прощаем гостю, который, посетив нас, указывает недостатки в нашей домашней обстановке или презрительно к ней относится. Мы отдаем инстинктивное предпочтение всем этим разнообразным объектам, связанным с наиболее важными практическими интересами нашей жизни. Все мы имеем бессознательное влечение охранять наши тела, облекать их в платья, снабженные украшениями, лелеять наших родителей, жену и детей и приискивать себе собственный уголок, в котором мы могли бы жить, совершенствуя свою домашнюю обстановку.

Такое же инстинктивное влечение побуждает нас накапливать состояние, а сделанные нами ранее приобретения становятся в большей или меньшей степени близкими частями нашей эмпирической личности. Наиболее тесно связанными с нами частями нашего имущества являются произведения нашего кровного труда. Немногие люди не почувствовали бы своего личного уничтожения, если бы произведение их рук и мозга (например, коллекция насекомых или обширный труд в рукописи), создававшееся ими в течение целой жизни, вдруг оказалось уничтоженным. Подобное же чувство питает скупой к своим деньгам.

Социальная личность. Признание в нас личности со стороны других представителей человеческого рода делает из нас общественную личность. Мы не только стадные животные, не только любим быть в обществе себе подобных, но имеем даже прирожденную склонность обращать на себя внимание других и производить на них благоприятное впечатление. Трудно придумать более дьявольское наказание (если бы такое наказание было физически возможным), как если бы кто-нибудь попал в общество людей, где на него совершенно не обращали бы внимания. Если бы никто не обращался при нашем появлении, не отвечал на наши вопросы, не интересовался нашими действиями, если бы всякий при встрече с нами намеренно не узнавал нас и обходил нас как с неодушевленными предметами, то нами овладело бы известного рода бешенство, известного рода бессильное отчаяние, от которого были бы облегчены жесточайшие телесные муки, лишь бы при этих муках мы

чувствовали, что, при всей безвыходности нашего положения, мы все-таки не пали настолько низко, чтобы не заслуживать внимания.

Собственно говоря, у человека столько социальных личностей, сколько индивидуумов признают в нем личность и имеют о ней представление. Посягнуть на это представление — значит посягнуть на самого человека. Но, принимая во внимание, что лица, имеющие представление о данном человеке, естественно распадаются на классы, мы можем сказать, что на практике всякий человек имеет столько же различных социальных личностей, сколько имеется различных групп людей, мнением которых он дорожит. Многие мальчики ведут себя довольно прилично в присутствии своих родителей или преподавателей, а в компании невоспитанных товарищей бесчинствуют и бранятся, как пьяные извозчики. Мы выставаем себя в совершенно ином свете перед нашими детьми, нежели перед клубными товарищами: мы держим себя иначе перед нашими постоянными покупателями, чем перед нашими работниками; мы — нечто совершенно другое по отношению к нашим близким друзьям, чем по отношению к нашим хозяевам или к нашему начальству. Отсюда на практике получается подразделение человека на несколько личностей; это может повести к дисгармоническому раздвоению социальной личности, например, в том случае, если кто-нибудь боится выставить себя перед одними знакомыми в том свете, в каком он представляется другим; но тот же факт может повести к гармоническому распределению различных сторон личности; например, когда кто-нибудь, будучи нежным к своим детям, является строгим к подчиненным ему узникам или солдатам.

Добрая или худая слава человека, его честь или позор — это названия для одной из его социальных личностей. Своеобразная общественная личность человека, называемая его честью, является результатом одного из тех раздвоений личности, о которых мы говорили. Представление в известном свете человека в глазах окружающей его среды является руководящим мотивом для одобрения или осуждения его поведения, смотря по тому, применяется ли он к требованиям данной общественной среды, к требованиям, которые он мог бы не соблюдать при другой житейской обстановке. Так, например, частное лицо может без зазрения совести покинуть город, зараженный холерой, но священник или доктор нашли бы такой поступок несовместимым с их понятием о чести. Честь солдата побуждает его сражаться и умирать при таких обстоятельствах, когда другой человек имеет полное право скрыться в безопасное место или бежать, не налагая на свое социальное Я позорного пятна. Подобным же образом судья или государственный муж в силуobleкающего их звания находят противным своей чести принимать участие в денежных операциях, не заключающих в себе ничего предосудительного для частного лица. Весьма часто можно слышать, как люди проводят различие между отдельными сторонами своей личности: «Как человек, я жалею вас, но как официальное

лицо, я не могу вас пощадить». «В политическом отношении он мой союзник, но как нравственную личность я не выношу его». То, что называют мнением среды, составляет один из сильнейших двигателей в жизни. Вор не смеет обкрадывать своих товарищей; карточный игрок обязан платить свои карточные долги, хотя бы он вовсе не платил иных своих долгов. Всегда и везде кодекс чести «фешенебельного» общества возбранял или разрешал известные поступки единственно в угоду одной из сторон нашей социальной личности. Вообще говоря, вы не должны лгать, но в том, что касается ваших отношений к известной даме — лгите, сколько вам угодно; от равного себе вы принимаете вызов на дуэль, но вы засмеетесь в глаза лицу низшего, сравнительно с вами, общественного положения, если это лицо вздумает потребовать от вас удовлетворения, — вот примеры для пояснения нашей мысли.

Духовная личность. Под духовной личностью, поскольку она стоит в связи с эмпирической, мы не разумеем того или другого отдельного преходящего состояния нашего сознания. Скорее мы разумеем под духовной личностью полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств. Это объединение в каждую отдельную минуту может стать объектом моей мысли и вызвать эмоции, аналогичные с эмоциями, производимыми во мне другими сторонами моей личности. Когда мы думаем о себе как о мыслящих существах, все другие стороны нашей личности представляются относительно нас как бы внешними объектами. Даже в границах нашей духовной личности некоторые элементы кажутся более внешними, чем другие. Например, наши способности к ощущению представляются, так сказать, менее интимно связанными с нашим Я, чем наши эмоции и желания. Самый центр, самое ядро нашего Я, поскольку оно нам известно, святое святых нашего существа, это — чувство активности, обнаруживающееся в некоторых наших внутренних душевных состояниях.

За составными элементами личности в нашем изложении следуют характеризующие ее чувства и эмоции.

Самооценка. Она бывает двух родов: самодовольство и недовольство собой. Самолюбие может быть скорее отнесено к третьему отделу, к отделу поступков, ибо сюда по большей части относят скорее известную группу действий, чем чувствований в тесном смысле слова. Для обоих родов самооценки язык имеет достаточный запас синонимов. Таковы, с одной стороны, гордость, самодовольство, высокомерие, суетность, самопочитание, заносчивость, тщеславие; с другой — скромность, униженность, смущение, неуверенность, стыд, унижение, раскаяние, сознание собственного позора и отчаяние в самом себе. Эти два противоположных класса чувствований являются непосредственными, первичными дарами нашей природы.

Можно сказать, что нормальным возбудителем самочувствия является для человека его благоприятное или неблагоприятное положение в свете — его успех или неуспех. Человек, эмпирически

личность которого имеет широкие пределы, который с помощью своих собственных сил всегда достигал успеха, личность с высоким положением в обществе, обеспеченная материально, окруженная друзьями, пользующаяся славой, едва ли будет склонна поддаваться страшным сомнениям, едва ли будет относиться к своим силам с тем недоверием, с каким она относилась к ним в своей юности: «Разве я не возрастил сады великого Вавилона?». Между тем лицо, потерпевшее несколько неудач одну за другой, падает духом на половине житейской дороги, проникается болезненной неуверенностью в самом себе и отступает перед попытками, вовсе не превосходящими его силы.

Заботы о себе и самосохранение. Под это понятие подходит значительный класс наших основных инстинктивных побуждений. Сюда относятся телесное, социальное и духовное самосохранение.

Заботы о физической личности. Все целесообразно-рефлекторные действия и движения питания и защиты составляют акты телесного самосохранения. Подобным же образом страх и гнев вызывают наступление целесообразного движения. Если под заботами о себе мы условимся разумеать предвидение будущего в отличие от самосохранения в настоящем, то мы можем отнести гнев и страх к инстинктам, побуждающим нас охотиться, добывать пропитание, строить жилища, делать полезные орудия и заботиться о своем организме. Впрочем, эти последние инстинкты в связи с чувством любви, родительской привязанности, любознательности и соревнования распространяются не только на развитие нашей телесной личности, но и на все наше материальное Я в самом широком смысле слова.

Наши заботы о своей социальной личности выражаются непосредственно в чувстве любви и дружбы, в нашем желании обращать на себя внимание и вызывать в других изумление, в чувстве ревности, стремлении к соперничеству, жажде славы, влияния и власти; косвенным образом они проявляются во всех побуждениях к материальным заботам о себе, поскольку последние могут служить средством к осуществлению общественных целей. Мы из сил надрываемся получить приглашение в дом, где бывает большое общество, чтобы при упоминании о ком-нибудь из виденных нами гостей иметь возможность сказать: «А, я его хорошо знаю!» — и раскланиваться на улице чуть ли не с половиной встречных. Конечно, нам всего приятнее иметь друзей, выдающихся по рангу или достоинствам, и вызывать в других восторженное поклонение. Так Керей в одном из своих романов просит читателей сознаться откровенно, неужели каждому из них не доставит особенного удовольствия прогулка по улице с двумя герцогами под руку. Но, не имея герцогов в кругу своих знакомых и не слыша гула завистливых голосов, мы не упускаем и менее значительных случаев обратить на себя внимание. Есть страстные любители предавать свое имя гласности в газетах — им все равно, под какую газетную рубрику попадет их имя, в разряд ли прибывших и выбывших, частных объяв-

лений, интервью или городских сплетен; за недостатком лучшего они не прочь попасть даже в хронику скандалов.

Под рубрику «*попечение о духовной личности*» следует отнести всю совокупность стремлений к духовному прогрессу — умственному, нравственному и духовному в узком смысле слова. Впрочем, необходимо допустить, что так называемые заботы о своей духовной личности представляют в этом более узком смысле слова лишь заботу о материальной и социальной личности в загробной жизни. В стремлении магометанина попасть в рай или в желании христианина избежать мук ада материальность желаемых благ сама собой очевидна. С более положительной и утонченной точки зрения на будущую жизнь многие из ее благ (сообщество с усопшими родными и святыми и сопричастие божества) суть лишь социальные блага наивысшего порядка. Только стремления к искуплению внутренней (греховной) природы души, к достижению ее безгрешной чистоты в этой или будущей жизни могут считаться заботами о духовной нашей личности в ее чистейшем виде.

Наш широкий внешний обзор фактов, наблюдаемых в жизни нашей личности, был бы неполон, если бы мы не выяснили вопроса о соперничестве и столкновениях между отдельными сторонами нашей личности. Наша физическая природа ограничивает наш выбор одними из многочисленных представляющихся нам и желаемых нами благ, тот же факт наблюдается и в данной области явлений. Если бы только было возможно, то уж, конечно, никто из нас не отказался бы быть сразу красивым, здоровым, прекрасно одетым человеком, великим силачом, богачом, имеющим миллионный годовой доход, остряком, бонвиваном, покорителем дамских сердец и в то же время философом, филантропом, государственным деятелем, военачальником, исследователем Африки, модным поэтом и святым человеком. Но это решительно невозможно. Деятельность миллионера не мирится с идеалом святого; филантроп и бонвиван — понятия несовместимые; душа философа не уживается с душой сердцееда в одной телесной оболочке. Внешним образом такие различные характеры как будто и в самом деле совместимы в одном человеке. Но стоит действительно развить одно из свойств характера, чтобы оно тотчас же заглушило другие. Человек должен тщательно рассмотреть различные стороны своей личности, чтобы искать спасения в развитии глубочайшей, сильнейшей стороны своего Я. Все другие стороны нашего Я призрачны, только одна из них имеет реальное основание в нашем характере, и потому ее развитие обеспечено. Неудачи в развитии этой стороны нашего характера суть действительные неудачи, вызывающие стыд, а успех — настоящий успех, приносящий нам истинную радость.

Нам отсюда становится понятным парадоксальный рассказ о человеке, пристыженном до смерти тем, что он оказался не первым, а вторым в свете боксером или гребцом. Что он в силах победить любого человека в свете, кроме одного — это для него ничего не значит. Пока он не одолеет первого в состязании, ничто не при-

нимается им в расчет. Он в своих собственных глазах как бы не существует. Тщедушный человек, которого всякий может побить, не огорчается своей физической немощью, ибо он давно оставил всякие попытки к развитию этой стороны своей личности. Без попыток не может быть неудачи, без неудачи не может быть позора. Таким образом, наше довольство собой в жизни обусловлено всецело тем, к какому делу мы себя предназначим. Оно определяется отношением наших действительных способностей к потенциальным, предполагаемым — дробью, в которой числитель выражает наш действительный успех, а знаменатель — наши притязания:

$$\text{Самоуважение} = \frac{\text{Успех}}{\text{Притязания}}$$

При увеличении числителя и уменьшении знаменателя дробь будет возрастать. Отказ от притязаний дает нам такое же желанное облегчение, как и осуществление их на деле, и отказываться от притязания будут всегда в том случае, когда разочарования беспрестанны, а борьбе не предвидится исхода.

Человек, понявший, что в его ничтожестве в известном отношении не остается для других никаких сомнений, чувствует какое-то странное сердечное облегчение.

Как приятно бывает иногда отказаться от притязаний казаться молодым и стройным! «Слава Богу, говорим мы в таких случаях, эти иллюзии миновали!» Всякое расширение нашего Я составляют лишнее бремя и лишнее притязание. Рассказывают про некоего господина, который в последнюю американскую войну потерял все свое состояние до последнего цента; сделавшись нищим, он буквально валялся в грязи, но уверял, что отродясь еще не чувствовал себя более счастливым и свободным.

Наше самочувствие, повторяю, зависит от нас самих. «Приравняй твои притязания нулю, — говорит Карлэйль, — и целый мир будет у ног твоих. Справедливо писал мудрейший человек нашего времени, что жизнь, собственно говоря, начинается только с момента отречения».

Ни угрозы, ни пререкаательства не могут оказать действия на человека, если они не затрагивают одной из возможных в будущем или действительных сторон его личности. Вообще говоря, только воздействием на эту личность мы можем «завладеть» чужой волей. Поэтому важнейшая забота монархов, дипломатов и вообще всех стремящихся к власти и влиянию заключается в том, чтобы найти у их жертвы сильнейший принцип самоуважения и сделать воздействие на него своей конечной целью. Но если человек отказался от всего, что зависит от воли другого, и перестал смотреть на все это, как на части своей личности, то мы становимся почти совершенно бессильными влиять на него. Стоическое правило счастья заключается в том, чтобы мы наперед считали себя лишенными всего

того, что зависит не от нашей воли — тогда удары судьбы станут для нас нечувствительными. Эпиктет советует нам сделать нашу личность неуязвимой, суживая ее содержание, но в то же время укрепляя ее устойчивость: «Я должен умереть — хорошо, но должен ли я умирать, непременно жалуясь на свою судьбу? Я буду открыто говорить правду, и, если тиран скажет: «За твои речи ты достоин смерти», я отвечу ему: «Говорил ли я тебе когда-нибудь, что я бессмертен? Ты будешь делать свое дело, а я свое; твое дело — казнить, а мое — умирать бесстрашно; твое дело — изгонять, а мое — бестрепетно удаляться».

В свое время, в своем месте эта стоическая точка зрения могла быть достаточно полезной и героической, но надо признаться, что она возможна только при постоянной наклонности души к развитию узких и несимпатичных черт характера. Стоик действует путем самоограничения. Если я стоик, то блага, какие я мог бы себе присвоить, перестают быть моими благами, и во мне является наклонность вообще отрицать за ними значение каких бы то ни было благ. Этот способ оказывать поддержку своему Я путем отречения, отказа от благ весьма обычен среди лиц, которых в других отношениях никак нельзя назвать стоиками. Все узкие люди ограничивают свою личность, отделяют от нее все то, что не составляет у них прочного владения. Они смотрят с холодным пренебрежением, если не с настоящей ненавистью, на людей, непохожих на них или не поддающихся их влиянию, хотя бы эти люди обладали великими достоинствами.

Экспансивные люди действуют, наоборот, путем расширения своей личности и приобщения к ней других. Границы их личности часто бывают довольно неопределенны, но зато богатство ее содержания с избытком вознаграждает их за это.

«Пусть презирают мою скромную личность, пусть обращаются со мной, как с собакой; пока есть душа в моем теле, я не буду их отвергать. Они — такие же реальности, как и я. Все, что в них есть действительно хорошего — пусть будет достоянием моей личности». Великодушные этих экспансивных натур иногда бывает поистине трогательно. Такие лица способны испытывать своеобразное тонкое чувство восхищения при мысли, что, несмотря на болезнь, непривлекательную внешность, плохие условия жизни, несмотря на общее к ним пренебрежение они все-таки составляют неотделимую часть этого мира бодрых людей, имеют товарищескую долю в силе ломовых лошадей, в счастье юности, в мудрости мудрых и не лишены некоторого участия в пользовании богатствами Вандербильдов и даже самих Гогенцоллернов. Таким образом, то суживаясь, то расширяясь, наше эмпирическое Я пытается утвердиться во внешнем мире. Тот, кто может воскликнуть вместе с Марком Аврелием: «О, вселенная! Все, чего ты желаешь, того и я желаю!», имеет личность, из которой удалено до последней черты все, ограничивающее суживающее содержание личности — содержание его личности всеобъемлюще.

Иерарх
мнению, р
в одном че
человека
с физичес
видами ма
ных лично
заботиться
ные сторо
от развит
успеха. Та
добродетел
совсем лиц
про лисицу
Конечно
подчинять
нении бес
нец, немал
суждения,
Одним из
является то
в себе изве
когда мы з
симпатии ф
честолюбие,
вость. Пред
охотно дал
спустя дол
о том, како
других. Но
о других л
страстей, к
страстей и
ствовать. П
нам с детст
к рефлексии
Таким-то
которой люд
по их досто
обходимой
ком чувстве
случае пыта
Материальн
отдается пр
лом. Жалки
воват небо
подъема сво
в ее

Иерархия личностей. Согласно почти единодушно принятому мнению, различные виды личностей, которые могут заключаться в одном человеке, и в связи с этим различные виды самоуважения человека могут быть расположены в форме иерархической скалы, с физической личностью внизу, духовной наверху и различными видами материальных (находящихся вне нашего тела) и социальных личностей в промежутке. Чисто природная склонность наша заботиться о себе вызывает в нас стремление расширять различные стороны нашей личности; мы преднамеренно отказываемся от развития в себе лишь того, в чем не надеемся достигнуть успеха. Таким-то образом наш альтруизм является «необходимой добродетелью», и циники, описывая наш прогресс в морали, не совсем лишены оснований напоминать при этом об известной басне про лисицу и виноград.

Конечно, это не единственный путь, на котором мы учимся подчинять низшие виды наших личностей высшим. В этом подчинении бесспорно играет известную роль этическая оценка, и, наконец, немаловажное значение имеют в применении к нам самим суждения, высказанные нами раньше о поступках других лиц. Одним из курьезнейших законов нашей (психической) природы является то обстоятельство, что мы с удовольствием наблюдаем в себе известные качества, которые кажутся нам отвратительными, когда мы замечаем их в других. Ни в ком не может возбудить симпатии физическая неопрятность иного человека, его жадность, честолюбие, вспыльчивость, ревность, деспотизм или заносчивость. Предоставленный абсолютно самому себе, я, может быть, охотно дал бы неудержимо развиваться этим склонностям и лишь спустя долгое время составил бы себе надлежащее представление о том, какое положение должна занимать подобная личность в ряду других. Но так как мне постоянно приходится составлять суждения о других людях, то я вскоре приучаюсь видеть в зеркале чужих страстей, как выражается Горвиц, отражение моих собственных страстей и начинаю мыслить о них совершенно иначе, чем их чувствовать. При этом, разумеется, нравственные принципы, внушенные нам с детства, чрезвычайно ускоряют в нас появление склонности к рефлексии.

Таким-то путем и получается, как мы сказали, та скала, на которой люди иерархически располагают различные виды личностей по их достоинству. Известная доля телесного эгоизма является необходимой подкладкой для всех других видов личности. Но излишним чувственного элемента стараются пренебречь или в лучшем случае пытаются уравновесить его другими свойствами характера. Материальным видам личностей, в более широком смысле слова, отдается предпочтение перед непосредственной личностью — телом. Жалким существом почитаем мы того, кто не способен пожертвовать небольшим количеством пищи, питья или сна ради общего подъема своего материального благосостояния. Социальная личность в ее целом опять же стоит выше материальной личности в

ее совокупности. Мы должны более дорожить нашей честью, нашими друзьями и человеческими отношениями, чем здоровьем и материальным благополучием. Духовная же личность должна быть для человека высшим сокровищем: мы должны скорее пожертвовать друзьями, добрым именем, собственностью и даже жизнью, чем утратить духовные блага нашей личности.

Во всех видах наших личностей — физическом, социальном и духовном — мы проводим различие между непосредственным, действительным, с одной стороны, и более отдаленным, потенциальным — с другой, между более близоруким и более дальновидным — с другой, действуя наперекор первой и в пользу последней. Ради общего состояния здоровья необходимо жертвовать минутным удовольствием в настоящем: надо выпустить из рук один доллар, имея в виду получить на них сотню; надо порвать дружеские сношения с известным лицом в настоящем, имея в виду при этом приобрести себе более достойный круг друзей в будущем; надо быть неучем, человеком неизящным, лишенным всякого остроумия, дабы надежнее стяжать спасение души.

Все совершенствование социальной личности заключается в замене низшего суда над собой высшим; в лице Верховного судьи идеальный трибунал представляется наивысшим; и большинство людей или постоянно, или в известных случаях жизни обращаются к тому Верховному судье. Последнее исчадие рода человеческого может таким путем стремиться к высшей нравственной оценке, может признать за собой известную силу, известное право на существование. С другой стороны, для большинства из нас мир без внутреннего убежища в минуту полной утраты всех внешних социальных личностей был бы какой-то ужасной бездной.

А. Н. Леон

Итак, в основ
ловеческих дея
однако, психол
хия деятельнос
мы называем д
мотивом, — тем
говоря, за соо
мотивов. Мы п
к анализу моти
способность к
происходят вну
как личности.

В современ
тивирующие фа
Мотивами назы
чения и аппетит
в пестром переч
цели и идеалы,
током. Нет ник
ниях понятий и
ние проблемы м
требуется рассмот
Прежде всего
стей. Я уже го
потребность в че
опосредствованы
ной стороны, пр
ступают перед ни
с другой — сигнала
сами потребности
тате действия ин
шее изменение,
уровень, состоит
с отвечающими
Дело в том,
предмет, который
не записан. До
знает» своего пре

Леонтьев А.

А. Н. Леонтьев

МОТИВЫ, ЭМОЦИИ И ЛИЧНОСТЬ¹

Итак, в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. В чем, однако, психологически выражается эта подчиненность, эта иерархия деятельностей? В соответствии с принятым нами определением мы называем деятельностью процесс, побуждаемый и направляемый мотивом, — тем, в чем опредмечена та или иная потребность. Иначе говоря, за соотношением деятельностей открывается соотношение мотивов. Мы приходим, таким образом, к необходимости вернуться к анализу мотивов и рассмотреть их развитие, их трансформации, способность к раздвоению их функций и те их смещения, которые происходят внутри системы процессов, образующих жизнь человека как личности.

В современной психологии термином «мотив» (мотивация, мотивирующие факторы) обозначаются совершенно разные явления. Мотивами называют инстинктивные импульсы, биологические влечения и аппетиты, а равно переживание эмоций, интересы, желания; в пестром перечне мотивов можно обнаружить такие, как жизненные цели и идеалы, но также и такие, как раздражение электрическим током. Нет никакой надобности разбираться во всех тех смешениях понятий и терминов, которые характеризуют нынешнее состояние проблемы мотивов. Задача психологического анализа личности требует рассмотреть лишь главные вопросы.

Прежде всего это вопрос о соотношении мотивов и потребностей. Я уже говорил, что собственно потребность — это всегда потребность в чем-то, что на психологическом уровне потребности опосредствованы психическим отражением, и притом двояко. С одной стороны, предметы, отвечающие потребностям субъекта, выступают перед ним своими объективными сигнальными признаками, с другой — сигнализируются, чувственно отражаются субъектом и сами потребностные состояния, в простейших случаях — в результате действия интероцептивных раздражителей. При этом важнейшее изменение, характеризующее переход на психологический уровень, состоит в возникновении *подвижных* связей потребностей с отвечающими им предметами.

Дело в том, что в самом потребностном состоянии субъекта предмет, который способен удовлетворить потребность, жестко не записан. До своего первого удовлетворения потребность «не знает» своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет — свою побудительную и направляющую деятельность функции, т. е. становится мотивом².

Подобное понимание мотивов кажется по меньшей мере односторонним, а потребности — исчезающими из психологии. Но это не так. Из психологии исчезают не потребности, а лишь их абстракты — «голые», предметно не наполненные потребностные состояния субъекта. Абстракты эти появляются на сцене в результате обособления потребностей от предметной деятельности субъекта, в которой они единственно обретают свою психологическую конкретность.

Само собой разумеется, что субъект как индивид рождается наделенным потребностями. Но, повторяю это еще раз, потребность как внутренняя сила может реализоваться только в деятельности. Иначе говоря, потребность первоначально выступает лишь как условие, как предпосылка деятельности, но как только субъект начинает действовать, тотчас происходит ее трансформация, и потребность перестает быть тем, чем она была вертуально, «в себе». Чем дальше идет развитие деятельности, тем более эта предпосылка превращается в ее результат.

Трансформация потребностей отчетливо выступает уже на уровне эволюции животных: в результате происходящего изменения и расширения круга предметов, отвечающих потребностям, и способов их удовлетворения развиваются и сами потребности. Это происходит потому, что потребности способны конкретизироваться в потенциально очень широком диапазоне объектов, которые и становятся побудителями деятельности животного, придающими ей определенную направленность. Например, при появлении в среде новых видов пищи и исчезновении прежних пищевая потребность, продолжая удовлетворяться, вместе с тем впитывает теперь в себя новое содержание, т. е. становится иной. Таким образом, развитие потребностей животных происходит путем развития их деятельности по отношению ко все более обогащающемуся кругу предметов; разумеется, что изменение конкретно-предметного содержания потребностей приводит к изменению также и способов их удовлетворения.

Конечно, это общее положение нуждается во многих оговорках и пояснениях, особенно в связи с вопросом о так называемых функциональных потребностях. Но сейчас речь идет не об этом. Главное заключается в выделении факта трансформации потребностей через предметы в процессе их потребления. А это имеет ключевое значение для понимания природы потребностей человека.

В отличие от развития потребностей у животных, которое зависит от расширения круга потребляемых ими природных предметов, потребности человека порождаются развитием произ-

² См.: Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1972.

водства. Ведь
ние, создающе
вается потреб
его представл
и выступает
мотива³.

Однако в п
в отвлечении
потребительного
объяснению де
При этом иногда
из общего кон
труда в форми
его потребности
усматривать в
пишет в этой с
ности, потребле
деятельности. Н
ный пункт реал
акт, в который
водит предмет и
му себе...»⁴.

Итак, перед
связь между по
ту идею, что ис
процесс в целом
потребность. В н
потребностей»,
лению о сфере п
ей схема есть сх
ность. Эта схем
ностей, является
которой «никак
принципиально
играть роль исхо
для научной тео

Преобразование
также (и преж
гомологами потр
есть голод, одн
поедаемым с по
при котором про

³ См.: Маркс К.,
⁴ Маркс К., Энге
⁵ Sève L. Marxisme
⁶ Маркс К., Энге

водства. Ведь производство есть непосредственно также и потребление, создающее потребность. Иначе говоря, потребление опосредствуется потребностью в предмете, его восприятием или мысленным его представлением. В этой отраженной своей форме предмет и выступает в качестве идеального внутренне побуждающего мотива³.

Однако в психологии потребности чаще всего рассматриваются в отвлечении от главного — от порождающей их раздвоенности потребительного производства, что и ведет к одностороннему объяснению действий людей непосредственно из их потребностей. При этом иногда опираются на высказывание Энгельса, извлеченное из общего контекста его фрагмента, посвященного как раз роли труда в формировании человека, в том числе, разумеется, также и его потребностей. Марксистское понимание далеко от того, чтобы усматривать в потребностях исходный и главный пункт. Вот что пишет в этой связи Маркс: «В качестве нужды, в качестве потребности, потребление само есть внутренний момент производительной деятельности. Но **последняя** (выделено мной.— А. Л.) есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент — акт, в который снова превращается весь процесс. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе...»⁴.

Итак, перед нами две принципиальные схемы, выражающие связь между потребностью и деятельностью. Первая воспроизводит ту идею, что исходным пунктом является потребность, и поэтому процесс в целом выражается циклом: *потребность → деятельность → потребность*. В ней, как отмечает Л. Сэв, реализуется «материализм потребностей», который соответствует домарксистскому представлению о сфере потребления как основной. Другая, противостоящая ей схема есть схема цикла: *деятельность → потребность → деятельность*. Эта схема, отвечающая марксистскому пониманию потребностей, является фундаментальной также и для психологии, в которой «никакая концепция, основанная на идее «двигателя», принципиально предшествующего самой деятельности, не может играть роль исходной, способной служить достаточным основанием для научной теории человеческой личности»⁵.

Преобразование потребностей на уровне человека охватывает также (и прежде всего) потребности, являющиеся у человека гомологами потребностей животных. «Голод,— замечает Маркс,— есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают мясо с помощью рук, ногтей и зубов»⁶.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 46, ч. I, с. 26—29.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч. I, с. 30.

⁵ Séve L. *Marxisme et théorie de la Personnalité*. Paris, 1972.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 28.

Хотя потребности человека, удовлетворение которых составляет необходимое условие поддержания физического существования, отличаются от его потребностей, не имеющих своих гомологов у животных, различие это не является абсолютным, и историческое преобразование охватывает всю сферу потребностей.

Самое же главное состоит в том, что у человека потребности вступают в новые отношения друг с другом.

Верно, конечно, что общий путь, который проходит развитие человеческих потребностей, начинается с того, что человек действует для удовлетворения своих элементарных, витальных потребностей; но далее это отношение обращается, и человек удовлетворяет свои витальные потребности для того, чтобы действовать. Это и есть принципиальный путь развития потребностей человека.

Путь этот, однако, не может быть непосредственно выведен из движения самих потребностей, потому что за ним скрывается развитие их предметного содержания, т. е. конкретных мотивов деятельности человека.

Таким образом, психологический анализ потребностей неизбежно преобразуется в анализ мотивов. Для этого, однако, необходимо преодолеть традиционное субъективистское понимание мотивов, которое приводит к смешению совершенно разнородных явлений и совершенно различных уровней регуляции деятельности. Здесь мы встречаемся с настоящим сопротивлением: разве не очевидно, говорят нам, что человек действует потому, что он *хочет*. Но субъективные переживания, хотения, желания и т. п. не являются мотивами потому, что сами по себе они не способны породить *направленную* деятельность, и, следовательно, главный психологический вопрос состоит в том, чтобы понять, в чем состоит предмет данного хотения, желания или страсти.

Еще меньше, конечно, оснований называть мотивами деятельности такие факторы, как тенденция к воспроизведению стереотипов поведения, тенденция к завершению начатого действия и т. д. В ходе осуществления деятельности возникает, конечно, множество «динамических сил». Однако силы эти могут быть отнесены к категории мотивов не с большим основанием, чем, например, инерция человеческого тела, действие которой тотчас обнаруживает себя, когда, например, быстро бегущий человек наталкивается на внезапно возникшее препятствие.

Особое место в теории мотивов деятельности занимают открыто гедонистические концепции, суть которых состоит в том, что всякая деятельность человека якобы подчиняется принципу максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций. Отсюда достижение удовольствия и освобождение от страдания и составляют подлинные мотивы, движущие человеком. Именно в гедонистических концепциях, как в фокусе линзы, собраны все идеологически извращенные представления о смысле существования человека, о его личности. Как и всякая большая ложь, концепции эти опираются на фальсифицируемую ими правду. Правда эта

состоит в том, что психологический анализ потребности с этой насмешкой «подкрепляет» бихевиоризма.

Человеческая деятельность так, как мозговые «центры» их включены. Можно, конечно, сказать, как, например, секса; однако являясь действительной природой жизни. Она ими, несостоятельными, стоит, разумеется, нальных переживаний они упрощают и начинают себе деятельности «ее движения».

В свое время Д. быть счастливым, нибудь цель; тогда не заботясь о нем» он, психологически

Эмоции выполняются в том смысле, что собственно самой пре- состоит в том, что (потребностями) и ус- отвечающей им де- о рефлексии этих с- отражении, о пере- за актуализацией м- субъектом своей де-

Я не могу оста- потез, которые так- от соотношения м- только, что факт, м- внимание, заключае- а не реализующим е-

См.: Гельгорн Э., Л. М., 1966.

Сходное положение в- ситуация, — пишет он, — между мотивацией и П. Фрейд и Ж. П.

М., 1975.

состоит в том, что человек действительно стремится быть счастливым. Но психологический гедонизм как раз и вступает в противоречие с этой настоящей большой правдой, разменивая ее на мелкую монету «подкреплений» и «самоподкреплений» в духе скиннеровского бихевиоризма.

Человеческая деятельность отнюдь не побуждается и не управляется так, как поведение лабораторных крыс с вживленными в мозговые «центры удовольствия» электродами, которые, если обучить их включению тока, бесконечно предаются этому занятию⁷. Можно, конечно, сослаться на сходные явления и у человека, такие, как, например, потребление наркотиков или гиперболизация секса; однако явления эти решительно ничего не говорят о действительной природе мотивов, об утверждающей себя человеческой жизни. Она ими, наоборот, разрушается.

Несостоятельность гедонистических концепций мотивации состоит, разумеется, не в том, что они преувеличивают роль эмоциональных переживаний в регулировании деятельности, а в том, что они упрощают и извращают реальные отношения. Эмоции не подчиняют себе деятельность, а являются ее результатом и «механизмом» ее движения.

В свое время Дж. Ст. Милль писал: «Я понял, что для того, чтобы быть счастливым, человек должен поставить перед собой какую-нибудь цель; тогда, стремясь к ней, он будет испытывать счастье, не заботясь о нем». Такова «хитрая» стратегия счастья. Это, говорил он, психологический закон.

Эмоции выполняют функцию внутренних сигналов, внутренних в том смысле, что они являются психическим отражением непосредственно самой предметной действительности. Особенность эмоций состоит в том, что они отражают отношения между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта⁸. При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а о непосредственно-чувственном их отражении, о переживании. Таким образом, они возникают вслед за актуализацией мотива (потребности) и до рациональной оценки субъектом своей деятельности.

Я не могу останавливаться здесь на анализе различных гипотез, которые так или иначе выражают факт зависимости эмоций от соотношения между «бытием и долженствованием». Замечу только, что факт, который прежде всего должен быть принят во внимание, заключается в том, что эмоции релевантны деятельности, а не реализующим ее действиям или операциям. Поэтому-то одни и

⁷ См.: Гельгорн Э., Луборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. М., 1966.

⁸ Сходное положение высказывается, в частности, П. Фрессом: «...эмоциогенная ситуация, — пишет он, — не существует как таковая. Она зависит от отношения между мотивацией и возможностями субъекта» (Фресс П. Эмоции. — В кн.: П. Фресс и Ж. Пиаже (ред.) Экспериментальная психология. — Вып. 5, М., 1975).

те же процессы, осуществляющие разные деятельности, могут приобретать разную и даже противоположную эмоциональную окраску. Иначе говоря, роль положительного или отрицательного «санкционирования» выполняется эмоциями по отношению к эффектам, заданным мотивом. Даже успешное выполнение того или иного действия вовсе не всегда ведет к положительным эмоциям, оно может породить и резко отрицательное переживание, сигнализирующее о том, что со стороны ведущего для личности мотива достигнутый успех психологически является поражением.

Генетически исходным для человеческой деятельности является несовпадение мотивов и целей. Напротив, их совпадение есть вторичное явление: либо результат приобретения целью самостоятельной побудительной силы, либо результат осознания мотивов, превращающего их в *мотивы-цели*. В отличие от целей, мотивы актуально не сознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия, то в этот момент мы обычно не отдаем себе отчета о мотивах, которые их побуждают. Правда, нам нетрудно привести их *мотивировку*, но мотивировка вовсе не всегда содержит в себе указание на их действительный мотив.

Мотивы, однако, не отделены от сознания. Даже когда мотивы не сознаются, т. е. когда человек не отдает себе отчета в том, что побуждает его совершать те или иные действия, они все же находят свое психическое отражение, но в особой форме — в форме эмоциональной окраски действий. Эта эмоциональная окраска (ее интенсивность, ее знак и качественная характеристика) выполняет специфическую функцию, что и требует различать понятие эмоции и понятие личностного смысла. Их несовпадение не является, однако, изначальным: по-видимому, на более низких уровнях потребности как раз непосредственно «метятся» эмоцией. Несовпадение это возникает лишь в результате происходящего в ходе развития человеческой деятельности *раздвоения функций мотивов*.

Такое раздвоение возникает вследствие того, что деятельность необходимо становится полимотивированной, т. е. одновременно отвечающей двум или нескольким мотивам⁹. Ведь действия человека объективно всегда реализуют некоторую совокупность отношений: к предметному миру, к окружающим людям, к обществу, к самому себе.

Одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл: мы будем называть их *смыслообразующими мотивами*. Другие, сосуществующие с ними, выполняя роль побудительных факторов (положительных или отрицательных) — порой остро эмоциональных, аффективных, — лишены смыслообразующей функции; мы будем условно называть такие мотивы

⁹ Это задано уже принципиальной структурой трудовой деятельности, которая реализует двойное отношение: к результату труда (его продукту) и к человеку (другим людям).

мотивами-ст
личностному
ходе своего
даже сильно
ее от этого
образная, б
возникшей э
раз задумат
живания к
лооброзован
той же деяте
ризующие мо
тивов. Иера
к витальным
это представ
необходимост
мотивы само
конец, на са
эстетические
ключается не
добная ей) ш
шкалировании
логическим по
ности тех ил
отношений ме
щимися связя
поэтому явля
соотношению
тивов-стимуло
может выполн
дополнительно
всегда заним
они не облад
в жизни лич
«за занавесо
непосредствен
Факт суще
не выражает с
Неосознаваем
психическое о
объективном м
друг другу; эт
жения, находя
занимает отра

мотивами-стимулами. Характерная черта: когда важная по своему личностному смыслу для человека деятельность сталкивается в ходе своего осуществления с негативной стимуляцией, вызывающей даже сильное эмоциональное переживание, то личностный смысл ее от этого не меняется; чаще происходит другое, а именно своеобразная, быстро нарастающая психологическая дискредитация возникшей эмоции. Это хорошо известное явление заставляет еще раз задуматься над вопросом об отношении эмоционального переживания к личностному смыслу¹⁰. Распределение функций смыслообразования и только побуждения между мотивами одной и той же деятельности позволяет понять главные отношения, характеризующие мотивационную сферу личности: отношения *иерархии* мотивов. Иерархия эта отнюдь не строится по шкале их близости к витальным (биологическим) потребностям, подобно тому как это представляет себе, например, Маслоу: в основе иерархии лежит необходимость поддерживать физиологический гомеостазис; выше — мотивы самосохранения; далее — уверенность, престижность; наконец, на самой вершине иерархии — мотивы познавательные и эстетические¹¹. Главная проблема, которая здесь возникает, заключается не в том, насколько правильна данная (или другая, подобная ей) шкала, а в том, правомерен ли самый принцип такого шкалирования мотивов. Дело в том, что ни степень близости к биологическим потребностям, ни степень побудительности и аффектогенности тех или иных мотивов еще не определяют иерархических отношений между ними. Эти отношения определяются складывающимися связями деятельности субъекта, их опосредствованиями и поэтому являются релятивными. Это относится и к главному соотношению — к соотношению смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов. В структуре одной деятельности данный мотив может выполнять функцию смыслообразования, в другой — функцию дополнительной стимуляции. Однако смыслообразующие мотивы всегда занимают более высокое иерархическое место, даже если они не обладают прямой аффектогенностью. Являясь ведущими в жизни личности, для самого субъекта они могут оставаться «за занавесом» — и со стороны сознания, и со стороны своей непосредственной аффективности.

Факт существования актуально несознаваемых мотивов вовсе не выражает собой особого начала, таящегося в глубинах психики. Несознаваемые мотивы имеют ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире. Несознаваемое и сознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные формы и уровни психического отражения, находящегося в строгой соотнесенности с тем местом, которое занимает отражаемое в структуре деятельности, в движении ее

¹⁰ См.: Бассин Ф. В. К развитию проблемы значения и смысла. — *Вопр. психологии*, 1973, № 6.

¹¹ Maslow A. *Motivation and Personality*. N. Y., 1954.

системы. Если цели и отвечающие им действия необходимо сознаются, то иначе обстоит дело с осознанием их мотива — того, ради чего ставятся и достигаются данные цели. Предметное содержание мотивов всегда, конечно, так или иначе воспринимается, представляется. В этом отношении объект, побуждающий действовать, и объект, выступающий в качестве орудия или преграды, так сказать, равноправны. Другое дело — осознание объекта в качестве мотива. Парадокс состоит в том, что мотивы открываются сознанию только объективно, путем анализа деятельности, ее динамики. Субъективно же они выступают только в своем косвенном выражении — в форме переживания желания, хотения, стремления к цели. Когда передо мной возникает та или иная цель, то я не только сознаю ее, представляю себе ее объективную обусловленность, средства ее достижения и более отдаленные результаты, к которым она ведет, вместе с тем я *хочу* достичь ее (или, наоборот, она меня отвращает от себя). Эти непосредственные переживания и выполняют роль внутренних сигналов, с помощью которых регулируются осуществляющиеся процессы. Субъективно выражающийся же в этих внутренних сигналах мотив прямо в них не содержится. Это и создает впечатление, что они возникают эндогенно и что именно они являются силами, движущими поведением.

Осознание мотивов есть явление вторичное, возникающее только на уровне личности и постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития. Для совсем маленьких детей этой задачи просто не существует. Даже на этапе перехода к школьному возрасту, когда у ребенка появляется стремление пойти в школу, подлинный мотив, лежащий за этим стремлением, скрыт от него, хотя он и не затрудняется в мотивировках, обычно воспроизводящих *знаемое* им. Выяснить этот подлинный мотив можно только объективно, «со стороны», изучая, например, игры детей «в ученика», так как в ролевой игре легко обнажается личностный смысл игровых действий и соответственно их мотив¹². Для осознания действительных мотивов своей деятельности субъект тоже вынужден идти по «обходному пути», с той, однако, разницей, что на этом пути его ориентируют сигналы-переживания, эмоциональные «метки» событий.

День, наполненный множеством действий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный эмоциональный осадок. На фоне забот дня этот осадок едва замечается. Но вот наступает минута, когда человек как бы оглядывается и мысленно перебирает прошедший день, в эту-то минуту, когда в памяти всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно это

¹² См.: Леонтьев А. Н. Психологические основы дошкольной игры. — Дошкольное воспитание, 1947, № 9; Божович Л. И., Морозова Н. Г., Славина Л. С. Развитие мотивов учения у советских школьников. — Изв. Акад. пед. наук РСФСР, вып. 36, М., 1951.

событие и оставило у него эмоциональный осадок. Может статься, например, что это его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал; и вот оказывается, что это не вполне так и что едва ли не главным для него мотивом было достижение успеха для себя. Он стоит перед «задачей на личностный смысл», но она не решается сама собой, потому что теперь она стала задачей на соотношение мотивов, которое характеризует его как личность.

Нужна особая внутренняя работа, чтобы решить такую задачу и, может быть, отторгнуть от себя то, что обнажилось. Ведь беда, говорил Пирогов, если вовремя этого не подметишь и не остановишься. Об этом писал и Герцен, а вся жизнь Толстого — великий пример такой внутренней работы.

Процесс проникновения в личность выступает здесь со стороны субъекта, феноменально. Но даже и в этом феноменальном его проявлении видно, что он заключается в уяснении иерархических связей мотивов. Субъективно они кажутся выражающими психологические «валентности», присущие самим мотивам. Однако научный анализ должен идти дальше, потому что образование этих связей необходимо предполагает трансформирование самих мотивов, происходящее в движении всей той системы деятельности субъекта, в которой формируется его личность.

Узнадзе Дмитрий Николаевич (1 января 1887 — 12 октября 1950) — советский психолог и философ, действительный член АН Грузинской ССР (с 1941). Окончил философский факультет Лейпцигского университета (1908), историко-филологический факультет Харьковского университета (1913). Один из основателей Тбилисского университета (1918), где создал отделение психологии, кафедру психологии и лабораторию экспериментальной психологии при ней. Со дня организации (1941) был директором Института психологии АН Грузинской ССР.

Д. Н. Узнадзе — автор первых учебников и систематических курсов психологии на грузинском языке. Ему принадлежит ряд исследований по психологии мышления, речи, восприятия и др. Созданная Д. Н. Узнадзе оригинальная теория установки и выполненные в русле ее многочисленные экспериментальные исследования самого Узнадзе, а также его учеников привели к образованию одной из крупных школ в советской психологической науке.

Соч.: Труды, т. 1—6. Тб., 1966—1967 (на груз. яз.); Психологические исследования. М., 1966.

Д. Н. Узнадзе

МОТИВАЦИЯ — ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ВОЛЕВОМУ АКТУ¹

МОТИВАЦИЯ И УСТАНОВКА

Для некоторых людей высшие потребности имеют большее значение и большую силу, а для других витальные потребности определяют их жизнь и придают ей стиль. Для одних эстетическая потребность служит источником неиссякаемой энергии, для других — моральная и интеллектуальная потребности. Словом, между людьми существуют довольно многосторонние различия в зависимости от того, какая потребность более характерна для их Я.

Разумеется, здесь решающее значение имеет прошлое людей — та ситуация, в которой протекала их жизнь и в которой они воспитывались, те впечатления и переживания, которые имели для них исключительный вес. Без сомнения, в силу всего этого у каждого выработаны свои особые фиксированные установки, которые так или иначе, с большей или меньшей очевидностью проявляются и

¹ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.

становятся основой готовности к деятельности в соответствующих условиях и в определенном направлении.

Между прочим, личность человека создают исключительно эти установки: они являются причиной того, что для некоторых основным источником энергии является одна система потребностей, а для других — другая.

Приняв это во внимание, нам станет понятно, что не все для всех имеет одинаковую ценность. Отдельные предметы или явления оцениваются в зависимости от того, какую потребность могут они удовлетворить, а ведь потребности у людей разные.

Когда перед человеком встает вопрос, как себя повести, сказывается следующее обстоятельство: из тех возможных действий, какие его разум признает целесообразным, только некоторые привлекают его с определенной стороны, только по отношению к некоторым из них чувствует он готовность, только некоторые приемлет как подходящие, как истинно целесообразные. Смысл мотивации заключается именно в этом: отыскивается и находится именно такое действие, которое соответствует основной, закрепленной в жизни установке личности. Когда субъект находит такую разновидность поведения, он особенно его переживает, чувствуя к нему тяготение, переживает готовность к его выполнению. Это именно то переживание, какое появляется при акте решения в виде специфического переживания, охарактеризованного нами выше под названием «я действительно хочу». Это переживание наглядно указывает, что у субъекта создалась установка определенного поведения: свершился акт решения, и теперь вопрос касается его выполнения.

ВОЛЕВОЕ И ИМПУЛЬСИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Роль мотива состоит в том, что то или иное физическое поведение он превращает в определенное психологическое поведение. Это ему удается благодаря тому, что он включает это поведение в систему основных потребностей личности и порождает в субъекте установку его выполнения. Так получается, что основой волевого поведения становится определенная установка. Но ведь и в основе импульсивного поведения лежит установка! Какая же тогда разница между волевым и импульсивным поведением?

С этой стороны действительно нет никакой разницы между этими двумя основными формами поведения: в основе обеих лежит установка. Для нас это бесспорно. Значит, различие надо искать в другом направлении. Дело в том, что эта установка в одном случае создается так, а в другом — иначе и различие между этими формами поведения следует подразумевать именно в этом. В случае импульсивного поведения установку создает актуальная ситуация. Яснее: у живого существа возникает определенная конкретная установка. Она находится в определенной конкретной ситуации, в которой должна удовлетвориться его конкретная потребность. На основе взаимоотношения этой актуально пережива-

емой потребности и актуально данной ситуации у субъекта появляется определенная установка, которая и ложится в основу его поведения. Так рождается импульсивное поведение. Естественно, что переживание субъекта тут таково, что он не чувствует свое Я подлинным субъектом поведения: он не объективирует ни своего Я, ни поведения, поэтому импульсивное поведение никогда не переживается как проявление самоактивности Я.

Совсем иное дело в случае волевого поведения. Что здесь вызывает установку? Ни в коем случае нельзя сказать, что это делает актуальная ситуация! Как мы знаем, актуальная ситуация, т. е. та конкретная ситуация, в которой субъект находится в данный момент, не имеет решающего значения в случае воли. Дело в том, что субъект здесь заботится не об удовлетворении переживаемой в данный момент потребности. Воля руководствуется не целью удовлетворения актуальной потребности. Нет! Как уже выяснилось выше, она стремится к удовлетворению, так сказать, «отвлеченной» потребности — потребности Я, и понятно, что актуальная ситуация, в которой субъект находился в этот момент, не имеет для него значения: она является не ситуацией потребностей Я, а ситуацией потребностей момента, с которыми воля не имела дела.

Что же это за ситуация, которая принимает участие в создании установки, лежащей в основе воли? Приведем пример. Когда мне надо решить, как действовать — пойти сегодня на концерт или остаться дома работать, я заранее представляю себе обе эти ситуации (и присутствие на концерте, и пребывание дома за работой); предусматриваю все, что может последовать в результате одного и другого, и, наконец, в зависимости от того, с какой потребностью Я мы имеем дело, у меня возникает или установка остаться дома, или же установка посещения концерта. Воздействие какой ситуации создало эту установку? Без сомнения, это та ситуация, которая была дана мне не непосредственно, не актуально, а представлена и осмыслена мной самим. В случае воли поведение, которое надлежит стать предметом решения, должно осуществиться в будущем. Следовательно, и ситуация его не может быть дана в настоящем, она может быть только представлена и обдумана. Поэтому неудивительно, что установка, возникающая в момент принятия решения и лежащая в основе волевого поведения, создается воображаемой или мыслимой ситуацией.

Как мы видим, генезис установок импульсивного и волевого поведения обусловлен различно: первое имеет в основе актуальную ситуацию, а второе — воображаемую или мыслимую.

АКТИВНОСТЬ ВОЛИ

Какое имеет значение это различие? Весьма примечательное! В случае воли установку, действительно, создает субъект, она является результатом его активности. И в самом деле, воображе-

ние, мышление являются ведь своего рода творчеством, своего рода психической деятельностью, в которой действительность отражена не пассивно, а активно. В случае воли субъект обращается к этим активным процессам — воображению и мышлению, с их помощью создает ситуацию своего возможного поведения, строит идейную ситуацию, которая вызывает в нем определенную установку. И вот эта установка и становится основой процесса волевого поведения.

Таким образом, в случае воли субъект сам создает установку: он, несомненно, активен. Но, разумеется, он не прямо, не непосредственно вызывает установку, ибо это не в его силах; он и не пытается этого сделать. Его активность заключается в создании мыслимой, воображаемой, словом, идейной ситуации, что и дает возможность вызвать соответствующую установку. Иная активность вообще и нехарактерна для человека. Наша активность проявляется не в непосредственном, а в опосредствованном воздействии. Для человека вообще специфично именно действие с орудием.

Поэтому понятно, что в волевом акте субъект чувствует самоактивность. Это переживание очень своеобразно. Как мы уже знаем, его адекватная характеристика возможна в таком выражении: «Теперь я действительно хочу». Здесь одновременно дано несколько моментов. Прежде всего переживание, что здесь активным является Я, что этого хочу именно Я. Затем второе переживание, что это Я действительно хочет. Это указывает на то, что субъекту знакомо и такое переживание, в котором он только хочет, а не действительно, по-настоящему хочет. В волевом акте подчеркнута эта подлинность, действительность хотения. Наконец, третий момент таков: субъект чувствует, что он вот теперь уже действительно хочет. Он как бы подтверждает, что вот теперь в нем произошло важное видоизменение, что вот теперь он действительно хочет.

Следовательно, в переживании воли, которое, как мы отметили выше, представляет собой одно цельное переживание, дано, с одной стороны, подлинное переживание активности Я, но в то же время такой активности, начать которую зависит не от Я, а которая проистекает как бы без него: Я только подтверждает, что «вот теперь оно уже действительно хочет», а до сих пор оно или не хотело, или не хотело действительно. Теперь же ясно, что Я действительно хочет. Это изменение в нем произошло как бы без его участия. Это специфическое переживание несомненной активности и в то же время несомненной зависимости очень характерно для волевого акта. Оно подтвердилось во всех значительных экспериментальных исследованиях, которые имели целью описание волевого акта (Мишот и Прюм и др.).

Как объяснить это специфическое переживание? Откуда оно исходит? Для нас не представляет труда ответить на этот вопрос. Надо полагать, что это переживание является подлинным отражением того, что происходит в субъекте во время волевого акта. Судя по этому переживанию, в субъекте происходит нечто такое, что, с

одной стороны, выявляет его активность, а с другой — его пассивность, зависимость. То, что мы знаем относительно сущности воли, может оказаться основой переживания.

Да и в самом деле, волевой акт указывает на то, что вот в этот момент в субъекте возникла установка, которая станет основой его будущего поведения и поведет его по определенному пути. Следовательно, субъект до сих пор как бы «не хотел» и вот теперь уже «хочет» и «хочет действовать», так как установка действительно возникает в нем именно сейчас. Создание этой установки было его делом. Поскольку он, несомненно, активен, естественно, что он и переживает эту активность. Но ведь он не может прямо воздействовать на установку, чтобы произвольно изменить ее, вызвать или пресечь, он только через идейную ситуацию действует на нее. Однако не от желания субъекта зависит, когда эта идейная ситуация сможет вызвать установку; субъект может только засвидетельствовать, произошло ли в нем опосредствованно вызванное им изменение или нет.

Как мы видим, в случае воли в человеке действительно происходит такой процесс, что он переживает себя и активным, и пассивным.

Левин (Lewin)
1890 — 12 февраля
психолог, создатель
концепции личност
хологии. В 1926—
сор философии и
ского университета
работал в США.
В центре психоло
концепция так наз
ного пространства
странство, по Лев
ность сосуществую
занных факторов
поведение индивид
Оно охватывает и
хологическое окр
единое психологиче
тийное представл
пространства предп
раскрытие структу
ных событий, как о
индивида в данное
рых, установление
деляющих в каждой
ного пространства н
денции к изменению
ведение индивида д
ваться лишь как «фе
ражение некоторого
тия, происходящего
странстве индивида
щего собой либо «п
из одной области ж
ранства в другую
«локомоция»), либо
«когнитивной» струк
пространства (инсай
развитие индивида с
этом некоторой функ
ного пространства: П
пространства).
Выполненные в школ
дополнения в школах
запоминани
нервных д

Левин (Lewin) Курт (9 сентября 1890 — 12 февраля 1947) — немецкий психолог, создатель теоретико-полевой концепции личности и группы в психологии. В 1926—1933 гг. — профессор философии и психологии Берлинского университета, с 1933 г. жил и работал в США.

В центре психологии Левина стоит концепция так называемого «жизненного пространства». Жизненное пространство, по Левину, это совокупность сосуществующих и взаимосвязанных факторов, определяющих поведение индивида в данное время. Оно охватывает и личность, и ее психологическое окружение, образуя единое психологическое поле. Понятийное представление жизненного пространства предполагает, во-первых, раскрытие структуры поля возможных событий, как оно существует для индивида в данное время, и, во-вторых, установление поля сил, определяющих в каждой области жизненного пространства наличные в нем тенденции к изменению. Наблюдаемое поведение индивида должно рассматриваться лишь как «фенотипическое» выражение некоторого «генотипа» события, происходящего в жизненном пространстве индивида и представляющего собой либо «переход» личности из одной области жизненного пространства в другую (так называемая «локомоция»), либо изменение самой «когнитивной» структуры жизненного пространства (инсайт). Поведение и развитие индивида оказываются при этом некоторой функцией его жизненного пространства: $P=f$ (жизненного пространства).

Выполненные в школе Левина исследования запоминания и возобновления прерванных действий, насыще-

ния, замещения, фрустрации и уровня притязаний составили эпоху в развитии экспериментальной психологии личности.

Вместе с тем известный физикализм левиновских построений обусловил то, что топологическая психология ограничивается почти исключительно анализом и представлением формально-динамического и структурного планов поведения и личности. В этом проявляется антиисторизм левиновской концепции, ее неспособность понять социальную и культурную природу личности.

Основная гомеостатическая модель, лежащая в основе динамической теории личности К. Левина, неоднократно подвергалась основательной критике как отечественными, так и зарубежными психологами (в частности, принадлежащими к так называемой «гуманистической» психологии личности).

В американский период своей деятельности Левин попытался разработать теоретико-полевой подход применительно к исследованию проблем групповой динамики и социального действия.

Соч.: Gesetz und Experiment in der Psychologie. В., 1927; A dynamic theory of personality. N. Y., 1935; Principles of topological Psychology. N. Y., 1936; Resolving social conflicts. N. Y., 1948; Field theory in Social Science. N. Y., 1951.

Лит.: Cartwright D. Lewinian theory as a contemporary systematic framework, Psychology; A Study of a Science, vol. 2, N. Y., 1959; Андеева. О теории личности в работах К. Левина. — Вопросы психологии, 1960, № 6; Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М., 1981.

Дембо (Dembo) Тамара (род. 28 мая 1902) — немецкий, а затем американский психолог, ученица и сотрудница К. Левина, известна прежде всего своим ранним экспериментальным исследованием гнева.

Соч., Der ärger als dynamisches Problem, Psychol. Forsh., 1931; Frustration and regression.—In: Studies in topological and vector psychology, vol. II, Univ. Iowa Stud. Child Welf., 1941.

Фестингер (Festinger) Леон (род. 8 мая 1919) — американский психолог, профессор психологии Стэнфордского университета (с 1955). Известен своими исследованиями по психологии регуляции мышления, коммуникации и др. Создатель получившей широкое влияние в зарубежной пси-

хологии личности и социальной психологии теории так называемого когнитивного диссонанса.

Соч.: Deterrents and Reinforcement (соавт.), 1962; Conflict, Decision and Dissonance, 1964.

Сирс (Sears) Роберт (род. 31 августа 1908) — американский психолог, профессор психологии Стэнфордского университета (с 1953), известен своими работами по психодинамике и развитию личности ребенка.

Соч.: Frustration and Aggression (соавт.), 1939; Objective Studies of Psychoanalytic Concepts (соавт.), 1943; Pattern of Child Rearing, 1957; Identification and Child Rearing, 1965.

К. Левин, Т. Дембо,
Л. Фестингер, Р. Сирс

УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ¹

Почти любой комплекс психологических проблем особенно в области мотивации и личности с необходимостью включает проблемы цели и целенаправленного поведения. Значимость проблемы цели поведения особенно велика применительно к культуре с таким сильным элементом соперничества, как наша. До последнего времени, однако, было мало попыток изучения феномена цели как такового и влияния достижения или недостижения цели на поведение индивиду. Концепция «уровня притязаний» Дембо (1931) прояснила возможность изучения целевых уровней. Хоппе (1930) провел первый эксперимент, направленный на анализ феномена уровня притязаний. К настоящему времени накопилось достаточно большое количество экспериментальных результатов.

1. ЧТО ТАКОЕ УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ?

1. Типичная последовательность событий. При обсуждении многих проблем и аспектов уровня притязаний полезно рассмотреть характерную последовательность событий. Человек выбил 6 очков, стреляя в мишень, в центре которой находится 10. Он решает в следующий раз попробовать выбить 8. Он попадает в 5, сильно разочарован и решает в следующий раз снова выбить 6. Мы можем выделить в этой последовательности следующие основные моменты:

1) предшествующее действие (в нашем примере «выбил 6 очков»);

¹ Lewin K., Dembo T., Festinger L., Sears P. Level of aspiration. In: Hunt I. (Ed.) Personality and the behavior disorders, vol. 1. N. Y., 1944.

2) установление уровня притязаний — решение о цели следующего действия («попробовать выбить 8»);

3) исполнение действия («выбил 5»);

4) реакция на достигнутое, такая, как чувство успеха или неудачи («разочарования»), прекращение всей деятельности или продолжение ее с новым уровнем притязаний («попробовать снова выбить 6»).

Каждый из этих четырех моментов можно рассматривать в его отношении к другим. В случае, когда индивид начинает новую деятельность, прошлое действие, конечно, отсутствует, но у индивида может быть опыт в похожей деятельности.

Каждый момент временной последовательности представляет ситуацию, по отношению к которой встают характерные проблемы. Для динамики уровня притязаний момент 2) (установление уровня притязаний) и момент 4) (реакция на достигнутое) особенно важны. Сразу возникают две проблемы:

а) что определяет уровень притязаний;

б) каковы реакции на достижение или недостижение уровня притязаний.

2. *Пояснение терминов.* Прежде чем приступить к обсуждению экспериментальных данных, следует прояснить некоторые термины и факторы, входящие в очерченную выше последовательность.

«Цель действия», «идеальная цель», «внутреннее несоответствие». Уровень притязаний предполагает цель, имеющую внутреннюю структуру. В нашем примере индивид не просто стреляет, а пытается попасть в мишень и даже в определенную область мишени. Но что он в действительности хочет сделать, так это попасть в центр. Это его «идеальная цель». Зная, что это «слишком трудно», он ставит целью очередного действия «попасть в восьмерку». Это мы будем называть «целью действия». Уровень цели действия обычно берется как критерий уровня притязаний индивида в данное время. Франк, один из первых исследователей в этой области, определяет уровень притязаний как «уровень будущих действий при решении знакомой задачи, который индивид, знающий свой уровень прошлых действий в этой задаче, явно предполагает достичь» (Frank, 1935, с. 119).

Постановка цели в точке 2 временной последовательности не означает, что индивид оставил свою идеальную цель. Чтобы понять этот момент поведения, мы должны рассмотреть цель отдельного действия внутри всей целевой структуры индивида. Эта структура может включать несколько более или менее реальных *целевых уровней*. Целевые уровни внутри одной целевой структуры могут включать высокую *цель мечты*, несколько более реалистичную *цель намерения*, далее — уровень, которого человек ожидает достигнуть, когда он пытается объективно оценивать ситуацию, и низкий уровень, который он достигает, если счастье от него отвернется. Где-то на этой шкале будет расположено то, что можно назвать целью действия, т. е. то, что человек «пытается сделать в

данное время»; где-то выше будет находиться идеальная цель. Иногда индивид будет приближаться к этой идеальной цели, иногда же расстояние между идеальной целью и целью действия будет увеличиваться. Назовем это «*внутренним несоответствием*».

Другая характеристика целевой структуры — это несоответствие между уровнем цели действия и уровнем ожидаемого результата. Эта разница может быть прямо охарактеризована как «несоответствие цель-ожидание». Это несоответствие будет частично зависеть от уровня субъективной вероятности, которого индивид придерживается в отношении шансов достижения цели действия. Одно из выражений субъективной вероятности — *уровень уверенности*.

«Целевое несоответствие». Можно сравнить уровень притязаний, например, уровень цели действия в точке 2 нашей временной последовательности с уровнем прошлого действия — точка 1 той же последовательности. Разницу между этими двумя уровнями мы будем называть «целевым несоответствием». Целевое несоответствие считается *положительным*, если уровень цели выше уровня прошлого действия, в противоположном случае мы имеем дело с *отрицательным* целевым несоответствием.

Величина достижения; успех и неудача. Индивид установил свой уровень притязаний и затем произвел действие, имея в виду эту цель (точка 3 нашей временной последовательности). Результат этого действия можно назвать «величиной достижения». Разница между уровнем притязаний и величиной достижения будет «несоответствием достижения». Оно считается *положительным*, если достижение выше уровня притязаний, и *отрицательным*, если достижение ниже уровня притязаний.

Два главных фактора, от которых зависит чувство успеха или неудачи,— это знак и размер «несоответствия достижений». Термины «успех» и «неудача» будут употребляться для обозначения субъективного (психологического) чувства успеха и неудачи, а не разницы между уровнями притязаний и достижения. В быту мы говорим об успехе и неудаче в обоих смыслах, иногда относя их к разнице между точками 2 и 3 (уровень притязаний и новое действие), иногда же — к точке 4 (реакция на новое действие). Мы называем разницу между точками 2 и 3 «несоответствием достижений», а успехом или неудачей — реакцию на это несоответствие (точка 4 нашей последовательности).

Словесная цель и действительная цель. Как измерить или операционально определить различные целевые уровни действия — на этот технический вопрос в разных исследованиях приходится отвечать по-разному. В эксперименте наблюдение или измерение уровня действия (точки 1 и 3 временной последовательности) обычно не составляет труда. Трудным оказывается измерение уровня притязаний и других точек психологической целевой структуры, таких, как идеальная цель и уровень ожидания. Можно было бы использовать...

Можно было бы использовать несколько реакций для косвенного

определения уровня притязаний, если бы были известны его законы. Одним из лучших методов определения уровня притязаний, идеальной цели, а также уровня ожидания является пока прямое высказывание субъекта. Конечно, существует опасность, что словесное или письменное утверждение не будет на самом деле открывать «истинную цель» индивида или «истинное ожидание». Например, нельзя спрашивать индивида после действия в точке 4 нашей временной последовательности, каков был его уровень притязаний в точке 2 — после неудачи его словесное высказывание может быть рационализацией. Важно иметь словесное высказывание в ситуации, к которой оно относится. В случае, когда социальная атмосфера относительно благоприятна, прямое высказывание индивида является лучшим операциональным определением различных целевых уровней. При выборе задач с различной степенью трудности в качестве меры для определения цели действия может быть использовано поведение индивида.

Размер целевых единиц. Индивид может пытаться накинуть кольцо на стержень и при этом может достичь или не достичь своей цели. В другом случае цель может состоять в том, чтобы накинуть на стержень серию из пяти колец. Насколько высоко достижение (один промах, три промаха) — можно установить только после того, как брошены все пять колец. Реакция испытуемого на соответствующее достижение, сопровождающаяся чувством успеха или неуспеха, будет относиться в последнем случае к достижению в целом, а не к каждому броску в отдельности.

Размер единиц деятельности, к которой относится цель, является важным моментом, который нужно учитывать при обсуждении проблемы уровня притязаний. Максимальный размер и сложность единиц, к которым может относиться цель, — важные характеристики определенных возрастных групп детей. Чтобы избежать недоразумения, нужно всегда иметь в виду этот размер и характер единиц деятельности.

II. ВЫВОДЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

1. *Уровень притязаний как ситуация выбора; валентность и вероятность.* Основная проблема уровня притязаний может быть сформулирована как очевидное несоответствие между тенденцией ставить все более и более высокие цели (т. е. браться за трудные задачи) и привычным мнением, что жизнь управляется тенденцией избегать лишних усилий (экономия).

Как говорит Эскалона (Escalona, 1940), эта проблема может быть решена, если рассмотреть психологическую ситуацию в тот момент, когда индивид думает о следующей цели, т. е. точку 2 во временной последовательности. Психологическая ситуация в этот момент представляет собой ситуацию выбора. Человек должен решить, выберет ли он более трудный уровень, прежний или более легкий.

Можно утверждать, что здесь, как и в любой ситуации выбора, выбирается та цель действия, для которой разность между суммой привлекательных моментов (положительная валентность) и суммой неприятностей (отрицательная валентность) будет максимальной. Чтобы определить этот максимум, нужно знать факторы, придающие положительную или отрицательную валентность различным действиям. Мы рассмотрим некоторые из этих факторов, двигаясь от общих к частным.

В ситуации уровня притязаний выбор относится к валентностям различных вариаций одной деятельности. Если выбор делается между разными заданиями, например стрельбой по мишени, умножением двузначных чисел и отгадыванием загадок, валентность или привлекательность будет определяться гораздо большим числом факторов. Из-за большего разнообразия индивидуальных результатов предсказывать что-либо в данном случае трудно. В ситуации уровня притязаний анализ выборов облегчен тем, что общий характер деятельности является постоянным. Выбор определяется различными валентностями, которые имеют для человека различные уровни трудности одной и той же деятельности.

Индивид встречается с возможностью успеха или неудачи, и положительная или отрицательная валентность таких будущих успехов или неудач на различных уровнях является одним из основных составляющих решения. Чтобы определить валентность (V_a) на каждом уровне (n) деятельности (A), мы должны учесть отрицательную валентность, которую на этом уровне будет иметь неудача ($V_a(FaiA^n)$), и положительную валентность успеха на этом же уровне $V_a(SucA^n)$.

$$VaA^n = Va(SucA^n) + Va(FaiA^n). \quad (1)$$

В качестве иллюстрации понятия «валентность будущих успехов и неудач» можно привести случай решения задачи «сделать двадцать простых примеров на сложение в заданное время». Взрослому испытуемому достижение на очень низком уровне, например закончить это за один час, не принесет никакого осязаемого чувства успеха. Это «детская игра». Валентность успеха на уровне 1 равна приблизительно нулю. Валентности успеха на уровнях большей трудности, таких, как «окончить это задание за 50 мин», «за 40 мин» и т. д., остаются равными нулю до того момента, пока задача остается «слишком легкой». Дальше валентность достижения становится положительной, хотя поначалу она и очень мала. В нашем примере мы предположим, что на уровне трудности 4 валентность успеха будет равна 1.

С увеличением трудности валентность успеха также увеличивается. Наконец, мы достигаем уровня трудности, *слишком трудного* для испытуемого. Здесь валентность становится максимальной (условно обозначим ее как 10). Еще более трудные уровни, расположенные за границами возможного, будут, вероятно, иметь ту же положительную высокую валентность.

Выше на ш
индивиду «недо
за 20 с (уров
«невозможным
5 с. Такие уров
три зоны возмо
сти, тем больш

Абсолютная
обычно изменя
крайней трудно
значительной
даже не иметь
ность возрастает
относительно ле
конец перестает
ком легких» зад
Относительно

Общая вален
является алгебр
положительная в
а отрицательная
заклучить из фо
уровня всегда бу
ня, потому что

$$Va(A^{high}) =$$

Аналитические
нию, что нет ниче
мается к трудным
бирается самая т
2. Вероятность
жение. Ответ соот
успехами и неуда
только привлекае
что оно произойде
Эскалона выде
ности», в соответс
ностями будущего
измененными соот
произойдут. Естест
валентность успеха
ность успеха:

Выше на шкале находятся степени трудности, которые кажутся индивиду «недостижимыми», например, решение двадцати примеров за 20 с (уровень 14) и уровни выше этого, которые являются «невозможными для человека», например окончить задание за 5 с. Такие уровни обычно даже не принимаются во внимание. Внутри зоны возможного, таким образом, чем больше степень трудности, тем больше валентность успеха.

Абсолютная величина отрицательной валентности неудачи обычно изменяется в противоположном направлении. На уровнях крайней трудности отрицательная валентность неудачи будет незначительной. На уровне очень трудного действия неудача может даже не иметь отрицательной валентности. Отрицательная валентность возрастает далее, пока не достигнет максимума в области относительно легких задач. Там она остается максимальной и наконец перестает приниматься во внимание где-то в области «слишком легких» задач.

Относительно решающего ряда трудностей можно утверждать:

$$\text{posVa}(\text{SucA}^{\text{high}}) > \text{posVa}(\text{SucA}^{\text{low}}). \quad (2)$$

$$\text{negVa}(\text{FaiA}^{\text{high}}) < \text{negVa}(\text{FaiA}^{\text{low}}). \quad (3)$$

Общая валентность уровня в соответствии с формулой (1) является алгебраической суммой этих валентностей. Так как положительная валентность успеха возрастает вместе с трудностью, а отрицательная валентность неудач уменьшается, мы можем заключить из формул (2) и (3), что общая валентность высокого уровня всегда будет больше, чем общая валентность низкого уровня, потому что

$$\begin{aligned} \text{Va}(A^{\text{high}}) &= \text{Va}(\text{SucA}^{\text{high}}) + \text{Va}(\text{FaiA}^{\text{high}}) > \text{Va}(\text{Suc}^{\text{low}}) + \\ &+ \text{Va}(\text{FaiA}^{\text{low}}) = \text{Va}(A^{\text{low}}). \end{aligned} \quad (4)$$

Аналитические соображения ведут, таким образом, к заключению, что нет ничего парадоксального в том факте, что люди стремятся к трудным задачам. Теперь объясним, почему не всегда выбирается самая трудная задача.

2. *Вероятность будущего успеха; основное теоретическое положение.* Ответ состоит в том, что мы имеем дело с будущими успехами и неудачами. На индивида влияет, таким образом, не только привлекательность события, но также и вероятность того, что оно произойдет таким образом, как он это предполагает.

Эскалона выдвигает далее «теорию результирующей валентности», в соответствии с которой выбор определяется не валентностями будущего успеха и неудачи как таковыми, а валентностями, измененными соответственно вероятности того, что эти события произойдут. Естественнее предположить, что эта «взвешенная» валентность успеха является произведением валентности на вероятность успеха:

$${}^{\circ}\text{Va}(\text{SucA}^n) = \text{Va}(\text{SucA}^n) \text{Prob}(\text{SucA}^n). \quad (5a)$$

Соответствующей формулой для неуспеха будет следующая:

$$^{\circ}Va(FaiA^n) = Va(FaiA^n) Prob(FaiA^n). \quad (56)$$

Сумма этих валентностей будет называться «результатирующей взвешенной валентностью» $|^{\circ}Va(A^n)|$.

Уровень притязаний = n , если $|^{\circ}Va(A^n)| = \max. \quad (6)$

Теория объясняет, таким образом, некоторые группы экспериментально установленных фактов:

а) тенденцию к установлению относительно высокого уровня притязаний;

б) тенденцию уровня притязаний подниматься только до определенных границ;

в) тенденцию уровня притязаний находиться вне области слишком трудных и слишком легких задач.

Можно предположить, что для одной и той же личности субъективная вероятность успеха более или менее противоположна вероятности неудачи, т. е. вероятность успеха плюс вероятность неудачи равна 1. Неверно было бы, однако, утверждать, что валентности успеха и неудачи всегда противоположны. Люди очень различаются в отношении того, какая тенденция управляет их поведением: избежать неудачи или же достичь успеха.

III. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретические соображения показывают, что большинство качественных и количественных результатов, относящихся к уровню притязаний, могут быть связаны с тремя факторами, а именно: с поиском успеха, стремлением избежать неудачи и с когнитивными факторами вероятностного ожидания. Действие этих сил определяет выбор будущей цели. Величина этих сил, а также величины, связанные с субъективной вероятностью, зависят от многих аспектов жизненного пространства индивида в данное время, в частности от того, каков его прошлый опыт и какова система ценностей, характеризующая его культуру и его личность.

В целом изучение уровня притязаний достигло той стадии, когда природа проблем и их отношений к другим областям достаточно ясны, чтобы направлять будущие исследования. Внутри области «целевого поведения» можно разделить проблемы «борьбы за цель» и проблемы «постановки цели». «Борьба за цель» — это поведение, направленное к уже существующей цели и тесно связанное с проблемами приближения к цели, разочарования, достижения цели и завершения поведения. Постановка цели связана с вопросом о том, какая цель появится и станет действующей после того, как будет достигнута или не достигнута другая цель. Внутри этого поля лежат, например, проблемы психологического пресыщения и большая часть проблем уровня притязаний. Последние, однако, тесно переплетены со всеми проблемами целевого поведения.

К. Леви

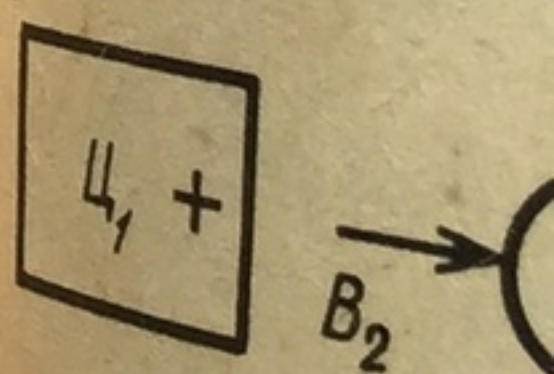
Психологи
на индивид
силы равно
фликтной с

1. Челов
стями прим
осла, умира

В общем
тельно легк
себе часто б
рующим. В
чем между д
сов, имеющи

Иногда та
нию между д
в этих случа
ность, делая

2. Второй
место, когда
ными отрица
ляется ситуац
полно.

3. Наконец,
идет от положи
В этом случае
тельная и отри
месте. Например
ся, или хочет ст
место конфликт
нас будет возм

Угроза наказ
Ребенок находито
соответствующим
Lewin K. Dv

Психологически *конфликт* характеризуется как ситуация, в которой на индивида одновременно действуют противоположно направленные силы равной величины. Соответственно возможны *три типа конфликтной ситуации*.

1. Человек находится между *двумя положительными* валентностями примерно равной величины (рис. 1). Это случай буриданова осла, умирающего от голода между двумя стогами сена.

В общем этот тип конфликтной ситуации разрешается относительно легко. Подход к одному привлекательному объекту сам по себе часто бывает достаточным, чтобы сделать этот объект доминирующим. Выбор между двумя приятными вещами в общем легче, чем между двумя неприятными, если только это не касается вопросов, имеющих глубокое жизненное значение для данного человека.

Иногда такая конфликтная ситуация может привести к колебанию между двумя привлекательными объектами. Очень важно, что в этих случаях решение в пользу одной цели изменяет ее валентность, делая ее слабее, чем у цели, от которой человек отказался.

2. Второй фундаментальный тип конфликтной ситуации имеет место, когда человек находится между *двумя приблизительно равными отрицательными* валентностями. Характерным примером является ситуация наказания, которую ниже мы рассмотрим более полно.

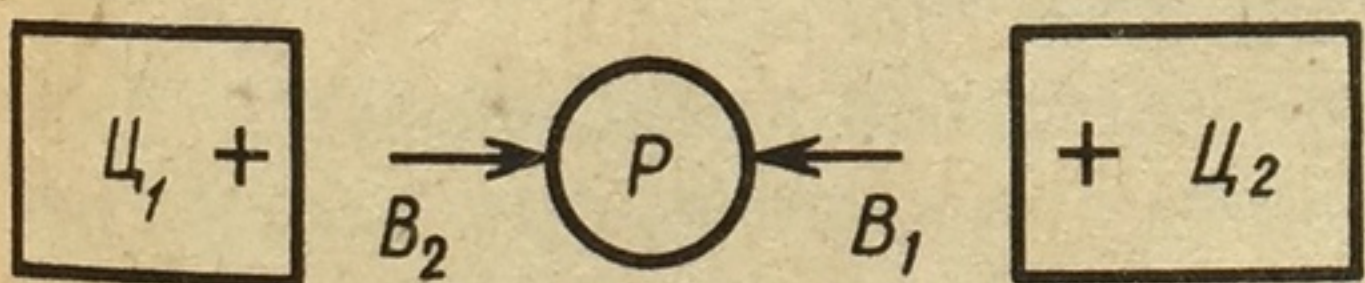

Рис. 1

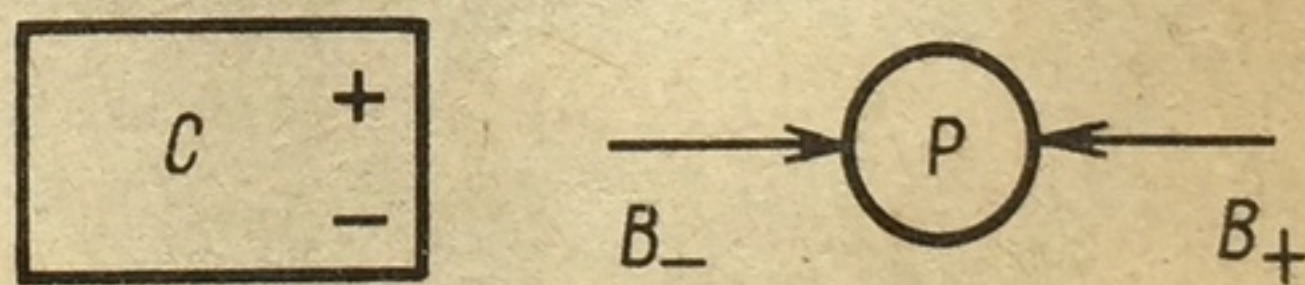

Рис. 2

3. Наконец, может случиться так, что один из двух векторов поля идет от *положительной*, а другой — от *отрицательной* валентности. В этом случае конфликт возникает только тогда, когда и положительная и отрицательная валентности находятся в одном и том же месте. Например, ребенок хочет погладить собаку, которую он боится, или хочет съесть торт, а ему запретили. В этих случаях имеет место конфликтная ситуация, изображенная на рис. 2. Позднее у нас будет возможность более детально обсудить эту ситуацию.

ТЕНДЕНЦИЯ УХОДА. ВНЕШНИЙ БАРЬЕР

Угроза наказания создает для ребенка конфликтную ситуацию. Ребенок находится между двумя отрицательными валентностями и соответствующими взаимодействующими силами поля. В ответ на

¹ Lewin K. Dynamic Theory of Personality. N. Y.—L., 1935.

такое давление с обеих сторон ребенок всегда предпринимает попытку избежать обеих неприятностей. Таким образом здесь существует неустойчивое равновесие. Ситуация такова, что малейшее смещение ребенка (Р) в психологическом поле в сторону должно вызвать очень сильную результирующую (V_p), перпендикулярную к прямой, соединяющей области задания (З) и наказания (Н). Иначе говоря, ребенок, стараясь избежать и работы и наказания, пытается *выйти из поля* (в направлении пунктирной стрелки на рис. 3).

Можно прибавить, что ребенок не всегда попадает в ситуацию с угрозой наказания таким образом, что он находится точно в середине между наказанием и неприятным заданием. Часто он может быть сначала вне всей ситуации. Например, он должен под угрозой наказания закончить непривлекательное школьное задание в течение двух недель. В этом случае задание и наказание образуют относительно *единство* (целостность), которое вдвойне неприятно ребенку. В данной ситуации (рис. 4) обычно сильна тенденция к бегству, проистекающая в большей степени из угрозы наказания, чем из неприятности самого задания. Точнее, она исходит из возрастающей непривлекательности всего комплекса, обусловленной угрозой наказания.

Наиболее примитивная попытка избежать одновременно и работы и наказания — это физический выход из поля, уход прочь. Часто выход из поля принимает форму откладывания работы на несколько минут или часов. В случае сурового повторного наказания новая угроза может привести к попытке ребенка убежать из дома. Боязнь наказания обычно играет существенную роль на ранних стадиях детского бродяжничества.

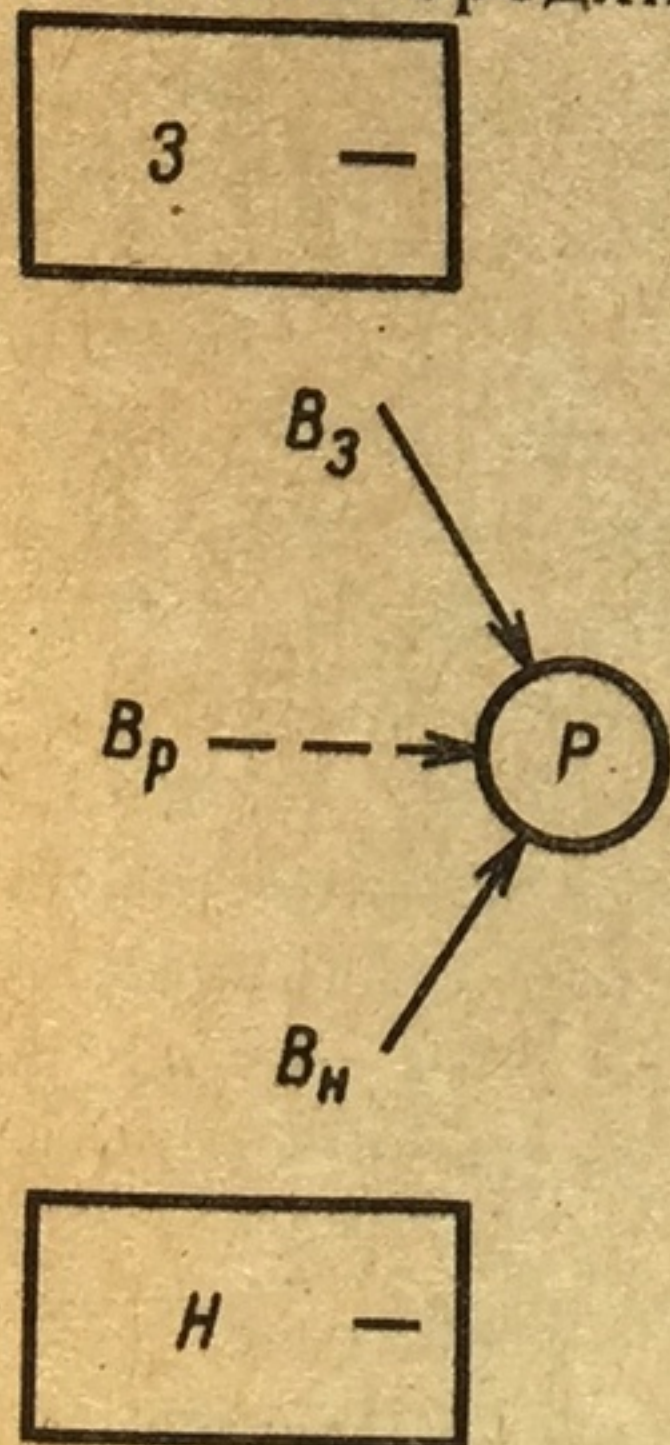

Рис. 3

Часто ребенок старается *замаскировать* свой уход из поля, выбирая занятия, против которых взрослому нечего возразить. Так, ребенок может взяться за другое школьное задание, которое ему более по вкусу, выполнить ранее данное ему поручение и т. д.

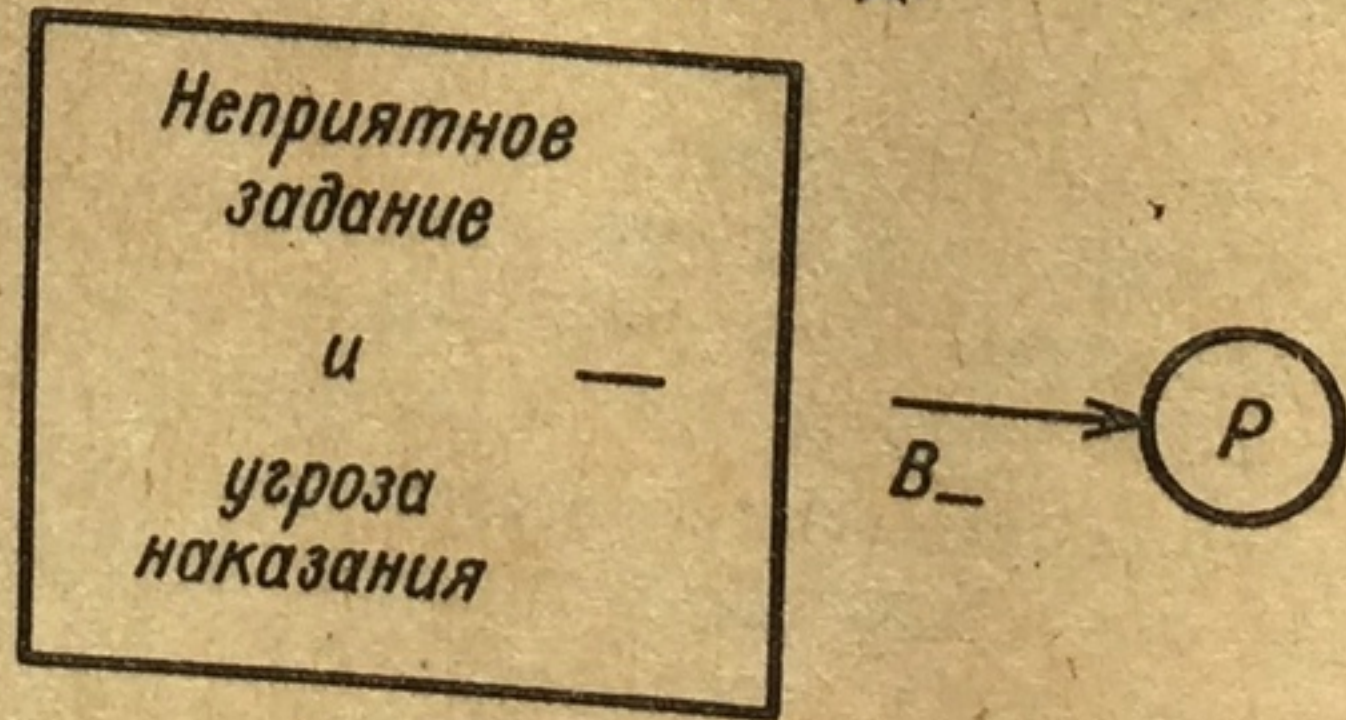

Рис. 4

Наконец, ребенок может случайно уйти и от наказания и от неприятного задания путем более или менее грубого обмана взрослого. В случаях, когда взрослому трудно это проверить, ребен-

нок может заявить, что он может сказать какой-то третий, что по какой-то конфликтная

зывает, таким образом, у ребенка такой сил поля в данной нять специальных, полнил задание, просто угрозы на ребенка не мог вы то барьер, который барьер (Б), чтобы кончив задание, л

И в самом деле заставить ребенка построенным таким образом окружают ребенка, чтобы не осталось бы ускользнуть. С взрослого ребенка барьер. Наиболее ребенка можно за работы.

Но обычно это средства власти, которые существенного положения между ним физический.

Барьеры, определять область своей личной зоны. Например, кидать комнату до за внешней свободой, но ребенок находится

нок может заявить, что он закончил задание, хотя это не так, или он может сказать (несколько более тонкая форма обмана), что какой-то третий человек освободил его от неприятного дела, или, что по какой-то другой причине его выполнение стало ненужным.

Конфликтная ситуация, обусловленная угрозой наказания, вызывает, таким образом, очень сильное стремление выйти из поля. У ребенка такой уход, варьирующий в соответствии с топологией сил поля в данной ситуации, происходит обязательно, если не принять специальных мер. Если взрослый хочет, чтобы ребенок выполнил задание, несмотря на отрицательную его валентность, просто угрозы наказания недостаточно. Надо сделать так, чтобы ребенок не мог выйти из поля. Взрослый должен поставить какой-то барьер, который мешает такому уходу. Он должен так поставить барьер (Б), чтобы ребенок мог получить свободу только либо закончив задание, либо подвергнувшись наказанию (рис. 5).

И в самом деле, угрозы наказания, направленные на то, чтобы заставить ребенка закончить некое определенное задание, всегда построены таким образом, что вместе с полем задания они полностью окружают ребенка. Взрослый вынужден так ставить барьеры, чтобы не осталось ни одной лазейки, через которую ребенок мог бы ускользнуть. От неопытного или недостаточно авторитетного взрослого ребенок ускользнет, если увидит малейшую брешь в барьере. Наиболее примитивные из таких барьеров — *физические*: ребенка можно запереть в комнате до тех пор, пока он не закончит работы.

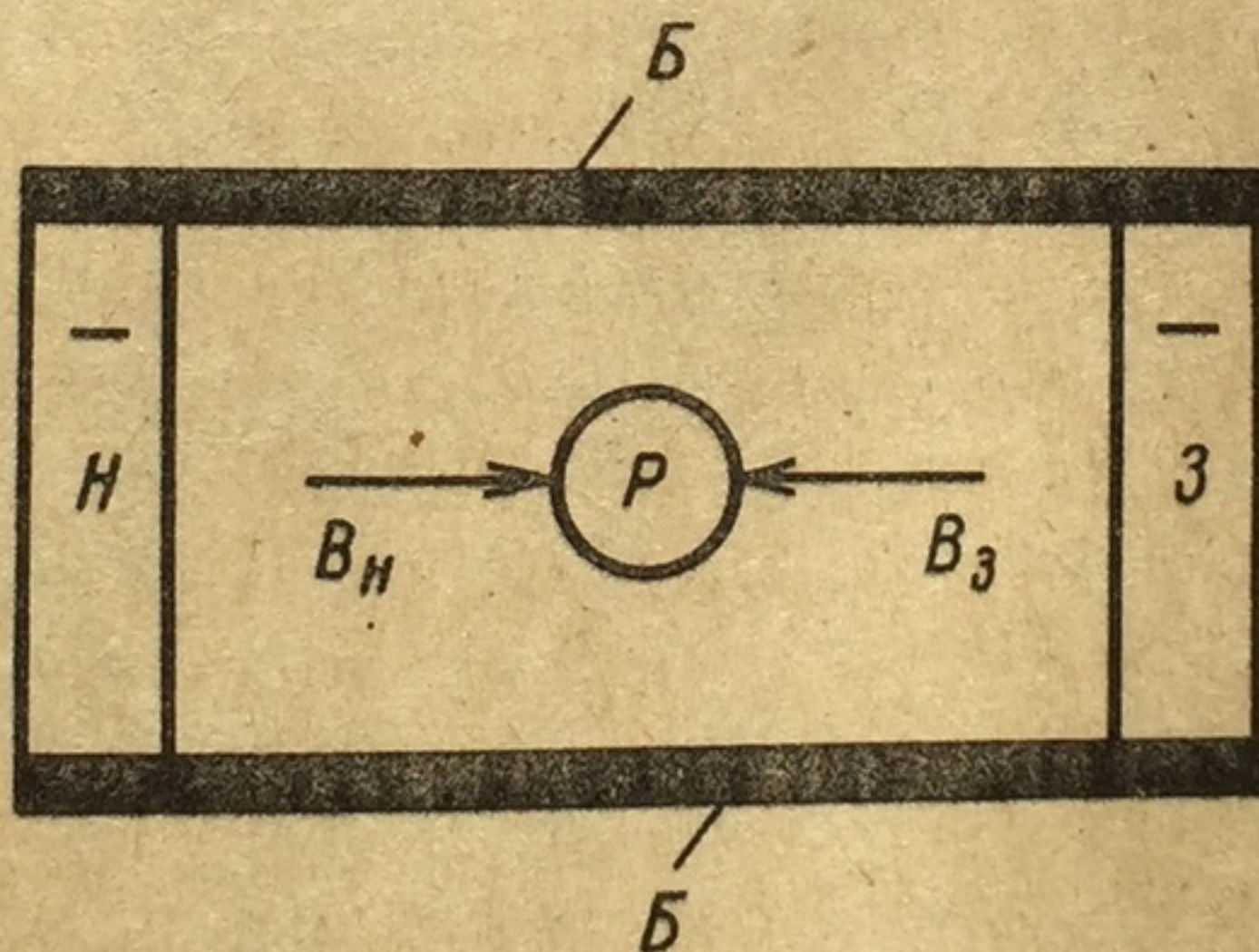

Рис. 5

Но обычно это барьеры *социальные*. Подобные барьеры — это средства власти, которыми обладает взрослый в силу своего общественного положения и внутренних взаимоотношений, существующих между ним и ребенком. Такой барьер не менее реален, чем физический.

Барьеры, определяемые социальными факторами, могут ограничивать область свободного движения ребенка до узкой пространственной зоны. Например, ребенок не заперт, но ему запрещено покидать комнату до завершения дела (задания). В других случаях внешняя свобода передвижения практически не ограничивается, но ребенок находится под постоянным наблюдением взрослого.

Он не выпускается из-под надзора. Когда ребенок не может быть под постоянным наблюдением, взрослый часто использует веру ребенка в существование мира чудес. Способность постоянного контроля за ребенком приписывается в таком случае полицейскому или привидению. Бог, которому известно все, что делает ребенок и которого невозможно обмануть, также нередко привлекается для подобных целей. Например, тайное поедание сладостей может быть предотвращено таким способом. Часто барьеры ставятся жизнью в данной социальной общности, традициями семьи или школьной организацией. Для того чтобы социальный барьер был действенным, существенно, чтобы он обладал достаточной реальной прочностью. Иначе в каком-то месте ребенок прорвет его. Например, если ребенок знает, что угроза наказания только словесная, или надеется добиться расположения взрослого и избежать наказания, то вместо выполнения задания он пытается прорвать барьер. Подобное слабое место образуется, когда мать препоручает наблюдение за работающим ребенком няне, учителю или более взрослым детям, которые, в отличие от нее самой, не имеют возможности предотвратить выход ребенка из поля.

Наряду с физическими и социальными существует еще один вид барьеров. Он тесно связан с социальными факторами, но имеет важные отличия от тех, что обсуждались выше. Можно, скажем, апеллировать к тщеславию ребенка («Помни, ты не какой-нибудь уличный сорванец!») или социальным нормам группы («Ведь ты девочка!»). В этих случаях обращаются к определенной системе *идеологии, к целям и ценностям*, которые признаются самим ребенком. Такое обращение содержит угрозу: опасность исключения из определенной группы. В то же время — и это наиболее важно — эта идеология создает *внешние барьеры*. Она ограничивает свободу действия индивида. Многие угрозы наказания действительны только до тех пор, пока индивид чувствует себя связанным этими границами. Если он больше не признает данной идеологии, моральных норм определенной группы, то угрозы наказания часто становятся малоэффективными. Индивид отказывается ограничивать свою свободу действий данными принципами.

Сила барьера в каждом конкретном случае всегда зависит от характера ребенка и от силы отрицательных валентностей задания и наказания. *Чем больше отрицательная валентность, тем прочнее должен быть барьер*. Ибо чем мощнее барьер, тем сильнее толкающая к уходу из поля результирующая сила. Таким образом, чем большее давление взрослый оказывает на ребенка, чтобы вызвать требуемое поведение, тем менее проницаемым должен быть поставленный барьер.

Хорни (Horney, 1952) — немецкий психоаналитик, представитель Фрейдиизма. Родился в 1893 г. переехал в США в 1932 г. первоначально занимался психологией в духе Фрейда. В 1933 г. опубликовал первую книгу «*Неврозы современности*», подвергшуюся критике Фрейда. К. Хорни не означала для Фрейда учения Фрейда. К. Хорни ставила свою задачу в «уходе» от Фрейдиизма путем этической ориентации освобождения психики от «лишнего и устаревшего». К. Хорни, как Э. Фромм, влияла на К. М. Хорни, указывая на клещевую ортодоксальную Фрейда, вскрыть источник живимой личности, тревоги», чувства о

К. Хорни

В психоанализе определенное смещение основной интереса к внутреннему миру и больше признание психических расстройств как результат конфликта и коррекции невроза

American sociolo

Хорни (Horney) Карен (1885—1952) — немецко-американский психоаналитик, ведущий реформатор фрейдизма. Родилась в Германии, в 1932 г. переехала в США. Первоначально занималась врачебной практикой в духе традиционного психоанализа. В 1937 г. опубликовала первую книгу «Невротическая личность нашего времени», в которой подвергла критике некоторые аспекты учения Фрейда. Критика эта, однако, не означала для К. Хорни отказа от фрейдистского учения. Она видела свою задачу в «усовершенствовании» фрейдизма путем замены его биологической ориентации на социальную и освобождения психоанализа от всего «лишнего и устаревшего».

К. Хорни, как Э. Фромм, испытала влияние идей К. Маркса. Она пыталась указать на классовый характер ортодоксального фрейдизма, а также вскрыть источник постоянно переживаемой личностью «изначальной тревоги», чувства одиночества и бес-

помощности человека во враждебном ему мире, в антигуманной сущности «западной цивилизации», т. е. в капиталистических общественных отношениях, порождающих определенный тип невротической личности. Вместе с тем К. Хорни, так же как и Э. Фромм, непоследовательна в проведении этой точки зрения. Ее теория к тому же неспособна дать понимание здоровой и полноценно реализующей себя личности.

Соч.: The neurotic personality of our time 1936; New ways in psychoanalysis 1939; Self—Analysis, 1942; Our inner conflicts 1945; Neurosis and human growth 1950.

Лит.: Современная психология в капиталистических странах. М., 1963; Уэллс Г. Крах психоанализа. М., 1968; Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968; Флоренская Т. А. Социологизация фрейдизма в теориях личности К. А. Хорни и Г. С. Салливена. — Вopr. психологии, 1974, № 3.

К. Хорни

КУЛЬТУРА И НЕВРОЗ¹

В психоаналитической концепции неврозов сейчас происходит определенное смещение акцентов: в то время как первоначально основной интерес вызывала картина симптоматики, теперь все больше и больше признается, что действительная причина этих психических расстройств лежит в нарушениях характера, что симптомы — это результат конфликтующих черт характера и что без раскрытия и коррекции невротической структуры характера мы не можем

¹ American sociological review, vol. 1. N. Y., 1936.

лечить невроз. При анализе этих черт характера часто поражает то, что, вопреки значительному расхождению картин симптоматики, трудности характера во многих случаях неизменно сосредотачиваются вокруг одних и тех же базовых конфликтов.

Это сходство в содержании конфликтов составляет особую проблему. Для тех, кто понимает значение культуры, в связи с этим интересен вопрос о том, формируются ли неврозы и в какой степени процессами культуры подобно «нормальным» образованиям характера, и если да, то в какой мере такое представление требует видоизменения положения Фрейда о связи между культурой и неврозом.

Ниже я попытаюсь приблизительно очертить некоторые типичные характеристики, повторяющиеся во всех случаях неврозов. Здесь мы не имеем возможности представить ни данных, ни метода исследования, а только выводы, к которым мы пришли. Я попытаюсь выбрать из крайне сложного и разнообразного материала наиболее существенные моменты.

При таком изложении возникают и другие трудности. Я хочу показать, как невротики попадают в своеобразный порочный круг. Ввиду невозможности представить в деталях все факторы, приводящие к этому, я вынуждена довольно произвольно начать с одного из наиболее значимых моментов, хотя сам этот момент уже является сложным продуктом различных взаимосвязанных душевных факторов. Я начну с проблемы соперничества.

Эта проблема, по-видимому, является никогда не исчезающим центром невротических конфликтов. Соперничество доставляет трудности каждому человеку из нашей культурной среды, однако у невротика эти трудности достигают несравнимых размеров. Осложнения, связанные с соперничеством, имеют три аспекта.

1. Постоянно происходит сравнение себя с другими, даже в ситуациях, которые не требуют этого. Стремление превзойти других характерно для всех ситуаций соперничества, но невротики сравнивают себя даже с людьми, которые не имеют с ними общих целей и которые, следовательно, никак не могут быть их потенциальными соперниками.

2. Невротик не просто стремится сделать что-то стоящее, добиться успеха, он стремится быть лучше всех. Эти стремления, однако, в основном существуют лишь в воображении, в фантазиях, которые могут быть как осознанными, так и неосознанными. Степень их осознанности у разных людей бывает различна. Такие стремления могут проявляться лишь в виде случайных порывов фантазии. В этом случае никогда полностью не осознается та поистине драматическая роль, которую эти стремления играют в жизни невротика, степень, в которой они ответственны за его поведение и психические реакции. Эти притязания не находят себе адекватных усилий, которые могли бы привести к их реализации. Они находятся в поразительном контрасте с пассивным отношением невротика к труду, с отказом от принятия на себя лидерства, от всех

средств, которые находят различные повышенная чувствительность к торможению неудача в развитии этих несомненный провал. неуспех.

Установка на внешнего мира, в постоянном страдании здесь выходя к себе, их невыносимое подобие тому, что

3. Третьей характеристикой является притязание на некоторую долю в собственной победе. Невротик ожидает от жизни, что она будет ему популярен. Они стараются как тщательнее пьесу или научную работу. Естественной жизни. Естественной ситуации психоанализа прогресс в лечении абсолютно игнорируется жизненным интересом к аналитику с его враждебности, для него первостепенно не осознается «кроме меня», но естественная реакция психологизма.

Эта установка начинает вызывать желание уничтожить себя допуская такие крайности для меня в жизни, при малейшем успехе. Успех любой ценой. В ситуации оставаться опасным словами, этот полагаящих соперника

средств, которые могли бы обеспечить успех. Такие притязания находят различные проявления в эмоциональной жизни невротика: повышенная чувствительность к критике, подавленность или заторможенность вследствие неуспеха и т. д. Вовсе не обязательно, чтобы неудача была действительной. Любая неудача при осуществлении этих несоразмерно больших притязаний переживается как полный провал. Чужой успех также переживается как собственный неуспех.

Установка на соперничество существует не только в отношении внешнего мира, но и в отношении внутреннего. Это проявляется в постоянном сравнении себя с идеальным Я. Фантастические притязания здесь выступают в виде чрезмерных и жестких требований к себе, их невыполнение вызывает подавленность и раздражение, подобное тому, что возникает при соперничестве с другими.

3. Третьей характеристикой установки на соперничество у невротика является степень враждебности, содержащейся в невротических притязаниях. Сильное соперничество скрыто содержит некоторую долю враждебности: поражение соперника означает собственную победу. Реакции невротика определяются ненасытным и неразумным ожиданием, что никто во всем мире, кроме него самого, не может быть умным, влиятельным, привлекательным, популярным. Они становятся разъяренными или переживают свои старания как тщетные, если кто-нибудь другой напишет хорошую пьесу или научную работу, сыграет выдающуюся роль в общественной жизни. Если такая установка сильно выражена, то в ситуации психоанализа, например, можно наблюдать, как любой прогресс в лечении пациент рассматривает как победу аналитика, абсолютно игнорируя тот факт, что он отвечает его собственным жизненным интересам. В таких ситуациях пациент будет относиться к аналитику с пренебрежением, выдавая сильными проявлениями враждебности, что он чувствует угрозу своей позиции, имеющей для него первостепенную важность. Пациенты, как правило, совершенно не осознают существования у них этой установки «никто, кроме меня», но ее можно всегда вскрыть, как мы только что видели по реакциям пациентов, которые наблюдаются в ситуации психоанализа.

Эта установка легко приводит к страху возмездия. Страх начинает вызываться теперь не только неудачей, но и успехом. «Если я желаю уничтожить каждого, кто добился успеха, я автоматически допускаю такие же реакции и у других. Итак, путь к успеху чреват для меня враждебностью со стороны других людей. Более того, при малейших неудачах в достижении своих целей я буду уничтожен». Успех, таким образом, становится рискованным, а любая возможная неудача — опасностью, которую нужно избежать любой ценой. В силу всех этих угроз кажется гораздо более безопасным остаться в уголке, быть скромным и незаметным. Другими словами, этот страх приводит к отказу от всяких целей, предполагающих соперничество. Такой способ достижения безопасности

обеспечивается постоянным, четко работающим процессом самоудерживания.

Процесс самоудерживания приводит к заторможенности, особенно по отношению к труду, а также препятствует любым шагам, необходимым для достижения целей, таким, как использование предоставившихся возможностей и демонстрация другим своих целей и способностей. Это нередко приводит к полной неспособности бороться за осуществление своих желаний. Странный характер этих задержек лучше всего проявляется в том факте, что эти люди в достаточной мере способны бороться за интересы других, вообще добиваться чего-либо, не касающегося их самих. Они могут действовать, например, следующим образом.

Играя на каком-либо музыкальном инструменте с плохим партнером, они непроизвольно будут играть хуже, чем он, хотя вообще-то они могли бы играть лучше. Обсуждая какую-либо тему с человеком, менее осведомленным в этой области, чем они сами, они тем не менее будут опускаться на уровень ниже его. Они предпочтут остаться рядовыми членами вместо того, чтобы занять более выдающееся место, даже ради получения большего заработка. При этом они будут придумывать различные рациональные объяснения такому своему отношению. Даже их сновидения будут определяться этой установкой на перестраховку. Вместо того чтобы использовать свободу, предоставляемую сновидениями для воображения себя преуспевающим, они видят себя в скромных, а иногда даже в унижительных ситуациях.

Этот процесс самоудерживания не исчерпывается ограничением действий по достижению тех или иных целей. Он также стремится поколебать уверенность человека в себе посредством самоунижения, а уверенность в себе, как известно, является предпосылкой всякого достижения. Задачей самоунижения здесь является отстранение человека от всякого соперничества. В большинстве случаев эти люди не осознают, что они сами себя унижают. Они считают доказанной свою собственную неполноценность.

Чувство неполноценности является одним из наиболее распространенных психических нарушений нашего времени и культуры. Я позволю себе сказать несколько слов по этому поводу. Чувство неполноценности не всегда порождается невротическим соперничеством. Это сложное явление, которое может быть обусловлено различными обстоятельствами. Но оно всегда связано с отказом от соперничества и служит этой цели. Чувство неполноценности от соперничества и служит этой цели. Чувство неполноценности в той мере порождено отказом от соперничества, в какой оно является выражением несоответствия между высокими идеалами и реальным достижением. На то, что это болезненное чувство выполняет важную функцию укрепления установки на отказ от соперничества, указывает энергия, с какой такая позиция защищается, если ее пытаются оспаривать. Этих людей не убеждают никакие доказательства их компетентности или привлекательности, более

того, они могут действительно испугаться или рассердиться при любой попытке убедить их в наличии у них положительных качеств.

Эта ситуация может принять разнообразные внешние проявления. Некоторые люди полностью убеждены в своей исключительной важности и стараются на каждом шагу демонстрировать свое превосходство, однако они выдают свою неуверенность крайней чувствительностью к любым критическим замечаниям, к любому несогласию или к отсутствию восхищения ими. Другие в такой же степени убеждены в отсутствии у себя каких-либо способностей или в своей никчемности, нежелательности для других; тем не менее они выдают свои большие притязания той открытой или скрытой враждебностью, с которой они реагируют на каждое препятствие своим непризнанным притязаниям. Третьи колеблются в своей самооценке между ощущением своей сверхважности и переживанием искреннего удивления, что кто-либо вообще обращает на них хоть какое-то внимание.

Теперь я могу приступить к описанию того особого порочного круга, в котором эти люди движутся. Как в любой сложной невротической картине, здесь необходимо учитывать наличие этого круга, так как игнорируя его и упрощая картину невротических процессов приписыванием им простых причинно-следственных отношений, мы не можем понять переживаний, которые здесь имеют место, или мы незаслуженно переоцениваем значимость какой-либо одной причины. В качестве примера такой ошибки я могу привести рассмотрение эмоционально насыщенной установки на соперничество как непосредственно вытекающей из соперничества с отцом.

Порочный круг выглядит примерно следующим образом.

Неудачи в сочетании с переживанием собственной слабости и поражения приводят к чувству зависти ко всем, кто оказался более удачливым или просто более уверенным в жизни и в большей степени довольным ею. Эта зависть может проявляться открыто или подавляться под действием той же тревожности, которая подавляет установку на соперничество. Зависть может полностью вытесняться из сознания и выражаться лишь в замещенном виде как слепое восхищение. Она может скрываться от сознания также под видом пренебрежительного отношения к другим людям. Ее влияние, однако, проявляется, например, в неспособности желать другим того, в чем невротик сам вынужден себе отказывать. Независимо от того, в какой мере эта зависть подавляется или проявляется, она влечет усиление существующей враждебности по отношению к людям и, следовательно, увеличение тревожности, которая теперь принимает форму иррационального страха зависти со стороны других.

Иррациональная природа этого страха проявляется двояко: 1) он существует безотносительно к тому, есть или нет зависимости в данной ситуации; 2) интенсивность этого страха несоразмерна той опасности, которая угрожает со стороны завистливых соперников. Эта иррациональная сторона страха всегда остается не-

осознанной по меньшей мере у лиц, не страдающих психозом, и поэтому этот страх никогда не корректируется процессом обращения к реальности, он все больше подкрепляет существующую установку на отказ от соперничества.

Вследствие этого возрастает чувство своей незначительности, враждебность к другим людям и тревожность. Мы таким образом возвращаемся к исходной точке, так как сейчас появляются фантазии примерно такого содержания: «Я хотел бы быть более сильным, более привлекательным, более умным, чем все остальные люди. Тогда я мог бы чувствовать себя в безопасности, и больше того, я мог бы разгромить их и наступить им на горло». Таким образом, мы видим все увеличивающееся отклонение притязаний в сторону большей жестокости, фанатичности и враждебности.

Этот рискованный процесс может приостановиться в силу разных причин. Обычно за это платят дорогой ценой утраты действительности и жизненности. Частые отказы от личных притязаний позволяют снизиться тревожности, связанной с соперничеством, но чувство неполноценности и заторможенности при этом сохраняется.

Здесь, однако, следует сделать оговорку. Притязания типа «никто, кроме меня» необязательно должны вызывать тревожность. Встречаются люди, в достаточной мере способные снести с пути или сокрушить любого, кто препятствует осуществлению их целей. Вопрос стоит следующим образом: каковы условия возникновения тревожности у людей с невротическими установками на соперничество?

Ответ заключается в том, что эти люди в то же время хотят, чтобы их любили. Тогда как обычно людей, преследующих в своей жизни асоциальные цели, мало волнует привязанность или мнение других людей, невротик, напротив, имея установку на соперничество такого же рода, вместе с тем обнаруживает безграничную жажду любви и уважения со стороны окружающих. Поэтому как только он делает шаг в сторону самоутверждения, соперничества или успеха, он тут же начинает опасаться утраты расположения со стороны других людей и должен непроизвольно сдерживать свои агрессивные импульсы. Этот конфликт между притязаниями и желанием любви и привязанности со стороны других людей является одной из наиболее типичных и тяжелых дилемм невротика наших дней.

Почему эти два несовместимых стремления так часто встречаются у одного и того же индивида? Они тесно связаны друг с другом. Эту связь кратко можно сформулировать следующим образом: оба эти стремления имеют один и тот же источник — тревожность и оба они служат средством снятия тревожности. Как власть, так и привязанность могут обеспечить безопасность. Они порождают друг друга. Эти взаимосвязи можно наиболее ярко наблюдать в ситуации психоанализа, но иногда они выявляются лишь при знании фактов истории жизни пациента.

В истории и безопасности: ссоры между опека, порождая последнюю приво-тию откровен-что кончается беспомощности молодых людей горького разоч-которые отказывека.

Сильная по-особую роль в-лания в ранне-ведении это пр-людей вместо-Это означает п-любви со сторо-Это означает т-опасения и защ-

Здесь опять-свои отдельные

Эти реакции об-достигаемый на-лишь шатким м-когда не выводи-он может служи-пройти через ж-развития личност-стоятельств.

Возникает во-ответственны за-тур.

Мы живем в-Основаны ли гра-нашей культуры-только на этой о-или социологи. П-торую мы вынуж-Следует помни-шей силой эконо-жизнь. Характер-более или менее

В истории жизни можно найти, например, отсутствие теплоты и безопасности в детстве, хуже того — изобилие пугающих моментов: ссоры между родителями, несправедливость, жестокость, сверхопека, порождающие усиленную потребность в привязанности. Последняя приводит к разочарованиям, те, в свою очередь, к развитию откровенного соперничества, а оно — к заторможенности, что кончается попытками найти привязанность на основе слабости, беспомощности, страданий. Иногда нам приходится слышать о молодых людях, у которых высокие притязания появились после горького разочарования в плане своих желаний привязанности и которые отказываются от этих притязаний, находя любимого человека.

Сильная потребность в успокаивающей привязанности играет особую роль в тех случаях, когда экспансивные и агрессивные желания в раннем детстве подавляются строгими запретами. В поведении это проявляется в уступках желаниям и мнению других людей вместо отстаивания своих собственных желаний и мнений. Это означает переоценку значимости для своей жизни проявлений любви со стороны окружающих, зависимость от этих проявлений. Это означает также переоценку знаков отверженности и реакцию опасения и защитной враждебности.

Здесь опять легко возникает порочный круг, подкрепляющий свои отдельные элементы. Схематично это можно представить так:

*Тревожность плюс подавленная враждебность
↓ Потребность в успокаивающей привязанности
↓ Предвосхищение, чувствительность к отвержению
↓ Враждебные реакции на переживание отверженности.*

Эти реакции объясняют, почему эмоциональный контакт с другими, достигаемый на основе тревожности, в лучшем случае может быть лишь шатким мостом между индивидами, почему этот контакт никогда не выводит их из эмоциональной изоляции. Тем не менее он может служить для борьбы с тревожностью и даже помочь пройти через жизнь довольно гладко, однако ценой отказа от развития личности и лишь при условии благополучности всех обстоятельств.

Возникает вопрос о том, какие особые свойства нашей культуры ответственны за частое появление описанных невротических структур.

Мы живем в культуре соперничества и индивидуалистичности. Основаны ли грандиозные экономические и технические достижения нашей культуры на принципе соперничества, возможны ли они только на этой основе — этот вопрос должны решать экономисты или социологи. Психолог же может оценить ту личную цену, которую мы вынуждены за это платить.

Следует помнить, что соперничество не только является движущей силой экономики, но пронизывает также всю нашу личную жизнь. Характер всех наших человеческих отношений формируется более или менее открытым соперничеством. Оно проявляется в

семье, в отношениях между родственниками, в школе, в социальных отношениях (не отставать от Джонсов), в любви.

В любви оно может проявляться двумя способами: подлинное эротическое желание часто затемняется или замещается целями соперничества — быть наиболее популярным, иметь больше всего свиданий, любовных писем, любовниц (или любовников), выступать в качестве наиболее желаемого мужчины или женщины. С другой стороны, оно может понижать сами любовные отношения. Супруги, например, могут жить в бесконечной борьбе за лидерство, осознавая или не осознавая природы или даже существования этой борьбы.

Влияние соперничества на человеческие отношения заключается в том факте, что оно порождает зависть к сильным, презрение к слабым, недоверие ко всем. Вследствие всех этих потенциально враждебных установок ограничивается возможность получать удовлетворение и уверенность, которые обычно даются человеческими взаимоотношениями, и индивид становится более или менее эмоционально изолированным. Здесь также происходят взаимно подкрепляющие взаимодействия — неуверенность и неудовлетворенность в отношениях, в свою очередь, вынуждают людей искать удовлетворение и безопасность в высоких притязаниях.

Другой культурный фактор, релевантный структуре невроза, содержится в нашем отношении к успеху и неудаче. Мы склонны связывать успех с положительными личностными качествами и способностями, такими, как умелость, смелость, предприимчивость. В религии эта установка выражается в утверждении, что успех — это божья милость. Несмотря на то что эти качества могут быть решающими, а в определенные периоды, например во времена первооткрывателей, были даже единственно необходимыми условиями, ведущими к успеху, такая идеология игнорирует два существенных факта: 1) возможность достижения успеха строго ограничена: даже если внешние условия и личные качества у людей одинаковы, лишь немногие из них могут добиться успеха; 2) решающую роль могут сыграть не упомянутые выше факторы, а другие, такие, как, например, недобросовестность или случайные обстоятельства. Поскольку эти факторы игнорируются в общей оценке успеха, неудача, помимо того, что ставит потерпевшего неудачу человека в фактически невыгодную позицию, отражается также на его самооценке.

Запутанность этой ситуации увеличивается своего рода двойственной моралью. Действительно, успехом восхищаются почти независимо от того, какими средствами он достигнут, и в то же время мы рассматриваем скромность и бескорыстие как социальные или религиозные добродетели и вознаграждаем за эти качества хвалой и признанием. Особые трудности, с которыми сталкивается индивид в нашей культуре, можно резюмировать следующим образом: для соперничества он должен иметь в своем распоряжении изрядную долю агрессивности и вместе с тем от него требуется

скромность,
как ситуация
создает и у
достижения э
ви, дружбе, с
ценности инд
хотя возмож
большой мере
ных личностн
Возможно,
изучения дейс
и ее невротич

скромность, бескорыстие и даже самопожертвование. В то время как ситуация соперничества со своими враждебными тенденциями создает и увеличивает потребность в безопасности, возможности достижения этой безопасности в человеческих отношениях — в любви, дружбе, социальных контактах — уменьшаются. Оценка личной ценности индивида слишком зависит от достигнутого им успеха, хотя возможности достижения успеха ограничены и сам успех в большой мере зависит от случайных обстоятельств или от социальных личностных качеств.

Возможно, эти краткие замечания укажут вам направление изучения действительной связи между нашей культурой, личностью и ее невротическими отклонениями.

Олпорт (Allport) Гордон Вилларт. (11 ноября 1897 — 9 октября 1967) — американский психолог, один из виднейших представителей так называемого персонологического направления в психологии личности. С 1942 г. — профессор психологии в Гарварде. Личность, по Г. Олпорту, — это динамическая организация внутри индивида особых мотивационных систем привычек, установок и личностных черт, которые определяют уникальность его приспособления к среде. Эти системы складываются и развиваются в непрерывном взаимодействии индивида со средой, прежде всего социальной. Новые мотивы вырастают из старых, но в своем функционировании независимы от них. В отличие от психоанализа, усматривающего причины поведения человека в его прошлом, Г. Олпорт ищет их в настоящем и будущем личности, в поздних и высших осознаваемых мотивах человека, которые подчиняют себе более примитивные побуждения и образуют ядро личности, средоточие движущих сил ее развития: ее

жизненных целей, ценностей, идеалов. Каждое наличное состояние личности рассматривается Олпортом в перспективе ее будущих возможностей, борьба за реализацию которых характеризует активность личности... Вместе с тем Г. Олпорт представляет развитие мотивационной сферы личности как процесс автономный, без учета определяющей роли тех конкретных систем социальных отношений, в которые вступает человек в своей деятельности. К тому же в теории личностных черт Г. Олпорта нет учета их взаимной зависимости, их интеграции в структуре личности, что отмечается и некоторыми ведущими зарубежными теоретиками личности (например, А. Маслоу).

Соч: *Personality. A. Psychological Interpretation.* N. Y., 1937; *Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality.* N. Y., 1961.

Лит: Анцыферова А. И. Психология личности как «открытой системы». — Вопросы психологии, 1970, № 5.

Г. Олпорт

ПРИНЦИП «РЕДУКЦИИ НАПРЯЖЕНИЯ»¹

Существует распространенная догма в теории мотивации, которая требует пересмотра. Я говорю о часто встречающемся утверждении, что все мотивы направлены к «редукции напряжения». Эта доктрина, которую мы встречаем в инстинктивизме, психоанализе и в бихевиоризме, удерживает нас на примитивном уровне теоретизирования.

Мы не можем, конечно, отрицать, что основные побуждения, по-видимому, стремятся к «редукции напряжения». Недостаток

¹ Allport G. The trends in motivational theory. — Amer. Journal of Atnopsychiatry, 1953, vol. 23.

кислорода, голод, жажда, позывы к выделениям являются тому примерами, однако эти побуждения не являются достоверной моделью для всех нормальных мотивов взрослого человека. К. Гольдштейн замечает, что пациенты, жаждущие лишь уменьшения напряжения, явно патологичны. В их интересах нет ничего созидательного. Они не могут принять страдание, отсрочку, расстройство как случайный инцидент в своих поисках ценностей. Нормальные люди по контрасту с этим заняты своими «предпочтительными моделями» самоутверждения. Их психогенные интересы — скорее форма поддерживания и направления напряжения, нежели избегания его.

Я думаю, мы должны согласиться с К. Гольдштейном, что «редукция напряжения» — малоудовлетворительное объяснение функционирования зрелых психогенных мотивов. Во время своего утверждения в качестве ректора Гарвардского университета Дж. Конант заметил, что он принимает свои обязанности «с тяжелым сердцем, но с радостью». Он знал, что не уменьшит напряжения, взявшись за новую работу. Напряжение будет возрастать и возрастать и не раз будет становиться почти невыносимым. В ходе ежедневной работы он будет решать многие задачи и чувствовать поэтому облегчение, однако все же его общая задача, его общий баланс никогда не выразятся в каком-то равновесии. Подлинные психогенные интересы всегда таковы — они заставляют нас неограниченно усложнять и напрягать нашу жизнь. «Стремление к равновесию», «редукция напряжения», «влечение к смерти» кажутся поэтому тривиальными и ошибочными представлениями о мотивации нормального взрослого человека.

А. Psychologist
, 1937; Becoming
s for a Psychologist
, 1961.
ва А. И. Пестель
к «открытой системе»
психологии, 1961

НАПРЯЖЕНИЯ
вации, которые
емся утвержде
пряжения». З
е, психоанализ
уровне теорет
ые побужде
я». Недостат
al of Athroppsychology

Маслоу (Maslow) Абрахам (1 апреля 1908 — 17 февраля 1968) — американский психолог, профессор психологии Брэндонского университета (Массачусетс) (с 1962), один из ведущих представителей так называемой гуманистической психологии. Основные работы А. Маслоу посвящены исследованию психологически здоровой и духовно полноценной личности. Мотивационную сферу личности, по А. Маслоу, образует ряд иерархически соподчиненных групп потребностей: физиологические потребности, потребность в безопасности, любви, уважении и, наконец, потребность в самоактуализации: человек стремится быть тем, чем он может стать. Введение понятия «самоактуализация» призвано перенести центр анализа в психологии личности на рассмотре-

ние психически здоровой и полноценно себя реализующей творческой личности, подчеркнуть активный и продуктивный характер ее развития. Вместе с тем самоактуализация понимается А. Маслоу преимущественно как «рост изнутри» без учета определяющей роли социальных и исторических факторов развития личности.

Соч.: New Knowledge in Values (1959); Religions, Values and Peak Experiences (1964); Toward a Psychology of Being (1962); Enpsychian Management (1965); Psychology of Science (1966).

Лит.: Анцыферова А. И. Концепция самоактуализирующейся личности А. Маслоу. — Вопросы психологии, 1970, № 3.

А. Маслоу

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ¹

Я хочу обсудить идеи, еще далекие от своего завершения. Я обнаружил, что для моих учеников и других людей, с которыми я поделился этими идеями, понятие самоактуализации оказалось очень похожим на чернильные пятна. Роршаха. Чаше всего употребление этого понятия больше говорило мне о человеке, который им пользуется, чем о самой реальности, стоящей за этим понятием. Поэтому здесь я хотел бы рассмотреть некоторые аспекты природы самоактуализации не на абстрактном уровне, а в терминах, имеющих операциональное значение. Что означает самоактуализация в данный конкретный момент? Что она означает во вторник, в четвере часа?

¹ Maslow A. Self-actualizing and Beyond. — In: Challenges of Humanistic Psychology. N. Y., 1967.

Мое изу
научное ис
началось с
учителей, ко
и которые бы
довольствова
человека, Ру
большинства
мне ровным
впечатление,
что они — н
как донаучна
записи о Мак
нять их, дума
в своих заме
образа можно
людей, а не с
тельным стиму
ли найти этот
ном человеке з
По обычным
исследования м
свои обобщени
типа людей.

Люди, котор
пожилыми, про
мися значитель
данные примени
означает самоак
Индии уже вед
сказать, каковы
но, однако, — к
красных, здоров
цательных людей
иной взгляд на
величественным
ское существо?

При такой точ
о психологии и пс
Например, 99% то
учения, просто нег
существу. Теория на
существу, движущ

Мое изучение самоактуализации не было запланировано как научное исследование, и начиналось оно не как таковое. Все началось с попыток молодого интеллектуала понять двух своих учителей, которыми он восхищался, которых он любил и обожал и которые были совершенно прекрасными людьми. Я не мог просто довольствоваться преклонением и пытался понять, почему эти два человека, Рут Бенедикт и Макс Вертгеймер, так отличались от большинства людей на свете. Мои занятия психологией не давали мне ровным счетом ничего для того, чтобы понять их. Было такое впечатление, что они не только отличаются от других людей, но что они — нечто большее, чем люди. Мое исследование началось как донаучная или, скорее, ненаучная деятельность. Я стал делать записи о Максе Вертгеймере и Рут Бенедикт. Когда я пытался понять их, думать о них и вести о них записи в своем дневнике и в своих заметках, в один прекрасный миг я понял, что эти два образа можно обобщить, что я имею дело с *определённым типом людей*, а не с двумя несравнимыми индивидами. Это было замечательным стимулом для дальнейшей работы. Я стал искать, можно ли найти этот образ где-нибудь еще, и находил его повсюду, в одном человеке за другим.

По обычным стандартам строго контролируемого лабораторного исследования моя работа не была исследованием вообще. Я делал свои обобщения на основе выбранного мной самим определенного типа людей.

Люди, которых я выбрал для своего исследования, были уже пожилыми, прожившими большую часть своей жизни и добившимися значительных успехов. Мы пока не знаем, насколько наши данные применимы в отношении молодых людей. Мы не знаем, что означает самоактуализация в других культурах, хотя в Китае и Индии уже ведутся исследования по самоактуализации. Трудно сказать, каковы будут результаты этих исследований, но несомненно, однако, — когда вы выбираете для тщательного изучения прекрасных, здоровых, сильных, творческих, добродетельных, проникательных людей — тип, который я выделил, — у вас появляется иной взгляд на человечество. Вы задаетесь вопросом, насколько величественным может быть человек, чем может стать человеческое существо?

ПОДЛИННОЕ И ВНЕШНЕЕ НАУЧЕНИЕ

При такой точке зрения на человечество ваше представление о психологии и психиатрии претерпевает существенные изменения. Например, 99% того, что написано по так называемой теории научения, просто неприменимо к развивающемуся человеческому существу. Теория научения просто неприложима к человеческому существу, движущемуся к пределам возможного совершенства.

Почти всегда в литературе по теории научения рассматривается то, что я сам называю «внешним научением» в отличие от «подлинного научения». Внешнее научение означает приобретение возможных навыков, подобное складыванию в карман ключей или монет. Внешнее научение — это просто усвоение еще одной ассоциации или нового умения. А вот научиться быть лучшим человеком, насколько это для вас возможно — совсем другое дело. Дальние цели обучения взрослых и любого другого обучения — это пути, или способы, посредством которых мы можем *помочь человеку стать тем, кем он способен стать*. Это я называю подлинным научением, и дальше я буду говорить только о нем. Это способ, каким обучаются самоактуализирующиеся люди. Помочь пациенту достичь такого подлинного научения — это главная цель консультирования.

Эти вещи я знаю с полной определенностью. Но здесь имеется еще и другое, в отношении чего я совершенно уверен, — мой нюх, так сказать, подсказывает мне это. Все же по этим вопросам у меня даже еще меньше объективных данных, чем по тем, которые я обсуждал выше. Самоактуализацию довольно трудно определить, но намного труднее ответить на вопрос: «А что стоит за самоактуализацией?» Или если хотите: «Что стоит за аутентичностью?» Честность — это еще не все в самоактуализации. Что еще мы можем сказать о самоактуализирующихся людях?

Б-ЦЕННОСТИ

Самоактуализирующиеся люди, все без исключения, вовлечены в какое-то дело, во что-то находящееся вне них самих. Они преданы этому делу, оно является чем-то очень ценным для них — это своего рода призвание, в старом, проповедническом смысле слова. Они занимаются чем-то, что является для них призванием судьбы и что они любят так, что для них исчезает разделение «труд — радости». Один посвящает свою жизнь закону, другой — справедливости, еще кто-то — красоте или истине. Все они тем или иным образом посвящают свою жизнь поиску того, что я называл «бытийными» (сокращенно «Б») ценностями, т. е. поиску предельных ценностей, которые являются подлинными и не могут быть сведены к чему-то более высокому. Имеется около четырнадцати таких Б-ценностей: истина, красота, добро древних, совершенство, простота, всесторонность и несколько других. Эти Б-ценности описаны в приложении к моей книге «Religions, Values and Peak Experiences» (1964). Это ценности бытия.

МЕТА-ПОТРЕБНОСТИ И МЕТА-ПАТОЛОГИЯ

Существование этих Б-ценностей намного усложняет структуру самоактуализации. Они выступают как потребности. Я назвал их *метапотребностями*. Их подавление порождает определенный

тип патологий, до сих пор достаточно хорошо не описанных, которым я дал название *метапатологий*. Это заболевания души, которые происходят, например, от постоянного проживания среди лжецов и потери доверия к людям. Так же как требуются консультанты для помощи людям в решении их проблем, связанных с неудовлетворением потребностей, нужны и метаконсультанты, которые помогали бы при заболеваниях души, вызванных неудовлетворением метапотребностей. В некотором вполне определенном и эмпирическом смысле человеку необходимо жить в красоте, а не в уродстве, точно так же как ему необходима пища для голодного желудка или отдых для усталого тела. Я осмелюсь утверждать, что на самом деле эти Б-ценности являются смыслом жизни для большинства людей, хотя многие даже не подозревают, что они имеют эти метапотребности. Частью нашей работы в качестве консультантов должно быть доведение до сознания людей того, что они имеют эти свои собственные метапотребности, подобно тому как традиционный психоаналитик доводит до сознания своих пациентов факт наличия у них их базальных инстинктивных потребностей. В конечном счете, возможно, мы должны прийти к представлению о себе как о философских или религиозных консультантах.

Мы пытаемся помочь своим клиентам двигаться по пути к их самоактуализации. Эти люди часто совершенно запутались в проблемах ценностей. Здесь много молодых людей, которые в принципе являются замечательными людьми, хотя часто они кажутся просто сопливыми ребятишками. Тем не менее я предполагаю (несмотря на все доказательства противоположного, иногда исходящие из их поведения), что они являются идеалистами в классическом смысле. Я предполагаю, что они ищут ценности и что они хотят заняться чем-то таким, чему бы они могли себя посвятить, поклоняться, обожать, любить. Эти молодые люди в каждый конкретный момент делают выбор между продвижением вперед и отступлением назад, между приближением к самоактуализации и отступлением от нее. В качестве консультантов или метаконсультантов что мы можем сказать им такого, что помогло бы им стать самими собой?

СПОСОБЫ ПОВЕДЕНИЯ, ВЕДУЩИЕ К САМОАКТУАЛИЗАЦИИ

Что делает человек при самоактуализации? Выжимает ли он что-то из себя, скрипя зубами? Что означает самоактуализация в реальном поведении? Я опишу восемь путей самоактуализации.

Во-первых, самоактуализация означает *полное, живое и бескорыстное переживание* с полным сосредоточением и погруженностью, т. е. переживание без подростковой застенчивости. В момент самоактуализации индивид является целиком и полностью человеком. Это момент, когда *Я* реализует самое себя. Одна из целей консультирования — помочь нашим клиентам достигать этого пережи-

вания как можно чаще. Мы стремимся к тому, чтобы они осмелились полностью погрузиться во что-либо, забыть свои позы, свои защиты и свою застенчивость. Наблюдая со стороны, мы видим, что это очень приятный момент. Мы можем видеть, как в молодых людях, которые хотят казаться жестокими, циничными и умудренными опытом, вновь появляется что-то от детского простодушия; что-то невинное и свежее отражается в их лицах, когда они полностью посвящают себя переживанию момента. Ключом к этому является бескорыстие. Наши молодые люди страдают от недостатка бескорыстия и от избытка застенчивости и сомнений.

Во-вторых, необходимо представить себе жизнь как процесс постоянного выбора. В каждый момент имеется *выбор: продвижение или отступление*. Либо движение к еще большей защите, безопасности, боязни, либо выбор продвижения и роста. Выбрать развитие вместо страха десять раз в день — значит десять раз продвинуться к самоактуализации. Самоактуализация — это непрерывный процесс; она означает многократные отдельные выборы: лгать или оставаться честным, воровать или не воровать. Самоактуализация означает выбор из этих возможностей возможности роста. Вот что такое движение самоактуализации.

В-третьих, само слово «самоактуализация» подразумевает наличие *Я*, которое может актуализироваться. Человек — это не *tabula rasa* и не податливый воск. Он всегда уже есть нечто, по меньшей мере некоторая стержневая структура. Человеческое существо есть уже как минимум определенный темперамент, определенный биохимический баланс и т. д. Имеется собственное *Я*, и то, что мной иногда называлось «*прислушиванием к голосу импульса*», означает предоставление возможности этому *Я* проявляться. Большинство из нас чаще всего (особенно это касается детей и молодых людей) прислушиваются не к самим себе, а к голосу мамы, папы, к голосу государственного устройства, вышестоящих лиц, власти, традиции и т. д.

Вот пример первого простого шага к самоактуализации, который я иногда предлагаю своим студентам. Когда их угощают вином и спрашивают, как им это вино понравилось, можно поступать различным образом. Первое, что я советую — это не смотреть на этикетку бутылки. В этом случае вы не будете пользоваться этой возможной подсказкой для того, чтобы определить, нравится ли вам это вино или нет. Далее, я советую закрыть глаза, если это возможно, и «затаить дыхание». Теперь вы готовы всмотреться внутрь себя, отключиться от шума внешнего мира, попробовать вкус вина на свой язык и обратиться к «Верховному Судье» внутри себя. Тогда и только тогда вы сможете сказать: «Мне оно нравится» или «Мне оно не нравится». Полученное таким образом определение сильно отличается от обычной фальши, которой мы всегда в таких случаях предаемся.

В-четвертых, когда вы сомневаетесь в чем-то, старайтесь быть честными, не защищайтесь фразой: «Я сомневаюсь». Часто, когда

мы сомневаемся, мы бываем неправдивы. Наши клиенты чаще всего неправдивы. Они «играют в игры» и позируют. Они с трудом принимают предложение *быть честными*. Обращаться к самому себе, требуя ответа, — это значит *взять на себя ответственность*. Это сам по себе огромный шаг к самоактуализации. Проблема ответственности до сих пор мало изучалась. Она не появляется в нашей психологической литературе, так как нельзя же изучать ответственность на белых крысах. Все же ответственность является наиболее осязаемой частью психотерапии. В психотерапии можно увидеть, почувствовать и узнать момент ответственности. Именно здесь появляется ясное представление о том, что это такое. И это всегда большой шаг. Всякий раз, когда человек берет на себя ответственность, он самоактуализуется.

Пятое. До сих пор мы говорили о переживании без критики, о предпочтении выбора роста выбору страха, о прислушивании к голосу импульса, о честности и о принятии на себя ответственности. Это шаги к самоактуализации, и все они обеспечивают лучший жизненный выбор. Человек, который совершает эти небольшие поступки во всякой ситуации выбора, обнаружит, что они помогают лучше выбрать то, что конституционально ему подходит. Он начинает понимать, что является его предназначением, например, то, кто должен стать его женой или мужем, в чем смысл его жизни. Человек не может сделать хороший жизненный выбор, пока он не начинает прислушиваться к самому себе, к *собственному Я* в каждый момент своей жизни, чтобы спокойно сказать: «Нет, это мне не нравится».

Для того чтобы высказывать честное мнение, человек должен быть отличным, независимым от других, должен *быть нонконформистом*. Если мы не можем научить наших клиентов, молодых или старых, быть готовыми к независимой от окружающих позиции, мы можем сейчас же прекратить свою деятельность. Быть смелым, вместо того, чтобы бояться, — это другое проявление того же самого.

Шестое. Самоактуализация — это не только конечное состояние, но также *процесс* актуализации своих возможностей. Это, например, развитие умственных способностей посредством интеллектуальных занятий. Здесь самоактуализация означает реализацию своих потенциальных способностей. Самоактуализация — это не обязательно совершение чего-то из ряда вон выходящего; это может быть, например, прохождение через трудный период подготовки к реализации своих способностей. Самоактуализацией может быть упражнение пальцев на клавиатуре пианино. Самоактуализация — это труд ради того, чтобы сделать хорошо то, что человек хочет сделать. Стать второстепенным врачом — это неподходящий путь к самоактуализации. Человек всегда хочет быть первоклассным или настолько хорошим, насколько он может быть.

Седьмое. *Высшие переживания* — это моменты самоактуализации. Это мгновения экстаза, которые нельзя купить, которые не

могут быть гарантированы и которые невозможно даже искать. Как писал К. С. Льюис, радость должна удивить. Но условия для более вероятного появления таких переживаний создать можно. Можно, однако, и наоборот, поставить себя в такие условия, при которых их появление будет крайне маловероятным. Отказ от иллюзий, избавление от ложных представлений о себе, понимание того, для чего ты непригоден, что не является твоими потенциальностями, — это также часть раскрытия самого себя, того, чем ты в действительности являешься.

Практически каждый испытывает высшие переживания, но не каждый знает об этом. Некоторые люди отстраняются от этих кратковременных тонких переживаний. Помочь людям ощутить эти недолгие мгновения экстаза, когда они наступают, — это одна из задач консультанта или метако консультанта. Как может, однако, один человек, не имея никакой опоры во внешнем мире, взглянуть в скрытую душу другого человека и общаться с ним? Мы должны выработать новый способ общения. Я думаю, что этот тип общения в гораздо большей степени может послужить моделью для обучения и консультирования, для оказания помощи взрослым в полной реализации своих возможностей, чем тот, которым мы обычно пользуемся при обучении. Если я люблю Бетховена и слышу в его квартете что-то такое, чего вы не слышите, как мне научить вас услышать это? Звуки ведь одни и те же, но я слышу нечто прекрасное, а вы остаетесь безразличным. Звуки вы слышите, но как мне дать вам возможность услышать красоту? Именно это — основная проблема обучения, а вовсе не обучение азбуке, арифметике и препарированию лягушек. Все это внешнее по отношению как к учителю, так и к ученику; у одного есть указка, он может указать на предмет, другой может смотреть. И все это происходит одновременно. Этот тип обучения прост, другой гораздо сложнее, и именно он является частью работы в качестве консультантов. Это метаконсультирование.

Восьмое. Найти самого себя, раскрыть, что ты собой представляешь, что для тебя хорошо, а что плохо, какова цель твоей жизни — все это требует *разоблачения собственной психопатологии*. Для этого нужно выявить свои защиты и после этого найти в себе смелость преодолеть их. Это болезненно, так как защиты направлены против чего-то неприятного. Но отказ от защиты стоит того. Если бы даже психоаналитическая литература не дала нам ничего большего, достаточно уже того, что она показала нам, что вытеснение — это не лучший способ разрешения своих проблем.

Деритуализация

Я скажу несколько слов о механизме защиты, который не упоминается в руководствах по психологии, хотя имеет очень большое значение для молодых людей наших дней. Этот механизм защиты — *деритуализация*. Молодые люди часто не верят в ценности и добродетели. Они чувствуют себя обманутыми или сбитыми с толку в жизни. У них нередко такие родители, которые действительно

производят одуроченно уважают собственные ценности, когда не наказывают в результате мысленных причин. Давать обобщения. Они не если этот человек от своих отцов, честным и смелым образом.

Они привыкли к ности и не видят свете его символики таинственности, это естественное и ным, что оно частично теряет все. низма защиты, оз

Ритуализация

Ритуализация

знаком вечности», ность увидеть свя Женщину, даже к Другой пример. Человек, которому не испытывает опр ного восприятия», Человек, которому как священную ве вышенные качества

«Ритуализация ных вещей — оче Тем не менее особ рых философские выступать на пер является наиболее самоактуализации.

логические позитив который ищет нащ огромную важность че мы занимаемся Объединяя все есть по сути один так, как будто в ч войдете в пантеон вещь постепенная

производят одурманивающее впечатление на них, причем они не очень уважают своих родителей. Самим родителям часто не ясны собственные ценности, порой они просто боятся своих детей, ни когда не наказывают их, не удерживают от дурных поступков. В результате мы имеем презрение к родителям со стороны их собственных детей. Причем часто по вполне понятным и основательным причинам. Дети таких родителей научились делать большие обобщения. Они не желают слушать ни одного взрослого, особенно если этот человек употребляет те же слова, которые они слышали от своих отцов, которые часто говорили о том, что надо быть честным и смелым, а в жизни поступали прямо противоположным образом.

Они привыкли рассматривать человека только в его конкретности и не видят в нем то, чем бы он мог быть, не видят его в свете его символических ценностей. Наши дети, например, лишили таинственности секс, «деритуаризировали его». Секс — это ничто; это естественное влечение, и они сделали его настолько естественным, что оно часто теряет свои поэтические качества, т. е. фактически теряет все. Самоактуализация означает отказ от этого механизма защиты, означает обучение и принятие реритуализации.

Реритуализация

Реритуализация означает желание вновь увидеть человека «под знаком вечности», как говорил Спиноза, желание иметь возможность увидеть святое, вечное, символическое. Это значит видеть Женщину, даже когда мы имеем дело с обыкновенной женщиной. Другой пример. Человек идет в медицинское училище и там анатомирует мозг. Обязательно что-то теряется, если студент при этом не испытывает определенного благоговения и, отвлекаясь от «цельного восприятия», рассматривает мозг лишь как конкретную вещь. Человек, которому доступна реритуализация, видит мозг так же, как священную вещь, видит его символическую ценность, его возвышенные качества.

«Реритуализация» часто означает утверждение многих банальных вещей — очень плоских, «как сказали бы наши детишки». Тем не менее особенно для консультанта пожилых людей, у которых философские вопросы относительно смысла жизни начинают выступать на первое место, утверждение этих банальных вещей является наиболее существенным способом помощи движению к самоактуализации. Молодые люди могут говорить, что это плоско, логические позитивисты — что это бессмысленно, но для человека, который ищет нашу помощь, эти вещи имеют большой смысл и огромную важность. И мы должны дать им наилучший ответ, иначе мы занимаемся не тем, чем должны заниматься.

Объединяя все сказанное, мы видим, что самоактуализация не есть по сути один великий миг. Нельзя представлять себе дело так, как будто в четыре часа в четверг зазвучат фанфары и вы войдете в пантеон на вечные времена. Самоактуализация — это вещь постепенная, это накопление самих по себе незаметных при-

обретений. Слишком часто наши клиенты склонны ждать своего рода вдохновения, чтобы они могли сказать: «В этот четверг в 3 часа 23 минуты я самоактуализировался!» Люди, которые ответственны моим критериям самоактуализации, продвигаются скромными шагами — они прислушиваются к своему собственному голосу, они берут на себя ответственность, они честны, они много работают.

Терапевтические отношения

Вот то, что люди делают, когда они движутся по пути самоактуализации. Кем же тогда является консультант? Как может он помочь людям, обратившимся к нему, двигаться в направлении роста?

В поисках модели

Я употреблял слова «терапия», «психотерапия» и «пациент». Я ненавижу все эти слова и ненавижу ту медицинскую модель, которую они подразумевают, потому что эта модель предполагает, что человек, обращающийся к консультанту, — человек больной, ищущий лечения. На самом деле мы, конечно, надеемся, что консультант будет помогать самоактуализации людей, вместо того чтобы стремиться вылечить болезнь.

Модель помощи также должна уступить свое место какой-то другой модели, она просто не подходит. Она заставляет нас представлять консультанта в виде профессионала, который все знает и со своих привилегированных высот протягивает руку помощи бедным невеждам внизу, которые в ней так нуждаются. Консультант также не является учителем в обычном смысле, потому что учителя — это те, кто достигли совершенства во «внешнем» обучении, которое я описал выше. Процесс же становления как можно более совершенного человека требует именно «подлинного» обучения.

Я думаю, что независимо от слова понятие, к которому мы в конечном счете должны прийти, будет близким к тому, что имел в виду еще много, много лет назад Альфред Адлер, говоря о «старшем брате». Старший брат — это любящий человек, который берет на себя ответственность за младших. Он, конечно, знает больше, чем он жил дольше, но он не есть нечто качественно отличное, относящееся к другому миру. Мудрый и любящий старший брат пытается совершенствовать младшего, пытается делать его лучше, чем он есть, но в рамках собственного стиля младшего. Смотрите, насколько это отличается от модели «учить кого-то, кто ничего не знает»!

Консультирование не связано с тренировкой или традиционным обучением, когда людям говорят, что и как они должны делать. Оно не имеет отношения к пропаганде. Оно в духе учения даосизма предполагает вначале раскрыть нечто в человеке, а затем уже помочь ему. Даосизм — это невмешательство, это принцип «пусть все идет своим чередом». Даосизм, однако, не является философией попустительства или безразличия, это не отказ от помощи или заботы.

Хороший
крыться, про
самого себя,
В идеальном
читанные им
на мир нико
внутреннюю
обнаружит, ч
может быть
торых мы на
ся тем, кем
возможные н
веком. Так ж
садовник —
брата безраз
помощником.
собственное Я
свою величест
ния, постигать

Хороший клинический терапевт помогает своему клиенту раскрыться, прорваться сквозь защиты, препятствующие познанию им самого себя, помогает ему вновь обрести и узнать самого себя. В идеальном случае теоретические представления терапевта, прочитанные им руководства, пройденное им обучение, его взгляды на мир никогда не должны давать о себе знать пациенту. Уважая внутреннюю природу, существо этого «младшего брата», терапевт обнаружит, что лучшим путем к хорошей жизни для его пациента может быть только один: еще более быть самим собой. Люди, которых мы называем «больными», — это люди, которые не являются тем, кем они есть, — это люди, которые построили себе всевозможные невротические защиты против того, чтобы быть человеком. Так же как для розового куста безразлично, кем является садовник — итальянцем, французом или шведом, для младшего брата безразлично, каким образом его помощник научился быть помощником. Научиться высвобождать подавленное, познавать собственное Я, прислушиваться к «голосу импульса», раскрывать свою величественную природу, достигать понимания, проникновения, постигать истину — вот, что требуется.

Франкл (Frankl) Виктор (род. 16 мая 1905) — австрийский психиатр и психолог, профессор неврологии и психиатрии Венского университета (с 1955). Создатель нового направления в психотерапии — логотерапии. Будучи заведующим отделением неврологии Ротшильдского госпиталя в Вене, в 1942 г. был арестован нацистами и брошен в концлагерь. Во многом из осмысления опыта лагерной жизни сложились у В. Франкла основные идеи его логотерапии (от древнегреч. «логос» — смысл), в центре которой стоит задача помочь человеку в его поисках смысла жизни. Логотерапия как одно из влиятельных направлений современной зарубежной психотерапии занимает

в ней особое положение, противостоя, с одной стороны, ортодоксальному психоанализу, а с другой — поведенческой психотерапии. Концепция личности, сложившаяся в рамках логотерапии, по многим своим мотивам близка современной гуманистической психологии (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.).

Соч.: *The Doctor and the Soul: From Psychotherapy to logotherapy* (1955); *From Death-Camp to Existentialism* (1959); *Man's Search for Meaning* (1962); *An Introduction to logotherapy* (1963); *Psychotherapy and Existentialism* (1967); Издатель (совм. с V. E. von Gebattel, J. H. Schiltz) *Encyclopaedia of Psychotherapeutics* (5 vols).

В. Франкл

ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ И ЛОГОТЕРАПИЯ¹

Логотерапия, или, как ее называют некоторые авторы, третья Венская школа психотерапии, занимается смыслом человеческого существования и поисками этого смысла. Согласно логотерапии борьба за смысл жизни является основной движущей силой для человека. Поэтому я говорю о «стремлении к смыслу» в противовес принципу удовольствия (или иначе — «стремлению к удовольствию»), на котором сконцентрирован фрейдовский психоанализ, а также в противовес «стремлению к власти», выделяемому а德勒вской психологией.

СТРЕМЛЕНИЕ К СМЫСЛУ

Поиск каждым человеком смысла является главной силой его жизни, а не «вторичной рационализацией» инстинктивных влечений. Смысл уникален и специфичен потому, что он должен быть

¹ Frankl V. *Man's search for meaning. An introduction to Logotherapy*. Boston, 1962.

и может быть осуществлен только самим вот этим человеком и только тогда, когда он достигнет понимания того, что могло бы удовлетворить его собственную потребность в смысле. Существуют авторы, которые утверждают, будто смысл и ценности есть «не что иное, как защитные механизмы, реактивные образования и сублимации». Что касается меня, то я не стал бы жить для того, чтобы спасти свои «защитные механизмы», равно как и умирать ради своих «реактивных образований». Человек же, однако, способен жить и даже умереть ради спасения своих идеалов и ценностей!

Несколько лет назад во Франции проводился опрос общественного мнения. Результаты показали, что 89% опрошенных считают, что человек нуждается в «чем-то таком», ради чего он живет. Другими словами, потребность в смысле является для большинства фактом, а не слепой верой.

Конечно, могут быть такие случаи, когда отношение человека к ценностям на самом деле является только маскировкой скрытых внутренних конфликтов. Но такие люди являются скорее исключением из правила, чем самим правилом. В таких случаях вполне оправдана психологическая интерпретация. В таких случаях мы на самом деле имеем дело с псевдоценностями (хорошим примером этого служит фанатизм), и как псевдоценности они должны быть демаскированы. Демаскировка, или развенчание, однако, должна быть сразу же прекращена при встрече с достоверным и подлинным в человеке, в частности, с сильным стремлением к такой жизни, которая была бы настолько значительна, насколько это возможно. Если же развенчание в таком случае не прекращается, то совершающий развенчание просто выдает свою собственную потребность в том, чтобы подавить духовные стремления другого.

Мы должны очень осторожно относиться к тенденции понимать ценности в терминах простого самовыражения человека. Логос, или смысл, есть не просто выход за пределы собственного существования, но скорее нечто противостоящее существованию. Я считаю, что мы не выбираем смысл нашего существования, а скорее обнаруживаем его.

Человека не влечет к моральному поведению, он в каждом случае решает вести себя морально. И человек делает это вовсе не для того, чтобы удовлетворить свою моральную потребность или иметь хорошее настроение. Он делает это для того, чтобы спасти тот путь, по которому он направил себя, или для спасения любимого человека, или ради спасения своего бога. Если же он действительно ведет себя морально ради спасения своего хорошего настроения, он становится Парисом и перестает быть по-настоящему нравственной личностью.

Человеческое стремление к смыслу жизни также может быть фрустрировано; в этом случае логотерапия говорит об «экзистенциальной фрустрации».

Экзистенциальная фрустрация также может привести к неврозу.

Нусогенные неврозы имеют своей причиной не психический, а скорее «нусогенный» (от греческого слова «нус», означающего ум, дух, смысл), пласт человеческого существования. Этот логотерапевтический термин означает нечто, принадлежащее «духовному» ядру личности.

НУСОГЕННЫЕ НЕВРОЗЫ

Нусогенные неврозы возникают не из конфликта между влечением и сознанием, а скорее из-за конфликта между различными ценностями, другими словами, из нравственных конфликтов, или, говоря более обще, из духовных проблем. Среди этих проблем экзистенциальная фрустрация играет большую роль.

Очевидно, что в случаях нусогенных неврозов адекватная терапия не есть психотерапия, а скорее логотерапия, т. е. терапия, которая призвана внести духовное измерение в человеческое существование.

Если врач не в состоянии отличить духовное измерение от «инстинктивного», могут возникнуть опасные ошибки. Позвольте мне привести пример.

Высокопоставленный американский дипломат приехал в мою Венскую клинику с тем, чтобы продолжить психоаналитическое лечение, начатое лет пять назад в Нью-Йорке. Потом я спрашивал его, почему он решил подвергнуться анализу, по каким причинам этот анализ был начат впервые. Оказалось, что пациент был недоволен своей карьерой и считал невозможным для себя согласиться с американской внешней политикой. Его аналитик, однако, снова и снова повторял ему, что он должен попытаться внутренне примириться со своим отцом, поскольку правительство США, так же как и его начальство, «не что иное, как воображаемый отец», соответственно его неудовлетворенность работой обусловлена ненавистью, которую он бессознательно затаил к своему отцу.

Не всякий конфликт обязательно невротичен, огромное количество конфликтов нормально и вполне естественно, точно так же и страдание не всегда является патологическим явлением. Не будучи симптомом невроза, страдание может быть даже достижением человека, особенно если оно выросло в рамках экзистенциальной фрустрации. Экзистенциальная фрустрация сама по себе ни патологична, ни патогенна. Озабоченность человека, даже отчаяние по поводу ценности собственной жизни, является духовным несчастьем, но ни в коем случае не психическим заболеванием. Интерпре-

тация духовно
хранению экзи
шительных сред
через экзистен
Логотерапия
смысла своей
ему обрести ск
аналитическим
с психоанализом
ным логотерапи
индивидуального
пия расходится
ловека как тако
зации смысла и
летворении влеч

Несомненно,
внутреннее напря
но это напряжен
Я решился бы да
эффективно помо
благоприятными
ни существует.

Есть очень мн
зачем жить, мож
девиз, который сл
концлагере можн
кая задача, котор
более способны в

Что касается
лагерь Освенцима
конфискована. Ко
эту рукопись занон
ни. Например, ко
сал на маленьких
переделке рукопис
уверен, что эта пер
концентрационного
коллапс.

Я считаю опасн
очередь человеку
в биологии, «гоме
состояние равновес
его. То, что ему
любими способами
предназначения

тация духовного страдания в связи с прошлым приводит к сохранению экзистенциального отчаяния пациента под грудой утешительных средств. Задачей же является — проведение пациента через экзистенциальный кризис развития и роста.

Логотерапия считает своей задачей помочь пациенту в поиске смысла своей жизни. В той мере, в какой логотерапия позволяет ему обрести скрытый смысл своего существования, она является аналитическим процессом. В этом отношении логотерапия сходна с психоанализом. Однако в своей попытке сделать нечто осознанным логотерапия не ограничивается задачей сделать явными для индивидуального сознания бессознательные явления. Логотерапия расходится с психоанализом в том, что она рассматривает человека как такое существо, чья основная миссия состоит в реализации смысла и в актуализации ценностей, а не в простом удовлетворении влечений и инстинктов.

НУСОДИНАМИКА

Несомненно, что поиск смысла и ценностей скорее вызывает внутреннее напряжение, чем приводит к равновесию. Однако именно это напряжение является предпосылкой психического здоровья. Я решился бы даже утверждать, что нет ничего в мире, что столь эффективно помогало бы человеку справиться даже с самыми неблагоприятными условиями, как уверенность в том, что смысл жизни существует.

Есть очень много мудрости в словах Ницше: «Тот, кто имеет за чем жить, может вынести любое как». Я вижу в этих словах девиз, который справедлив для любой психотерапии. В нацистском концлагере можно было наблюдать, что те, кто знал, что есть некая задача, которая ждет своего решения и осуществления, были более способны выжить.

Что касается меня, то когда меня забрали в концентрационный лагерь Освенцима, моя рукопись, уже готовая к публикации, была конфискована. Конечно же, только глубокое стремление написать эту рукопись заново помогло мне выдержать зверства лагерной жизни. Например, когда я заболел тифом, то, лежа на нарах, я записал на маленьких листочках много разных заметок, важных при переделке рукописи, как будто я уже дожил до освобождения. Я уверен, что эта переработка потерянной рукописи в темных бараках концентрационного лагеря Баварии помогла мне преодолеть опасный коллапс.

Я считаю опасным заблуждением предположение, что в первую очередь человеку требуется равновесие, или, как это называется в биологии, «гомеостазис». На самом деле человеку требуется не состояние равновесия, а скорее борьба за какую-то цель, достойную его. То, что ему необходимо, не есть просто снятие напряжения любыми способами, но есть обретение потенциального смысла, предназначения, которое обязательно будет осуществлено. Челове-

ку требуется не равновесие, а то, что я называю «нусодинамикой», т. е. духовной динамикой в рамках полярного напряжения, где один полюс представляет собой смысл, цель, которая будет реализована, а второй полюс — человека, который должен осуществить эту цель. Не следует думать, что последнее суждение справедливо лишь для нормальных условий, — у невротиков подобный механизм еще более значим. Когда архитектор хочет укрепить ветхую арку, он увеличивает груз, положенный на нее, так как таким образом концы арки теснее сближаются друг с другом. Если терапевт хочет восстановить душевное здоровье пациента, он не должен бояться увеличить подобный груз посредством переориентации пациента по поводу смысла его жизни.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВАКУУМ

Экзистенциальный вакуум — явление широко распространенное в наши дни. Это вполне понятно и может быть объяснено той двойной потерей, которой подвергся человек с тех пор, как стал действительно человеком. В начале человеческой истории человек потерял некоторые из основных животных инстинктов, которые определяли поведение животного и посредством которых оно охранялось. Такая защита, подобно раю, закрыта для человека навсегда; человек должен совершать выбор. Вдобавок к этому при последующем развитии человек претерпел вторую потерю: традиции, которые служили опорой его поведения, сейчас быстро разрушаются. Никакой инстинкт не говорит ему, что он вынужден делать, никакая традиция не подсказывает ему, что он должен делать, вскоре он уже не знает, что он хочет делать. Все больше и больше он начинает руководствоваться тем, что заставляют его делать другие, все в большей степени становясь жертвой конформизма.

Экзистенциальный вакуум проявляется в основном в состоянии скуки. Теперь вполне понятен Шопенгауэр, когда он говорил, что человечество, по-видимому, обречено вечно колебаться между двумя крайностями — нуждой и скукой. Действительно, скука в наше время часто ставит перед психиатром гораздо больше проблем, нежели нужда. И эти проблемы растут с угрожающей быстротой, так как процесс автоматизации, по-видимому, приведет к значительному увеличению свободного времени. Беда состоит в том, что большинство не знает, что же делать со вновь образовавшимся свободным временем.

Давайте задумаемся, например, о «воскресных неврозах» — таком виде депрессии, которая охватывает многих при сознании недостатка содержания в своей жизни, когда обрывается натиск недельных занятий и становится очевидна пустота своего существования. Немало случаев самоубийства можно было бы объяснить экзистенциальным вакуумом. Такие широко распространенные явления, как алкоголизм и юношеская преступность, будут непонятны до тех пор, пока мы не обнаружим экзистенциальный вакуум, ле-

жащий в их осн
тупникам, и по
Более того,
проявления, за
ум. Иногда фру
сируется стремл
форму воли к в
фрустрированной
ние к удовольстви
приводит к сексу
даем сильное сек
циального вакуум
невроза. Поэтому
ных случаях, как
случаях, в частно
неврозами».

Давайте теперь
пациент спрашива

Я сомневаюсь,
общей фразой, так
человеку, изо дня в
жизни вообще, а с
ности в данный м
жизни, когда он за
ставленным перед ч
кой самый хороший
вещи, как наилучши
кретной игровой сит
тивника. То же сам
существования. Мы
У каждого свое собс
должен выносить в д
бует своей реализаци
местить с места на м
ма. Итак, задача к
Логотерапия видит
ность человеческого с

Объявляя, что чело
туализировать потенци
нуть, что истинный см

жащий в их основе. Это справедливо также и по отношению к преступникам, и по отношению к кризисам пожилых людей.

Более того, существуют различные скрытые формы и ложные проявления, за которыми обнаруживается экзистенциальный вакуум. Иногда фрустрированная потребность в смысле жизни компенсируется стремлением к власти, включая наиболее примитивную форму воли к власти — желание денег. В других случаях место фрустрированной потребности в смысле жизни занимает стремление к удовольствию. Экзистенциальная фрустрация поэтому часто приводит к сексуальной компенсации. В таких случаях мы наблюдаем сильное сексуальное влечение, разросшееся на почве экзистенциального вакуума. Аналогичное явление имеет место в случае невроза. Поэтому логотерапия назначается не только в нусогенных случаях, как было отмечено выше, но также и в психогенных случаях, в частности в тех, что я назвал «псевдосоматогенными неврозами».

Давайте теперь рассмотрим то, как мы должны вести себя, если пациент спрашивает, что есть смысл жизни.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Я сомневаюсь, что врач может ответить на этот вопрос одной общей фразой, так как смысл жизни различается от человека к человеку, изо дня в день, от часа к часу. Поэтому важен не смысл жизни вообще, а скорее *специфический смысл жизни данной личности в данный момент времени*. Постановку вопроса о смысле жизни, когда он задан вообще, можно сравнить с вопросом, поставленным перед чемпионом по шахматам: «Скажите, учитель, какой самый хороший ход в мире?» Просто не существует такой вещи, как наилучший или просто хороший ход, в отрыве от конкретной игровой ситуации, в отрыве от конкретной личности противника. То же самое справедливо и в отношении человеческого существования. Мы не должны искать абстрактного смысла жизни. У каждого свое собственное призвание и миссия в жизни, каждый должен выносить в душе конкретное предназначение, которое требует своей реализации. Человеческую жизнь поэтому нельзя переместить с места на место, жизнь конкретного человека неповторима. Итак, задача каждого — единственна, как единственны и специфические возможности ее существования.

Логотерапия видит в ответственности перед жизнью самую сущность человеческого существования.

СУЩНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Объявляя, что человек — творец ответственности и должен актуализировать потенциальный смысл своей жизни, я хотел подчеркнуть, что истинный смысл жизни скорее можно найти в мире, чем

внутри человека, или внутри его психики, даже если бы она была закрытой системой. Человеческое существование есть скорее самотрансценденция, нежели самоактуализация. Самоактуализация не может быть возможной целью еще и по той простой причине, что чем больше человек будет за нее бороться, тем больше он будет терять ее, так как только в той степени, в которой человек отдает себя осуществлению своего жизненного смысла, он также и актуализирует, проявляет себя. Другими словами, самоактуализация не может быть достигнута, если она замыкается на саму себя. Она достижима только тогда, когда является побочным эффектом самотрансценденции.

Согласно логотерапии мы можем обнаружить смысл жизни тремя путями: 1) совершая дело (подвиг); 2) переживая ценности; 3) путем страдания. Первый путь, путь достижения или осуществления цели, — очевиден. Второй и третий — требуют дальнейшего рассмотрения.

СМЫСЛ ЛЮБВИ

Любовь является единственным способом понять другого человека в глубочайшей сути его личности. Никто не может осознать суть другого человека до того, как полюбил его. В духовном акте любви человек становится способным увидеть существенные черты и особенности любимого человека, и, более того, он видит потенциальное в нем, то, что еще не выявлено, но должно быть выявлено. Кроме того, любя, любящий человек заставляет любимого актуализировать свою потенциальность. Помогая осознать то, кем он может быть и кем он будет в будущем, он превращает эту потенциальность в истинное.

В логотерапии любовь не рассматривается как простой эпифеномен сексуальных влечений и инстинктов в смысле так называемой сублимации. Любовь столь же основной феномен, как и секс. В норме секс является способом выражения любви. Секс оправдан, даже необходим, коль скоро он является проводником любви.

Третий способ найти смысл жизни — страдание.

СМЫСЛ СТРАДАНИЯ

Когда человек сталкивается с безвыходной и неотвратимой ситуацией, когда он становится перед лицом судьбы, которая никак не может быть изменена, например при неизлечимой болезни или при стихийном бедствии, ему представляется случай актуализировать высшую ценность, осуществить глубочайший смысл, смысл страдания. Потому что высшая сущность — наше отношение к страданию, отношение, в котором мы берем на себя страдание.

Позвольте мне привести следующий пример. Однажды пожилой

практикующий врач консультировался у меня по поводу своей серьезной депрессии. Он не мог пережить потерю своей супруги, которая умерла два года назад и которую он любил больше всего на свете. Но как я мог помочь ему? Что я мог ему сказать? Я отказался вообще от каких-либо разговоров и вместо этого поставил перед ним вопрос: «Что было бы, доктор, если бы вы умерли первым, а жена ваша осталась бы в живых?» «О, — сказал он, — для нее это было бы ужасно, как бы она страдала!» После этого я заметил: «Видите, доктор, каким страданием ей бы это обошлось, и именно вы заставили бы ее так страдать. Но теперь вы платите за это, оставшись в живых и оплакивая ее». Он не сказал ни слова, только пожал мою руку и молча ушел. Страдание каким-то образом перестает быть страданием в тот момент, когда обнаруживается его смысл, как например, смысл жертвенности.

Конечно, этот случай не был терапией в обычном смысле, во-первых, потому, что отчаяние в данном случае не было болезнью, и, во-вторых, потому что я не мог изменить его судьбу, я не мог вернуть ему супругу. Но в тот момент я сумел изменить его отношение к своей неизменной судьбе. Именно с этого мгновения он смог, наконец, увидеть смысл своего страдания. И это — один из основных принципов логотерапии: основное дело человека вовсе не в получении удовольствия или избегания боли, а скорее в видении смысла своей жизни. Поэтому человек готов даже страдать, при условии, что его страдание имеет смысл.

Существуют ситуации, которые лишают человека возможности делать какое-либо дело или наслаждаться жизнью: неизбежность страдания не может быть преодолена. В принятии этой неизбежности страдать жизнь обретает смысл в своей высшей точке, она сохраняет свой смысл буквально на грани. Другими словами, смысл жизни безусловен, так как он включает даже потенциальный смысл страдания.

МИМОЛЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

К таким вещам, которые лишают жизнь смысла, принадлежит не только страдание, но и сама смертность человека, не только отчаяние, но и страх смерти.

Мимолетность нашего существования несомненно создает его бессмысленность. Но она же формирует нашу ответственность, так как все зависит от реализации по существу временных возможностей. Человек постоянно делает выбор из массы существующих возможностей, которая из них будет обречена на несуществование, а какая будет актуализована. Какой-то выбор будет сделан раз и навсегда — этот бессмертный след на песке времени! В каждое мгновение человек должен решать, плохо или хорошо то, что будет памятником его существованию.

Психоанализ часто обвиняли в так называемом пансексуализме. Я, как и многие, сомневаюсь, что этот упрек когда-либо был правильным. Однако существует, как мне кажется, более ошибочное и опасное утверждение. Это то, что я называю «пандетерминизмом». Под последним я подразумеваю такой взгляд на человека, который отрицает его способность противостоять любым возможным условиям.

Человек не обусловлен и не детерминирован полностью обстоятельствами, он сам определяет, стать ли над ними. Другими словами, человек в конечном счете самодетерминирован. Человек не просто существует, но всегда решает, каким будет его существование, чем он станет в следующий момент.

Индивидуальная личность остается полностью непредсказуемой. Основанием любого предсказания являются биологические, психологические и социальные условия. Основной же чертой человеческого существования является способность человека встать над такими условиями и переступить за их пределы. Таким образом, человек, в конечном счете преодолевает самого себя, человек — это самотрансцендирующее существо.

Вы можете предсказать перемещение машины или автомата, вы можете даже попытаться предсказать механизмы или «динамику» человеческой психики: но человек — нечто большее, чем психика.

ГУМАНИЗИРОВАННАЯ ПСИХИАТРИЯ

Слишком долго, около полувека, психиатрия пыталась рассматривать человеческую душу как механизм и, следовательно, терапию душевных заболеваний как технику. Я утверждаю, что этот сон существовал только во сне. Теперь на горизонте стала маячить не психологизированная медицина, а скорее гуманизированная психиатрия.

Врач, продолжающий тем не менее рассматривать свою роль главным образом, как роль техника, должен признать, что он видит больного не иначе как машину, вместо того чтобы видеть человека по ту сторону болезни!

Человек не есть еще одна вещь среди вещей, вещи определяют друг друга, но человек в конце концов *сам себя определяет*. То, чем он станет, это, наряду с ограничениями, накладываемыми его способностями и окружением, определяется тем, что он делает из самого себя. В концентрационном лагере, например, в этой жилой лаборатории и в испытаниях на этой земле, мы были свидетелями того, что некоторые из наших товарищей вели себя как свиньи, в то время как другие были святыми. Человек имеет в себе обе эти возможности, и то, которая из них будет актуализована, зависит от его решения, а не от условий.

С. Л. Рубин

Процесс становления неотъемлемый. Личность — нечто живое, но и не свести к одному из элементов в плане ее самосознания сознательно при себе все исходящее от себя творца.

Прежде всего та, обладающая той данности. Из как Я; в течение бы по имени, ка чала даже для с чем как самостоя себя как Я явля Единство орга тельность его ор предпосылкой ед соответственно эт органической чув ническими функци самосознания, пос бы нарушения е называемого разд (ции), бывают свя ности. Но это отр органической чув кой для развития ланный источник и искать в растущей жающейся в изме Не сознание ро возникает в ходе

Рубинштейн С.

Процесс становления человеческой личности включает в себя как неотъемлемый компонент формирование его сознания и самосознания. Личность как сознательный субъект осознает не только окружающее, но и себя самое в своих отношениях с окружающим. Если нельзя свести личность к ее самосознанию, к Я, то нельзя и отрывать одно от другого. Поэтому вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, это вопрос о ее самосознании, о личности как Я, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца.

Прежде всего, это единство личности как сознательного субъекта, обладающего самосознанием, не представляет собой изначальной данности. Известно, что ребенок далеко не сразу осознает себя как Я; в течение первых лет он сам сплошь и рядом называет себя по имени, как называют его окружающие; он существует сначала даже для самого себя скорее как объект для других людей, чем как самостоятельный по отношению к ним субъект. Осознание себя как Я является, таким образом, результатом развития.

Единство организма как единого целого и реальная самостоятельность его органической жизни являются первой материальной предпосылкой единства личности, но это только предпосылка. И соответственно этому элементарные психические состояния общей органической чувствительности («синестезии»), связанные с органическими функциями, являются, очевидно, предпосылкой единства самосознания, поскольку клиника показала, что элементарные, грубые нарушения единства сознания в патологических случаях так называемого раздвоения, или распада личности (деперсонализации), бывают связаны с нарушениями органической чувствительности. Но это отражение единства органической жизни в общей органической чувствительности является разве только предпосылкой для развития самосознания, а никак не его источником. Подлинный источник и движущие силы развития самосознания нужно искать в растущей реальной самостоятельности индивида, выражающейся в изменении его взаимоотношений с окружающими.

Не сознание рождается из самосознания, из Я, а самосознание возникает в ходе развития сознания личности, по мере того, как

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.

она реально становится самостоятельным субъектом. Прежде чем стать субъектом практической и теоретической деятельности, Я само формируется в ней. Реальная, не мистифицированная история развития самосознания неразрывно связана с реальным развитием личности и основными событиями ее жизненного пути.

Первый этап в реальном формировании личности как самостоятельного субъекта, выделяющегося из окружающего, связан с овладением собственным телом, с возникновением произвольных движений. Эти последние вырабатываются в процессе формирования первых предметных действий.

Дальнейшей ступенькой на этом же пути является начало ходьбы, самостоятельного передвижения. И в этом втором, как и в первом случае, существенна не только сама по себе техника этого дела, сколько то изменение во взаимоотношениях индивида с окружающими людьми, к которому приводит возможность самостоятельного передвижения, так же как и самостоятельного овладения предметом посредством хватательных движений. Одно, как и другое, одно вместе с другим порождает некоторую самостоятельность ребенка по отношению к другим людям. Ребенок реально начинает становиться относительно самостоятельным субъектом различных действий, реально выделяясь из окружающего. С осознанием этого объективного факта и связано зарождение самосознания личности, первое представление ее о своем Я. При этом человек осознает свою самостоятельность, свое выделение в качестве самостоятельного субъекта из окружения лишь через свои отношения с окружающими его людьми, и он приходит к самосознанию, к познанию собственного Я через познание других людей. Не существует Я вне отношений к ТЫ, и не существует самосознания вне осознания другого человека как самостоятельного субъекта. Самосознание является относительно поздним продуктом развития сознания, предполагающим в качестве своей основы реальное становление ребенка практическим субъектом, сознательно выделяющимся из окружения.

Существенным звеном в ряде основных событий в истории становления самосознания является и развитие речи. Развитие речи, являющейся формой существования мышления и сознания в целом, играя значительную роль в развитии сознания ребенка, вместе с тем существенно увеличивает возможности ребенка, изменяя таким образом взаимоотношения ребенка с окружающими. Вместо того чтобы быть лишь объектом направляющихся на него действий окружающих его взрослых, ребенок, овладевая речью, приобретает возможность направлять действия окружающих его людей по своему желанию и через посредство других людей воздействовать на мир. Все эти изменения в поведении ребенка и в его взаимоотношениях с окружающими порождают, осознаваясь, изменения в его сознании, а изменения в его сознании, в свою очередь, ведут к изменению его поведения и его внутреннего отношения к другим людям.

В развитии личности и ее самосознания существует целый ряд

ступеней. В
ется все, что
общественной
вающаяся сп
у взрослого,
его материал
имеет и свою
ние взаимоот
сознании, изм
перестраивает
людям, и к са

Однако эти
нениями, кото
становления и
мент, создают
грубую ее фор
другой, более
личность в ее

Самостояте
ностью самосто
чает еще более
тельно ставить
направление св
работы, предпо
зано с вырабо
у юноши сове
мышление, фор
поры вступлени
ротой ставит пе
чему у него осо
езно задуматься
витию у подрост
проходит при эт
отношении само
соединяющемуся
колеблющейся с
ния центр тяже
ней стороны лич
или менее случа
осознание — инс
ход к духовным,
тате человек са
плане.

В каком-то оч
все психическое
Но в более спец
человек признает
то, что было им
Психология личности

ступеней. В ряду внешних событий жизни личности сюда включается все, что реально делает человека самостоятельным субъектом общественной и личной жизни, как-то: сначала у ребенка развивающаяся способность к самообслуживанию и, наконец, у юноши, у взрослого, начало собственной трудовой деятельности, делающей его материально независимым; каждое из этих внешних событий имеет и свою внутреннюю сторону; объективное, внешнее изменение взаимоотношений человека с окружающими, отражаясь в его сознании, изменяет и внутреннее, психическое состояние человека, перестраивает его сознание, его внутреннее отношение и к другим людям, и к самому себе.

Однако этими внешними событиями и теми внутренними изменениями, которые они вызывают, никак не исчерпывается процесс становления и развития личности. Они закладывают лишь фундамент, создают лишь основу личности, осуществляют лишь первую, грубую ее формовку; дальнейшие достройка и отделка связаны с другой, более сложной внутренней работой, в которой формируется личность в ее самых высших проявлениях.

Самостоятельность субъекта никак не исчерпывается способностью самостоятельно выполнять те или иные задания. Она включает еще более существенную способность самостоятельно, сознательно ставить перед собой те или иные задания, цели, определять направление своей деятельности. Это требует большой внутренней работы, предполагает способность самостоятельно мыслить и связано с выработкой цельного мировоззрения. Лишь у подростка, у юноши совершается эта работа; вырабатывается критическое мышление, формируется мировоззрение; к тому же приближение поры вступления в самостоятельную жизнь невольно с особой остротой ставит перед юношей вопрос о том, к чему он пригоден, к чему у него особые склонности и способности; это заставляет серьезно задуматься над самим собой и приводит к значительному развитию у подростка и юноши самосознания. Развитие самосознания проходит при этом через ряд ступеней — от наивного неведения в отношении самого себя ко все более углубленному самопознанию, соединяющемуся затем со все более определенной и иногда резко колеблющейся самооценкой. В процессе этого развития самосознания центр тяжести для подростка все более переносится от внешней стороны личности к ее внутренней стороне, от отражения более или менее случайных черт к характеру в целом. С этим связаны осознание — иногда преувеличенное — своего своеобразия и переход к духовным, идеологическим масштабам самооценки. В результате человек самоопределяется как личность в более высоком плане.

В каком-то очень широком смысле все переживаемое человеком, все психическое содержание его жизни входит в состав личности. Но в более специфическом смысле своим, относящимся к его Я, человек признает не все, что отразилось в его психике, а только то, что было им пережито в специфическом смысле этого слова,

войдя в историю его внутренней жизни. Не каждую мысль, посетившую его сознание, человек в равной мере признает своей, а только такую, которую он не принял в готовом виде, а освоил, продумал, т. е. такую, которая явилась результатом какой-то собственной его деятельности. Точно так же и не всякое чувство, мимолетно коснувшееся его сердца, человек в равной мере признает своим, а только такое, которое определило его жизнь и деятельность. Но все это — и мысли, и чувства, и точно так же желания — человек по большей части в лучшем случае признает своим, в собственное же Я он включит лишь свойства своей личности — свой характер и темперамент, свои способности — и к ним присоединит он разве мысль, которой он отдал все свои силы, и чувства, с которыми срослась вся его жизнь.

Реальная личность, которая, отражаясь в своем самосознании, осознает себя как Я, как субъекта своей деятельности, является общественным существом, включенным в общественные отношения и выполняющим те или иные общественные функции. Реальное бытие личности существенно определяется ее общественной ролью: поэтому отражаясь в ее самосознании, эта общественная роль тоже включается человеком в его Я.

Самосознание человека, отражая реальное бытие личности, делает это — как и сознание вообще — не пассивно, не зеркально. Представление человека о самом себе, даже о собственных своих психических свойствах и качествах, далеко не всегда адекватно их отражает; мотивы, которые человек выдвигает, обосновывая перед другими людьми и перед самим собой свое поведение, даже и тогда, когда он стремится правильно осознать свои побуждения и субъективно вполне искренен, далеко не всегда объективно отражают его побуждения, реально определяющие его действия. Самосознание человека не дано непосредственно в переживаниях, оно является результатом познания, для которого требуется осознание реальной обусловленности своих переживаний. Оно может быть более или менее адекватно. Самосознание, включая то или иное отношение к себе, тесно связано и с самооценкой. Самооценка человека существенно обусловлена мировоззрением, определяющим нормы оценки.

Самосознание не изначальная данность, присущая человеку, а продукт развития. В ходе этого развития, по мере того как человек приобретает жизненный опыт, перед ним не только открываются все новые стороны бытия, но и происходит более или менее глубокое переосмысливание жизни. Этот процесс ее переосмысливания, проходящий через всю жизнь человека, образует самое содержание и основное содержание его внутреннего существа, определяющее мотивы его действий и внутренний смысл тех задач, которые он разрешает в жизни. Способность, вырабатываемая в ходе жизни у некоторых людей, осмыслить жизнь в большом плане и распознать то, что в ней подлинно значимо, умение не только изыскать средства для решения случайно всплывших задач,

но и определить
чему знать, ку
но превосходящ
большим запас
свойство — муд

но и определить самые задачи и цель жизни так, чтобы по-настоящему знать, куда в жизни идти и зачем, — это нечто, бесконечно превосходящее всякую ученость, хотя бы и располагающую большим запасом специальных знаний, это драгоценное и редкое свойство — мудрость.

Мейли (Meili) Ришар (род. 28 февраля 1900) — швейцарский психолог, профессор Берлинского университета, издатель журнала «Schweizerische Zeitschrift für Psychologie», член многих психологических организаций, известен своими работами по факторному анализу (личности), по генети-

ческой психологии, по тестам интеллекта.

Соч.: Das Problem der Validation der Methoden der Persönlichkeitsuntersuchung, Z. diagn. Psychol. Pers. Forschung (1958); Anfänge der Charakterentwicklung, Beiträge zur genetischen Charakterologie, No 1, Berne (1957).

Р. Мейли

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ Я¹

А. Я КАК СУБЪЕКТ

Джемс (1890) ввел весьма полезное различие понятий Я и МОЕ. Под первым понимается более ограниченное и четкое ощущение Я. Оно выражает то обстоятельство, что человек чувствует себя субъектом своих действий, своего восприятия, своих эмоций и осознает свое тождество и неразрывность с тем, чем он был накануне. Это непосредственное переживание, иногда определяемое как точечное (Клапаред (1924), например, просил своих испытуемых указать, в каком месте их тела локализовано это переживание), не имеет никакого конкретного содержания, и его можно рассматривать как оборотную сторону центрации субъективной системы. Некоторые наблюдения, особенно относящиеся к патологии, показывают, что это ощущение Я может быть более или менее отчетливым, выраженным или диффузным. В случаях деперсонализации и при так называемой «утрате Я» оно может частично отсутствовать, хотя некоторые авторы, например Ясперс, отрицают, что человек может полностью утратить ощущение того, что он является субъектом своих действий и чувств. Напротив, Коффка (1935), как и многие другие, допускает возможность сознательных переживаний, не сопровождаемых ощущением Я, и приводит в качестве примера рассказ одного горца о том, как он очнулся в ле-

¹ Экспериментальная психология. Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Вып. V, М., 1975.

дяной трещине, в которую он свалился, потеряв сознание. Психолог-аналитик Федерн (1952), наиболее продвинувший вперед изучение феноменологии Я, рассказывает о своем пациенте, постоянно твердившем: «Я уже больше не я». Это утверждение прекрасно иллюстрирует всю сложность таких явлений, при описании которых языковые средства, видимо, не всегда достаточны для того, чтобы точно отразить переживаемые ощущения.

С помощью таких интроспективных отчетов можно установить только то, что существуют различные степени ощущения Я, что вполне совместимо с гипотезой, что это ощущение зависит от степени центрации субъективной системы, которая в патологических случаях может быть очень низкой или даже совсем отсутствовать.

Б. МОЕ

Для психологии личности термин *МОЕ* представляет значительно больший интерес, поскольку он связан с индивидуальным содержанием. Он обозначает один из важнейших аспектов Я, и можно только сожалеть о том, что психологи до сих пор не подвергли его систематическому изучению. Действительно, в этом вопросе мы несколько не продвинулись вперед со времен Джемса, обозначавшего с помощью этого термина все то, что субъект считает относящимся к его Я, и прежде всего, разумеется, свое тело. Однако при более внимательном рассмотрении уже здесь намечается дифференциация: некоторые части тела, такие, как голова, глаза, сердце, видимо, более тесно связаны с ощущением *МОЕ*, чем, например, пальцы ног или ногти; известно также, что у маленького ребенка различные части тела только постепенно включаются в общий образ тела. Федерн, в частности, изучал то, что он назвал «границами Я», при различных типах душевных болезней и описал изменения таких границ на протяжении довольно короткого времени. Границы *МОЕГО* не совпадают с поверхностью тела. Некоторые объекты, близкие нам люди, воспоминания, мысли в равной мере могут стать *МОИМИ*. Принадлежность объекта к *МОЕ* наиболее отчетливо проявляется в том, что при утрате его мы реально чувствуем себя «лишенными чего-то». Реакция на посягательство на *МОЕ* является объективным критерием, позволяющим, минуя интроспекцию, определить его границы. Такое исследование, однако, еще не проводилось. Оно, несомненно, выявило бы, помимо больших индивидуальных различий в патологических случаях, тот факт, что эти границы довольно размыты и *МОЕ* постепенно переходит в *НЕ МОЕ*. Напротив, в случае нормального человека в поле нашего зрения оказался бы индивид совершенно иного рода, у которого граница между *МОЕ* и *НЕ МОЕ* может оказаться довольно четкой. *МОЕ* можно сравнивать с территорией, которую защищает животное и на которой оно атакует постороннего, и тем самым проиллюстрировать некоторые его аспекты. Вмешательство другого

лица может в отдельных случаях вызвать сужение сферы МОЕ, аналогичное сужению поля действия, вследствие чего иногда возникает чувство утраты или обеднения.

Это понятие МОЕ имеет некоторое отношение (еще не уточненное экспериментально) к понятию «ценность». В самом деле, можно предположить, что чем большей ценностью для человека обладает вещь, тем больше вероятность того, что она станет частью его МОЕ. Может быть, следует поменять местами члены этой формулы и сказать, что в основе субъективной иерархии ценностей лежит структура МОЕ. Мало вероятно, например, что человек, пренебрежительно относящийся к материальным ценностям, включит в МОЕ свой счет в банке, тогда как скупец, безусловно, поступит таким образом.

В. Я. В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Известно, что для Фрейда в течение очень долгого времени сущность личности заключалась в ОНО, в подсознательном, и что все те факты, о которых мы только что говорили, представляли для него немалый интерес. Фрейд стремился найти силу, противостоящую побуждениям. Он назвал ее сначала «цензура», и только в 1922 г. в «Я и ОНО» — пожалуй, одной из его наиболее важных для психологии работ — понятие Я утвердилось наконец в психоаналитической теории в качестве важной инстанции личности. Я для Фрейда — это центр, регулирующий процесс сознательной адаптации. Он включает в себя восприятие, интеллект и моторику. Все, что может стать осознанным, принадлежит Я, содержащему, однако, определенную долю бессознательного.

Такая концепция Я, достаточная для того, чтобы объяснить механизмы защиты против либидозных побуждений, с теоретической точки зрения не является удовлетворительной. Эта инстанция оказывается, с одной стороны, средоточием познавательных и исполнительных функций и в то же время она включает в себя волю и фактическое на лошади-побуждениях, которой он должен командовать и управлять. Однако ответ на вопрос, откуда черпается сила для борьбы с ОНО, все еще не получен. В итоге психоаналитическое Я включает в себя всю личность, за исключением биологических побуждений; совершенно очевидно, что польза от такого широкого понятия не может быть велика. Употребление его скорее ведет к затушевыванию проблем, чем к их решению.

Систематическое изучение этого комплекса, называемого Я, приводит нас к выделению в нем нескольких аспектов.

1. Центрация большинства психических функций и явлений, упомянутых нами в связи с «Я-субъектом»;
2. Совокупность объектов, определяющих «содержание Я», или его поле;
3. «Защитные механизмы»; в более общем смысле это сово-

купность неб
первые особе
щиту, а также

Познаватель
значение, несм
в комплексе Я
ностям, однак
освобождение
психоаналитик
му, пришел к
ной сферы и не
ных функций.
определяются
включаемые в
системе. Ее це
Я, определяет

Современно
речь о системе
которая опасно
превращается в
ственное специ
ном Я, то толь
вом совокупнос
вая под ним це
сти. Очень близ
предлагая не п
тию Я — необх
знании себя, об
ментальное исс
в мотивационно

Мы должны
нанием «образ с
то, что подразум
попытка экспери
до сих пор осущ
результаты едва
о нескольких осн
Человек воспр
свои качества т
восприятия — м
субъективного тел
image или self-co
саксонских стран
ности; некоторы

купность небиологических побуждений, существование которых впервые особенно подчеркивал А. Адлер. Они направлены на защиту, а также укрепление чувства своей силы и ценности.

Познавательные и исполнительные функции теряют здесь свое значение, несмотря на то, что Фрейд отвел им центральное место в комплексе Я. Они могут лишь служить субъективным потребностям, однако их развитие предполагает, как мы знаем, полное освобождение от всякого субъективизма. Гартман (1937), один из психоаналитиков, наиболее систематически изучавший эту проблему, пришел к выводу о необходимости различения в Я конфликтной сферы и нейтральной сферы, состоящей именно из познавательных функций. Согласно нашему генетическому представлению, они определяются объективной системой, тогда как другие явления, включаемые в понятие Я, относятся, по-видимому, к субъективной системе. Ее центрация, как мы уже видели, объясняет ощущение Я, определяет МОЕ и является источником побуждений Я.

Современное состояние наших знаний не позволяет нам говорить о системе Я в строгом смысле этого слова, и даже есть некоторая опасность злоупотребления понятием Я, поскольку оно превращается в синоним понятия «личность», теряя при этом собственное специфическое содержание. Если мы и пользуемся термином Я, то только потому, что очень удобно обозначить одним словом совокупность трех упомянутых выше аспектов, не подразумевая под ним целостную инстанцию, нечто вроде личности в личности. Очень близкой точки зрения придерживается Олпорт (1958), предлагая не прибегать больше в теории личности просто к понятию Я — необходимо всякий раз уточнять, идет ли речь об осознании себя, образе себя, самооценке или расширении Я. Экспериментальное исследование этих проблем осуществляется частично в мотивационном плане (потребность в самоутверждении и защите).

ОБРАЗ САМОГО СЕБЯ

Мы должны упомянуть еще одно направление, связанное с понятием «образ самого себя». Этот образ, видимо, лучше отражает то, что подразумевается под ощущением Я. Была сделана первая попытка экспериментально осветить те проблемы, изучение которых до сих пор осуществлялось только в клинике; и хотя полученные результаты едва ли можно считать окончательными, мы расскажем о нескольких основных типах таких исследований.

Человек воспринимает свой внешний облик, свое поведение и свои качества так же, как он воспринимает внешний мир. Эти восприятия — мы уже говорили о них в связи с генезисом образа собственного тела — непременно организуются в более или менее объективный, связный и устойчивый целостный образ. Этот self-image или self-concept, как принято называть этот феномен в англосаксонских странах, представляется важной характеристикой личности; некоторые авторы, Стагнер (1961) например, склонны даже

отождествлять его с Я. Рассмотрим некоторые аспекты этого феномена.

А. ОБРАЗ СВОЕГО ВНЕШНЕГО ВИДА

Проблема образа самого себя была весьма конкретно поставлена Готтшальдтом (1954): каким видит себя человек в зеркале? Чтобы экспериментально ответить на этот вопрос, Готтшальдт построил прибор, позволяющий проецировать на экран фотографию, произвольно сужая или расширяя изображение. Перед испытуемым находилось зеркало, в котором он мог видеть свое отражение, и проекция его фотографии на экране, поперечные размеры которой он мог произвольно изменять, вращая ручку, чтобы получить образ, адекватный тому, что он видит в зеркале. В табл. 1 приводятся основные результаты опытов Готтшальдта и результаты его сотрудника Виле. Испытуемыми в опытах Готтшальдта были в основном одно- и двухъяйцовые близнецы.

Таблица 1

Восприятие собственного лица
(по Gottschald, 1954)

Возраст	N		Фотография, расцененная как правильная, была на самом деле									
			меньше				не деформирована		больше			
			более 5%		менее 5%				менее 5%		более 5%	
	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В
7—11*	29	9	3,5	0	20,7	33,3	65,5	66,7	3,5	0	6,9	0
10—11	34		11,8		20,6		52,9		11,8		2,9	
12*	20	12	15,0	25	30,0	0	35,0	58,5	20,0	8,3	0	8,3
13—15	24	13	4,2	47,7	45,8	46,1	22,5	7,7	29,2	23,1	8,3	15,4
Старше 17	41	13	9,8	46,2	41,4	0	12,2	7,7	34,2	30,8	2,4	15,4

* В опытах Виле возраст группы был соответственно 8—10 и 10, 4—12; 2.
Колонка Г — результат Готтшальдта.
Колонка В — результаты Виле.

Цифры показывают, какой процент испытуемых выбирал слишком широкое, нормальное или слишком узкое лицо. Несмотря на достаточно большой разброс результатов, из опыта недвусмысленно следует, что с возрастом расхождения между истинным и воспринимаемым образом возрастают. Если мы вспомним о прожективных механизмах и об экспериментах Брунера и Постмана, посвященных изучению перцептивной деформации под влиянием интимных потребностей испытуемых, нетрудно будет объяснить изменения,

которые претерпели идеального образа, к детализации, естественно, тельным и восприятием.

Трансформации, на желаемого, на неудовлетворенности самим для поведения и Вольф (1943) ного измерения Хантли (1940), испытуемого фото записывался его 6 месяцев ему пре ными материалам просили оценить лично. Две трети рис. 6 показана о там в зависимости шей оценки было 30 опознанных. С меньше, результаты

При интерпретации исходите из того, что оценки смещены в обстоит дело в этом, мые склонны оценивать форму кривой яснить только тем, документы как тожд, этом отчета, или

которые претерпевают образы испытуемых, наличием внутреннего идеального образа и желанием быть похожим на него. Поскольку детализация этого образа следует за формированием личности, естественно ожидать, что такое расхождение между действительным и воспринимаемым образами будет увеличиваться с возрастом.

Б. ОЦЕНКА САМОГО СЕБЯ

Трансформация воспринимаемого образа указывает, следовательно, на желание человека быть чем-то иным и, стало быть, на его неудовлетворенность тем, что он есть. Итак, степень удовлетворенности самим собой, или самооценка, имеет большое значение для поведения и внутренней динамики человека.

Вольф (1943) первым применил интересный метод непосредственного измерения самооценки, который позднее был использован Хантли (1940), получившим аналогичные результаты. Тайком от испытуемого фотографировались его руки, лицо в полупрофиль, записывался его голос, доставался образец его почерка. Спустя 6 месяцев ему предъявлялись эти документы в наборе с аналогичными материалами, относящимися к другим лицам; испытуемого просили оценить их и указать те из них, которые касаются его лично. Две трети этих документов оставались неопознанными: на рис. 6 показана оценка, которую давал испытуемый этим документам в зависимости от того, признавал он их своими или нет. Высшей оценки было удостоено 162 неопознанных документа и только 30 опознанных. Однако, поскольку общее количество последних меньше, результаты приведены в процентах.

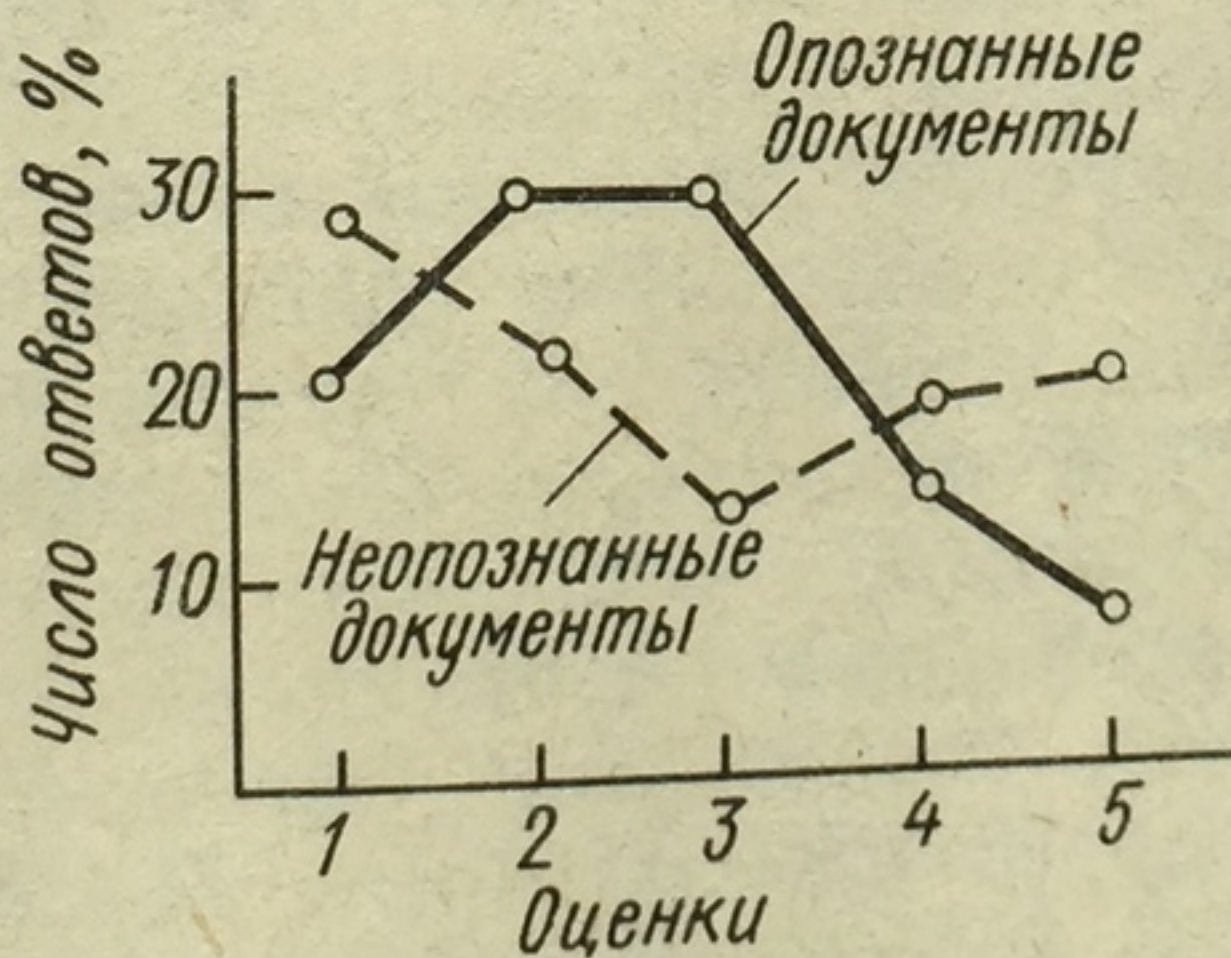

Рис. 6

При интерпретации этих крайне интересных результатов надо исходить из того, что и в том, и в другом случае величина средней оценки смещена в сторону положительного полюса. Именно так обстоит дело в этом опыте с опознанными документами. Испытуемые склонны оценивать себя более снисходительно. Противоположную форму кривой в случае неопознанных документов можно объяснить только тем, что испытуемые, вероятно, воспринимали эти документы как тождественные их собственным, не отдавая себе в этом отчета, или же, чувствуя особую притягательность (или на-

оборот) этих документов, не желали признаваться себе в этом. Как бы ни были объяснены эти факты, они указывают на то, насколько чувствительны испытуемые к оценке своих собственных качеств. Вероятно, это происходит потому, что с ними тесно связана оценка самого себя. Эпштейн (1955) показал с помощью этой методики, однако на несколько ином материале, что существует тенденция более высоко оценивать неопознанные материалы. Шизофреники склонны более высоко оценивать себя, чем нормальные люди, что можно интерпретировать как признак регрессии к первичному нарциссизму.

В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

В многочисленных исследованиях того, какой образ самого себя сложился у человека, применялись вопросники и разного рода оценочные шкалы. Испытуемый должен был указать те качества, поступки и установки, которые он признавал за собой, или же от него требовалось определить свое место на той или иной шкале. В этом случае исследователя интересуют не детали создаваемого испытуемым портрета, а общий уровень оценки, проявляющийся в его ответах. Этот уровень можно определить двумя разными способами. В соответствии с первым предлагаемые испытуемому черты делятся на основании общепринятых критериев на положительные и отрицательные, а уровень оценки самого себя (self-esteem) определяется числом положительных черт, приписываемых себе испытуемыми. Второй способ, основанный на упомянутой выше гипотезе, состоит в том, что испытуемый должен ответить на один и тот же список вопросов в двух различных планах. Он должен не только сказать, каким он видит себя (субъективный образ), но и указать те качества, которыми он хотел бы обладать (т. е. воссоздать, таким образом, идеальный образ себя, или ideal-self). Степень расхождения между двумя оценками рассматривается как мера удовлетворенности собой или степень приемлемости самого себя. Можно, наконец, попытаться объективно оценить качества, перечисленные испытуемым, и сопоставить этот объективный образ с субъективным и идеальным образами. Все эти измерения очень сложны и не так уже независимы друг от друга. Субъективный образ зависит от образа идеального, и наоборот; как тот, так и другой не могут быть независимыми от качеств, которыми действительно обладает испытуемый.

Г. ГЕНЕЗИС ОБРАЗА САМОГО СЕБЯ

Прежде всего возникает гипотеза, что образ самого себя и самооценка в значительной мере зависят от уровня достижений, отношения родителей и от ряда других переживаний детства. Проверке этой гипотезы было посвящено много исследований. Хелпер (1955) получил с помощью списков черт описания того, как 50 юношей и девушек воспринимают самих себя и свой идеальный

образ, а также описания того, как их родители воспринимают самих себя, друг друга, своих детей и какими они хотели бы их видеть. Результаты, однако, лишь частично подтвердили исходную гипотезу, и влияние отношения родителей не было продемонстрировано достаточно четко. Более благоприятными на первый взгляд кажутся результаты Журара и Реми (1955). Эти авторы измеряли степень удовлетворенности своих испытуемых физическими аспектами своей личности и своим субъективным образом в целом; их просили при этом сообщить то, что, по их мнению, думают об этом их родители. Эксперимент показал: 1) что удовлетворенность физическим обликом личности имеет высокую корреляцию с удовлетворенностью психическими качествами (0,68 — у мужчин; 0,84 — у женщин) и 2) что оценки испытуемых коррелируют с оценками, которые, по их мнению, дали бы им их родители (от 0,56 до 0,77). Эти результаты указывают, видимо, на то, что испытуемые моделируют свой образ в соответствии с предполагаемым мнением о них их родителей.

Особенно важную роль в генезисе образа Я играют, согласно некоторым теоретическим концепциям, пережитые успехи и неудачи. Влияние их, однако, не удавалось продемонстрировать скольконибудь отчетливо. В опыте Куперсмита (1959) испытуемые (дети в возрасте 10—12 лет), склонные давать себе более низкую оценку по сравнению с тем, как их оценивает преподаватель (самооценка осуществлялась на основании вопросника), добивались лучших результатов в тестах, моделирующих учебную деятельность, и они чаще выбирались другими детьми в качестве друзей, чем те испытуемые, для которых была характерна противоположная тенденция (т. е. которые склонны оценивать себя выше, чем учитель). Эти результаты, таким образом, противоречат общепринятой гипотезе. Однако она подтверждается при сравнении детей, которые, как по их собственным оценкам, так и по оценке преподавателя, были невысокого мнения о самих себе; результаты учебной деятельности этих детей были низкими, равно как и их социометрические позиции. Эти результаты свидетельствуют, таким образом, о том, что успех или неудача необязательно отражаются на самооценке и что возможны случаи, когда, несмотря на положительный опыт, что возможно случается, когда, несмотря на положительный опыт, имеет место ускользающая от глаз преподавателя недооценка самого себя. Итак, характер влияния успеха или неудачи зависит от индивида; можно высказать гипотезу, что это влияние определяется оценкой самого себя, что означает обратную причинную зависимость.

УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ И УРОВЕНЬ ОЖИДАНИЯ

Образ самого себя и идеальный образ должны проявляться в поведении в плане требований, предъявляемых индивидом к самому себе. Основываясь на концепциях Левина, его ученик Хоппе (1930) экспериментально изучал реакции испытуемого на успех и неудачи.

Чтобы оценивать эти реакции, он ввел новое понятие — «уровень притязаний», связывающее реальность с теми аспектами Я, о которых мы только что говорили. Франк (1938) и сам Левин с сотрудниками (1944) продемонстрировали значение этой переменной. Работы Нюттена (1953) и Робайе (1956) являются обзорами большого числа исследований, посвященных этой проблеме, особенно в США. В результате своих экспериментов Робайе пришел к выводу, что нужно различать уровень притязаний и уровень ожиданий. Последний определяется целью, на достижение которой рассчитывает индивид, и именно этот уровень, а не уровень притязаний измеряется в тех экспериментах, когда испытуемый должен указать степень ожидаемого им успеха. Уровень ожиданий зависит от веры индивида в свои способности в соответствующей области, а также и от общей веры в себя. Он, таким образом, очевидно, связан с теми мерами самооценки, о которых мы уже говорили. Напротив, уровень притязаний, согласно Робайе, относится к той деятельности, в которой индивид чувствует личную заинтересованность; можно сказать, пользуясь терминологией Джемса, что уровень притязаний относится к объектам, составляющим часть *МОЕ*. В ином плане можно сказать, что уровень притязаний относится к идеалу Я, поскольку он связан с целями, достичь которые стремится индивид, чтобы испытать чувство удовлетворения самим собой.

Данные Робайе относительно зависимости уровней притязаний и ожиданий от положения в семье также проливают некоторый свет на генезис оценки самого себя и идеального Я. Робайе специально изучил в этих целях 30 девушек в возрасте 18—20 лет, учениц школы молодых хозяек. Он разбил их на две группы в соответствии с их уровнями притязаний и ожиданий и не обнаружил (как это можно увидеть на табл. 2) никакой корреляции между этими уровнями.

Таблица 2

Распределение испытуемых в соответствии с их уровнями ожиданий и притязаний
(по Robaye, 1956)

Уровень притязаний	Уровень ожиданий		Всего
	высокий	низкий	
Высокий	9	8	17
Низкий	6	7	13
Всего:	15	15	30

В результате анализа биографий и применения прожективных тестов автор пришел к следующим выводам.

«Ребенок, не испытывающий фрустраций, любимый, воспитывающийся в атмосфере терпимости и равномерно развивающийся, должен иметь *высокий уровень ожиданий и умеренный уровень притязаний*».

«Излишне опекаемый ребенок, любимый, но лишенный ощу-

ния независимости, будет иметь *низкий уровень ожиданий и умеренный уровень притязаний*».

«Ребенок, вырастающий в строгости, недостаточно любимый, воспитываемый по методу наказаний и вознаграждений, может переориентировать свои побуждения на замещающие объекты и будет иметь *высокие уровни ожиданий и притязаний*».

«Ребенок, рано испытавший фрустрацию и капризный, будет иметь *низкий уровень ожиданий и высокий, чаще всего нереализуемый, уровень притязаний*».

Мы видим, таким образом, что влияние семьи может не только способствовать гармоничному формированию этих двух уровней, но и вызывать их диссоциацию, повышая один и понижая другой. В своей работе автор почти не учитывал возможности влияния конституциональных переменных, которые, вероятно, тоже играют известную роль. Хотя выводы Робайе нельзя считать окончательными, они являются тем не менее наиболее последовательной точкой зрения, касающейся связи между двумя уровнями — и, стало быть, между образом самого себя и идеалом Я — и характером их зависимости от предшествующих влияний.

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ И «СВЕРХ-Я»

В психоаналитической теории «сверх-Я» — это инстанция, «неосознаваемое действие которой побуждает Я избегать виновности, защищаться от инстинктивных импульсов, исходящих от ОНО» (Piegon, 1958). Поскольку очень трудно дать операциональное определение «сверх-Я», оно почти не было объектом экспериментальных исследований. В качестве более или менее приемлемого заместителя его выступает идеальный образ, поскольку последний, очевидно, легче выявить, и он, как и «сверх-Я», считается инстанцией, осуществляющей регулирующую функцию, ответственной за отбор поступков. Согласно психоаналитикам, в основе генезиса идеального образа лежит отождествление с родителями; однако, как мы уже видели выше, эта гипотеза была подтверждена лишь частично. Однако было бы ошибочным, конечно, смешивать два понятия. Этот и забывать о том, что между ними есть важные различия. Этот столь дорогой каждому и более или менее нереальный идеальный образ слишком далек от того тирана, которым порой является «сверх-Я». «Сверх-Я» выполняет репрессивные функции, и оно лежит в основе чувства вины, тогда как посредством идеального образа осуществляется относительная оценка различных действий; раздается оценка намерения, а не на действие. Возможно, что идеальный образ влияет на намерения, а не на действия, а, как известно, добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Можно соотнести это понятие идеального образа с тем, что Адлер называет целью или планом жизни. В настоящее время еще невозможно рассмотреть все эти проблемы на экспериментальной основе, и те несколько замечаний, которые мы предлагаем здесь читателю, должны лишь предостеречь его от слишком поспешного отождествления этих двух понятий.

Непосредственно наблюдаемая черта выступала вплоть до наших дней в качестве первичного материала психологии личности. На непосредственное выявление черт личности рассчитаны все вопросники и анкеты, предназначенные для изучения личности; к определению черт неизменно приходит исследователь, наблюдая поведение испытуемого или анализируя результаты выполнения какого-то теста.

Язык предоставляет в наше распоряжение обилие слов, с помощью которых можно охарактеризовать личность или поведение. Олпорт и Одберт (1936) обнаружили в английском языке около 17 000 таких слов, из которых 4505 являются названиями черт как таковых; Клагес насчитал 4000 таких слов в немецком языке, а Баумгартен, выбравший более строгие критерии, — 1093. Этому множеству слов соответствует, очевидно, еще большее разнообразие различных проявлений человека. Однако большинство этих терминов используется в самых разных смыслах и относится, как правило, то к одному аспекту личности, то к другому, причем автор нередко не отдает себе в этом отчета. Робость, например, может обозначать манеру поведения по отношению к другим лицам; это же самое может относиться к черте (свойству) личности, объясняющей, почему человек ведет себя так робко. В этом случае можно на основании ряда наблюдений прийти к выводу, что человек должен обладать такой чертой. Можно еще более отдалиться от первоначального значения этого термина, превратив эту черту в некоторое измерение личности, что означает; что каждый индивид занимает определенное место на шкале, охватывающей все степени робости от минимальной до максимальной, и что этим положением определяется значительное число поступков или черт менее общего характера, которые как будто бы вообще не имеют никакой связи с робостью в первоначальном смысле этого слова. Наконец, черта может служить указателем типа, примером этого является употребление слова «экстраверсия». В самом общем виде следует признать, что один и тот же термин может употребляться на самых различных уровнях обобщения.

¹ Экспериментальная психология. Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Вып. V. М., 1975.

Под первично
ственного воспр
(1947) рассказы
телиано больш
ствующих людей,
Число угадыван
Вот пример глоб
приятии черт вы
В своем перв
шего порядка, пр
лизу и представл
посредственный
тивную природу,
ности в зависимо
что воспринимае
продолжительны
ное впечатление
же, как только м
человек боится,
всех этих случая
Когда же в друг
нерешителен, нед
тат совокупности
ное впечатление.
Мы, безуслов
смотря на всю и
нас проникают
личности часто
делали Кэттел и
жективными тес
тестов, создают
наблюдаемыми
говорят об «инт
гих случаях из с
персеверация, ф
Однако, в ко
к чертам в пер
жаться от того,
поведении чело
как соотносятся
стает перед нами
которая придает
лика, что ценно
помощью удает
обычно определ
результаты сог.

Под первичной чертой следует понимать результат непосредственного восприятия того или иного аспекта личности. Мерфи (1947) рассказывает, что Вертгеймер любил проигрывать на фортепиано небольшие музыкальные пьесы, характеризующие присутствующих людей, а затем просил своих помощников определить их. Число угадываний значительно превышало уровень случайности. Вот пример глобального восприятия личности, тогда как при восприятии черт выделяется только один ее частный аспект.

В своем первоначальном смысле черты — это гештальты высшего порядка, предшествующие рефлексии и психологическому анализу и представляющие собой материал научной работы. Этот непосредственный опыт тем не менее не всегда имеет чистую перцептивную природу, и необходимо различать разные степени его сложности в зависимости от того, является ли черта выражением того, что воспринимается в данный момент, или же в основе ее лежит продолжительный опыт. Так, у нас может сложиться непосредственное впечатление об отношении к нам какого-либо человека сразу же, как только мы с ним встретимся, или мы можем заметить, что человек боится, сконфужен, печален, весел, колеблется и т. д. Во всех этих случаях мы схватываем одномоментные черты поведения. Когда же в других случаях мы говорим, что некто робок, боязлив, нерешителен, недоверчив, эмоционален и т. д., мы выражаем результат совокупности наблюдений, конденсирующихся в одно целостное впечатление.

Мы, безусловно, не можем обойтись без первичных черт, несмотря на всю их субъективность. Очень часто они незаметно для нас проникают в наши рассуждения. В целях анализа структуры личности часто прибегают к помощи объективных тестов, как это делали Кэттел и Айзенк, или же пользуются так называемыми проективными тестами. Чтобы интерпретировать результаты этих тестов, создаются новые понятия, не связанные с непосредственно наблюдаемыми чертами. Так, например, в случае теста Роршаха говорят об «интимном резонансе» или «типе апперцепции». В других случаях из общей психологии заимствуются такие понятия, как персеверация, фрустрация, уровень притязаний и т. д.

Однако, в конечном счете оказывается необходимым обращение к чертам в первичном значении этого слова. Невозможно удержаться от того, чтобы не попытаться узнать, чему же в реальном поведении человека соответствуют результаты, полученные в тесте, как соотносятся они с личностью в том виде, в каком она предстает перед нами и какую мы описываем с помощью черт. Важность, которая придается обнаружению таких корреляций, настолько велика, что ценность теста определяется тем, в какой мере с его помощью удастся их выявить. Действительно, валидность теста обычно определяется тем, насколько полученные благодаря ему результаты согласуются с нашими знаниями об этой личности.

Пониманию черты как явления восприятия противостоит понимание черты как переменной.

ЧЕРТЫ КАК ПЕРЕМЕННЫЕ

Как только исследование личности приобретает научный характер, сразу же появляется потребность в том, чтобы заменить субъективное восприятие объективными данными. В результате черта начинает определяться посредством реакций или поступков, наблюдаемых в определенных ситуациях. В вопросниках перечисляются ситуации, в которых должна проявиться эта черта.

В вопроснике Нигневитского, о котором сообщает Бренгельман (1960), мы находим, например, следующие утверждения, соответствующие черте, называемой ригидностью:

Вы никогда не позволяете Вашим друзьям беспокоить Вас во время работы. Перед тем как отправиться в путешествие, Вы всегда заранее составляете план и точный маршрут, отклонения от которого всегда для Вас болезненны. Вы всегда предпочитаете знакомые и безопасные ситуации новым и неизведанным возможностям.

Вас всегда чрезвычайно раздражает, если непрошенные посетители проникают в Вашу частную жизнь.

В других случаях можно оценить степень выраженности какой-нибудь черты (пунктуальности, например, или стремления к порядку) с помощью оценочных шкал, в которых определенным степеням выраженности черты соответствуют конкретные поступки. В случае пунктуальности на одном полюсе шкалы находится педантичность или чрезмерная скрупулезность, а на другом — небрежность или бесцеремонность.

В этих примерах, число которых можно при желании умножить, выделяются два факта: 1) понимание черты в первичном и субъективном смысле этого слова и стремление отыскать посредством интуиции или собственного опыта такие поступки, с помощью которых можно было бы проиллюстрировать ее; 2) для того чтобы не приписывать черте слишком специфическое значение, обычно подбираются различные ее проявления.

Такая методика приводит к тому, что подлежащая определению черта превращается в переменную личности (или свойство), которая проявляется в той или иной степени в некоторых поступках или детерминирует их.

Измерить переменную — это значит не только констатировать ее присутствие, но и определить ее количественно. В случае переменных поведения, которые нас в данном случае интересуют, обычно прибегают к следующим двум способам: либо в вопросниках количество ответов, указывающих на присутствие соответствующего качества, рассматривается как показатель его интенсивности, либо степень выраженности переменной определяется непосредственно с помощью шкалы оценок. Однако эти два метода искажают весьма характерным образом ту черту, для выявления степени проявления которой они созданы. В вопроснике число значимых ответов

указывает скорее на количество случаев, в которых проявилась искомая черта у индивида, чем на ее «интенсивность». Систематическое изучение того, согласуются ли между собой результаты измерения черты, полученные с помощью этих двух методов, не проводилось, однако из практики известно, что человек может быть очень смелым (или ригидным) в одних ситуациях и совсем несмелым — в других. Мы еще будем говорить ниже об этой весьма противоречивой проблеме генерализованности черт; здесь же достаточно сказать, что с помощью вопросников можно непосредственно измерить только вероятность проявления черты, что совершенно необязательно связано с ее «интенсивностью».

Измерение по шкале оценок влечет за собой другую трансформацию черты. Часто оказывается очень трудным определить на вербальном уровне различные степени таких черт, как храбрость, робость, мягкость и т. д. В этом случае мы также имеем дело с вероятностью проявления черты или же с указанием различных поступков или ситуаций, характерных для каждой ее степени, не имея, однако, никаких доказательств того, что они обуславливаются одной и той же переменной.

Учитывая все сказанное, не приходится удивляться, что очень часто «измеренная» черта мало соответствует черте, полученной на основании глобальной оценки. Можно считать все это результатом субъективности и, стало быть, недостоверности оценок, но, очевидно, более правильным было бы сделать вывод, что переменная и черта являются просто различными реальностями. Черта — это воспринятый гештальт, а переменная — это измеримый аспект поведения. Исследователь, учитывающий это различие, может избавить себя от излишней работы.

Специальным методом, позволяющим объективно выявлять фундаментальные переменные личности, является факторный анализ, речь о котором пойдет в следующем разделе. Чтобы отличить эти переменные от других, выявляемых с помощью иных методов анализа, их принято называть факторами. По Кэттелу, как мы позднее увидим, факторы — это «глубинные черты», лежащие в основе «поверхностных черт». Таким образом, мы снова приходим к различению понятий «первичная черта» и «переменная».

ЧЕРТА КАК ГЕНЕРАЛИЗОВАННАЯ РЕАКЦИЯ

Под влиянием бихевиоризма в Соединенных Штатах появилось много сторонников третьей концепции черты. Утверждение Уотсона, в котором отразилась его уверенность в том, что из одного и того же ребенка можно сделать как преступника, так и гения, высказанное им в его фундаментальном изложении теории бихевиоризма, приобрело большую известность. Это утверждение предполагает отрицание детерминирующих черт личности с самого начала ее становления. Если бихевиорист и говорит о черте, то только как об ответе, наблюдаемом в нескольких ситуациях и имеющем

некоторые общие элементы, т. е. в смысле генерализованной реакции. Если же в результате повторных подкреплений определенный ответ распространяется на различные ситуации, то можно говорить о черте. Газри (1944), сформулировавший теорию личности с позиций ассоциативного научения, приводит в качестве примера профессиональную деятельность, где человек очень часто оказывается в аналогичных ситуациях, требующих реакции с его стороны.

Согласно этой теории вероятность того, что ответ станет генерализованным, не слишком велика и, стало быть, не может существовать слишком много генерализованных черт.

Б. ИЗОЛИРОВАННЫЕ ЧЕРТЫ

В характерологической литературе издавна принято описывать и анализировать черты личности, показывая их различные аспекты и вариации, в зависимости от их сосуществования с другими чертами, а также от той или иной ситуации в жизни индивида. Характеры Теофраста и Лабрюйера — классические примеры такого подхода. Эти авторы показали, что они обладали острой наблюдательностью, глубокой и тонкой психологической интуицией, которыми совершенно напрасно пренебрегает современная научная психология. Между тем такой подход позволяет развивать способность к наблюдению и наводит на размышления, которые могут послужить толчком для последующих психологических исследований.

В современной экспериментальной психологии существует множество исследований, посвященных конкретным чертам личности. В то время как Хейманс и Вирсма еще надеялись охватить всю совокупность черт, с тем чтобы выделить наиболее фундаментальные из них, и факторный анализ, основанный на гораздо более совершенных методах, также был направлен на решение подобной задачи, исследования, к рассмотрению которых мы сейчас приступаем, преследовали значительно более узкие цели. Их цель заключалась в том, чтобы исследовать и определить как можно более полно и точно некоторые черты или переменные личности, рассматриваемые как наиболее важные либо с практической, либо с теоретической точки зрения.

В этих исследованиях чаще всего употреблялся метод корреляции с целью определения влияния изучаемой переменной на другие черты или конкретные поступки индивида, а также изучения ее связи с некоторыми факторами среды. С развитием наших знаний изучаемые качества все больше и больше отличаются от классических черт характерологии и превращаются в переменные, описывающие динамику личности. Это предполагает, в свою очередь, необходимость предварительных теоретических гипотез; таким образом, все эти исследования являются отражением различных на-

правлений современной психологии, к которым они относятся (бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология).

Следствием различия концепций, лежащих в основе этих исследований, является то, что они не приводят к выработке согласованных точек зрения на структуру личности; тем не менее они позволяют уточнить некоторые частные моменты и достаточно глубоко проследить сплетение переменных. Одна из основных трудностей, возникающих при проведении этих исследований, состоит в том, что операциональное определение переменных неминуемо сводит их к конкретным поведенческим реакциям или ответам на вопросы анкеты и таким образом они сразу же теряют свой теоретически предполагаемый более общий характер. На результатах это отражается таким образом, что получаемые значения корреляции, как правило, очень малы, непостоянны и тем самым с трудом поддаются интерпретации. По этой причине мы ограничимся тем, что очень кратко представим некоторые наиболее изученные черты, чтобы читатель смог составить себе представление о направлении этих исследований.

а) Индивидуальный стиль. Типологи уже давно заметили, что люди отличаются друг от друга, помимо всего прочего, характером восприятия и мышления, и попытались построить соответствующие тесты. Эта идея вдохновила Роршаха, создавшего тест с чернильными пятнами, и Вартегга, предложившего тест на завершение рисунка (1953; см. также Biedma, 1955). Они полагали, что некоторые формальные характеристики, каково бы ни было их происхождение, должны проявляться в самых различных действиях индивида; спустя несколько лет для обозначения этих черт был предложен термин «индивидуальный стиль». Наиболее изученной чертой является, видимо, «ригидность» — тенденция к сохранению своих установок, принципов, способов мышления и неспособность к изменению своей точки зрения, переструктурированию форм и т. д. (см. Olegon, 1955). В исследовании авторитарной личности, осуществленном Адорно и др. (1950), ригидности отводилось довольно заметное место, однако едва ли правомерно сводить различные формы проявления этой черты к одной-единственной первопричине, поскольку значения корреляции между различными измерениями часто очень малы; к тому же ниже мы покажем, что фактор ригидности не существует вообще. Однако, хотя мы и вынуждены отказаться от идеи существования генерализованной черты «ригидность», нельзя отрицать, что некоторым людям в определенных ситуациях свойственна выраженная ригидность. Психологов интересуют и другие черты того же порядка, такие, как внушаемость, устойчивость и персеверация (последняя является, видимо, одной из форм ригидности). Обзор важнейших работ, посвященных изучению этих черт, принадлежит Айзенку (1960).

б) Мотивационные черты. Поскольку речь о мотивации идет в другой главе, мы ограничимся тем, что упомянем только наиболее изученные черты. Едва ли удивительно, что объектом многочис-

ленных исследований стала тревожность, этому способствовало, впрочем, создание Дженет Тейлор (1953) шкалы «выраженной тревожности». Насколько мне известно, общего обзора работ, посвященных тревожности, не существует. Как правило, тревожность рассматривают в психоаналитическом плане как результат внутренних конфликтов, однако проблема большей или меньшей predisposedности к именно такому способу реагирования до сих пор является неизученной. В генетических исследованиях Мейли (1957) и Пулвера (1959) можно, видимо, обнаружить отправную точку для исследований в этом направлении (см. также ниже). Де Кастро (1958) предложил на основе экспериментальных исследований бифакторную теорию тревожности, согласно которой одним из решающих факторов является неуверенность; таким образом, мы, видимо, снова подходим к проблеме неопределенности, о которой уже говорилось выше.

Еще одна черта, оказавшаяся в центре многочисленных исследований, — это *агрессивность*. Благодаря книге Доларда, Дуба, Миллера, Маурера и Сирса (1939), в которой был сформулирован тезис о том, что агрессивность является реакцией на фрустрацию, выделение агрессивности в качестве самостоятельной черты стало общепризнанным. Не следует, однако, пренебрегать и психоаналитической концепцией агрессивности, подчеркивающей ее импульсивную природу, на что указывает Басс (1961), работа которого является обзором различных точек зрения по этому вопросу. Мэндел (1960), подвергший факторному анализу результаты весьма многочисленных непосредственных наблюдений агрессивных поступков школьников, обнаружил 4 фактора, из которых наиболее важным является желание господствовать, что приближается к точке зрения Пьерона (1959), объединявшего агрессивность и склонность к господству.

Тот факт, что у разных индивидов агрессивная реакция на фрустрацию бывает выражена в различной степени, вызвал к жизни понятие *сопротивляемости фрустрации*. Эта черта, особенно часто изучавшаяся с помощью теста на фрустрацию, предложенного Розенцвейгом (1954), как правило, интерпретируется в плане психологии Я, поскольку, видимо, существуют индивидуальные различия в отношении стойкости к *стрессу* вообще; возможно также, что эта черта имеет физиологическое происхождение. Значение фрустрации для понимания личности людей, страдающих физическими недостатками, было показано в работе Ван Роя (1954), использовавшего тест Розенцвейга. Крамер (1959) изучал эту черту у различных профессиональных групп, особенно у летчиков и военных.

Вдохновленное Левином исследование Хоппе эффекта успеха и неуспеха деятельности привело к возникновению понятия «уровень притязаний».

В то время как в начале развития характерологии на первом плане, как это явствует из книги Олпорта (1937), являющейся в

известном
ны, были т
рядку или
ты, нескол
иную напр
поведения,
становятся
мы имеем
еще не уда
и поведени

известном смысле поворотным пунктом в эволюции этой дисциплины, были такие черты поведения, как честность, стремление к порядку или господству, инициативность и прочие установки, те черты, несколько примеров которых мы только что привели, имеют направленность. Они уже не являются больше качествами поведения, понимаемого как последовательность поступков, а становятся качествами психических процессов. Таким образом, мы имеем право говорить о прогрессе наших знаний, хотя нам еще не удастся обнаружить явные связи между этими качествами и поведением.

3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗ- ВИТИЕ ЛИЧНОСТИ (в норме и патологии)

А. Н. Леонтьев

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ¹

Ситуация развития человеческого индивида обнаруживает свои особенности уже на самых первых этапах. Главная из них — это опосредствованный характер связей ребенка с окружающим миром. Изначально прямые биологические связи *ребенок — мать* очень скоро опосредствуются предметами: мать кормит ребенка из чашки, надевает на него одежду и, занимая его, манипулирует игрушкой. Вместе с тем связи ребенка с вещами опосредствуются окружающими людьми: мать приближает ребенка к привлекающей его вещи, подносит ее к нему или, может быть, отнимает ее у него. Словом, деятельность ребенка все более выступает как реализующая его связи с человеком через вещи, а связи с вещами — через человека.

Эта ситуация развития приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только в их физических свойствах, но и в том особом качестве, которое они приобретают в человеческой деятельности — в своем функциональном значении (чашка — из чего пьют, стул — на чем сидят, часы — то, что носят на руке, и т. д.), а люди — как «повелители» этих вещей, от которых зависят его связи с ними. Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком².

В этой исходной ситуации развития ребенка и содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цепь событий, ведущих к формированию его как личности. Первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные, линии развития, переходящие друг в друга.

В онтогенезе эти переходы выражаются в чередующихся сменах фаз: фаз преимущественного развития предметной (практической и познавательной) деятельности — фазами развития взаимоотношений с людьми, с обществом³. Но такие же переходы характеризу-

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание личность. М., 1975.

² См.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.

³ См.: Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития советского школьника. — Вопр. психологии, 1971, № 4.

ют движение мотивов внутри каждой фазы. В результате и возникают те иерархические связи мотивов, которые образуют «узлы» личности.

Завязывание этих узлов представляет собой процесс скрытый и на разных этапах развития выражающийся по-разному.

Действительную основу личности составляет то особое строение целокупных деятельностей субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его *человеческих* связей с миром.

Человек живет как бы во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, чувственное их восприятие и усвоение известного о них, усвоение их значения. Но далее перед ним начинает открываться действительность, лежащая далеко за пределами его практической деятельности и прямого общения: раздвигаются границы познаваемого, представляемого им мира. Истинное «поле», которое определяет теперь его действия, есть не просто наличное, но *существующее* — существующее объективно или иногда только иллюзорно.

Знание субъектом этого существующего всегда опережает его превращение в определяющее его деятельность. Такое знание выполняет очень важную роль в формировании мотивов. На известном уровне развития мотивы сначала выступают как только «знаемые», как возможные, реально еще не побуждающие никаких действий. Для понимания процесса формирования личности нужно непременно это учитывать, хотя само по себе расширение знаний не является определяющим для него; поэтому-то, кстати говоря, воспитание личности и не может сводиться к обучению, к сообщению знаний.

Формирование личности предполагает развитие процесса целого образования и соответственно развития действий субъекта. Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельностей, которые они реализуют, и вступают в противоречие с породившими их мотивами. Явления такого перерастания хорошо известны и постоянно описываются в литературе по возрастной психологии, хотя и в других терминах; они-то и образуют так называемые кризисы развития — кризис трех лет, семи лет, подросткового периода, как и гораздо меньше изученные кризисы зрелости. В результате происходит сдвиг мотивов на цели, изменение их иерархии и рождение новых мотивов — новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции.

Внутренние движущие силы этого процесса лежат в исходной двойственности связей субъекта с миром, в их двойной опосредованности — предметной деятельностью и общением. Ее развертывание порождает не только двойственность мотивации действий, но благодаря этому также и соподчинения их, зависящие от открывающихся перед субъектом *объективных* отношений, в кото-

рые он вступает. Развитие и умножение этих особых по своей природе соподчинений, возникающих только в условиях жизни человека в обществе, занимает длительный период, который может быть назван этапом стихийного, не направляемого самосознанием складывания личности. На этом этапе, продолжающемся вплоть до подросткового возраста, процесс формирования личности, однако, не заканчивается, он только подготавливает рождение сознающей себя личности.

В педагогической и психологической литературе постоянно указывается то младший дошкольный, то подростковый возраст как переломные в этом отношении. Личность действительно рождается дважды: первый раз — когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий (вспомним феномен «горькой конфеты» и подобные ему), второй раз — когда возникает его сознательная личность. В последнем случае имеется в виду какая-то особая перестройка сознания. Возникает задача — понять необходимость этой перестройки и то, в чем именно она состоит.

Эту необходимость создает то обстоятельство, что чем более расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и какое-то другое его отношение. Возможное несовпадение или противоречие их не создает, однако, альтернатив, которые решаются просто «арифметикой мотивов». Реальная психологическая ситуация, порождаемая перекрещивающимися связями субъекта с миром, в которые независимо от него вовлекаются каждое его действие и каждый акт его общения с другими людьми, требует от него ориентировки в системе этих связей. Иными словами, психическое отражение, сознание уже не может оставаться ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов. А это требует особого внутреннего движения сознания.

В движении индивидуального сознания, описанном раньше как процесс взаимопереходов непосредственно-чувственных содержаний и значений, приобретающих в зависимости от мотивов деятельности тот или иной смысл, теперь открывается движение еще в одном измерении. Если описанное раньше движение образно представить себе как движение в горизонтальной плоскости, то это новое движение происходит как бы по вертикали. Оно заключается в соотношении мотивов друг с другом: некоторые занимают место подчиняющих себе другие и как бы возвышаются над ними, некоторые, наоборот, опускаются до положения подчиненных или даже вовсе утрачивают свою смыслообразующую функцию. Становление этого движения и выражает собой становление связной системы личностных смыслов — становление личности.

Конечно, формирование личности представляет собой процесс

непрерывный, состоящий из ряда последовательно сменяющихся стадий, качественные особенности которых зависят от конкретных условий и обстоятельств. Поэтому, прослеживая последовательные его сечения, мы замечаем лишь отдельные сдвиги. Но если взглянуть на него как бы с некоторого удаления, то переход, знаменующий собой подлинное рождение личности, выступает как *событие*, изменяющее ход всего последующего психического развития.

Существуют многие явления, которые отмечают этот переход. Прежде всего это перестройка сферы отношений к другим людям, к обществу. Если на предшествующих стадиях общество открывается в расширяющихся общениях с окружающими и поэтому преимущественно в своих персонифицированных формах, то теперь это положение оборачивается: окружающие люди все более начинают выступать через объективные общественные отношения. Переход, о котором идет речь, и начинается собой изменения, определяющие главное в развитии личности, в ее судьбе.

Необходимость для субъекта ориентироваться в расширяющейся системе его связей с миром раскрывается теперь в новом своем значении: как порождающая процесс развертывания общественной сущности субъекта. Во всей своей *полноте* это развертывание составляет перспективу исторического процесса. Применительно же к формированию личности на том или ином этапе развития общества и в зависимости от места, занимаемого индивидом в системе наличных общественных отношений, перспектива эта выступает лишь как эвентуально содержащая в себе идеальную «конечную точку».

Одно из изменений, за которым скрывается новая перестройка иерархии мотивов, проявляется в утрате самооценности для подростка отношений в интимном круге его общения. Так, требования, идущие со стороны даже самых близких взрослых, сохраняют теперь свою смыслообразующую функцию лишь при условии, что они включены в более широкую социальную мотивационную сферу, в противном случае они вызывают явление «психологического бунтарства». Это вхождение подростка в более широкий круг общения вовсе, однако, не означает, что интимное, личностное как бы отходит теперь на второй план. Напротив, именно в этот период и именно поэтому происходит интенсивное развитие внутренней жизни: наряду с приятельством возникает дружба, питаемая взаимной конфиденциальностью; меняется содержание писем, которые теряют свой стереотипный и описательный характер, и в них появляются описания переживаний; делаются попытки вести интимные дневники и начинаются первые влюбленности.

Еще более глубокие изменения отмечают последующие уровни развития, включительно до уровня, на котором личностный смысл приобретает сама система объективных общественных отношений, ее выражения. Конечно, явления, возникающие на этом уровне, еще более сложны и могут быть по-настоящему трагическими, но и здесь происходит то же самое: чем более открывается для

личности общество, тем более наполненным становится его внутренний мир.

Процесс развития личности всегда остается глубоко индивидуальным, неповторимым. Он дает сильные смещения по абсциссе возраста, а иногда вызывает социальную деградацию личности. Главное — он протекает совершенно по-разному в зависимости от конкретно-исторических условий, от принадлежности индивида к той или иной социальной среде. Он особенно драматичен в условиях классового общества с его неизбежными отчуждениями и парциализацией личности, с его альтернативами между подчинением и господством. Само собой разумеется, что конкретные жизненные обстоятельства накладывают свою печать на ход развития личности и в социалистическом обществе. Уничтожение объективных условий, образующих преграду для возвращения человеку его действительной сущности — для всестороннего и гармоничного развития его личности, делает эту перспективу впервые реальной, но вовсе не перестраивает личность автоматически. Фундаментальное изменение состоит в другом, в том, что возникает новое движение: борьба общества за человеческую личность. Когда мы говорим: «Во имя человека, *для человека*» — это означает не просто для его потребления, это — для его *личности*, хотя при этом, конечно, подразумевается, что человек должен быть обеспечен и материальными благами, и духовной пищей.

На этом уровне прошлые впечатления, событие и собственные действия субъекта отнюдь не выступают для него как покоящиеся пласты его опыта. Они становятся предметом его отношения, его действий, и потому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности: сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое открывается ему в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение; наконец, что-то из прошлого активно отвергается субъектом, психологически перестает существовать для него, хотя и остается на складах его памяти. Эти изменения происходят постоянно, но они могут и концентрироваться, создавая нравственные переломы. Возникающая переоценка прежнего, установившегося в жизни, приводит к тому, что человек сбрасывает с себя груз своей биографии. Разве не свидетельствует это о том, что вклады прошлого опыта в личность стали зависимыми от самой личности, стали ее функцией?

Это оказывается возможным благодаря возникшему новому внутреннему движению в системе индивидуального сознания, которое я образно назвал движением «по вертикали». Не следует только думать, что перевороты в прошлом личности производятся сознанием, сознание не производит, а *опосредствует* их; производятся же они действиями субъекта, иногда даже внешними — разрывами прежних общений, переменой профессии, практическим вхождением в новые обстоятельства.

Вопреки
продукт б
оправдыва
тель так и
этот, конеч
но только
вающего сл
а не раска
Упускается
вступает в
входит в н
советовал: з
кам узнаеш

Неверен
ности для ч
но и в нап
наличное в
тива есть н
достояние. К
воспитательн
Личность
иначе, как ч
его отноше
ляет тип ли
не входят в
менее приво
вопросов.

Первое о
никакая диф
ство связей
идет о дейст
ниях, которы

Различия,
чественными,
мира в про
ними лежат
отношений,
нации, класса
она учитывае
говорить, не
гический ана
с миром могу
условиями, та

Другой, и
иерархизирова
бывает очень

⁴ См.: Толсто

Вопреки своей распространенности взгляд на личность как на продукт биографии человека является неудовлетворительным, оправдывающим фаталистическое понимание его судьбы (обыватель так и думает: ребенок украл, значит, станет вором!). Взгляд этот, конечно, допускает возможность изменить что-то в человеке, но только ценой внешнего вмешательства, *силой* своего перевешивающего сложившееся в его опыте. Это — концепция примата кары, а не раскаяния, награды, а не действий, которые она венчает. Упускается главный психологический факт, а именно, что человек вступает в отношение к своему прошлому, которое по-разному входит в *наличное* для него — в память его личности. Толстой советовал: замечай, что помнишь, что не помнишь; по этим признакам узнаешь сам себя⁴.

Неверен этот взгляд еще и потому, что расширение действительности для человека происходит не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. Как и прошлое, будущее составляет *наличное* в личности. Открывшаяся человеку жизненная перспектива есть не просто продукт «опережающего отражения», а его достояние. В этом сила и правда того, что писал Макаренко о воспитательном значении ближних и дальних перспектив...

Личность создается объективными обстоятельствами, но не иначе, как через целокупность его деятельности, осуществляющей его отношения к миру. Ее особенности и образуют то, что определяет тип личности. Хотя вопросы дифференциальной психологии не входят в мою задачу, анализ формирования личности тем не менее приводит к проблеме общего подхода в исследовании этих вопросов.

Первое основание личности, которое не может игнорировать никакая дифференциально-психологическая концепция, есть богатство связей индивида с миром. Само собой разумеется, что речь идет о *действительных*, а не об отчужденных от человека отношениях, которые противостоят ему и подчиняют его себе.

Различия, которые здесь существуют, являются не только количественными, выражающими меру широты открывшегося человеку мира в пространстве и времени — в его прошлом и будущем. За ними лежат различия в содержании тех предметных и социальных отношений, которые заданы объективными условиями эпохи, нации, класса. Поэтому подход к типологии личностей, даже если она учитывает только один этот *параметр*, как теперь принято говорить, не может не быть конкретно историческим. Но психологический анализ не останавливается на этом, ибо связи личности с миром могут быть как беднее тех, что задаются объективными условиями, так и намного превосходить их.

Другой, и притом важнейший, параметр личности есть степень иерархизированности деятельности, их мотивов. Степень эта бывает очень разной независимо от того, узко или широко основание

⁴ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 54. М., 1935, с. 31.

личности, образуемое его связями с окружающими. Иерархии мотивов существуют всегда, на всех уровнях развития. Они-то и образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть менее крупными или более крупными, разъединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Разъединенность этих, иерархизированных внутри себя, единиц жизни создает психологический облик человека, живущего *отрывочно* — то в одном «поле», то в другом. Напротив, более высокая степень иерархизации мотивов выражается в том, что свои действия человек как бы примеривает к главному для него мотиву-цели, и тогда может оказаться, что одни стоят в противоречии с этим мотивом, другие прямо отвечают ему, а некоторые уводят в сторону от него.

Когда имеют в виду главный мотив, побуждающий человека, то обычно говорят о *жизненной цели*. Всегда ли, однако, этот мотив адекватно открывается сознанию? С порога ответить на этот вопрос нельзя, потому что его осознание в форме понятия, идеи происходит не само собой, а в том движении индивидуального сознания, в результате которого субъект только и способен преломить свое внутреннее через систему усваиваемых им значений, понятий. Об этом уже говорилось, как и о той борьбе, которая ведется в обществе за сознание человека.

Смысловые единицы жизни могут собраться как бы в одну точку, но это формальная характеристика. Главным остается вопрос о том, какое место занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хотя не всегда видимую индивидуом, подлинную действительность. Вся жизнь Скупого рыцаря направлена на одну цель, возведение «державы золота». Эта цель достигнута («Кто знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных все это стоило?»), но жизнь обрывается ничем, цель оказалась бессмысленной. Словами «Ужасный век, ужасные сердца!» заканчивает Пушкин трагедию о Скупом.

Иная личность, с иной судьбой складывается, когда ведущий мотив-цель возвышается до истинно человеческого и не обособливает, а сливает ее жизнь с жизнью людей, их благом. В зависимости от обстоятельств, выпадающих на долю человека, такие жизненные мотивы могут приобретать очень разное содержание и разную объективную значимость, но только они способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни. Вершина этого пути — человек, ставший, по словам Горького, человеком человечества.

Здесь мы подходим к самому сложному параметру личности: к общему типу ее строения. Мотивационная сфера человека даже в наивысшем ее развитии никогда не напоминает застывшую пирамиду. Она может быть сдвинута, эксцентрична по отношению к актуальному пространству исторической действительности, и тогда

мы говорим об односторонности личности. Она может сложиться, наоборот, как многосторонняя, включающая широкий круг отношений. Но и в том, и в другом случае она необходимо отражает объективное несовпадение этих отношений, противоречия между ними, смену места, которое они в ней занимают.

Структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных внутри себя иерархизированных мотивационных линий. Речь идет о том, что неполно описывается как «направленность личности», неполно потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни она не может оставаться *единственной*. Служение избранной цели, идеалу вовсе не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы. Образно говоря, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной.

Многообразные отношения, в которые человек вступает в действительности, являются объективно противоречивыми. Их противоречия и порождают конфликты, которые при определенных условиях фиксируются и входят в структуру личности.

...Структура личности не сводится ни к богатству связей человека с миром, ни к степени их иерархизированности; ее характеристика лежит в соотношении разных систем сложившихся жизненных отношений, порождающих борьбу между ними. Иногда эта борьба происходит во внешне неприметных, обыденно драматических, так сказать, формах и не нарушает гармоничности личности, ее развития; ведь гармоническая личность вовсе не есть личность, не знающая никакой внутренней борьбы. Однако иногда эта внутренняя борьба становится главным, что определяет весь облик человека, такова структура трагической личности.

Предметно-вещественные «потребности для себя» насыщаемы, и их удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до уровня *условий* жизни, которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся. Поэтому *личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ.*

Как и всякое познание, познание себя начинается с выделения внешних, поверхностных свойств и является результатом сравнения, анализа и обобщения, выделения существенного. Но индивидуальное сознание не есть только знание, только система приобретенных значений, понятий. Ему свойственно внутреннее движение, отражающее движение самой реальной жизни субъекта, которую оно опосредствует; мы уже видели, что только в этом движении знания обретают свою отнесенность к объективному миру и свою действительность. Не иначе обстоит дело и в случае, когда объектом сознания являются свойства, особенности, действия или состояния самого субъекта; в этом случае тоже следует различать знание о себе и осознание себя.

Знания, представления о себе накапливаются уже в раннем детстве; в неосознаваемых чувственных формах они, по-видимому, существуют и у высших животных. Другое дело — самосознание, осознание своего Я. Оно есть результат, продукт становления человека как личности. Представляя собой феноменологическое превращение форм действительных отношений личности, в своей непосредственности оно выступает как их причина и субъект.

Психологическая проблема Я возникает, как только мы задаемся вопросом о том, к какой реальности относится все то, что мы знаем о себе, и все ли, что мы знаем о себе, относится к этой реальности. Как происходит, что в одном я открываю свое Я, а в другом — утрачиваю его (мы так и говорим: быть «вне себя»)? Несовпадение Я и того, что представляет субъект как предмет его собственного знания о себе, психологически очевидно. Вместе с тем психология, исходящая из органистических позиций, не способна дать научного объяснения этого несовпадения. Если проблема Я и ставится в ней, то лишь в форме констатации существования особой инстанции внутри личности — маленького человечка в сердце, который в нужную минуту «дергает за веревочки». Отказываясь, понятно, от того, чтобы приписывать этой особой инстанции субстанциональность, психология кончает тем, что вовсе обходит проблему, растворяя Я в структуре личности, в ее интеракциях с окружающим миром. И все-таки она остается, обнаруживая себя теперь в виде заложенного в индивиде стремления проникнуть в мир, в потребность «актуализации себя»⁵.

Таким образом, проблема самосознания личности, осознания Я остается в психологии нерешенной. Но это отнюдь не мнимая проблема, напротив, это проблема высокого жизненного значения, венчающая психологию личности.

В. И. Ленин писал о том, что отличает «просто раба» от раба, примирившегося со своим положением, и от раба восставшего⁶. Это отличие не в знании своих индивидуальных черт, а отличие в осознании себя в системе общественных отношений. Осознание своего Я и не представляет собой ничего другого.

Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его Я. Дело, однако, обстоит вовсе не так. Мы видели, что многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем Я; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии.

⁵ Nuttin J. La Structure de la personnalité. Paris, 1925.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 40.

Так
привод
эгоцен
понима
как вк
Нужно
вовсе
и проя
В н
Маркс
что че
лишь о
ся и к
в том
другого
глубоко
их конт
«В
мечани
Очевид
тексте,
отноше
одного
товара
никогда
эту сно
павловс
рода «ч
как род
ного с
цирован
Проб
от науч
гие лож
ческом
неизбеж
ванный
свойства
он и сос

7 Маркс

Таким образом, анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, «птоломеевского» понимания человека в пользу понимания «коперниковского», рассматривающего человеческое Я как включенное в общую систему взаимосвязей людей в обществе. Нужно только при этом подчеркнуть, что *включенное* в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия.

В нашей психологической литературе часто приводятся слова Маркса о том, что человек не рождается фихтеанским философом, что человек смотрится, как в зеркало, в другого человека, и, лишь относясь к нему как к себе подобному, он начинает относиться и к себе, как к человеку. Эти слова иногда понимаются лишь в том смысле, что человек формирует свой образ по образу другого человека. Но в этих словах выражено гораздо более глубокое содержание. Чтобы увидеть это, достаточно восстановить их контекст.

«В некоторых отношениях, — начинает Маркс цитируемое примечание, — человек напоминает товар». Какие же это отношения? Очевидно, имеются в виду те отношения, о которых говорится в тексте, сопровождаемом данным примечанием. Это стоимостные отношения товаров. Они заключаются в том, что натуральное тело одного товара становится формой, зеркалом стоимости другого товара, т. е. такого сверхчувственного его свойства, которое никогда не просвечивает через его ткань. Маркс и заканчивает эту сноску так: «Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него *формой проявления рода «человек»* (курсив мой. — А. Л.)»⁷. Но человек как род, как родовое существо означает у Маркса не биологический вид *homo sapiens*, а человеческое общество. В нем, в его персонифицированных формах человек и видит себя человеком.

Проблема человеческого Я принадлежит к числу ускользающих от научно-психологического анализа. Доступ к ней закрывают многие ложные представления, сложившиеся в психологии на эмпирическом уровне исследования личности. На этом уровне личность неизбежно выступает как индивид усложненный, а не преобразованный обществом, т. е. обретающий в нем новые системные свойства. Но именно в этих своих «сверхчувственных» свойствах он и составляет предмет психологической науки.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 62

Выготский Лев Семенович (17 ноября 1896 — 10 июня 1934) — советский психолог. По окончании юридического факультета МГУ и одновременно историко-филологического факультета университета Шанявского (1917) вел научно-педагогическую работу в Гомеле, с 1924 г. — в Москве. Работал в институте психологии Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, во 2-м МГУ и в Институте дефектологии. Профессор с 1928 г.

Выготский разработал «культурно-историческую» теорию поведения. Различив две линии развития человеческого поведения: естественную и культурную, специфику последней (по которой идет развитие всех так называемых «высших психологических функций») Выготский видел в применении таких приемов поведения, в основе которых лежит изготовление и употребление знаков в качестве особых средств осуществления психологической операции.

По Выготскому, человек овладевает собой, своим поведением, в общем тем же путем, что и внешней природой, т. е. извне, при помощи особой общественной по своему происхождению «техники» знаков. При этом первоначально внешний культурный прием организации поведения впоследствии может как бы «вращиваться», становясь внутренним (явление «интериоризации»). С переходом к изучению культурных форм поведения и их истории материалом психологии становятся культурные приемы и средства поведения. Раскрывая их функциональную структуру и генезис, исследователь должен воссоздать строение соответствующего им психологического процесса. Этот метод распространялся Выготским не только на изучение отдельных психо-

логических функций (таких, как память, внимание, мышление и т. д.), но и на исследование личности и сознания. (Этюды по истории поведения. М., 1930, совм. с А. Р. Лурия). Идеи культурно-исторической теории высших психологических функций человека, выросшие у Выготского прежде всего из анализа проблемы компенсации дефектов психического развития ребенка, во многом, однако, были подготовлены уже ранними его работами по психологии искусства. Они оказали значительное влияние на развитие советской психологии, приведя к образованию одной из крупных школ (А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, Д. В. Эльконин, П. Я. Гальперин и др.).

Соч.: Сознание как проблема психологии поведения. — В кн.: Психология и марксизм. М., 1925; Педагогическая психология. М., 1926; Дефект и сверхкомпенсация. — В кн.: Умственная отсталость, слепота и глухонмота. М., 1927; Педология подростка (задания 1—8). М., 1928; то же (задания 9—16). М., 1931; Психика, сознание и бессознательное. — В кн.: Элементы общей психологии. М., 1930; Сон и сновидения, там же; Психологический словарь. М., 1931 (совм. с Б. Е. Варшава); Умственное развитие детей в процессе обучения. М., Л., 1935; Основы педологии. М., 1934; Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. М., 1936; Избранные психологические исследования. М., 1956; Развитие высших психических функций. М., 1960; Воображение и творчество в школьном возрасте. 2-е изд. М., 1968; Психология искусства. 2-е изд. М., 1968; Собр. соч. т. 1—6. — М., 1982

Л. С. В.
Попытка
исходить
что по
охарактер
Оба эти
ными нау
впервые.
Лично

обычном
всех при
индивиду
ее к тому
знак равн
тием. Ли
охватыва
денна, но
поэтому
ведения,
мы говори

Под м
логическу
взглядов
это слово
ствующем
то, что ха
турной ча
животного
бенка в м
до поры п
этого сло

Лично
овладевае
нимает ее
Сушно
в том, что
но необх
образован
является
в целом.

Приобр
ния) и вых
ление ору

Глава 16
ребенка»
Психология

Попытка синтетического охвата культурного развития должна исходить из двух основных положений. Первое заключается в том, что по своему содержанию этот процесс развития может быть охарактеризован как развитие личности и мировоззрения ребенка. Оба этих понятия являются недостаточно определенными и точными научными терминами. В науку о ребенке они вносятся почти впервые.

Личность в этом понимании имеет более узкий смысл, чем в обычном словоупотреблении. Мы не причисляем к этому понятию всех признаков индивидуальности, отличающих ее от ряда других индивидуальностей, составляющих ее своеобразие или относящих ее к тому или иному определенному типу. Мы склонны поставить знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность, таким образом, есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Она неврожденна, но возникает в результате культурного развития, личность поэтому есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается тем признаком овладения, о котором мы говорили в главе о воле...

Под мировоззрением мы также не склонны понимать какую-либо логическую, продуманную, оформленную и осознанную систему взглядов на мир, и его важнейшие части. Мы склонны употребить это слово тоже в синтетическом охватывающем смысле, соответствующем личности в плане субъективном. Мировоззрение — это то, что характеризует все поведение человека в целом в его культурной части по отношению к внешнему миру. В этом смысле у животного нет мировоззрения, и в этом же смысле нет его у ребенка в момент рождения. И в первые годы жизни, иногда вплоть до поры полового созревания, мировоззрение в собственном смысле этого слова отсутствует у ребенка. Часто скорее это миродействие.

Личность развивается как целое. Только тогда, когда личность овладевает той или иной формой поведения, только тогда она поднимает ее на высшую ступень.

Сущность культурного развития, как мы видели, заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для этого овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной функции является всегда производным и обусловленным развитием личности в целом.

Приобретение речью социальных функций (обращение внимания) и выход за ее пределы естественной органологии через употребление орудий — вот два важнейших момента, подготовляющих в

¹ Глава 16 из «Истории культурного развития нормального и ненормального ребенка» (Рукопись).

первые годы жизни важнейшие изменения, которые лягут в основу всего дальнейшего культурного развития.

Если бы мы хотели поставить в связь эти общие факторы с тем, что нам известно о культурном развитии отдельных функций, мы должны были бы сказать, что вся эта пора в жизни ребенка является переходом от натуральной к культурной жизни. Каждое действие ребенка в эту пору носит еще смешанный животное-человеческий природно-исторический, примитивно-культурный или органически-личный характер. Мы условно обозначали эту переходную стадию в развитии ребенка как стадию магическую, и действительно, как показывает исследование Пиаже, выдвинувшего наиболее стройную и глубокую теорию первого года жизни, мировоззрение ребенка, находящегося на этой ступени развития, может быть лучше всего определено как магическое.

Ребенок еще не различает тех изменений, которые происходят вследствие его собственных реакций, и тех, которые производятся независимо от него.

Нам представляется в высшей степени правильной мысль Пиаже, что у новорожденного ребенка отсутствует даже самое примитивное Я, т. е. личность и мировоззрение, отношение к другим. То и другое для него, следовательно, нераздельно.

Нам это представляется наиболее ясным доказательством того, что у ребенка действительно еще не произошло завязывание личности и она еще совершенно слита с его мировоззрением, проявляющимся в его действиях. Пиаже справедливо называет эту нерасчлененную стадию личности и мировоззрения парадоксальным состоянием солипсизма не в смысле философской установки, но для обозначения того простого факта, что ребенок, с одной стороны, находится весь во власти внешних вещей, а с другой стороны, все эти внешние вещи в его поведении нисколько не отличаются для него от процессов, происходящих в его собственном теле.

Вот характерные черты этой стадии.

Остановимся на двух чрезвычайно важных примерах, характеризующих ее. Первый — это память. При всей необычной силе памяти ребенка в этом возрасте впечатления первого года жизни, как известно, никогда не сохраняются и не удерживаются в продолжение последующей жизни ребенка.

В психологии новейшего времени мы имеем два основных объяснения этого факта: одно, предложенное Фрейдом, другое — Уотсоном. Фрейд полагает, что воспоминания раннего детства вытесняются из сознания, поскольку они относятся к совершенно другой организации жизни ребенка, чем вся последующая его жизнь.

Уотсон отождествляет бессознательное Фрейда с невербальным поведением, с поведением, не закрепленным в словах, и объясняет этот факт тем, что все эти впечатления накоплены без участия речи. Память же для него является функционированием вербальной стороны нашего поведения. Нам объяснение Уотсона пред-

ставляе
к тому
доистор
чего не
человеч
таким
лого. В
помним
именно
говорит
сится к
утробно
ном раз

След
мя осно
щими д
ние.

Пери
овладе
на во
власти
и обили
ровать

Дру
Овла
детского
универс

Реша
этом пе
ребенок
с некот
местоим

Поня
Понятие
понятие,
отношен

применя
что лич
является
каждой

иным пр
взрослый
ответ на
детей сп

личное м
указатель
Фихте
того дня,

ставляется в высшей степени правильным и приводящим нас к тому выводу, что первый год в жизни ребенка является как бы доисторической эпохой в его развитии, о которой мы так же ничего не помним, как мы ничего не помним о доисторической эпохе человечества, не оставившей письменности. Наша речь и является, таким образом, как бы своеобразной письменностью нашего прошлого. Во всяком случае, тот основной факт, что мы ничего не помним о первом годе нашей жизни, вместе с другим фактом, именно памятью о прошлом как основой сознания нашей личности, говорит за то, что первый год жизни в известном смысле относится к последующей жизни так, как утробное развитие к послеплодному. Это другая, как бы доисторическая эпоха в культурном развитии ребенка.

Следующая эпоха в развитии ребенка характеризуется двумя основными переменами, происходящими в эту пору и имеющими для всей последующей картины развития решающее значение.

Первый момент — органический, он состоит в том, что ребенок овладевает вертикальной походкой. Отсюда радикальная перемена во всем его приспособлении к пространству, расширение его власти над вещами, освобождение рук от функции передвижения и обилие предметов, которыми ребенок теперь может манипулировать и овладевать.

Другой момент культурный, он заключается в овладении речью. Овладение речью приводит к перестройке всех особенностей детского мышления, памяти и других функций. Речь становится универсальным средством для воздействия на мир.

Решающим моментом в смысле развития личности ребенка в этом периоде является осознание им своего Я. Как известно, ребенок первоначально называет себя собственным именем, он с некоторым трудом переходит к тому, чтобы усвоить личное местоимение.

Понятие о Я развивается у ребенка из понятия о других. Понятие личности есть, таким образом, социальное, отраженное понятие, строящееся на основе того, что ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы, приспособления, которые он применял по отношению к другим. Вот почему можно сказать, что личность — есть социальное в нас. Для нас этот вывод не является сколько-нибудь неожиданным, потому что и при анализе каждой отдельной функции мы видели, как овладение тем или иным процессом поведения у ребенка строится по образцу того, как взрослый овладевает им. Личное имя ребенка выделяется часто в ответ на вопрос, как правильно указывает Лякруа, когда у многих детей спрашивают: «Кто хочет этого, у кого это есть?». Здесь личное местоимение, как и собственное имя ребенка, является указательным жестом на самого себя.

Фихте хотел праздновать духовное рождение своего сына с того дня, как он начал говорить Я, но, конечно, появление этой

частицы также мало означает появление сознания личности, как указательный жест далек от объективного значения слова.

Любопытно в этом отношении замечание Штерна, что у перво-рожденных детей собственное имя часто предшествует личному местоимению, а у детей вторых и дальше — частица *Я* появляется одновременно и как имя — не только как грамматическая частица, не отделимая от глагола, но и в примитивном волевом смысле, как местоимение указательное. Трудно найти лучшее подтверждение тому, что личность ребенка в эту пору строится по образцу социальному и ребенок переходит к осознанию *Я* подобно тому, как это делают другие — обозначая себя этим словом.

Следующей типической стадией в развитии детского мировоззрения мы считаем возраст игры как особую форму поведения ребенка, чрезвычайно интересную именно с этой точки зрения.

Мы видим, что ребенок на стадии игры еще чрезвычайно неустойчиво локализует свою личность и локализует свое мировоззрение. Он также легко может быть другим, как и самим собой, так же, как и каждая вещь, может принять любой облик, но что примечательно — это то, что, при общей лабильности, неустойчивости детского *Я* и окружающих его вещей, внутри каждой игры ребенок уже не магически, а разумно расчленяет обращение с вещами и обращение с людьми. Примечательно и то, что ребенок на этой стадии развития уже не путает деятельность игры и деятельность серьезную. То и другое выделено у него как бы в особую сферу, и ребенок легко и с сознанием дела переходит из одной сферы в другую, никогда не путая их. Это значит, что он уже владеет одной и другой.

Только в школьном возрасте появляется у ребенка впервые более устойчивая форма личности и мировоззрения. Как показал Пиаже, ребенок школьного возраста является и гораздо более социализированным и гораздо более индивидуализированным существом. То, что с внешнего вида представляется нам как бы противоречием, на самом деле является двумя сторонами одного и того же процесса, и нельзя, думается нам, привести более веское доказательство в пользу социального происхождения личности ребенка, чем тот факт, что только с нарастанием, углублением и дифференцированием социального опыта растет, оформляется и вызревает личность ребенка.

Важнейшей основой этого изменения является формирование внутренней речи.

Только с годами, только постепенно ребенок научается овладевать ходом своих мыслей, как раньше овладевал ходом своих действий, начинает их регулировать, отбирать, и здесь Пиаже со всей справедливостью отмечает, что это регулирование мыслительных процессов есть в такой же степени волевой акт, акт выбора, как и моральное действие.

Только к 12 годам, т. е. к окончанию первого школьного возраста, ребенок преодолевает вполне эгоцентрическую логику и пере-

ходит
следую
чили к
в жизни
Гово
оформл
миров
справед
ни стоя
т. е. к
культур
наибол
этот воз
Шпр
возраст
период
вае все
висимост
нам изв
может б
Недаром
вание ж
которая
этот, так
культурн
Мы у
только бе
дования
основател
с этим п
пути наме
стов, это
ставить е
фазами и
тии ребен
обоснован

12 Психология личнос

ходит к овладению своими мыслительными процессами. Возраст, следующий за этим, возраст полового созревания, недаром обозначили как возраст, когда совершаются две крупнейшие перемены в жизни подростка.

Говорят обычно, что это есть возраст открытия своего Я, оформления личности, с одной стороны, и возраст оформления мировоззрения, отношения к миру — с другой. И это совершенно справедливо. В каких бы сложных отношениях эти два момента ни стояли к основной перемене, совершающейся в этом возрасте, т. е. к процессам полового созревания, несомненно, что в области культурного развития ребенка они означают центральные моменты, наиболее важные по значению из всего того, что характеризует этот возраст.

Шпрангер поэтому с полным основанием назвал переходный возраст возрастом вхождения в культуру. Когда говорят, что в этот период подросток открывает свой внутренний мир и впервые открывает все его возможности, устанавливая его относительную независимость от внешней деятельности, то с точки зрения того, что нам известно о мышлении, о культурном развитии ребенка, это может быть обозначено как овладение этим внутренним миром. Недаром внешним коррелятом этого события является возникновение жизненного плана как известной системы приспособления, которая впервые осознается подростком в этом возрасте. Возраст этот, таким образом, как бы увенчивает и завершает весь процесс культурного развития ребенка.

Мы уже указывали выше, что вынуждены здесь ограничиться только беглым и схематическим обзором возрастов, так как исследования настоящей стадии не позволяют еще дать сколько-нибудь основательной и полной возрастной характеристики. Но вместе с этим перспективы дальнейших исследований и их дальнейшие пути намечаются со всей ясностью. Это теория культурных возрастов, это попытка охватить культурное развитие как целое, представить его в главнейших стадиях и фазах в соответствии с теми фазами и стадиями, которые намечаются в органическом развитии ребенка. Но вместе с тем мы приходим и к генетическому обоснованию психологии взрослого человека.

Божович Лидия Ильинична (11 января 1908 — 21 июля 1981) — сов. психолог, доктор психологических наук, видный специалист в области детской и педагогической психологии, проблем формирования и развития личности.

Соч.: Вопросы психологии личности школьника (ред. и соавт.). М., 1961; Личность и её формирование в детском возрасте. 1968; Изучение мотивации поведения детей и подростков (ред. и соавт.). М., 1972.

Л. И. Божович

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА¹

Представление о личности как о целостной структуре требует предварительной гипотезы о том, что составляет стержень этой структуры.

На основании теоретического анализа мы выдвинули гипотезу о том, что целостная структура личности определяется прежде всего ее направленностью. В основе направленности личности, согласно нашей точке зрения, лежит возникающая в процессе жизни и воспитания человека устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальное, характеризуют строение мотивационной сферы человека. Возникновение такого рода иерархической системы мотивов обеспечивает наивысшую устойчивость личности.

Анализ собственных материалов исследования, а также материалы исследований других авторов позволили нам наметить некоторые основные тенденции возрастного развития ребенка.

Мы попытались обосновать гипотезу, что среди всех первичных потребностей ведущей для психического развития является потребность в новых впечатлениях, возникающая у ребенка на протяжении первого месяца жизни. Свое значение эта потребность приобретает благодаря следующим качественным особенностям: в отличие от всех других первичных потребностей она является как бы ненасыщаемой — чем больше впечатлений падает на ребенка, тем больше развивается у него потребность в их получении; эта потребность имеет перспективный характер, она прогрессивна по самой своей природе, так как связана с функционированием

¹ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

человеческого мозга, развитие которого принципиально безгранично и требует постоянного совершенствования познавательной деятельности субъекта; вместе с тем развитие потребности в познании внутренне связано с психическим развитием человека, так как последнее осуществляется лишь в процессе усвоения ребенком исторически накопленного человеческого опыта.

Таким образом, сила потребности во внешних впечатлениях заключается в том, что, удовлетворяя ее, взрослый вводит ребенка в мир социальной действительности — общественно выработанных навыков, умений, способов практической деятельности, морали и т. д. А так как в предметах материальной и духовной культуры и в ее традициях находят свое воплощение исторически сложившиеся формы психической жизни людей, то ребенок, познавая культуру и овладевая ею, вместе с тем усваивает и эти формы; на этой основе у него развиваются специфические социальные формы психики.

Исследования обнаруживают, что на протяжении всего раннего и дошкольного детства главным фактором формирования личности ребенка продолжает оставаться взрослый человек, поддержка и одобрение которого составляют необходимое условие «уравновешенности» ребенка с окружающей его средой и переживания им эмоционального благополучия. Стремление к одобрению взрослых, особенно родителей, является в этом возрасте настолько сильным, что именно оно побуждает ребенка к такому поведению, в котором он не испытывает непосредственной потребности. Следовательно, «санкции» взрослых являются важнейшими регуляторами поведения ребенка.

Наличие у ребенка всевозрастающей и усложняющейся познавательной активности наряду с отсутствием систематического обучения и обязательного труда порождает своеобразную форму деятельности — ролевую, творческую игру, реализующую в себе все основные для психического развития ребенка потребности: познавательную потребность, потребность в общении и потребность в практическом действии. Игра дает возможность детям в воображаемой ситуации, во-первых, воспроизводить те формы поведения и деятельности, которые, будучи для него привлекательными, еще недоступны ему в действительности, и тем самым познавать эти формы поведения и овладевать ими; во-вторых, она дает возможность детям как бы сохранять непосредственный контакт со взрослыми, входя в воображаемом плане в мир взрослых людей, их взаимоотношения, интересы и пр. Таким образом, игра, воплощая возрастные тенденции развития потребностей, составляет ту ведущую форму поведения и деятельности детей дошкольного возраста, в которой происходит усвоение ребенком культуры взрослых.

Поступление в школу знаменует перелом в социальной ситуации развития ребенка. Став школьником, ребенок получает новые права и обязанности и впервые начинает заниматься общественно значимой деятельностью, от уровня выполнения которой зависит его

место среди окружающих и его взаимоотношения с ними. Эта новая социальная ситуация обуславливает и формирование особенностей личности детей школьного возраста.

Наши исследования показали, что у детей к концу дошкольного возраста возникает настойчивое стремление стать школьником. Было обнаружено, что в этом стремлении находят свое воплощение ведущие потребности ребенка: познавательная потребность, выражающаяся в желании учиться, приобретать новые знания и умения, и потребность в общении, принимающая форму желания выполнять важную общественно значимую деятельность, имеющую ценность не только для него самого, но и для окружающих взрослых. Все требования, связанные с учением и положением школьника, очень эффективны и вызывают у детей этого возраста стремление им ответить. Это приводит к очень быстрому формированию у младших школьников различных качеств личности, необходимых для успешного выполнения школьных учебных обязанностей.

При поступлении ребенка в школу роль взрослого и его санкции почти не меняются, лишь учитель становится авторитетнее и влиятельнее родителей. Однако постепенно в связи с вхождением в коллектив сверстников общение с товарищами приобретает для детей все большее и большее значение.

Данные не только наших исследований, но и других авторов показывают, что у школьников к концу младшего школьного возраста стремление к одобрению товарищей часто выражено даже более сильно, чем стремление к одобрению взрослых: теперь дети больше считаются с мнением и оценкой сверстников, чем с мнением и оценкой учителей. Это новое обстоятельство влечет значительные изменения в социальной ситуации младшего школьника и подготавливает переход к новому этапу возрастного развития ребенка — к подростковому возрасту.

Одной из важнейших черт, характеризующих социальную ситуацию развития в среднем школьном возрасте, является наличие уже достаточно сложившегося коллектива сверстников, в котором дети стремятся найти и занять свое место. Типичным для подростков является желание завоевать авторитет и признание товарищей, что создает у подростка ярко выраженную потребность как можно лучше ответить их требованиям. Таким образом, в среднем школьном возрасте важнейшим фактором психического развития становятся требования коллектива и его общественное мнение.

Общение со сверстниками, сравнение себя с другими при наличии уже достаточно развитых познавательных возможностей детей среднего школьного возраста приводят к тому, что важнейшим содержанием их психического развития становится развитие самосознания. У подростков возникает интерес к своей собственной личности, к выявлению своих возможностей и их оценке. В результате на протяжении среднего школьного возраста у подростков складывается относительно устойчивая самооценка и основан-

ный на ней уровень притязаний. Это порождает новую потребность быть не только на уровне требований окружающих, но и на уровне собственных требований и собственной самооценки. Как показывают исследования, неспособность удовлетворить эти притязания, необходимость снижения самооценки ведут к острым аффективным переживаниям, свидетельствующим о значении для детей указанной потребности. Особенно сильно такого рода переживания выражены в среднем школьном возрасте.

Исследования показали также, что количество детей, ориентирующихся на самооценку, последовательно увеличивается в ходе возрастного развития ребенка.

Еще одной важной особенностью социальной ситуации развития подростка, накладывающей отпечаток на весь его нравственно-психологический облик, является расхождение между объективным положением школьника и его внутренней позицией. Уровень психического развития, которого достигает подросток в соотношении с мало изменяющимся характером его жизни и деятельности, порождает в этом возрасте особый комплекс потребностей, выражающийся в стремлении выйти за рамки школы и приобщиться к жизни и деятельности взрослых. В психологии эта черта обычно обозначается в понятиях: «стремления к взрослости», «к самостоятельности», «к самоутверждению». Неудовлетворенность этого стремления создает у подростков типичные для этого возраста аффективные переживания, часто вызывающие у него конфликты с окружающей средой, а иногда и с самим собой. Данные, полученные в воспитательной работе с учащимися (Т. Е. Конникова), свидетельствуют, что создание подростком особой позиции в коллективе и приобщение их к участию в общественно ценных делах взрослых могут не только снять аффективные переживания и конфликты, имеющие место в этом возрасте, но и создать у подростков подъем жизнедеятельности, вызвать положительные переживания и возбудить их творческую активность.

Значительный качественный сдвиг в психическом развитии происходит в старшем школьном возрасте, где определяющим фактором этого развития становится формирование научного и морального мировоззрения. На этом возрастном этапе собственные задачи и требования школьника, связанные в единую систему и воплощенные в некоторый нравственный образец, не только становятся побудителями его поведения, но и выполняют функцию организации всех других его потребностей и стремлений.

Чтобы понять решающую роль в формировании личности особенностей мотивационной сферы, возникших в старшем школьном возрасте, необходимо учесть некоторые данные о развитии самой этой сферы.

В результате нашей работы мы пришли к следующим предварительным выводам относительно характера человеческих потребностей и их развития. Мы полагаем, что потребности человека различаются не только по своему содержанию и динамическим

свойствам (сила, устойчивость и пр.), но и по своему строению: одни из них имеют прямой, непосредственный характер, другие — опосредствованы целью или сознательно принятым намерением.

Строение потребностей определяет и способ, каким они побуждают человека к действию. В первом случае побуждение идет прямо от потребности к действию и связано с непосредственным желанием выполнить данное действие. Наиболее отчетливо такого рода побуждения представлены в органических потребностях человека. Во втором случае (где имеет место опосредствованное строение потребностей) побуждение идет от сознательно поставленной цели и не только не совпадает с непосредственными желаниями человека, но может находиться к ним в антагонистическом отношении. Опосредствованные побуждения возникают в тех случаях, когда какая-либо достаточно сильная и устойчивая потребность не может быть удовлетворена прямо, а предполагает промежуточные действия, выполнять которые у ребенка нет непосредственного желания.

Таким образом, побуждения, идущие от сознательно поставленной цели или принятого намерения, свидетельствуют о том, что цель стала звеном в удовлетворении непосредственной потребности человека и тем самым сделала опосредствованным способ ее удовлетворения. Характерной особенностью опосредствованной потребности является то, что цель, поставленная человеком (или принятая им), будучи связана с возможностью удовлетворения его непосредственной потребности, приобретает способность побуждать деятельность, не имеющую своей собственной побудительной силы.

Сказанное свидетельствует о том, что вместе с развитием ребенка потребности не только увеличиваются в своем числе, не только обогащаются и изменяются по своему содержанию, но и сами развиваются. Так же, как и другие психические процессы, они из непосредственных превращаются в опосредствованные, приобретая сознательный и произвольный характер.

Таким образом, возникновение опосредствованных потребностей (т. е. побуждений, идущих от сознательно поставленной цели) характеризует такой этап в развитии мотивационной сферы субъекта, который делает для него возможным сознательное управление своими потребностями и стремлениями.

Возвращаясь к психологической характеристике старшего школьника, мы можем теперь понять ту психологическую функцию, которую выполняет в формировании его личности складывающееся мировоззрение, и прежде всего система его моральных взглядов и убеждений. Моральное мировоззрение воплощает в себе нравственные стремления школьников и таким образом организует и сами эти побуждения, и связанное с ними поведение учащихся.

Моральное мировоззрение начинает складываться задолго до старшего школьного возраста. Оно подготавливается, в част-

ности, ра-
торых он
расте мор-
устойчиву
становит
опосредст
оключаю

ности, развитием у подростков идеальных образов людей, на которых они хотели бы походить. Однако только в юношеском возрасте моральное мировоззрение начинает представлять собой такую устойчивую систему нравственных идеалов и принципов, которая становится постоянно действующим нравственным побудителем, опосредствующим все их поведение, деятельность, отношение к окружающей действительности и к самому себе.

Эльконин Даниил Борисович (род. 29 февраля 1904) — советский психолог, один из крупнейших специалистов в области детской психологии, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР, зав. лабораторией диагностики психического развития школьника Института психологии АПН в Москве. Первые исследования Эльконина, касавшиеся проблем психического развития ребёнка, были выполнены под руководством Л. С. Выготского.

В дальнейшем Эльконин работал в тесном сотрудничестве с группой А. Н. Леонтьева, принимая активное участие в разработке проблемы деятельности и её роли в психическом развитии ребёнка, а также проблем формирования умственных действий. Эльconiным выполнены фундаментальные исследования детской игры и речи,

психологических особенностей детей младшего школьного и подросткового возраста. Проведенные Эльconiным совместно с В. В. Давыдовым исследования возрастных возможностей усвоения знаний привели к новому пониманию психологических основ обучения и к разработке экспериментальных программ и методов обучения, обеспечивающих полноценное усвоение детьми научных понятий и воспитание собственно теоретического мышления, начиная с первого класса школы. Соч.: Детская психология. М., 1960; Букварь. 2-е изд., Ч. 1. М., 1969, Ч. 2. М., 1972; Возрастные возможности усвоения знаний (ред.). М., 1966; Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков (совм. с Т. В. Драгуновой). М., 1967; Психология обучения младшего школьника. М., 1974; Психология игры. М., 1978.

Д. Б. Эльконин

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ¹

Общественные способы действий с предметами не даны непосредственно как некоторые физические характеристики вещей. На предмете не написаны его общественное происхождение, способы действий с ним, способы и средства его воспроизведения. Поэтому овладение таким предметом невозможно путем адаптации, путем простого «уравновешивания» с его физическими свойствами. Внутренне необходимым становится особый процесс усвоения ребёнком общественных способов действий с предметами. При этом физические свойства вещи выступают лишь как ориентиры для действий с нею.

При усвоении общественно выработанных способов действий с предметами происходит формирование ребенка как члена обще-

¹ Вопр. психологии, 1971, № 4.

ства, включая его интеллектуальные, познавательные и физические силы. Для самого ребенка (как, впрочем, и для взрослых людей, непосредственно не включенных в организованный процесс воспитания и обучения) это развитие представлено прежде всего как расширение сферы и повышение уровня овладения действиями с предметами. Именно по этому параметру дети сравнивают свой уровень, свои возможности с уровнем и возможностями других детей и взрослых. В процессе такого сравнения взрослый открывается ребенку не только как носитель общественных способов действий с предметами, но и как человек, осуществляющий определенные общественные задачи.

Особенности открытия ребенком человеческого смысла предметных действий были показаны в ряде исследований. Так, Я. И. Фрадкина описала то, как на определенном этапе овладения предметными действиями маленький ребенок начинает сравнивать свои действия с действиями взрослого человека. Это находит свое проявление в своеобразном двойном назывании себя одновременно собственным именем и именем взрослого человека. Например, изображая действия взрослого человека, читающего газету или пишущего, ребенок говорит: «Миша-папа», а изображая действия по укладыванию куклы спать заявляет: «Вера-мама». Л. С. Савина в своем исследовании показала, как ребенок, однажды раскрыв человеческий смысл предметных действий, затем цепко держится за него, придавая этот смысл даже простым манипуляциям.

Эти исследования проведены на ограниченном материале развития предметных действий у детей раннего возраста. Но они дают основание предполагать, что овладение способами действий с предметами закономерно приводит ребенка к взрослому человеку как носителю общественных задач деятельности. Каков психологический механизм этого перехода в каждом конкретном случае и на каждом отдельном этапе развития — проблема дальнейших исследований.

Взрослый прежде всего выступает перед ребенком не со стороны случайных и индивидуальных качеств, а как носитель определенных видов общественной по своей природе деятельности, осуществляющей определенные задачи, вступающий при этом в разнообразные отношения с другими людьми и сам подчиняющийся определенным нормам. Но на самой деятельности взрослого человека внешне не указаны ее задачи и мотивы. Внешне она выступает перед ребенком как преобразование предметов и их производство. Осуществление этой деятельности в ее законченной реальной форме и во всей системе общественных отношений, внутри которых только и могут быть раскрыты ее задачи и мотивы, для детей недоступно. Поэтому становится необходимым особый процесс усвоения задач и мотивов человеческой деятельности и тех норм отношений, в которые вступают люди в процессе ее осуществления.

К сожалению, психологические особенности этого процесса исследованы явно недостаточно. Но есть основания предполагать, что усвоение детьми задач, мотивов и норм отношений, существующих в деятельности взрослых, осуществляется через воспроизведение или моделирование этих отношений в собственной деятельности детей, в их сообществах, группах и коллективах. Примечательно то, что в процессе этого усвоения ребенок сталкивается с необходимостью овладения новыми предметными действиями, без которых нельзя осуществить деятельность взрослых. Таким образом, взрослый человек выступает перед ребенком как носитель новых и все более сложных способов действий с предметами, общественно выработанных эталонов и мер, необходимых для ориентации в окружающей действительности.

Итак, деятельность ребенка внутри систем «ребенок — общественный предмет» и «ребенок — общественный взрослый» представляет единый процесс, в котором формируется его личность.

Изложенные теоретические положения имеют прямое отношение к проблеме периодизации психического развития ребенка. Обратимся к фактическим материалам, накопленным в детской психологии. Из всего богатства исследований, проведенных психологами за последние 20—30 лет, мы выберем те, которые обогатили наши знания об основных типах деятельности детей. Рассмотрим кратко главные из них.

1. До самого последнего времени не было ясности относительно предметно-содержательной характеристики деятельности младенцев. В частности, не был ясен вопрос о том, какая деятельность является в этом возрасте ведущей. Одни исследователи (Л. И. Божович и др.) считали первичной потребность ребенка во внешних раздражителях, а поэтому наиболее важным моментом — развитие у него ориентировочных действий. Другие (Ж. Пиаже и др.) основное внимание обращали на развитие сенсомоторно-манипулятивной деятельности. Третьи (Г. Л. Розенгард-Пупко) указывали на важнейшее значение общения младенца со взрослыми.

В последние годы исследования М. И. Лисиной и ее сотрудников убедительно показали существование у младенцев особой деятельности общения, носившего непосредственно-эмоциональную форму. «Комплекс оживления», возникающий на третьем месяце жизни и ранее рассматривавшийся как простая реакция на взрослого (наиболее яркий и комплексный раздражитель), в действительности является сложным по составу действием, имеющим задачу общения со взрослыми и осуществляемым особыми средствами. Важно отметить, что это действие возникает задолго до того, как ребенок начинает манипулировать с предметами, до формирования акта хватания. После формирования этого акта и манипулятивной деятельности, осуществляемой со взрослыми, действия общения не растворяются в совместной деятельности, не сливаются с практическим взаимодействием со взрослыми, а сохраняют свое особое содержание и средства. Эти и другие иссле-

дования показали, что дефицит эмоционального общения (как, вероятно, и его избыток) оказывает решающее влияние на психическое развитие в этот период.

Таким образом, есть основания предполагать, что непосредственно-эмоциональное общение со взрослым представляет собой ведущую деятельность младенца, на фоне и внутри которой формируются ориентировочные и сенсомоторно-манипулятивные действия.

2. В этих же исследованиях был установлен переход ребенка — на границе раннего детства — к собственно предметным действиям, т. е. к овладению общественно выработанными способами действий с предметами. Конечно, овладение этими действиями невозможно без участия взрослых, которые показывают их детям, выполняют их совместно с детьми. Взрослый выступает хотя как и главный, но все же лишь как элемент ситуации предметного действия. Непосредственное эмоциональное общение с ним отходит здесь на второй план, а на первый выступает деловое практическое сотрудничество. Ребенок занят предметом и действием с ним. Эту связность ребенка полем непосредственного действия неоднократно отмечал ряд исследователей. Здесь наблюдается своеобразный «предметный фетишизм»: ребенок как бы не замечает взрослого, который «закрит» предметом и его свойствами.

Многие исследования советских и зарубежных авторов показали, что в этот период происходит интенсивное овладение предметно-орудийными операциями. В этот период формируется так называемый «практический интеллект». Детальные исследования генезиса интеллекта у детей, проведенные Ж. Пиаже и его сотрудниками, показывают также, что именно в этот период происходит развитие сенсомоторного интеллекта, подготавливающего возникновение символической функции.

Итак, есть основания полагать, что именно предметно-орудийная деятельность, в ходе которой происходит овладение общественно выработанными способами действий с предметами, является ведущей в раннем детстве.

Этому на первый взгляд противоречит факт интенсивного развития в этот период вербальных форм общения ребенка со взрослыми. Из бессловесного существа, пользующегося для общения со взрослыми эмоционально-мимическими средствами, ребенок превращается в говорящее существо, пользующееся относительно богатым лексическим составом и грамматическими формами. Однако анализ речевых контактов ребенка показывает, что речь используется им главным образом для налаживания сотрудничества со взрослыми внутри совместной предметной деятельности. Иными словами, она выступает как средство деловых контактов ребенка со взрослым. Более того, есть основания думать, что сами предметные действия, успешность их выполнения являются для ребенка способом налаживания общения со взрослыми. Само общение опосредуется предметными действиями ребенка. Следовательно,

факт интенсивного развития речи как средства налаживания сотрудничества со взрослыми не противоречит положению о том, что ведущей деятельностью в этот период все же является предметная деятельность, внутри которой происходит усвоение общественно выработанных способов действий с предметами.

3. После работ Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и других в советской детской психологии твердо установлено, что в дошкольном возрасте ведущей деятельностью является игра в ее наиболее развернутой форме (ролевая игра). Значение игры для психического развития детей дошкольного возраста многосторонне. Главное ее значение состоит в том, что благодаря особым игровым приемам (принятию ребенком на себя роли взрослого человека и его общественно-трудовых функций, обобщенному изобразительному характеру воспроизведения предметных действий и переносу значений с одного предмета на другой и т. д.) ребенок моделирует в ней отношения между людьми. На самом предметном действии, взятом изолированно, «не написано», ради чего оно осуществляется, каков его общественный смысл, его действительный мотив. Только тогда, когда предметное действие включается в систему человеческих отношений, в нем раскрывается его подлинно общественный смысл, его направленность на других людей. Такое «включение» и происходит в игре. Ролевая игра выступает как деятельность, в которой происходит ориентация ребенка в самых общих, в самых фундаментальных смыслах человеческой деятельности. На этой основе у ребенка формируется стремление к общественно значимой и общественно оцениваемой деятельности, которое является основным моментом готовности к школьному обучению. В этом заключается основное значение игры для психического развития, в этом заключается ее ведущая функция.

4. Л. С. Выготский в самом начале 30-х годов выдвинул положение о ведущем значении обучения для умственного развития детей школьного возраста. Конечно, не всякое обучение оказывает такое влияние на развитие, а только «хорошее». Качество обучения все более начинает оцениваться именно по тому воздействию, которое оно оказывает на интеллектуальное развитие ребенка. По вопросу о том, каким образом обучение влияет на умственное развитие, психологами проведено большое количество исследований. Здесь обозначились различные взгляды, которые нет возможности специально рассматривать в данной статье. Отметим лишь, что большинство исследователей, как бы они ни представляли себе внутренний механизм такого влияния, какое бы значение ни приписывали разным сторонам обучения (содержанию, методике, организации), сходятся на признании ведущей роли обучения в умственном развитии детей младшего школьного возраста.

Учебная деятельность детей, т. е. та деятельность, в процессе которой происходит усвоение новых знаний и управление которой составляет основную задачу обучения, является ведущей деятель-

ностью в э
исходит ин
вательных
ется и тем
ребенка с
ния в семе
5. Выде
развития пр
для подрост
ле. Успехи
основными
С переходом
ния, с внеш
нений. Одна
в психологи
Естествен
условиях жи
возрасту ис
в этот пери
оказывает в
это влияние
связанные с
половое соз
через отноше
себя со взро
всего компле
В последн
вом Т. В. Д
в подростково
ность, заключ
между подрост
общения. Ее
имеют место
в том, что о
как человек с
коллективной
отношений св
общении отно
уважения, но
жизни. Эта сф
ковом периоде
группе подрост
тех личных от
раженной фор
ности подрост
воспроизводит
ших между вз
Деятельнос

ностью в этот период. В процессе ее осуществления ребенком происходит интенсивное формирование его интеллектуальных и познавательных сил. Ведущее значение учебной деятельности определяется и тем, что через нее опосредствуется вся система отношений ребенка с окружающими взрослыми вплоть до личностного общения в семье.

5. Выделение ведущей деятельности подросткового периода развития представляет большие трудности. Они связаны с тем, что для подростка основной деятельностью остается его учение в школе. Успехи и неудачи в школьном учении продолжают оставаться основными критериями оценки подростков со стороны взрослых. С переходом в подростковый возраст, в нынешних условиях обучения, с внешней стороны также не происходит существенных изменений. Однако именно переход к подростковому периоду выделен в психологии как наиболее критический.

Естественно, что при отсутствии каких-либо перемен в общих условиях жизни и деятельности причину перехода к подростковому возрасту искали в изменениях самого организма, в наступающем в этот период половом созревании. Конечно, половое развитие оказывает влияние на формирование личности в этот период, но это влияние не является первичным. Как и другие изменения, связанные с ростом интеллектуальных и физических сил ребенка, половое созревание оказывает свое влияние опосредствованно, через отношения ребенка к окружающему миру, через сравнение себя со взрослыми и другими подростками, т. е. только внутри всего комплекса происходящих изменений.

В последние годы в исследованиях, проведенных под руководством Т. В. Драгуновой и Д. Б. Эльконина, было установлено, что в подростковом возрасте возникает и развивается особая деятельность, заключающаяся в установлении интимно-личных отношений между подростками. Эта деятельность была названа деятельностью общения. Ее отличие от других форм взаимоотношений, которые имеют место в деловом сотрудничестве товарищей, заключается в том, что основным ее содержанием является другой подросток, как человек с определенными личными качествами. Во всех формах коллективной деятельности подростков наблюдается подчинение отношений своеобразному «кодексу товарищества». В личном же общении отношения могут строиться не только на основе взаимного уважения, но и на основе полного доверия и общности внутренней жизни. Эта сфера общей жизни с товарищем занимает в подростковом периоде особо важное место. Формирование отношений в группе подростков на основе «кодекса товарищества» и особенно тех личных отношений, в которых этот «кодекс» дан наиболее выраженной формой, имеет важное значение для формирования личности подростка. «Кодекс товарищества» по своему содержанию воспроизводит наиболее общие нормы взаимоотношений, существующих между взрослыми людьми в данном обществе.

Деятельность общения является здесь своеобразной формой

воспроизведения в отношениях между сверстниками тех отношений, которые существуют среди взрослых людей. В процессе общения происходит углубленная ориентация в нормах этих отношений и их освоение.

Таким образом, есть основания полагать, что ведущей деятельностью в этот период развития является деятельность общения, заключающегося в построении отношений с товарищами на основе определенных морально-этических норм, которые опосредствуют поступки подростков.

Дело, однако, не только в этом. Построенное на основе полного доверия и общности внутренней жизни, личное общение является той деятельностью, внутри которой оформляются общие взгляды на жизнь, на отношения между людьми, на свое будущее — одним словом, формируются личные смыслы жизни. Тем самым в общении формируется самосознание как «социальное знание, перенесенное внутрь» (Л. С. Выготский). Благодаря этому создаются предпосылки для возникновения новых задач и мотивов дальнейшей собственной деятельности, которая превращается в деятельность, направленную на будущее и приобретающую в связи с этим характер профессионально-учебной.

В кратком обзоре мы могли представить только самые важные факты, касающиеся содержательно-предметных характеристик ведущих типов деятельности, выделенных к настоящему времени. Эти характеристики позволяют разделить все типы на две большие группы.

В первую группу входят деятельности, внутри которых происходят интенсивная ориентация в основных смыслах человеческой деятельности и освоение задач, мотивов и норм отношений между людьми. Это деятельности в системе «ребенок — общественный взрослый». Конечно, непосредственно-эмоциональное общение младенца, ролевая игра и интимно-личное общение подростков существенно различаются по своему конкретному содержанию, по глубине проникновения ребенка в сферу задач и мотивов деятельности взрослых, представляя собой своеобразную лестницу последовательного освоения ребенком этой сферы. Вместе с тем они общи по своему основному содержанию. При осуществлении именно этой группы деятельности происходит преимущественное развитие у детей мотивационно-потребностной сферы.

Вторую группу составляют деятельности, внутри которых происходит усвоение общественно выработанных способов действий с предметами и эталонов, выделяющих в предметах те или иные их стороны. Это деятельности в системе «ребенок — общественный предмет». Конечно, разные виды этой группы существенно отличаются друг от друга. Манипулятивно-предметная деятельность ребенка раннего возраста и учебная деятельность младшего школьника, а тем более учебно-профессиональная деятельность старших подростков внешне мало похожи друг на друга. В самом деле, что общего между овладением предметным действием с ложкой

или стакан
существенн
элементы
ние и общ
предшеств
ботанных
более гл
мировани
компонент
Необход

деятельност
период, то
вляется ра
дый перио
она осуще
виды деяте
Их возник
существова
шений реб
богатými.

Если ра
по группам
ведущими,

Неп
пред
рол
учеб
инти
учеб

Таким о
роны, пери
задач, моти
развитие м
периоды, в
ственно выр
основе фор
их операцио

Рассмотр
позволяет с
психического
щейся смене
рые происхо
ностной сфер
имущественно
стей детей. В
формирование
закономерно
вационно-потр

или стаканом и овладением математикой или грамматикой? Но существенно общим в них является то, что все они выступают как элементы человеческой культуры. Они имеют общее происхождение и общее место в жизни общества, представляя собой итог предшествующей истории. На основе усвоения общественно выработанных способов действий с этими предметами происходят все более глубокая ориентировка ребенка в предметном мире и формирование его интеллектуальных сил, становление ребенка как компонента производительных сил общества.

Необходимо подчеркнуть, что когда мы говорим о ведущей деятельности и ее значении для развития ребенка в тот или иной период, то это вовсе не означает, будто одновременно не осуществляется развитие по другим направлениям. Жизнь ребенка в каждый период многогранна, и деятельности, посредством которых она осуществляется, многообразны. В жизни возникают новые виды деятельности, новые отношения ребенка к действительности. Их возникновение и их превращение в ведущие не отменяет прежде существовавших, а лишь меняет их место в общей системе отношений ребенка к действительности, которые становятся все более богатыми.

Если расположить выделенные нами виды деятельности детей по группам в той последовательности, в которой они становятся ведущими, то получится следующий ряд:

Непосредственно-эмоциональное общение	— первая группа,
предметно-манипулятивная деятельность	— вторая группа,
ролевая игра	— первая группа,
учебная деятельность	-- вторая группа,
интимно-личное общение	— первая группа,
учебно-профессиональная деятельность	— вторая группа.

Таким образом, в детском развитии имеют место, с одной стороны, периоды, в которые происходит преимущественное освоение задач, мотивов и норм отношений между людьми и на этой основе развитие мотивационно-потребностной сферы, с другой стороны, периоды, в которые происходит преимущественное освоение общественно выработанных способов действий с предметами и на этой основе формирование интеллектуально-познавательных сил детей, их операционно-технических возможностей.

Рассмотрение последовательной смены одних периодов другими позволяет сформулировать гипотезу о периодичности процессов психического развития, заключающейся в закономерно повторяющейся смене одних периодов другими. Вслед за периодами, в которые происходит преимущественное развитие мотивационно-потребностной сферы, закономерно следуют периоды, в которые идет преимущественное формирование операционно-технических возможностей детей. Вслед за периодами, в которые идет преимущественное формирование операционно-технических возможностей детей, закономерно следуют периоды преимущественного развития мотивационно-потребностной сферы.

В советской и зарубежной детской психологии накоплен значительный материал, дающий основание для выделения двух резких переходов в психическом развитии детей. Это, во-первых, переход от раннего детства к дошкольному возрасту, известный в литературе как «кризис трех лет», и, во-вторых, переход от младшего школьного возраста к подростковому, известный в литературе под названием «кризиса полового созревания». Сопоставление симптоматики этих двух переходов показывает наличие между ними большого сходства. В обоих переходах имеют место появление тенденции к самостоятельности и ряд негативных проявлений, связанных с отношениями со взрослыми. При введении этих переломных точек в схему периодов детского развития мы получим общую схему периодизации детства на эпохи, периоды и фазы.

Каждая эпоха состоит из закономерно связанных между собой двух периодов. Она открывается периодом, в котором преимущественно осуществляются усвоение задач, мотивов и норм человеческой деятельности и развитие мотивационно-потребностной сферы. Здесь подготавливается переход ко второму периоду, в котором происходят преимущественное усвоение способов действий с предметами и формирование операционно-технических возможностей.

Все три эпохи построены по одному и тому же принципу и состоят из закономерно связанных двух периодов. Переход от одной эпохи к следующей происходит при возникновении несответствия между операционно-техническими возможностями ребенка и задачами и мотивами деятельности, на основе которых они формировались. Переходы от одного периода к другому и от одной фазы к другой внутри периода изучены в психологии очень слабо.

В чем теоретическое и практическое значение гипотезы о периодичности процессов психического развития и построенной на ее основе схемы периодизации?

Во-первых, ее основное теоретическое значение мы видим в том, что она позволяет преодолеть существующий в детской психологии разрыв между развитием мотивационно-потребностной и интеллектуально-познавательной сторон личности, позволяет показать противоречивое единство этих сторон развития личности. Во-вторых, эта гипотеза дает возможность рассмотреть процесс психического развития не как линейный, а как идущий по восходящей спирали. В-третьих, она открывает путь к изучению связей, существующих между отдельными периодами, к установлению функционального значения всякого предшествующего периода для наступления последующего. В-четвертых, наша гипотеза направлена на такое расчленение психического развития на эпохи и стадии, которое соответствует внутренним законам этого развития, а не каким-либо внешним по отношению к нему факторам.

Практическое значение гипотезы состоит в том, что она помогает приблизиться к решению вопроса о сензитивности отдельных периодов детского развития к определенному типу воздействий, помогает

по-новому
щей систем
вытекающе
ся разрыв
вать боле
ствует не
должен бы
теме.

по-новому подойти к проблеме связи между звеньями существующей системы образовательных учреждений. Согласно требованиям, вытекающим из этой гипотезы, там, где в системе наблюдается разрыв (дошкольные учреждения — школа), должна существовать более органичная связь. Наоборот, там, где ныне существует непрерывность (начальные классы — средние классы), должен быть переход к новой воспитательно-образовательной системе.

Массен (Mussen) Пауль (род. 21 марта 1922) — американский психолог, профессор университета Беркли в Калифорнии (с 1956). Основные работы Массена посвящены исследованию развития ребёнка, отношений между детьми и родителями, а также проблеме культура и личность. Соч.: Child Development and Personality (совм. с J. Conger, J. Kagan). **Конгер (Conger) Джон** (род. 27 февраля 1921) — американский психолог, профессор Колорадского университета (с 1957). Известен своими работами в области психопатологии, психосоматики, развития личности детей и подростков. Соч.: Adolescence and youth: psy-

chological development in changing world. N. Y., 1973; Child development and personality (совм. с P. Mussen), 4-th ed. N. Y., 1974.

Каган (Kagan) Джером (род. 25 февраля 1929) — американский психолог, президент (с 1963) отделения психологии развития американской психологической ассоциации, профессор психологии Гарвардского университета (с 1964).

Д. Каган известен исследованиями детского мышления, умственного развития детей, диагностики психического развития ребёнка и др. Соч.: Birth to Maturity (совм. с H. Moss), 1962; Development and Personality (совм. с P. H. Mussen, J. Conger), 1963.

П. Массен, Дж. Конгер, Дж. Каган и Дж. Гивитц

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В СРЕДНЕМ ВОЗРАСТЕ¹

Главная дилемма развития у взрослого человека средних лет в соответствии с точкой зрения Эрика Эриксона (Эриксон, 1963) — это дилемма неуспокоенности². Неуспокоенность в теории Эриксона — это очень широкое понятие, охватывающее как родительские отношения — рождение детей и их воспитание, так и большую часть того, что имеют в виду, говоря о «продуктивности» или «творчестве», — компетентность в той или иной области, способность внести в нее свой вклад. Неуспокоенность, таким образом, понятие, близкое самоактуализации, которую Абрахам Маслоу (Маслоу, 1970) определяет как стремление стать как можно лучше. Самоактуализующиеся люди стараются быть лучшими родителями.

¹ Mussen P., Conger J., Kagan J. and Geiwitz J. Psychological development: A Life Span Approach. N. Y., 1979.

² Термином «неуспокоенность» мы переводим англ. слово «generativity», не считая возможным его прямой перенос в русский язык.

В выбранной и усовершенствованной компетенции, новыми друзьями, партнерами. ства и по настолько со

В той мере перестает растущим. В тя потребности растущим часто начина ственным... благоприятс ская или п заботы о се

Конечно, Каждый по Успешное ра в среднем переходит к проблем бе 1964) рассм лее тесно те, которые о работе, к людей в то

Теория рассмотрен ко и сформ сосредоточи разработат шее число Важно зам чительно на возможно, отражающ этого клас другие ста людей «жи и том же этих стади Вспомн предшеств

В выбранной ими профессии они стремятся сделать все возможное и усовершенствоваться настолько, чтобы достичь высшего уровня компетенции, на который они способны. Они стремятся быть преданными друзьями, заинтересованными гражданами, достойными партнерами. Они работают над тем, чтобы развить свои достоинства и по возможности устранить свои недостатки, дабы стать настолько совершенными, насколько это возможно.

В той мере, в какой личность оказывается «успокоенной», она перестает расти и обогащаться. Последнее Эриксон называет застоем. В тяжелых случаях «наблюдается регрессия к навязчивой потребности в псевдоинтимности, нередко сопровождающейся растущим чувством... личностного опустошения. Люди в этом случае часто начинают потакать себе, как если бы они были своим собственным... и единственным ребенком. И если только условия благоприятствуют тому, преждевременная инвалидность, физическая или психологическая, становится поводом для чрезмерной заботы о себе» (Эриксон, 1963).

Конечно, до известной степени застой можно отметить у каждого. Каждый по временам проявляет инфантильность и потакает себе. Успешное разрешение конфликта между неуспокоенностью и застоем в среднем возрасте означает поэтому только то, что личность переходит к оптимизму через пессимизм и предпочитает решение проблем бесконечным сетованиям на жизнь. Эриксон (Эриксон, 1964) рассматривает работу как человеческую добродетель, наиболее тесно связанную с неуспокоенностью, зрелые люди — это те, которые заботятся о детях, которых они произвели на свет, о работе, которую они выполняют, или о благосостоянии других людей в том обществе, в котором они живут.

СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Теория Эриксона сфокусирована на детских стадиях развития: рассмотрение среднего возраста, которое содержится в ней, кратко и сформулировано в очень общих терминах. Теоретики, которые сосредоточивали свое внимание на среднем возрасте, пытались разработать некоторые из проблем этого возраста, описывая большее число важных вопросов и определяя большее число стадий. Важно заметить, что эти стадии были разработаны почти исключительно на основе изучения белых людей среднего класса. Вполне возможно, что эти стадии представляют критические периоды, отражающие особенности карьеры и стиля жизни людей именно этого класса, и для других популяций могут быть установлены другие стадии. Тем не менее уже то, что у большого числа людей «жизненные кризисы» имеют место приблизительно в одном и том же возрасте, служит основанием для деления и описания этих стадий развития зрелой личности.

Вспомним сначала стадии развития молодых людей, которые предшествуют стадиям среднего возраста. Двадцатилетние обычно

имеют дело с выбором супруга и карьеры, намечают жизненные цели и начинают их осуществление. Позже, около тридцати лет, многие приходят к переоценке своих прежних выборов супруга, карьеры, жизненных целей; иногда дело доходит до развода и смены профессии. Наконец, первые годы после тридцати, как правило, время сживания с новыми или вновь подтверждаемыми выборами.

Кризис середины жизни. Первая стадия среднего возраста начинается около тридцати лет и переходит в начало следующего десятилетия. Эту стадию называют «десятилетием роковой черты» (Ший, 1976) и «кризисом середины жизни» (Джекс, 1965). Ее главной характеристикой является осознание расхождения между мечтами и жизненными целями человека и действительностью его существования. Поскольку же человеческие мечты почти всегда имеют некоторые нереалистические черты, подчас даже фантастические, оценка их расхождения с действительностью на этой стадии окрашена, как правило, в отрицательные и эмоционально-тягостные тона. Время уходит, дабы сделать разрыв между мечтами и действительностью обнаруживающимся вдруг с устрашающей резкостью. Заполняя опросники, люди в возрасте 35—40 лет начинают не соглашаться с такими фразами, как «есть еще уйма времени, чтобы сделать большую часть того, что я хочу». Вместо этого они констатируют: «Слишком поздно что-либо изменить в моей карьере» (Гоулд, 1975). В 20 и в 30 лет человек может быть «подающим надежды» — люди могут сказать о нем: «Вот многообещающий молодой артист, руководитель, психолог или администратор», но после 40 так уже никто не скажет — это время исполнения обещаний. Человек должен принять тот факт, что он никогда уже не станет президентом компании, сенатором, писателем, пользующимся шумным успехом, и даже больше того — что он никогда не станет вице-президентом или незначительным писателем.

Освобождение от иллюзий, которое не является чем-то необычным для 35 или 40 лет, может оказаться угрожающим для личности. Данте так описывал свое собственное смятение в начале десятилетия роковой черты: «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу, путь правый потеряв во тьме долины» (Данте, 1968). Элеонора Рузвельт шесть дней спустя после своего 35-летия выразила свое ощущение хотя и не так поэтично, но не менее сильно: «Не думаю, что я еще когда-нибудь испытаю столь странные чувства, как в минувшем году... Вся моя самоуверенность исчезла вдруг...» (Лэш, 1971). Адвокат Оливер Уэндель Холмс-младший порвал со своей юридической практикой. «Неужели это и будет моей жизнью и впредь, — спросил он себя, — год за годом?» (Боуэн, 1943).

Анализ жизни художников и артистов (Джекс, 1965) почти в каждом случае обнаруживает те или иные драматические изменения в их творчестве где-то около 35 лет. Некоторые из них, как например Гоген, начали творческую работу в это время. Другие,

однако, наоборот, около 35 лет утратили свои творческие способности или мотивации, и многие из них умерли. Частота смерти художников и артистов между 35 и 39 годами ненормально возрастает. Те же из них, кто переживает это свое десятилетие роковой черты, сохраняя творческий потенциал, обычно обнаруживают значительные изменения в характере творчества. Часто эти изменения касаются интенсивности их работы: например, блестящая импульсивность уступает место более зрелому и свободному творчеству. Действительно, одна из причин кризиса середины жизни у артистов и художников в том, что «импульсивный блеск» молодости требует больших жизненных сил. Хотя бы отчасти это физические силы, так что никто не может сохранять их беспрестанно. В 35 или в 40 лет ведущий напряженную жизнь артист (или руководитель, или профессор) должен изменить темп своей жизни и не так «выкладываться». Таким образом, проблема убывающих физических сил неизбежно возникает в жизни человека любой профессии.

Главные проблемы. Убывание физических сил и привлекательности — одна из многих проблем, с которыми сталкивается человек в годы кризиса среднего возраста и потом (Пек, 1968). Для тех, кто полагался на свои физические качества, когда был моложе, средний возраст может стать периодом тяжелой депрессии. Истории красивых мужчин и очаровательных женщин, борющихся с разрушительным действием времени, стали банальностью. Стихийное бедствие падающих физических сил поражает людей неожиданно широкого круга профессий, включая, как мы видели, художников и артистов. Университетские профессора с сожалением припоминают свою способность проводить в студенческие годы несколько дней без сна, если того требовало важное дело. Многие люди просто жалуются на то, что они начинают слишком часто уставать. Хотя хорошо продуманная программа ежедневных упражнений и соответствующая диета оказывают свое действие, большинство людей в среднем возрасте начинают все больше и больше полагаться на «мозги», а не на «мышцы». Они находят новые преимущества в знании, аккумулирующем жизненный опыт; они приобретают мудрость.

Второй главный вопрос среднего возраста — это сексуальность. У среднего человека наблюдаются некоторые отклонения в интересах, способности и возможности, особенно по мере того, как подрастают дети. Многие люди поражаются тому, сколь большую роль играла сексуальность в их отношениях с людьми, когда они были моложе. С другой стороны, в художественной литературе встречается немало примеров того, как мужчина или женщина средних лет продолжают рассматривать каждого человека противоположного пола как потенциального сексуального партнера, взаимодействуя с ним только в одном измерении — «притяжения-отталкивания», а людей одного с ним пола рассматривают как «соперников». В более удачных случаях достижения зрелости другие

люди принимаются как личности, как потенциальные друзья. «Социализация» замещает в отношениях с людьми «сексуализацию», и эти отношения нередко обретают «ту глубину взаимопонимания, которую прежняя, более эгоцентрическая сексуальная установка до известной степени блокировала» (Пек, 1968)

Согласие в среднем возрасте требует значительной гибкости. Один важный вид гибкости включает «способность изменять эмоциональный вклад от человека к человеку и от деятельности к деятельности» (Там же). Эмоциональная гибкость необходима, конечно, в любом возрасте, но в среднем возрасте она становится особенно важной по мере того как умирают родители, подрастают и покидают дом дети. Неспособность к эмоциональной отдаче по отношению к новым людям и новым занятиям ведет к такого рода застою, который описал Эриксон.

Другой вид гибкости, который также необходим для удачного достижения зрелости, — это «духовная гибкость». Среди людей зрелого возраста существует известная тенденция к растущей ригидности в их взглядах и действиях, к тому, чтобы делать свои умы закрытыми для новых идей. Эта умственная жесткость должна быть преодолена или она перерастет в нетерпимость или фанатизм. Кроме того, жесткие установки ведут к ошибкам и к неспособности воспринимать творческие решения проблем.

Стабилизация. Успешное разрешение кризиса среднего возраста включает обычно переформулировку целей в рамках более реалистичной и сдержанной точки зрения и осознание ограниченности времени жизни всякого человека. Супруг, друзья и дети приобретают все большее значение, тогда как собственное «Я» все более лишается своего исключительного положения (Гоулд, 1972). Наблюдается все усиливающаяся тенденция довольствоваться тем, что есть, и меньше думать о вещах, которые скорее всего никогда не удастся достичь. Отмечается отчетливая тенденция чувствовать свое собственное положение вполне приличным. Все эти изменения знаменуют собой следующую стадию развития личности, период «новой стабильности» (Гоулд, 1975).

Для многих процесс обновления, который начинается тогда, когда они оказываются перед лицом своих иллюзий и упадка физических сил, в конце концов приводит их к более спокойной и даже более счастливой жизни (Ший, 1976). После 50-ти проблемы здоровья становятся более насущными и возникает растущее сознание того, что «время уходит». Если не считать, однако, крупных экономических проблем и проблем, связанных с болезнями, то можно сказать, что 50-е годы жизни человека продолжают те новые формы стабильности, которые были достигнуты в течение предыдущего десятилетия.

Зейгарник Бл
ноября 1900
доктор психол
сор психологи
крупнейший
патопсихологи
Свое первое ис
зависимость п
тивационной с
нила в Берл
немецкого пси
1931 г. работа
кой клинике Ин
ной медицины
сотрудником Л

Б. В. Зейгарник

Мы не можем
какую-нибудь
Остановимся
можно прове
понятиях. К
дованности, и
Усложнение
роение начин
всей жизни:
начинают оп
ходит подчин
Наличие в
дополнительн
Однако без в
личностного с

Фрагменты из
статьи Б. В. Зейгарник
Моск. ун-та. Се

Зейгарник Блюма Вульфовна (род. 9 ноября 1900) — советский психолог, доктор психологических наук, профессор психологического факультета МГУ, крупнейший специалист в области патопсихологии.

Свое первое исследование, выявляющее зависимость памяти от динамики мотивационной сферы, Зейгарник выполнила в Берлине под руководством немецкого психолога К. Левина. С 1931 г. работала в психоневрологической клинике Института экспериментальной медицины, являясь ближайшим сотрудником Л. С. Выготского. С 1945

по 1975 г. Зейгарник возглавляла лабораторию патопсихологии Института психиатрии МЗ РСФСР. С 1967 — профессор кафедры медицинской психологии психологического факультета МГУ. Исследования Зейгарник затрагивают основные проблемы патопсихологии: соотношение развития и распада психики, патологии мышления, памяти и личности.

Соч.: Патология мышления. М., 1962; Введение в патопсихологию. М., 1969; Личность и патология деятельности. М., 1971; Основы патопсихологии. М., 1973; Патопсихология. М., 1976.

Б. В. Зейгарник

О ПАТОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ¹

Мы не можем на современном этапе наших исследований дать какую-нибудь обоснованную классификацию нарушений личности. Остановимся лишь на тех личностных изменениях, анализ которых можно провести в наиболее разработанных в нашей психологии понятиях. К ним следует отнести прежде всего нарушение опосредованности, иерархии мотивов.

Усложнение мотивов, их опосредование и иерархическое построение начинаются еще в детстве и происходят дальше в течение всей жизни: мотивы теряют свой непосредственный характер, они начинают опосредоваться сознательно поставленной целью, происходит подчинение одних мотивов другим.

Наличие ведущих мотивов не устраняет необходимости мотивов дополнительных, непосредственно стимулирующих поведение. Однако без ведущих мотивов содержание деятельности лишается личностного смысла. Именно этот ведущий мотив обеспечивает

¹ Фрагменты из кн. Б. В. Зейгарник «Основы патопсихологии» (М., 1973) и из статьи Б. В. Зейгарник «К вопросу о механизмах развития личности» (Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология, 1979, № 1).

возможность опосредования и иерархии мотивов. Иерархия мотивов является относительно устойчивой и этим обуславливает относительную устойчивость всей личности, ее интересов, позиций, ценностей. Смена ведущих мотивов означает собой и смену позиций, интересов, ценностей личности. Наиболее отчетливо эти закономерности можно обнаружить у больных психическими заболеваниями, при которых процесс нарушения мотивов, установок и ценностей происходит достаточно развернуто, позволяя проследить его отдельные этапы. Одной из адекватных моделей такого состояния оказались нарушения личности, выступающие при хроническом алкоголизме. Мы приводим данные из работы Б. С. Братуся (4).

В качестве методического приема в этой работе был применен психологический анализ данных историй болезни в сочетании с экспериментально-психологическим исследованием.

В исследовании Б. С. Братуся имеют место две группы данных: одна из них касается нарушения иерархии мотивов, другая — способов формирования новой потребности (патологической).

Прежде чем привести анализ этих фактов, приведем в качестве иллюстрации данные истории болезни, представленные нам Б. С. Братусем.

Данные истории болезни больного Г., 1924 года рождения. Диагноз: хронический алкоголизм с деградацией личности (история болезни доктора Г. М. Энтина).

В детстве рос и развивался нормально. Был развитым, сообразительным ребенком, любил читать. Окончил школу на отлично и хорошо. По характеру — общительный, жизнерадостный. Учась в школе, одновременно занимался в студии самодеятельности при Доме пионеров. Выступал в клубах, на школьных вечерах. С 1943 года служил в армии. Серьезных ранений и контузий не имел. После войны Г. стал актером гастрольного драматического театра. Исполнял главные роли, пользовался успехом у зрителей. Потом перешел в областную филармонию на должность актера-чтеца. Больной имел много друзей, был «душой компании». Женат с 1948 года, детей нет.

Алкоголь употребляет с 1945 года. Сначала пил редко, по праздникам, в компании. С 1951 года стал пить чаще. Изменяется характер: Г. делается раздражительным, придирчивым к окружающим, прежде всего к родным, циничным, грубым. В 1952 году от больного уходит жена. Причина — злоупотребление алкоголем, изменение характера мужа. Вскоре он женился вторично.

Другим становится отношение больного к работе. Если раньше, по словам Г., каждый концерт «был праздником», то теперь является на концерт в нетрезвом состоянии. Получил за это строгий выговор с предупреждением.

Изменился и характер выпивки: больной отошел от прежних друзей, теперь в большинстве случаев пьет один. Пропивает всю зарплату, не дает денег семье, наоборот, берет у жены деньги «на опохмелку». Летом 1952 года пропил свою шубу.

В 1953 году, по совету жены, обратился к психиатру с просьбой полечить от алкоголизма. Но, не дождавшись начала лечения, запил. По настоянию жены, вторично обратился к психиатру и был направлен в больницу им. Ганнушкина. На приеме больной откровенно рассказывает о себе, очень просит помочь. Подведен обстановкой в отделении, настаивает на скорой выписке, обещает бросить пить.

После выхода из больницы Г. увольняется из областной филармонии, получает направление на работу в другую. Но туда больной не поехал — вскоре запил. Дома устраивал скандалы, требовал денег на водку. Пропил платья жены и ее матери. Для прерывания запоя стационарировался в больницу

им. Ганнушкина. На этот раз у Г. нет полной критики к своему состоянию — частично обвиняет в своем пьянстве жену, обстоятельства.

После выписки Г. сменил профессию — стал шофером. Вскоре начал употреблять алкоголь. В 1954 г. его оставляет вторая жена — он остается один. В состоянии опьянения появились устрашающие галлюцинации, испытывал страхи. С этой симптоматикой был вновь направлен в 1955 году в психиатрическую больницу им. Ганнушкина. В отделении ничем не занят. Круг интересов сужен, не читает газет, не слушает радио. Понимает вред алкоголизма, но находит «объективные» причины каждому запою.

После выхода из больницы Г. опять запил, пропил свои вещи. Поступления в больницу учащаются. Всего за период с 1953 по 1963 год он поступал в больницу 39 раз, через каждые 2—3 месяца.

С трудом устраивается на работу грузчиком, откуда его увольняют за пьянство. Живет один, комната в антисанитарном состоянии, на кровати нет даже постельного белья. Больного никто не навещает, друзей нет.

В работе Б. С. Братуся подробно приводятся данные, характеризующие жизненный путь больного актера. До болезни — это активный человек, живой, общительный. Еще в школе занимался художественной самодеятельностью, а после войны становится актером, пользуется успехом у зрителей, имеет много друзей.

В результате пьянства эти интересы пропадают. Работа актера перестает интересовать больного, больной отходит от друзей, семьи. Изменяются характерологические черты, делается раздражительным, придирчивым к окружающим, прежде всего к родным, циничным, грубым.

Меняется и профессиональная жизненная позиция больного. В прошлом актер, теперь Г. с трудом устраивается на работу грузчиком, всякий раз его увольняют за пьянство.

Иным становится моральный облик больного. Чтобы добыть деньги на водку, он начинает красть вещи жены.

За годы болезни изменяется поведение Г. в больнице. Если при первых поступлениях он удручен своим состоянием, критичен к себе, просит помочь, то в дальнейшем критика становится частичной, наконец полностью исчезает. Больной не тяготится частым пребыванием в психиатрической больнице, в отделении ничем не интересуется, груб, самодоволен, отговаривает других больных от лечения.

Итак, из анамнестических данных истории болезни мы видим снижение личности до ее деградации. Это снижение идет в первую очередь по линии изменений в сфере потребностей и мотивов, разрушения личностных установок, сужения круга интересов. Экспериментально-психологическое исследование не обнаруживает грубых изменений познавательных процессов: больной справляется с заданиями, требующими обобщения, опосредования (классификация объектов, метод исключений, метод пиктограмм). Однако вместе с тем при выполнении экспериментальных заданий, требующих длительной концентрации внимания, умственных усилий, быстрой ориентировки в новом материале, отмечается недостаточная целенаправленность действий и суждений больного, актуализация побочных ассоциаций. Больной часто заменяет свою невозможность ориентировки в задании плоскими шутками.

* * *

Анализ историй болезни подобных больных позволил выделить два вопроса: а) вопрос о формировании патологической потребности, б) вопрос о нарушении иерархии мотивов.

Начнем с первого вопроса. Само собой понятно, что принятие алкоголя не входит в число естественных потребностей человека и само по себе не имеет побудительной силы для человека. Поэтому вначале его употребление вызывается другими мотивами (отметить день рождения, свадьбу). На первых стадиях употребления алкоголя вызывает повышенное настроение, активность, состояние опьянения привлекает многих и как средство облегчения контакта. Со временем может появиться стремление вновь и вновь испытать это приятное состояние: оно начинает опредмечиваться в алкоголе, и человека начинают уже привлекать не сами по себе события (торжества, встреча друзей и т. п.), а возможность употребления алкоголя. Алкоголь становится самостоятельным мотивом поведения, он начинает побуждать самостоятельную деятельность. Происходит процесс, который А. Н. Леонтьев называет «сдвиг мотива на цель», формируется новый мотив, который побуждает к новой деятельности, а следовательно, и новая потребность — потребность в алкоголе. Сдвиг мотива на цель ведет за собой осознание этого мотива. Принятие алкоголя приобретает определенный личностный смысл.

Таким образом, механизм зарождения патологической потребности общий с механизмом ее образования в норме. Однако болезнь создает иные, чем в нормальном развитии, условия для дальнейшего развития этой потребности.

Не безразличным является, очевидно, для всей дальнейшей деятельности человека содержание этой вновь зарождающейся потребности, которая в данном случае противоречит общественным нормативам. Задачи и требования общества, связанные в единую систему и воплощенные в некоторый нравственный эталон, перестают для наших больных выступать в качестве побудителя и организатора поведения. А так как в зависимости от того, что побуждает человека, строятся его интересы, переживания и стремления — изменения в содержании потребностей означают собой и изменения строения личности человека.

У больных меняется не только содержание потребностей и мотивов, меняется и их структура: они становятся все менее опосредованными. Л. И. Божович с полным правом говорит о том, «что потребности различаются не только по своему содержанию и динамическим свойствам (сила, устойчивость и пр.), но и по своему строению: одни из них имеют прямой, непосредственный характер, другие опосредованы целью или сознательно принятым намерением» [3, с. 435]

Только в том случае, когда потребность опосредована созна-

тельно пост
ею со сторо
у описыв
опосредован
управляемы
Опосредо
хическим по
и потребнос
Истории
алкоголизма
Иногда бол
прежней иер
характера.
ность больн

Перестро
ется в само
способе нах
Начинает в
нение этих
ность больн
миру; это
правом Б. С
начинают р
смыслообра

Изменен
утерю слож
теряет спец
ной она с
потребность
доминирую

Теперь м
стороны —
функции мо
зующая фун
вает нередк
действие дол
не побуждае
что такое яв
возраста. Л.
какую-то ро
ными, но их
точные. Однак
перейти в не
Именно эт

тельно поставленной целью, возможно сознательное управление ею со стороны человека.

У описываемых Б. С. Братусем больных отсутствует возможность опосредования сознательной целью, поэтому их потребности не управляемы — они приобретают строение влечений.

Опосредованность потребностей, мотивов связана с их иерархическим построением. Чем больше опосредован характер мотивов и потребностей, тем выраженнее их иерархическая связь.

Истории болезни подобных больных показали, как под влиянием алкоголизма у них разрушается прежняя иерархия мотивов. Иногда больной совершает какие-то действия, руководствуясь прежней иерархией мотивов, но эти побуждения не носят стойкого характера. Главенствующим мотивом, направляющим деятельность больного, становится удовлетворение потребности в алкоголе.

Перестройка иерархии мотивов больных особенно ярко проявляется в самом способе удовлетворения потребности в алкоголе и способе нахождения средств для удовлетворения этой потребности. Начинает выделяться ряд вспомогательных действий. На выполнение этих действий уходит со временем вся сознательная активность больного. В них отражается новое отношение к окружающему миру; это ведет к новым оценкам ситуаций, людей. С полным правом Б. С. Братусь подчеркивает, что со временем все проблемы начинают разрешаться «через алкоголь» и алкоголь становится смыслообразующим мотивом поведения.

Изменение иерархии и опосредованности мотивов означает утерю сложной организации деятельности человека. Деятельность теряет специфически человеческую характеристику: из опосредованной она становится импульсивной. Исчезают дальние мотивы, потребность в алкоголе переходит во влечение, которое становится доминирующим в жизни больного.

* * *

Теперь мы попытаемся подойти к патологии мотивов еще с одной стороны — взаимоотношения смыслообразующей и побудительной функции мотивов. Дело в том, что побудительная и смыслообразующая функция мотивов не всегда выступают прямолинейно. Бывает нередко так, что человек осознает мотив, ради которого действие должно совершиться, но этот мотив остается «знаемым» и не побуждает действия. Л. И. Божович и ее сотрудники показали, что такое явление часто встречается у детей младшего школьного возраста. Л. И. Божович отмечает, что и «знаемые» мотивы играют какую-то роль хотя бы в том, что они «соотносятся» с дополнительными, но их смыслообразующая и побудительная функции недостаточны. Однако при определенных условиях «знаемые» мотивы могут перейти в непосредственно действующие.

Именно это слияние обеих функций мотива — побуждающей и

смыслообразующей — придает деятельности человека характер сознательно регулируемой деятельности. Ослабление и искажение этих функций — смыслообразующей и побудительной — приводят к нарушениям деятельности.

Как показали исследования М. М. Коченова [6], это выражается в одних случаях в том, что смыслообразующая функция мотива ослабляется, мотив превращается только в знаемый. Так, больной знает, что к близким надо хорошо относиться, но при этом он живет на средства престарелой матери, ничего не делая.

В других случаях выступало сужение круга смысловых образований. Это выражалось в том, что мотив, сохраняя до известной степени побудительную силу, придавал смысл относительно меньшему кругу явлений, чем до заболевания. В результате многое из того, что ранее имело для больного личностный смысл (например, учеба, работа, дружба, отношение к родителям и т. д.), постепенно теряется им. В результате теряется и побудительная сила мотива.

М. М. Коченов приводит в качестве примера больного М., который в течение нескольких лет готовился к поступлению в институт, но не поступил в него, так как проспал экзамен; другой больной тратил всю свою зарплату на покупку радиодеталей, но не собрал ни одного приемника. Такого рода нарушения обнаружились у больных простой формой шизофрении с неблагоприятным течением.

Для исследования механизмов измененного поведения больных М. М. Коченовым было проведено специальное экспериментально-психологическое исследование, которое заключалось в следующем: испытуемый должен был выполнить по собственному выбору три задания из девяти, предложенных экспериментатором, затратив на это не более 7 мин. Предлагалось нарисовать 100 крестиков, выполнить 12 строчек корректурной пробы (по Бурдону), 8 строчек счета (по Крепелину), сложить один из орнаментов методики Косса, построить «колодец» из спичек, сделать «цепочку» из канцелярских скрепок, решить 3 различные головоломки. Таким образом испытуемый оказывался перед необходимостью самостоятельно выбирать именно те действия, которые наиболее целесообразны для достижения основной цели.

Для этого в сознании испытуемого должна сложиться смысловая иерархия действий, способствующих достижению цели.

В результате апробации методики на здоровых испытуемых М. М. Коченов [6] установил, что для достижения заданной цели (решить 3 задачи за 7 мин.) необходима активная ориентировка в заданиях (иногда методом проб). Активность поисков наиболее целесообразных действий, наиболее «выигрышных» заданий отражает процесс переосмысления, происходящий в сознании испытуемого. Этот ориентировочный этап был четко выражен у здоровых испытуемых.

Все испытуемые заявляют, что при выборе заданий они руковод-

существовали оценкой степени их сложности, стараясь выбирать те, выполнение которых займет меньше времени.

Таким образом, в результате апробации было установлено, что у здоровых испытуемых в ситуации эксперимента происходит структурирование отдельных действий в целенаправленное поведение.

Иным было поведение больных. Ориентировочный этап у них отсутствовал. Они не выбирали «выигрышных» заданий, часто брались за явно не выполнимые за 7 мин. Иногда больные проявляли интерес не к исследованию в целом, а к отдельным заданиям, которые они выполняли очень тщательно, не считаясь с тем, что время истекло.

Количество дополнительных проб у больных было сведено до минимума. Распределение частоты выбора отдельных заданий показывает, что отношение к ним менее дифференцировано, чем у здоровых испытуемых.

Следует отметить, что все больные знали, что им надо уложиться в 7 мин, но это знание не служило регулятором их поведения. Они часто даже спонтанно высказывались: «Я должен в 7 мин уложиться», но не меняли способов своей работы. Мотивы становились «знаемыми», теряли как свою смыслообразующую, так и побудительную функцию. Таким образом, смещение смыслообразующей функции мотивов, отщепление действенной функции от «знаемой» нарушали деятельность больного и были причиной неадекватности их поведения.

Анализ данных историй болезни также выявил разные виды подобных смысловых нарушений: в одних случаях это заключалось в парадоксальной стабилизации какого-нибудь круга смысловых образований. Например, больной Н. отказался получить зарплату, так как «пренебрегал земными благами», больной М. годами не работал и жил на иждивении старой матери, к которой при этом «хорошо относился».

В других случаях наступало сужение круга смысловых образований.

Самое главное в структуре этой измененной деятельности больного было то, что больные знали, что им надо делать, они могли привести доказательства, как надо поступить в том или ином случае, но эти «знаемые» мотивы не приобретали функций смыслообразующих и побудительных.

Нарушение смыслообразующей функции мотивов часто служит причиной многих странных, неадекватных поступков, суждений больных, дающих возможность говорить о парадоксальности шизофренической психики.

* * *

Для анализа того, как формируется патологическое изменение личности, приведем некоторые данные, касающиеся формирования патологических черт характера. Из психиатрической практики

известно, что у больных эпилепсией (если эта болезнь началась в детском возрасте) происходит изменение личности, которое характеризуется обычно как некое сочетание брутальности, угодливости и педантичности. Стало традиционным приводить в учебниках психиатрии образную характеристику больных эпилепсией, данную классиком немецкой психиатрии Э. Крепелиным: «С Библией в руках и камнем за пазухой». Эти особенности обычно ставят в связь с припадками, и нигде не анализируется вопрос о патологических условиях формирования такой личностной особенности.

Между тем прослеживание жизни ребенка, у которого вследствие органического поражения мозга появились припадки, прослеживание реакции учителей на трудности в учебе, которые возникают у такого ребенка в школе, могли бы объяснить многое. Такой ребенок пытается скомпенсировать свою неполноценность, вызвать хорошее отношение к себе со стороны пугающихся его сверстников не всегда удачным способом: угодливостью, приспособлением к другим детям, которые фиксируются в дальнейшем как способы поведения.

В этой связи рассмотрим становление еще одной характерной черты эпилептиков — его педантичности и аккуратности.

В начальных стадиях болезни названные качества появляются как способ компенсации первичных дефектов. Так, например, только при помощи тщательного последовательного выполнения всех элементов стоящего перед ним задания больной может компенсировать тугоподвижность мыслительных процессов и правильно выполнить задание. Тщательное выполнение отдельных звеньев задания требует от эпилептика в ходе болезни все большего внимания, пока, наконец, не становится главным в его работе. Отличные специалисты выполняют какую-нибудь несложную работу чрезвычайно медленно. Так, например, мастер не только устраняет поломку, из-за которой его вызвали, но и разбирает весь мотор, просматривает его, если заметит незначительную царапину или пятно, обязательно закрашивает и в результате еле успевает сделать нужное исправление.

Происходит перенесение мотива из широкой деятельности на исполнение узкого вспомогательного действия. Это было показано экспериментально в работе Н. Калиты, которая исследовала уровень притязаний больных эпилепсией с помощью картинок, различавшихся друг от друга количеством элементов изображения. Требовалось за определенное время найти эти различия. В исследовании Н. Калиты уровень притязаний не вырабатывался у большинства больных эпилепсией. Они застревают на каждом конкретном задании и с удовольствием начинали искать различия в картинках, находя при этом самые незначительные, которые не отмечали здоровые испытуемые.

Полученные результаты не означают, что у больных вообще нет уровня притязаний, но если данный выбор заданий был для здоровых лишь предлогом для его выявления, то у больных само исполнение заданий становится смыслом работы.

Указанная детализация является проявлением неудачных компенсаторных способов. Известно, для того чтобы компенсировать де- его преодоления. Однако этого мало. Необходимо овладеть ими до известной степени свернутости и автоматизации. Навык освобождает субъекта от активного контроля за исполнением действия и широкое поле деятельности.

Вследствие нарастания инертности способы компенсации у больных эпилепсией не становятся свернутыми и автоматизированными, а наоборот, больной застревает на стадии контроля за исполнением вспомогательного действия, и мотив из широкой деятельности все более смещается на выполнение узкой. Вместе со смещением мотива соответственно смещается и смысл деятельности. Сложная опосредованная деятельность теряет смысл для больного, главным же становится исполнение отдельных операций, которые в норме выполняют роль технического средства.

Присущая эпилептику эффективность насыщает этот смысл, делая его не просто отношением, но отношением активным, иногда агрессивным.

В ходе болезни аккуратность, педантичность становятся не просто неудачной компенсацией, а привычным способом действия, определенным отношением к окружающему миру, определенной социальной позицией, т. е. чертой характера. В этом анализе формирования некоторых черт отчетливо видно переплетение первичных и вторичных симптомов, характерное вообще для симптомообразования.

* * *

Патологический материал показывает структуру изменений личности, условия, при которых эти изменения выступают, и условия, при которых некоторые из нарушений могут быть скомпенсированы. Этим самым открывается возможность разграничения структуры личности в состоянии здоровья или болезни. Исследования в области патологии показывают, в чем состоит отклонение от нормального развития, обнажая тем самым пути и формы нормального развития.

Схожесть внешних проявлений здоровой и больной личности не означает однородности их механизмов или результатов их действия. Развитие больной личности не дублирует развития здоровой. Само положение, что патологический материал представляет собой модель развития здоровой личности (хотя мы сами иногда пользуемся этим тезисом), некорректно.

Изучение патологического материала не означает признания патологии моделью здоровой личности. Обращение к патологическому материалу является методом, путем исследования. Используя этот метод, позволяющий разрешить многие насущные вопросы

практики, психолог должен держать в фокусе своего внимания предмет своей науки, ее категориальный аппарат, методологию. Только тогда использование патологического материала оказывается полезным при разрешении многих теоретических вопросов психологии, в частности и вопроса о движущих силах развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

Анцыферова Л. И. Некоторые теоретические проблемы психологии.— Вопросы психологии, 1978, № 1.

Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. М., 1968.

Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

Братусь Б. С. Психологическая характеристика деградации личности при хроническом алкоголизме.— В кн.: Вопросы патопсихологии. М., 1971.

Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976.

Коченов М. М. Нарушение процесса смыслообразования при шизофрении. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. псих. наук. М., 1970.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Белки
тября
крино
Созда
нашей
ческой

А. И

В
биоло
 Суще
В
16 до
пола
на ж
П
лых,
гичес
выпо
обще
К
гичес
фунд
гатель
базы
ститут
обли
С
моган
ситуа
свое

Бел
идент
шен

Белкин Арон Исаакович (род. 28 октября 1927) — советский врач-эндокринолог, доктор медицинских наук. Создатель и руководитель первой в нашей стране лаборатории психиатрической эндокринологии Московского

НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Автор многочисленных статей по различным вопросам эндокринологии и психиатрии, а также монографии «Психические нарушения при заболевании щитовидной железы» (М., 1973).

А. И. Белкин

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРИ СМЕНЕ ПОЛА¹

В настоящем сообщении мы ставим своей задачей дать анализ биологических и социальных факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на формирование половой идентификации.

В основу работы положен анализ 28 больных (в возрасте от 16 до 32 лет), перенесших смену пола, из них у 12 больных смена пола была произведена с женского на мужской, у 18 — с мужского на женский.

Причины, вызывающие необходимость перемены пола у взрослых, во всех наших случаях были связаны с нарушением биологической базы личности, что затрудняло или делало невозможным выполнение тех социальных требований, которые предъявляет общество к соответствующей половой роли.

К биологической базе мы относим не только анатомо-физиологические особенности и характер развития индивидуума, но и его фундаментальные потребности (голод, половое влечение, сон, двигательная активность и др.). Чаще всего нарушение биологической базы у наших пациентов выражалось в резком изменении морфоконституции (неадекватная маскулинизация или феминизация внешнего облика), в отклонении в строении гениталий.

Смена пола у таких лиц является высокогуманным актом, помогающим личности не только избавиться от мучительной для нее ситуации, приводящей порой к суицидальным поступкам, но и найти свое место в обществе. Одновременно акт смены пола представляет

¹ Белкин А. И. Биологические и социальные факторы, формирующие половую идентификацию (по данным изучения лиц, перенесших смену пола) — В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975.

собой и уникальную модель для изучения различных факторов, формирующих как половую идентификацию, так и психосексуальную ориентацию человека.

Смена пола включает в себя биологические (хирургическая коррекция гениталий, гормональная терапия и др.) и социально-психологические акты (изменение имени, документов, профессии, уход из привычной для больного микросреды, потеря старых друзей, близких и т. д.).

Перед личностью встает проблема овладения новыми навыками, новой формой наименования себя, изменения своей внешности, моторики, привычек и т. д.

Представляет интерес тот факт, что в наших случаях формирование новой для личности половой идентификации проходит в удивительно короткие сроки (от 3—4 недель до 5—6 месяцев). При этом зрелый субъект в состоянии дать подробный отчет о своих переживаниях, ощущениях, своем отношении к окружающей действительности, об изменениях своего поведения и т. п.

Иными словами, смена пола является своеобразной моделью, на которой можно проследить не только взаимосвязь биологической базы личности и половой идентификации, но и выявить особенности трансформации поведения субъекта, обусловленной его половой ролью.

Наиболее раннее нарушение идентификации пола, связанное с отклонением биологической основы, мы наблюдали у детей 4—5 лет. По мере расширения контактов со сверстниками, взрослыми, в связи с замечаниями окружающих по поводу внешности, моторики, необычного строения гениталий и т. п., у таких индивидов возникло ощущение своей «атипичности», «нетождественности» с другими представителями их пола. Это, как правило, порождало внутреннюю потребность разобраться в характере своего дефекта.

Основной механизм ситуации, которым пользовались больные в этом возрасте, состоял главным образом в сравнении своих физических признаков с чужими, принимаемыми за «образец», или «эталон». Такой сравнительно простой анализ приводил субъектов к достаточно точной оценке ситуации и соответствующей реакции, способствовавшей смягчению, а в отдельных случаях и временному устранению неприятного для больного ощущения «нетождественности» с другими лицами одноименного пола. В одних случаях реакция выражалась в стремлении скрыть от окружающих свой порок, в других — поддерживать «престиж» своей половой принадлежности. Это находило свое выражение в активном участии в играх «своего пола», в попытках подчеркнуть свою «мужскую» или «женскую» сущность, имитируя соответствующие манеры поведения. Во многих случаях до периода полового созревания таким детям удавалось, несмотря на свои биологические особенности, идентифицировать себя с определенным полом.

Однако наибольшие трудности в половой идентификации личности, связанные с отклонениями в биологической базе, наступали

в пубертатном периоде, когда отсутствие необходимого гормонального сдвига или, напротив, мощный выброс гормонов приводили к резкому заострению и нарастанию физических черт, присущих противоположному полу. Иными словами, биологический фактор в разбираемых нами случаях оказывался тормозом, а порой и непреодолимым препятствием в овладении программой поведения, которую от индивида ожидали и подсказывали своим отношением другие люди. Трагичность ситуации выражалась в нарастании глубокого внутреннего конфликта индивида, если модель полового поведения принималась, или в конфликте с окружающими, если она отвергалась. На примере указанных больных можно было проследить и те сложные отношения, которые существуют между половой идентификацией личности и самосознанием пола.

Кратко остановимся на наиболее типичных вариантах реакций личности на затруднение половой идентификации и смену пола.

К первому варианту мы отнесли субъектов, которые в смене пола видели единственный выход из «трагической» ситуации. Конфликт, нередко начавшись еще в детские годы, достигал своего максимума к периоду полового созревания. Идея трансформации своей половой принадлежности возникала как завершающий этап многочисленных неудачных попыток адаптироваться к навязываемой обществом половой роли, как итог активного осознания личностью конкретной ситуации, включая информацию о себе и своем месте в обществе.

На ряде примеров мы могли убедиться, что, несмотря на всю значимость и мощь воспитательных педагогических мер, они не имеют абсолютного значения. Отсутствие или недоразвитие тех или иных структур биологической основы пола рано или поздно приводит личность к конфликту с навязываемой ей обществом половой ролью.

Данный вариант, когда личность всем ходом своего развития не только подготовлена к перемене пола, но и настойчиво добивается этого, мы определяем как транссексуальный.

Ко второму варианту мы отнесли лиц с жалобами на чувство «утраты» своей половой принадлежности. Состояние это обычно описывается субъектами в крайне мрачных тонах. Некоторые говорят о потере «внутреннего Я», «обезличении» (больной К.), другие — о потере «своего места среди людей» (больная В.) и т. п.

Большинство субъектов отмечали, что одновременно с «потерей» чувства половой принадлежности у них исчезала привязанность к близким, родным местам, любимым предметам и т. п. Столь тесная связь указанных феноменов позволяет поставить вопрос об их взаимозависимости. В описанном состоянии большинство больных были согласны на любые операции, любые социальные акты, лишь бы избавиться от чувства «бесполости». Данный вариант реакции субъекта на нарушение половой идентификации, по-видимому, следует определить как деперсонализационный.

В третью группу мы включили лиц, которые обратились к врачу

в связи с отклонениями в своем соматическом статусе (отсутствие или, напротив, неожиданное появление менструаций, резкая вирилизация, остановка роста или, наоборот, его интенсификация и т. п.).

Вопрос о смене пола возникал лишь в процессе обследования, когда становилось очевидным, что в силу имеющихся морфофункциональных отклонений личность не сможет адаптироваться в ее настоящем поле. Эта довольно многочисленная группа больных требовала специальной психологической и психотерапевтической работы для подготовки каждого субъекта в отдельности к решению изменить свою половую принадлежность.

По существу речь идет о группе больных, поступивших в клинику с начальными расстройствами половой идентификации. Чаще всего это были подростки в возрасте 14—17 лет, требовавшие особенно осторожной тактики в решении вопроса о смене пола. В одних случаях здесь наиболее целесообразным было выжидание, когда новые жизненные ситуации сами приведут больного к выводу о необходимости смены пола. В других случаях психологическую подготовку субъекта к смене пола приходилось осуществлять в клинических условиях. При этом с особой отчетливостью удалось проследить наиболее существенные этапы распада одной половой идентификации и зарождение другой.

Не останавливаясь в данном сообщении подробно на всех особенностях психотерапевтической и психопедагогической работы с такими субъектами, отметим весьма интересный факт, что отказ или сопротивление индивида перейти в другой пол нередко были связаны не столько с трудностями предстоящей биологической и психологической трансформации, на которую субъекты, осознав свою патологию, соглашались, сколько со страхом перед социальными трудностями (реакция родных, близких, друзей на новый половой статус, переход на другую работу, переделка документов, потеря старых товарищей, учителей, расставание с родными краями, переезд на новое место жительства и т. п.). И чем шире и глубже были социальные связи, тем было труднее решиться на их потерю.

Клинико-психологический анализ больных, подвергшихся смене пола, позволяет, хотя и с известной долей условности, определить три этапа, через которые проходит формирование новой половой идентификации личности.

Первый этап, *установочный*, начинается с момента осознания больными необходимости смены пола как единственно реального выхода из создавшейся ситуации и положительной установки по отношению к своей новой роли. Далее на основе имеющихся знаний индивид должен создать в своем сознании «идеальную» модель «мужественности» или «женственности», отвечающую системе его представлений о выбранном поле и соответствующую тем параметрам, которые он привык считать положительными. Весьма важно, чтобы «идеальная» модель не носила абстрактный характер, а соответствовала хотя бы в общих чертах особенностям поведения

конкретного человека, к которому субъект эмоционально расположен. В этом случае сразу наступает вера в обоснованность и адекватность решения и выбора половой роли и легче осуществляется переход к имитации существующего типа полового поведения.

Реже «эталон» является «синтетический» образ, основанный на нескольких реальных лицах, которые в свое время вызывали у субъекта чувство восхищения и на которых теперь, в новой роли он желал бы походить.

Существуют индивидуальные различия в том, насколько легко человек находит «эталон», которому он хотел бы следовать в новой половой роли. У некоторых субъектов доминирует один эталон (на нашем материале чаще всего это был учитель). Иные сразу называют несколько лиц, которые, по их мнению, представляют «идеал» для имитации манеры поведения. Однако независимо от подхода к выбору своего «эталона» от личности на этом этапе требуется высокая степень осознания своей ситуации, так как без этого смена пола у взрослого субъекта нереальна.

Следующий этап, названный нами «имитационный», заключается в имитации определенного типа полового поведения. Основное, к чему должна стремиться личность на данном этапе, это добиться максимального сходства с выбранным «эталон».

Кульминационным пунктом в системе перестройки личности является переодевание в соответствующую одежду. Интересно, что именно с этого момента у многих субъектов появляется уверенность в том, что они смогут и называть себя новым именем, и общаться с лицами своего нового пола «на равных».

Мы наблюдали много случаев, когда, осознав свою половую принадлежность и окончательно решившись перейти в другой пол, субъекты тем не менее до момента смены одежды и придания внешности соответствующего выражения не могли (даже в мыслях) называть себя другим именем и в другом роде. Этот факт показывает, насколько тесно в половой идентификации переплетаются манеры поведения, одежда и наименование себя.

Новая одежда, имя, обстановка ставили больных перед фактом не только активно действовать, но и наблюдать за всеми мелочами, которые ранее были вне их внимания. (Например, при смене мужского пола на женский субъект сразу обращает внимание на то, как женщины держат расческу, зеркало, какая существует косметика, как следует держать локти, ставить колени и т. д.).

При этом субъекты вынуждены не только регистрировать манеры других, но и перенимать их, воплощая при соответствующих условиях и собственные поведенческие акты, активно имитируя движения, мимику, голос и т. д. Интересно отметить, что некоторым индивидам требуется всего несколько дней, чтобы они привыкли к новой одежде и предметам соответствующего туалета.

Многие уже на второй — пятый день с радостью замечают, что в разговоре с окружающими не путаются в грамматических конструкциях, хотя специально за своей речью не следят. «Как только

я надела женскую одежду, — пояснила одна из наших больных, — так разговор стал «сам собой» получаться».

Полученные данные показывают, что ролевая игра является наиболее эффективным способом для изменения отношения субъекта к окружающей его действительности. Обнаруженные нами факты дают основание также полагать, что ролевая игра добавляет «нечто» сверх того, что обычно получается при простом воздействии, оказываемом на человека сообщением, несущим определенную информацию. В связи со стрессовой ситуацией субъект вынужден с особой тщательностью проверять и анализировать каждое свое действие, что способствует активному самоосознанию пола.

На многочисленных примерах мы могли убедиться, что пока лицо, сменившее пол, не начинает общаться с другими индивидами, его адаптация к новой половой роли немыслима.

В общении субъект находит своего рода «зеркало», в котором он отмечает восприятие себя другими лицами.

На этом этапе почти все совершается осознанно. Индивид стремится вжиться в избранный им ранее образ, фиксирует свои ошибки и удаchi.

Однако на практике в некоторых случаях приходится сталкиваться с неожиданной переориентацией субъекта, который вдруг начинает имитировать тип поведения не созданного ранее «идеального образа», а конкретных лиц, постоянно окружающих его, с которыми он ежедневно общается.

Иными словами, создается новый «генерализованный образ», основанный на восприятии типа поведения других лиц, непосредственно соприкасающихся с субъектом и составляющих с ним единый коллектив.

В этом случае особенно быстро возникает эмоциональное сопереживание с индивидами своего пола. Следует отметить, что чем моложе индивид, тем быстрее он овладевает необходимыми навыками; тем быстрее многие акты становятся «автоматизированными» и тем быстрее формируется собственная «модель» полового поведения.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме поведенческих реакций людей в процессе общения, где образ взаимного восприятия выступает как регулятор поведения. В наших случаях основным подкрепляющим и формирующим фактором была реакция других людей.

Самое удивительное, что в отдельных случаях достаточно всего несколько месяцев, чтобы произошло образование новой половой идентификации личности со своим индивидуальным типом полового поведения.

Основное, что на этом этапе продолжает беспокоить многих субъектов, — это страх и опасения перед возможной встречей со старыми знакомыми, родственниками, учителями, товарищами. Больные стараются «на всякий случай» обдумать доводы против встречи в новой одежде даже с родителями, просят отложить

свидание или подробно расспрашивают врача, как себя вести в «новом поле», о чем говорить, как сделать, чтобы не ошибиться в речи и т. п. Однако при встрече волнение обычно сразу проходит, больные быстро собираются, начиная несколько подчеркнуто говорить о себе в соответствующем роде, обсуждать пути приобретения новой одежды, обуви, строят планы своей жизни после выписки из больницы и т. п., чем приводят родственников в большое смущение.

К концу этого этапа происходит также активное отделение от личности ряда структур, связанных с его прежней половой ролью. Так, например, больные при предъявлении им фотографий или кинодокументов, на которых они изображены в их прежнем половом статусе, смотрели на них не только с удивлением, но и с известным отвращением. «Неужели я была так уродлива, какой противный тип!» — заявила одна из наших больных при просмотре кинокадров, относящихся к периоду до перемены пола.

Третий этап, *трансформационный*, мы условно выделяем с того момента, когда «образ» или «эталон», по типу которого индивид строил модель своего полового поведения, начинает претерпевать существенные изменения.

Так, в уже усвоенные эмоциональные и поведенческие стереотипы начинают вноситься коррективы на основе соматобиологических особенностей индивида, его психологического облика и реальной ситуации. Иными словами, в процессе ролевой игры совершается *трансформация* первоначально «идеальной» модели в конкретную, включающую в себя ряд личностных параметров и его потребность приспособиться к требованиям коллектива.

В процессе трансформации «идеальной» модели удастся выделить и промежуточный этап, характеризующийся появлением амбивалентности в отношении того «образа», который был ранее выбран субъектом в качестве идеальной модели. Обычно это проявлялось в том, что ряд черт, которые ранее вызывали восхищение, начинали терять свой прежний ореол вплоть до прямой реакции протеста на них.

Другой важный момент — это ощущение индивидом признания его в новом половом статусе окружающими людьми. Этот факт, как правило, совпадает с интимным отождествлением себя со своим полом и готовностью к эмоциональному сопереживанию с его представителями.

Следует отметить, что эмоциональное сопереживание в рамках половой идентификации проявляется главным образом в стремлении к целостному охвату и пониманию (но отнюдь не объяснению!) других лиц своего пола, принимаемых субъектом за «образец» «мужественности» или «женственности».

Сопереживание в разбираемых нами случаях не является ни произвольным актом, ни пассивным переживанием, это ответный акт, претендующий на универсальную значимость.

Одновременно с отождествлением себя с новым полом наблю-

дается и обратный процесс — негативное отношение к индивидам прежнего пола (и в первую очередь это распространяется на сверстников).

У субъектов женского пола это выражалось в пресекании малейших попыток ухаживания, отрицательном отношении к знакам внимания мужчин и т. п., у субъектов мужского пола — в нежелании общаться со сверстницами, реже в грубости, резких выходках и т. п. Однако по мере идентифицирования себя с соответствующим полом негативное отношение быстро стиралось, переходя в фазу повышенного интереса к другому полу с четкой гетеросексуальной ориентацией.

На этом этапе отчетливо выявляется психологическая переориентация, когда субъект начинает видеть свой мир и самого себя в новом свете. При этом интуитивно устанавливаются новые системы ценностей и иные критерии суждений.

Так, например, больная Ш., перенесшая смену пола в возрасте 18 лет с мужского на женский, спустя полтора месяца решила перейти от тетки, у которой она жила более двух лет, в общежитие. Единственная причина, по которой у нее возникло такое желание, была связана с тем, что у этой родственницы периодически «оставались ночевать мужчины». В беседе выяснилось, что ранее, когда она относилась к лицам мужского пола, подобный тип поведения был ей безразличен. «Я не видела в этом непристойности, а иногда меня это даже забавляло», — заявила больная. Но с момента, когда она идентифицировала себя с женским полом, ей стало «внутренне» неприятно «столь легкое» поведение родной тетки. «Где ее женская гордость, где уважение к себе?».

Ш. пробовала намекнуть об этом родственнице, но та с удивлением спросила: «Ты что, проснулась только?»

Эта краткая иллюстрация, по нашему мнению, показывает, как одна и та же ситуация по-разному воспринимается, переживается, оценивается и реализуется личностью в зависимости от ее собственной роли в обществе. При этом, естественно, особую значимость имеют ранее усвоенные социальные установки. (В нашем примере больная усвоила понятие женской гордости, скромности и недопустимость некоторых форм мужского поведения.)

Иными словами, половое поведение личности после смены пола может быть понято только в рамках более общей системы, от которой оно производно и с которой соотносится как частная структура...

К концу третьего этапа половое поведение принимает преимущественно интуитивный характер. Субъект перестает сознательно следить за своими действиями, речью, манерами; не может объяснить мотивы своих поступков. Более того, попытка анализировать поведенческие акты и свою половую принадлежность приводит к резкому нарушению эмоциональных и поведенческих стереотипов. Можно сказать, что логический анализ и постоянный контроль за своим Я, столь необходимые на первом этапе формирования по-

ловой идентификации, становятся на последнем существенным тормозом...

Наш опыт показывает, что смена половой идентификации вполне реальна. Более того, при этом удастся выявить ряд этапов и узловых моментов, имеющих решающее значение в ее становлении, характеристика которых была представлена выше.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ
В ФИЛОСОФСКОЙ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИ-
ТЕРАТУРЕ, ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ, ДНЕВНИ-
КАХ И ПР.

Среди многих отличий психологии от естественных наук можно особенно выделить одно. Оно касается источников и способов приобретения знаний.

Когда учащийся обращается к изучению физики, у него уже имеется достаточный для начала эмпирический опыт — представления о пространстве и времени, действиях сил, свете, теплоте. Дальнейшее развитие этого опыта — знакомство с новыми физическими явлениями — происходит в основном в рамках науки и с помощью ее методических средств.

В математике это выражено еще сильнее: на основе немногих фундаментальных представлений о числе, количественных отношениях, геометрических формах изучающий входит в огромный мир математики, приобретая все новые и новые знания о его свойствах, оставаясь внутри него.

В отличие от этого, начинающий психолог, особенно если он молодой человек, располагает очень незначительным и, пожалуй, очень односторонним жизненным психологическим опытом. Попросту говоря, он еще мало знает людей, жизнь и самого себя. Надежда же, что научное психологическое знание сможет восполнить дефицит этого опыта, обычно не оправдывается. Возникает опасность формального усвоения научных понятий, положений, закономерностей.

Вместе с тем ни одна другая наука не располагает таким богатым фондом сведений и наблюдений, каким являются для психологии памятники письменной культуры: произведения художественной литературы, жизнеописания, документы и т. п.

В них зафиксировано бесконечное многообразие человеческих судеб и реальных психологических проблем — результатов «экспериментов», которые поставила сама жизнь и которые никогда не могли быть воспроизведены в психологической лаборатории.

Таким образом, каждый начинающий психолог (да и не только начинающий!) должен постоянно помнить об этом золотом фонде психологии и максимально использовать его для расширения своего жизненного опыта.

Подбирая тексты приложения, мы и пытались показать на отдельных примерах ту действительность, которая оказывается предметом научного анализа в работах, помещенных в основных разделах хрестоматии.

Наша задача облегчалась отчасти тем, что многие выдающиеся психологи постоянно обращались к примерам из литературы и жизни, чтобы проиллюстрировать, а иногда и развить свои теоретические представления. Таким образом, мы смогли воспользоваться ссылками, комментариями, а иногда и развернутым анализом, содержащимся в работах известных психологов (А. Ф. Лазурского, А. Н. Леонтьева, Г. Олпорта и др.). Все тексты снабжены вступительными замечаниями составителей.

Трудно перечислить все психологические проблемы, к обсуждению которых могут быть привлечены материалы Приложения. Назовем лишь некоторые из

них. Это — проблемы уровня развития личности; свойств и типов личностей; процесса самопознания личности и функций ее высшей инстанции — сознательного Я; кризисов в жизни личности; проявления личности в экстремальных условиях.

Излишне говорить, что за пределами Приложения осталось гораздо больше ценных для психолога текстов, чем в него могло попасть.

Нам остается лишь надеяться, что помещенные здесь отрывки помогут читателям в их самостоятельном поиске замечательных образцов проникновения в психологию личности, рассеянных в человеческой культуре.

Приложение составлено Ю. Б. Гиппенрейтер; ею же написаны комментарии к текстам.

Статья Г. Олпорта, которой мы открываем Приложение, может рассматриваться как своеобразное предисловие к этому разделу.

В своей статье Г. Олпорт поднимает ряд важных, а порой и острых вопросов.

Главный из них — вопрос об отношении психологии (и психологов) к художественной литературе. Есть ли чему поучиться психологу у мастеров художественной литературы? Положительно отвечая на этот вопрос, автор перечисляет «уроки», которые преподносит художественная литература психологии. Они касаются приемов тонкого психологического наблюдения и описания, понимания конкретной личности в ее целостности, стойкого интереса к ее индивидуальности и т. п.

Горьким упреком в адрес некоторых профессиональных психологов звучат слова Олпорта о том, что они «никогда в действительности не видели индивидуума» и «надеются, что никогда его и не увидят».

Широкую известность приобрела критика Олпортом бездумного применения математических методов: вместо того чтобы пытаться — как это делают писатели — понять внутреннюю связанность, «логику» характеров, психологи слишком часто ищут «безопасное убежище в чащобах статистической корреляции».

Вместе с тем психология как наука располагает целым рядом преимуществ в исследовании личности. И пусть ее успехи пока не так велики, но зато они более надежны и фундаментальны.

Большое воспитательное значение имеет заключительная рекомендация Олпорта молодым психологам. Он советует: как можно больше читать романов, драм и биографий; ну, а непсихологам — очень не повредит чтение психологических работ.

Имеются два принципиальных подхода к детальному изучению личности: литературный и психологический.

Ни один из них не «лучше» другого: каждый имеет определенные заслуги и горячих приверженцев. Слишком часто, однако, поклонники одного подхода презрительно относятся к поклонникам другого. Эта статья является попыткой их примирить и таким путем создать научно-гуманистическую систему изучения личности.

Один из наиболее значимых успехов первой части двадцатого столетия состоял в открытии того, что личность является доступным объектом для научного исследования. Это, на мой взгляд, как раз то событие, которое, кроме всех прочих, будет, вероятно, иметь наибольшие последствия для обучения, этики и психического здоровья.

Личность, как бы ее ни понимали, прежде всего реальная, существующая, конкретная часть психической жизни, существующая в формах строго единичных и индивидуальных. На протяжении веков феномен человеческой индивидуальности описывался и изучался гуманитарными науками. Наиболее эстетически настроенные философы и наиболее философски настроенные художники всегда делали это своей специфической областью интересов.

Постепенно на сцену вышли психологи. Можно сказать, что они опоздали на две тысячи лет. Со своим скудным оснащением современный психолог выглядит как самонадеянный самозванец. И таковым он и является, по мнению многих литераторов. Стефан Цвейг, например, говоря о Прусте, Амилье, Флобере и других великих мастерах описания характеров, замечает: «Писатели, подобные им, — это гиганты наблюдения и литературы, тогда как в психологии проблема личности разрабатывается маленькими людьми, сущими мухами, которые находят себе защиту в рамках науки и вносят в нее свои мелкие банальности и незначительную ересь».

Это правда, что по сравнению с гигантами литературы психологи, занимающиеся изображением и объяснением личности, выглядят как бесплодные и порой немного глупые. Только педант может предпочесть необработанный набор фактов, который психология предлагает для рассмотрения индивидуальной психической жизни, великолепным и незабываемым портретам, которые создаются знаменитыми писателями, драматургами или биографами. Художники творят; психологи только собирают. В одном случае —

¹ Allport G. Personality: problem of a Science or Art. — In: Selected Papers. N. Y., 1959.

единство образов, внутренняя последовательность даже в тончайших деталях. В другом случае — нагромождение плохо согласованных данных.

Один критик ярко представил ситуацию. Стоит психологии, замечает он, коснуться человеческой личности, как она повторяет лишь то, что всегда говорилось литературой, но делает это гораздо менее искусно.

Является ли это нелестное суждение целиком правильным, мы вскоре увидим. В данный момент оно помогает, по крайней мере, обратить внимание на тот значительный факт, что литература и психология являются в некотором смысле конкурентами; они являются двумя методами, имеющими дело с личностью. Метод литературы — это метод искусства; метод психологии — это метод науки. Наш вопрос в том, какой подход наиболее адекватен для изучения личности.

Становление литературы происходило веками, она развивалась гениями высшего порядка. Психология молода, и она развивается пока лишь немногими (если они вообще есть) гениями описания и объяснения человеческой личности. Так как психология молода, ей следовало бы поучиться немного у литературы.

Чтобы показать, что может быть ей здесь полезным, приведу конкретный пример. Я выбрал его из древних времен с тем, чтобы ясно показать зрелость и законченность литературной мудрости. Двадцать три столетия назад Феофраст, ученик и преемник Аристотеля в афинском лицее, написал много коротких характеристик своих афинских знакомых. Сохранилось тридцать из его описаний.

Описание, которое я выбираю, называется «Трус». Заметьте его непривязанность ко времени. Сегодняшний трус в своей сущности тот же, что и трус античности. Отметьте также замечательную простоту и краткость портрета. Ни одного лишнего слова. Это похоже на сонет в прозе. Нельзя ни добавить, ни отнять ни одно предложение без того, чтобы он стал хуже.

ТРУС

Трусость — это некая душевная слабость, выражающаяся в неспособности противостоять страху, а трус вот какой человек. В море он принимает утесы за пиратские корабли. А едва начинают подниматься волны, спрашивает, нет ли среди плывущих непоющего в мистерии. И, подымая затем голову к кормчему, спрашивает у того, держит ли он правильный курс в открытом море и что думает о погоде, а своему соседу говорит, что видел зловещий сон. Затем снимает свой хитон, отдает рабу и умоляет вывести его на берег. А на войне, когда отряд, в котором он находится, вступает в бой, он призывает земляков остановиться рядом с ним и прежде всего оглядеться; трудно, говорит он, распознать и отличить своих от врагов. Слыша боевые крики и видя, как падают люди, он говорит стоящим возле воинам, что в спешке

забыл захватить свой меч, и бежит к палатке; затем посылает раба с приказанием разузнать, где неприятель. В палатке он прячет меч под подушку и потом долго мешкает, как бы разыскивая его. Если увидит, что несут раненым одного из друзей, то, подбежав, ободряет, подхватывает и помогает нести. Затем начинает ухаживать за раненым; обмывает рану губкой и, сидя у изголовья, отгоняет мух от раны — словом, делает все, лишь бы не сражаться с врагами. А когда труба затрубит сигнал к бою, то, сидя в палатке, бормочет: «Чтобы тебя черти побрали! Не даешь человеку заснуть, только и знаешь трубить». И весь в крови от чужой раны, он выбегает навстречу воинам, возвращающимся с поля боя, распространяется о том, что он с опасностью для жизни спас одного из друзей. Потом приводит земляков и граждан своей филы поглядеть на раненого и при этом каждому рассказывает, что сам своими руками принес его в палатку².

Есть одна черта в этом классическом описании, на которую я особенно хочу обратить внимание. Заметьте, что Феофраст избрал для своего описания две ситуации. В одной трус путешествует, в другой — против воли участвует в сражении. В первой ситуации описывается семь типичных эпизодов: иллюзия труса, когда он все скалы принимает за пиратские корабли, его суеверный страх, как бы кто-нибудь из пассажиров не принес несчастья кораблю из-за неаккуратного исполнения религиозных обрядов, его стремление оказаться по крайней мере на середине пути этого опасного путешествия, его обращение к мнению специалистов относительно погоды, его страх по поводу собственных снов, его приготовления к беспрепятственному плаванию и, наконец, эмоциональный страх, проявившийся в мольбе о том, чтобы его спустили на берег. Еще более тонки семь эпизодов предательства в течение битвы. Итак, всего описывается четырнадцать ситуаций; все они для труса равноценны: какому бы воздействию он ни подвергался — возникает одно и то же доминирующее состояние духа. Его отдельные действия сами по себе отличны друг от друга, но все они схожи в том, что являются проявлением одного и того же главного свойства — трусости.

Короче говоря, Феофраст более двух тысяч лет назад использовал метод, который психологами найден только сейчас: метод выявления — с помощью соответствующих воздействий и соответствующих ответов — главных черт характера.

Вообще говоря, почти все литературные описания характеров (письменный ли это скетч, как в случае Феофраста, или фантастика, драма или биография) исходят из психологического допущения о том, что каждый характер имеет определенные черты, присущие именно ему, и что эти черты могут быть показаны через описание характерных эпизодов жизни. В литературе личность никогда не

² Феофраст. Характеры. Л., 1974.

описывается так, как это бывает порой в психологии, а именно с помощью последовательных, не связанных между собой особенных действий. Личность — это не водная лыжа, мчащаяся в разных направлениях по поверхности водоема, с ее неожиданными отклонениями, не имеющими между собой внутренней связи. Хороший писатель никогда не допустит ошибки смешения личности человека с «личностью» водной лыжи. Психология часто делает это.

Итак, первый урок, который психология должна получить у литературы, это кое-что о природе существенных, устойчивых свойств, из которых состоит личность. Это проблема черт личности; вообще говоря, я придерживаюсь мнения, что эта проблема трактовалась более последовательно в литературе, чем в психологии. Если говорить конкретнее, мне кажется, что концепция соответствующего воздействия и соответствующего ответа, столь ясно представленная в античных скетчах Феофраста, может послужить прекрасным руководством для научного исследования личности, где закономерности могут быть определены с большей точностью и большей надежностью, чем это делается в литературе. Используя возможности лаборатории и контролируемого внешнего наблюдения, психология сможет гораздо точнее, чем литература, установить для каждого индивидуума четкий набор различных жизненных ситуаций, которые для него эквивалентны, а также четкий набор ответов, имеющих одинаковое значение.

Следующий важный урок из литературы касается внутреннего содержания ее произведений. Никто никогда не требовал от авторов доказательства того, что характеры Гамлета, Дон-Кихота, Анны Карениной истинны и достоверны. Великие описания характеров в силу своего величия доказывают свою истинность. Они умеют внушать доверие; они даже необходимы. Каждое действие каким-то тончайшим путем кажется и отражением и завершением одного, хорошо вылепленного характера. Эта внутренняя логика поведения определяется теперь как самоконфронтация: один элемент поведения поддерживает другой, так что целое может быть понято как последовательно связанное единство. Самоконфронтация — это только метод придания законной силы, применяемый в работах писателей (исключая, возможно, работы биографов, у которых действительно имеются определенные нужды во внешней надежности утверждения). Но метод самоконфронтации едва начинает применяться в психологии.

Однажды, комментируя описание характера, сделанное Тэккереем, Г. Честертон заметил: «Она выпивала, но Тэккерей не знал об этом». Колкость Честертонa связана с требованием, чтобы все хорошие характеры обладали внутренней последовательностью. Если дается один набор фактов о личности, то должны последовать другие соответствующие факты. Описывающий должен точно знать, какие наиболее глубокие мотивационные черты имели место в данном случае. Для этой наиболее центральной и, следовательно, наиболее объединяющей сердцевины любой личности Вертгаймер

предложил понятие основы, или корня, из которого произрастают все стебли. Он проиллюстрировал это понятие случаем со школьницей, которая была рьяной ученицей и в то же время увлекалась косметикой. С первого взгляда здесь определенно не видно никакой систематической связи. Кажется, что сталкиваются две противоречивые линии поведения. Но кажущееся противоречие разрешается в данном случае путем выявления скрытого основного корня: оказалось, что школьница глубоко восхищалась (психоаналитик может сказать «была фиксирована на») одной учительницей, которая в добавление к тому, что была учительницей, обладала еще яркой внешностью. Школьница просто хотела быть похожей на нее.

Конечно, не всегда проблема так проста. Не все личности имеют базисную целостность. Конфликт, способность к изменению, даже распад личности — обычные явления. Во многих произведениях художественной литературы мы видим преувеличение постоянства, согласованности личности — скорее карикатуры, чем характерные образы. Сверхупрощение встречается в драме, фантастике и биографических описаниях. Конфронтации кажутся приходящими слишком легко. Описание характеров Диккенсом — хороший пример сверхупрощения. У них никогда не бывает внутренних конфликтов, они всегда остаются тем, что они есть. Они обычно противостоят враждебным силам среды, но сами по себе совершенно постоянны и цельны.

Но если литература часто ошибается из-за своего особого преувеличения единства личности, то психология из-за отсутствия интереса и ограниченности методик в общем терпит неудачу в раскрытии или исследовании той целостности и последовательности характеров, которые в действительности существуют.

Величайший недостаток психолога в настоящее время — это его неспособность доказать истинность того, что он знает. Не хуже художника литературы он знает, что личность — сложная, хорошо скомпонованная и более или менее устойчивая психическая структура, но он не может это доказать. Он не использует, в отличие от писателей, очевидный метод самоконфронтации фактов. Вместо того чтобы стремиться превзойти писателей в этом деле, он обычно находит безопасное убежище в чащах статистической корреляции.

Один психолог, намереваясь исследовать мужественность своих испытуемых, скоррелировал для всей популяции ширину бедер и плеч со спортивными интересами; другой, отыскивая основу интеллекта, тщательно сопоставлял уровень интеллекта в детстве с окостенением запястных костей; третий сопоставлял вес тела с хорошим нравом или склонностью к руководству. Исследования, подобные этим, хотя относятся к психологии личности, тем не менее целиком переходят на подличностный уровень. Увлечение микроскопом и математикой ведет исследователя к избеганию сложности, стандартным формам поведения и мышления, даже если вся сложность состоит в признании того, что личность вообще существ-

вует. Будучи запуганы инструментами естественных наук, многие психологи отвергают более тонкий регистрирующий инструмент, специально предназначенный для сопоставления и правильной группировки фактов, — свой собственный разум.

Итак, психология нуждается в методиках самоконфронтации — методиках, посредством которых может быть определено внутреннее единство личности.

Следующий важный урок для психологов, который они должны извлечь из литературы, — как сохранить непрерывный интерес к данной индивидуальности на длительный период времени. Один известный английский антрополог сказал, что хотя он пишет о дикарях, он никогда их не видел. Он идет в атаку и добавляет: «И я уповаю на бога, что никогда их и не увижу». Огромное количество психологов в качестве профессионалов никогда в действительности не видели индивидуума; и многие из них, я должен с сожалением признать, надеются, что никогда его и не увидят. Следуя более старым наукам, они считают, что индивидуальность при исследовании должна быть вынесена за скобки. Наука, утверждают они, имеет дело только с общими законами. Индивидуальность — это помеха. Необходима универсальность.

Эта традиция привела к созданию огромной, неясной психологической абстракции, называемой «обобщенно-зрелая-человеческая психика». Человеческая психика, конечно, не такова, она существует только в конкретной, очень личностной форме. Это не обобщенная психика. Абстракция, которую совершает психолог в измерении и объяснении несуществующей «психики-в-общем», — это абстракция, которую никогда не совершают литераторы. Писатели прекрасно знают, что психика существует только в единичных и особенных формах.

Здесь мы, конечно, сталкиваемся с основным разногласием между наукой и искусством. Наука всегда имеет дело с общим, искусство — всегда с особенным, единичным. Но если это разделение верно, то как же нам быть с личностью? Личность никогда не «общее», она всегда «единичное». Должна ли она в таком случае быть отдана целиком искусству? Что же, психология ничего не может с ней поделаться? Я уверен, что очень немногие психологи примут это решение. Однако, мне кажется, что дилемма непреклонна. Или мы должны отказаться от индивидуума, или мы должны учиться у литературы подробно, глубже останавливаться на нем, мофифицировать настолько, насколько это будет нужно, нашу концепцию объема науки таким образом, чтобы предоставлять место единичному случаю более гостеприимно, чем раньше.

Вы могли заметить, что психологи, которых вы знаете, несмотря на их профессию, не лучше других разбираются в людях. Они и не особенно проницательны, и не всегда способны дать консультацию по проблемам личности. Это наблюдение, если вы его сделали, безусловно, правильно. Я пойду дальше и скажу, что вследствие своих привычек к чрезмерной абстракции и обобщению многие психо-

логи в действительности стоят ниже других людей в понимании единичных жизней.

Когда я говорю, что в интересах правильной науки о личности психологи должны учиться подробно, глубже останавливаться на единичном случае, может показаться, что я вторгаюсь в область биографических описаний, ясная цель которых состоит в исчерпывающем, подробном описании одной жизни.

В Англии биографические описания начались как описания жития святых и как рассказы о легендарных подвигах. Английская биография пережила периоды взлетов и падений. Некоторые биографии так же плоски и безжизненны, как хвалебная надпись на могильном камне; другие сентиментальны и фальшивы.

Однако биография во все большей степени становится строгой, объективной и даже бессердечной. Для этого направления психология, без сомнения, была более важна. Биографии все больше и больше походят на научные анатомирования, совершаемые скорее с целью понимания, чем для воодушевления и шумных возгласов. Теперь есть психологическая и психоаналитическая биографии и даже медицинские и эндокринологические биографии.

Психологическая наука оказала свое влияние и на автобиографию. Было много попыток объективного самоописания и самообъяснения.

Я упомянул три урока, которые психолог может почерпнуть из литературы для улучшения своей работы. Первый урок — это концепция относительно природы черт, которая широко встречается в литературе. Второй урок касается метода самоконфронтации, который хорошая литература всегда использует, а психология почти всегда избегает. Третий урок призывает к более длительному интересу к одной личности в течение большего периода времени.

Представляя эти три преимущества литературного метода, я мало сказал об отличительных достоинствах психологии. В заключение я должен добавить хотя бы несколько слов, чтобы похвалить мою профессию. Иначе вы можете сделать вывод, что я хочу и даже страстно желаю совсем отбросить психологию ради экземпляра «Мадам Бовари» и свободного входа в Athenaeum³.

У психологии имеется целый ряд потенциальных преимуществ по сравнению с литературой. Она имеет строгий характер, который компенсирует субъективный догматизм, присущий художественным описаниям. Иногда литература идет на самоконфронтацию фактов слишком легко. Например, в нашем сравнительном изучении биографий одного и того же лица было найдено, что каждая версия его жизни казалась достаточно правдоподобной, но только небольшой процент событий и толкований, данных в одной биографии, мог быть найден в других. Никто не может знать, какой портрет, если он вообще был, является истинным.

Для хороших писателей необязательна та мера согласованности

³ Название литературного клуба в Лондоне (Прим. пер.).

в наблюдениях и объяснениях чего-либо, которая необходима для психологов. Биографы могут дать широко различающиеся истолкования жизни, не дискредитируя литературный метод, в то время как психология будет осмеяна, если ее эксперты не смогут согласиться друг с другом.

Психологу сильно надоели произвольные метафоры литературы. Многие метафоры часто гротескно-ложны, но их редко осуждают. В литературе можно найти, например, что послушание определенно-го персонажа объясняется тем, что «в его жилах течет лакейская кровь», горячность другого — тем, что у него «горячая голова», и интеллектуальность третьего — «высотой его массивного лба». Психолог был бы разорван на куски, если бы он позволил себе подобные фантастические высказывания относительно причин и следствий.

Писателю, далее, разрешается, и он даже поощряется в этом, развлекать и занимать читателей. Он может передавать свои собственные образы, выражать свои собственные пристрастия. Его успех измеряется реакцией читателей, которые часто требуют только того, чтобы слегка узнать себя в персонаже или убежать от своих насущных забот. Психологу, с другой стороны, никогда не разрешается развлекать читателя. Его успех измеряется более жестким критерием, чем восторг читателя.

Собирая материал, писатель исходит из своих случайных наблюдений жизни, обходит молчанием свои данные, отбрасывает неприятные факты по своей воле. Психолог должен руководствоваться требованием верности фактам, всем фактам; от психолога ожидают, что он может гарантировать, что его факты взяты из проверяемого и контролируемого источника. Он должен доказывать свои выводы шаг за шагом. Его терминология стандартизирована, и он почти полностью лишен возможности использовать красивые метафоры. Эти ограничения содействуют надежности, проверяемости выводов, уменьшают их пристрастность и субъективность.

Я согласен, что психологи, изучающие личность, по существу стараются сказать то, что литература всегда говорила, и они по необходимости говорят это гораздо менее художественно. Но о том, в чем они продвинулись, пусть пока немного, они стараются говорить более точно и с точки зрения человеческого прогресса — с большей пользой.

Название этой статьи, как и название многих других статей, не совсем точно. Личность — это не проблема исключительно для науки или исключительно для искусства, но это проблема и для того, и для другого. Каждый подход имеет свои достоинства, и оба нужны для комплексного изучения богатства личности.

Если в интересах педагогики ожидается, что я закончу статью каким-нибудь важным советом, то он будет таким. Если вы студент-психолог, читайте много-много романов и драм характеров и читайте биографии. Если вы не студент, изучающий психологию, читайте их, но интересуйтесь и работами по психологии.

Платон (428/427 — 348/347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа. После казни Сократа по приговору афинского суда Платон создал собственную философскую школу в Афинах («Академия»), просуществовавшую до 529 года н. э. В многочисленных диалогах, большей частью дошедших до нашего времени, Платон излагает объективно-идеалистическое учение, сводящееся к признанию первичности вечного, неизменного и божественного мира идей, проявлением которого является окружающий человека чувственный мир. Идеи выступают прообразами, причинами и целью чувственных вещей, «причастных» идеям, которые, в свою очередь, существуют сами по себе и лишь «присутствуют» в вещах. На этой основе Платон разрабатывал религиозно-философское учение о мире, творимом богом («демиург») по образцу идей, о бессмертии души и познании как «воспоминании» душой «виденного» ею в загробном мире. Структура мира, человека и общества выражена в учении Платона о тройственном членении их на единое,

ум и мировую душу; ум, душу и тело человека; разумную, страстную и воледелующую части души; философов, стражей и работников (крестьян и ремесленников) как сословий идеального общества.

Платон разрабатывает диалектику как логику, видя в ней учение о разделении спутанных вещей и понятий и созидании на этой основе определений, сводящих воедино расчлененное знание, а следовательно, дающих «совокупное видение» вещи. В поздний период деятельности философии Платона усиливается влияние пифагореизма с его абсолютизацией математики и мистикой чисел, нарастают мистические и откровенно реакционные социальные мотивы.

Диалоги Платона — не только философские, но и высокохудожественные произведения, изобилующие тонкими анализами сложной духовной жизни человека, различных сторон человеческой личности.

Соч.: Сочинения в трех томах (4 кн.) М., 1969—1972.

Лит.: Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976.

На страницах платоновской «Апологии» мы встречаемся с его учителем — Сократом на суде. Это один из самых высоких образцов человеческой личности, запечатленных в письменных памятниках античного времени. Афиняне судят Сократа за... его философскую деятельность! Почти невероятными представляются нам сейчас обвинения, которые выдвигаются против Сократа: он «испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду»¹; он «преступает законы тем, что портит молодежь, не признает богов»². Еще более невероятен смертный приговор, который грозит по этим обвинениям.

¹ Платон. Апология Сократа, т. 1, 1968, с. 84.

² Там же, с. 91.

Сократ должен защищаться. Однако он этого не делает. Он использует свои речи на суде, чтобы в последний раз поговорить с афинянами. Почти по-отечески снова и снова убеждает он своих сограждан в том, что они должны заботиться прежде всего о собственной душе, «чтобы она была как можно лучше», об истине, о разуме, о добродетели, а не о деньгах, славе или почестях.

Используя научную терминологию, мы можем теперь сказать, что главная тема, которую обсуждает Сократ, — это мотивы человеческой жизни и деятельности. Сократ призывает афинян *осознать* свои мотивы, объясняет, какие мотивы должны стать *ведущими*, в какие *иерархические отношения* они должны вступить.

Он хорошо понимает, что осознание мотивов — дело чрезвычайно трудное. Нужна специальная работа, особое исследование себя (или других), чтобы выявить настоящие, *истинные* мотивы. Сократ готов каждого расспрашивать, испытывать, уличать: «И если мне покажется, что в нем нет добродетели, а он только говорит, что она есть, я буду попрекать его за то, что самое дорогое ни во что не ценит».

Сократ ясно осознает, что это его служение людям — величайшее благо для них. Ведь процесс самосознания, самовоспитания требует постоянной помощи, поддержки и руководства: «Бог послал меня, чтобы я целый день каждого из вас будил, уговаривал, упрекал непрестанно... и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу».

Сократ пытается доказать, что нравственные и общественные мотивы должны стать ведущими в жизни каждого человека. Они — одни из самых достойных, к тому же дающих человеку силу и мужество. Он хорошо понимает различие между известными и реально действующими мотивами, а также влияние личного примера в процессе превращения первых во вторые. Поэтому он обращает внимание афинян на самого себя, анализирует в их присутствии свою личность, свои поступки.

Он доказывает истинность своих мотивов не только тем, что призывает в свидетели свою бедность, неустроенность своих дел, а наоборот, постоянную готовность идти туда, где он может оказать другому «величайшее благодеяние». Он доказывает это каждым своим словом и каждым шагом на судебном процессе.

На протяжении всего суда Сократ очень хорошо осознает, какой ценой ему придется заплатить за верность своим идеям. С самого начала над ним нависла угроза смерти. Однако он ни на шаг не отступает от своих принципов. Не видно здесь и особой *борьбы мотивов*. Выбор он сделал уже давно. Спокойно и очень просто он обсуждает одну из самых крайних *альтернатив*, которые могут встать перед личностью: «Человеку, который приносит хотя бы маленькую пользу, не следует принимать в расчет жизнь или смерть, а смотреть во всяком деле только на то, делает он что-то справедливое или несправедливое, что-то достойное доброго человека или злого».

Убежденность и стойкость не покидают Сократа до последних минут его жизни. (Они описаны в последнем разделе «Смерть Сократа» — отрывке, взятом из диалога Платона «Федон», — которым мы дополняем текст «Апологии».) Сократ кончает жизнь спокойно и вполне можно сказать — как счастливый человек.

Таким образом, в приведенных фрагментах из Платона мы находим необычайно яркий материал, иллюстрирующий многие понятия и положения психологии личности: о развитии специфически человеческих потребностей, о мотивах — известных и реально действующих, об осознании мотивов, об их иерархии, о ведущей деятельности, о высоте личности, определяемой общественной значимостью ее деятельности, о нравственно-этическом облике личности как неотъемлемом компоненте ее структуры, наконец, о пути достижения полного человеческого счастья — через служение своему призванию и другим людям. Сократ своим учением, своей жизнью и своей смертью раскрывает нам тайны человеческой личности.

Но, пожалуй, кто-нибудь скажет: «Не стыдно ли было тебе, Сократ, заниматься таким делом, которое грозит тебе теперь смертью?»

На это я по справедливости могу возразить: «Нехорошо ты это говоришь, друг мой, будто человеку, который приносит хотя бы маленькую пользу, следует принимать в расчет жизнь или смерть, а не смотреть во всяком деле только на то, делает ли он что-то справедливое или несправедливое, что-то достойное доброго человека или злого...»

Поистине, афиняне, дело обстоит так: где кто занял место в строю, находя его самым лучшим для себя, или где кого поставил начальник, тот там, по моему мнению, и должен оставаться, не смотря на опасность, пренебрегая и смертью, и всем, кроме позора... А если бы теперь, когда меня бог поставил в строй, обязав, как я полагаю, жить, занимаясь философией и испытывая самого себя и людей, я бы вдруг испугался смерти или еще чего-нибудь и покинул строй, это был бы ужасный проступок. И за этот проступок меня в самом деле можно было бы по справедливости привлечь к суду и обвинить в том, что я не признаю богов, так как не слушаюсь прорицаний, боюсь смерти и воображаю себя мудрецом, не будучи мудрым. Ведь бояться смерти, афиняне, — это не что иное, как приписывать себе мудрость, которой не обладаешь, т. е. возомнить, будто знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто не знает ни того, что такое смерть, ни даже того, не есть ли она для человека величайшее из благ, между тем ее боятся, словно знают наверное, что она — величайшее из зол.

Даже если бы вы меня теперь отпустили, даже если бы вы сказали мне: «На этот раз, Сократ, мы не послушаемся Анита и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше уже не занимался этими исследованиями и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть», — так вот, повторяю, если бы вы меня отпустили на этом условии, то я бы вам сказал: «Я вам предан, афиняне, и люблю вас, но слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока дышу и остаюсь в силах, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: «Ты, лучший из людей, раз ты афинянин и гражданин величайшего города, больше всех прославленного мудростью и могуществом, не стыдно ли тебе заботиться о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и почестях, а о разуме, об истине и о душе своей не заботиться и не помышлять, чтобы она была как можно лучше?» И если кто из вас станет спорить и утверждать, что он заботится, то я не отстану и не уйду от него тотчас же, я буду его расспра-

¹ Платон. Соч., т. I. М., 1968.

шивать, испытывать, уличать, и, если мне покажется, что в нем нет добродетели, а он только говорит, что она есть, я буду попрекать его за то, что он самое дорогое ни во что не ценит, а плохое ценит дороже всего. Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами — с вами особенно, жители Афин, потому что вы мне ближе по крови. Могу вас уверить, что так велит бог, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, и молодого, и старого, заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше: я говорю, что не от денег рождается добродетель, а от добродетели бывают у людей и деньги, и все прочие блага как в частной жизни, так и в общественной.

Будьте уверены, что если вы меня, такого, каков я есть, казните, то вы больше повредите самим себе, чем мне. Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита — да они и не могут мне повредить, потому что я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить лучшему. Разумеется, он может убить, или изгнать, или обесчестить. Он или еще кто-нибудь, пожалуй, считают это большим злом, но я не считаю: по-моему, гораздо большее зло то, что он теперь делает, пытаюсь несправедливо осудить человека на смерть. Таким образом, афиняне, я защищаюсь теперь вовсе не ради себя, как это может казаться, а ради вас, чтобы вам, осудив меня на смерть, не лишиться дара, который вы получили от бога. Ведь если вы меня казните, вам нелегко будет найти еще такого человека, который попросту — хоть и смешно сказать — приставлен богом к нашему городу, как к коню, большому и благородному, но обленившемуся от тучности и нуждающемуся в том, чтобы его подгонял какой-нибудь овод. Вот, по-моему, бог и послал меня в этот город, чтобы я, целый день носясь повсюду, каждого из вас будил, уговаривал, упрекал непрестанно. Другого такого вам нелегко будет найти, афиняне, а меня вы можете сохранить, если мне поверите. Но очень может статься, что вы, рассердившись, как люди, внезапно разбуженные от сна, прихлопните меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита. Тогда вы всю остальную жизнь проведете в спячке, если только бог, заботясь о вас, не пошлет вам еще кого-нибудь. А что я действительно таков, каким меня дал этому городу бог, вы можете усмотреть вот из чего: на кого из людей это похоже — забросить все свои собственные дела и столько уже лет терпеть домашние неурядицы, а вашими делами заниматься всегда, подходя к каждому по-особому, как отец или старший брат, и убеждая заботиться о добродетели? И если бы я при этом пользовался чем-нибудь и получал бы плату за свои наставления, тогда бы еще был у меня какой-то расчет, но вы теперь сами видите, что мои обвинители, которые так бесстыдно обвиняли меня во всем прочем, тут по крайней мере оказались неспособными к бесстыдству и не представили свидетеля, что я когда-либо получал или требовал какую-нибудь плату. Я могу представить достаточ-

ного, я полагаю, свидетеля того, что говорю правду, — мою бедность.

Возможно, кто-нибудь из вас рассердится, вспомнив, как сам он, когда судился в суде и не по такому важному делу, как мое, упрашивал и умолял судей с обильными слезами и, чтобы разжалобить их как можно больше, приводил сюда своих детей и множество других родных и друзей, а вот я ничего такого делать не намерен, хотя дело мое может, как я понимаю, принять опасный оборот. Быть может, подумав об этом, кто-нибудь из вас не захочет меня щадить и, рассердившись, подаст свой голос в сердцах. Если кто-нибудь из вас так настроен, — я, конечно, не хочу так думать, но если это так, то, по-моему, я правильно отвечу ему, сказав: «Есть и у меня, любезнейший, какая-никакая семья, тоже ведь и я, как говорится у Гомера, не от дуба и не от скалы родился, а от людей, так что есть и у меня семья, афиняне, есть сыновья, даже целых трое, один из них уже подросток, а двое малолетних, но тем не менее ни одного из них я не приведу сюда и не буду просить вас об оправдании».

Почему же, однако, не намерен я ничего этого делать? Не из самомнения, афиняне, и не из презрения к вам. Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы сейчас оставим в покое, но для чести моей и вашей, для чести всего города, мне кажется, было бы некрасиво, если бы я стал делать что-либо подобное в мои годы и с тем именем², которое я ношу, — заслуженно или незаслуженно, все равно. Принято все-таки думать, что Сократ отличается чем-то от большинства людей, а если так стали бы себя вести те из вас, кто, по видимому, выделяется либо мудростью, либо мужеством, либо еще какой-нибудь добродетелью, то это было бы позорно. Мне не раз приходилось видеть, как люди, казалось бы, почтенные, чуть только их привлекут к суду, проделывают удивительные вещи, как будто — так они думают — им предстоит испытать нечто ужасное, если они умрут, и как будто они стали бы бессмертными, если бы вы их не казнили. Мне кажется, что эти люди позорят наш город, так что и какой-нибудь чужеземец может заподозрить, что у афинян люди, выдающиеся своей добродетелью, которым они сами отдают предпочтение при выборе на государственные и прочие почетные должности, — эти самые люди ничем не отличаются от женщин.

Не говоря уже о чести, афиняне, мне кажется, что неправильно умолять судью и просьбами вызволять себя, вместо того, чтобы разьяснять дело и убеждать. Ведь судья поставлен не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить суд по правде; и присягал он не в том, что будет миловать кого захочет, но в том, что будет судить по законам. Ясно, что если бы я стал вас уговаривать и вынуждал бы своей просьбой нарушить присягу, то научил бы вас думать, что богов нет, и, вместо того чтобы

² Сократа называли, как известно, мудрецом, мудрейшим из людей (Прим. ред. Собр. соч.).

защищаться, попросту сам бы обвинил себя в том, что не почитаю богов. Но на деле оно совсем иначе, я почитаю их, афиняне, больше, чем любой из моих обвинителей, я поручаю вам и богу рассудить меня так, как будет всего лучше и для меня, и для вас.

ПОСЛЕ ПРИЗНАНИЯ СОКРАТА ВИНОВНЫМ³

Многое, афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что сейчас произошло, — тем, что вы меня осудили, — да для меня это и не было неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той и на другой стороне. Я не думал, что перевес голосов будет так мал, и полагал, что он будет куда больше. Теперь же, оказывается, выпади тридцать камешков не на эту, а на другую сторону, и я был бы оправдан.

Этот человек требует для меня смерти. Пусть так: А что, афиняне, назначил бы я себе сам? Очевидно, то, чего заслуживаю. Так что же именно? Что по заслугам надо сделать со мной, или какой штраф должен я уплатить за то, что я сознательно всю свою жизнь не давал себе покоя и пренебрег всем тем, о чем заботится большинство, — корыстью, домашними делами, военными чинами, речами в Народном собрании, участием в управлении, в заговорах, в восстаниях, какие бывают в нашем городе, — ибо считал себя, право же, слишком порядочным, чтобы уцелеть, участвуя во всем этом; за то, что не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где частным образом мог оказать всякому величайшее, как я утверждаю, благодеяние, стараясь убедить каждого из вас не заботиться о своих делах раньше и больше, чем о себе самом и о том, чтобы самому стать как можно лучше и разумнее, и не печься о городских делах раньше, чем о самом городе, и таким же образом помышлять и обо всем прочем. Итак, чего же я заслуживаю за то, что я такой? Чего-нибудь хорошего, афиняне, если уж в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого, что мне пришлось бы кстати. Что же кстати человеку заслуженному, но бедному, который нуждается в досуге для вашего же назидания? Для подобного человека, афиняне, нет ничего более подходящего, как обед в Пританее! Ему это подобает гораздо больше, чем тому из вас, кто одерживает победу на Олимпийских играх⁴, в скачках или в состязаниях колесниц, двуконных и четвероконных; ведь он дает вам мнимое счастье, а я — подлинное, он не нуждается в пропитании, а я нуждаюсь.

³ Вслед за обвинением требовалось установить меру наказания, так как дело Сократа не было рядовым. Мелет предложил смертную казнь. Теперь предстоит самому обвиняемому предложить себе наказание (Прим. ред. Собр. соч.).
⁴ Обед на общественный счет в Пританее был чрезвычайно почетен. Им пользовались, например, победители на Олимпийских играх (Прим. ред. Собр. соч.).

Из-за малого срока, который мне осталось жить, афиняне, теперь пойдет о вас дурная слава, и люди, склонные поносить наш город, будут винить вас в том, что вы лишили жизни Сократа, человека мудрого, — ведь те, кто склонны вас упрекать, будут утверждать, что я мудрец, хотя это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собой: вы видите мой возраст, я уже глубокий старик, и моя смерть близка. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, афиняне, что я осужден потому, что у меня не хватило таких доводов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы избежать приговора. Совсем нет. Не хватить-то у меня, правда, что не хватило, только не доводов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать: чтобы я оплакивал себя, горевал — словом, делал и говорил многое, что вы привыкли слышать от других, но что недостойно меня, как я утверждаю. Однако и тогда, когда мне угрожала опасность, не находил я нужным прибегать к тому, что подобает лишь рабу, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом⁵. Я скорее предпочитаю умереть, после такой защиты, чем оставаться в живых, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти любыми способами без разбора. И в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти можно уйти, бросив оружие и обратившись с мольбой к преследователям; много есть и других уловок, чтобы избежать смерти в опасных случаях, — надо только, чтобы человек решился делать и говорить все что угодно.

Избегнуть смерти нетрудно, афиняне, а вот что гораздо труднее — это избежать испорченности: она настигает стремительнее смерти. И вот меня, человека медлительного и старого, догнала та, что настигает не так стремительно, а моих обвинителей, людей сильных и проворных, — та, что бежит быстрее, — испорченность. Я уйду отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдой в злодействе и несправедливости. И я остаюсь при своем наказании, и они при своем. Так оно, пожалуй, и должно было быть, и мне думается, что это правильно.

А теперь, афиняне, мне хочется предсказать будущее вам, осудившим меня. Ведь для меня уже настало то время, когда люди бывают особенно способны к прорицаниям, — тогда, когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, афиняне, меня умертвившие, что тотчас за моей смертью постигнет вас кара тяжелее, кля-

⁵ Следствием предложения Сократа о даровом обеде в Пританее явилось увеличение голосов, поданных против него. Их было уже на 80 больше (Прим. ред. Собр. соч.).

нусь Зевсом, той смерти, которой вы меня покарали. Сейчас, совершив это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет о своей жизни, а случится с вами, говорю я, обратное: больше появится у вас обличителей — я до сих пор их сдерживал. Они будут тем тягостнее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, умерщвляя людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты и не вполне надежен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Предсказав это вам, тем, кто меня осудил, я покидаю вас.

А с теми, кто голосовал за мое оправдание, я бы охотно побеседовал о случившемся, пока архонты⁶ заняты и я еще не отправился туда, где я должен умереть. Побудьте со мною это время, друзья мои! Ничто не мешает нам потолковать друг с другом, пока можно. Вам, раз вы мне друзья, я хочу показать, в чем смысл того, что сейчас меня постигло. Со мной, судьи, — вас-то я по справедливости могу назвать моими судьями — случилось что-то поразительное. В самом деле, ведь раньше все время обычный для меня вещий голос моего гения слышался мне постоянно и удерживал меня даже в маловажных случаях, если я намеревался сделать что-нибудь неправильное, а вот теперь, когда, как вы сами видите, со мной случилось то, что всякий признал — да так оно и считается — наихудшей бедой, божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни когда я входил в здание суда, ни во время всей моей речи, что бы я ни собирался сказать. Ведь прежде, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня на полуслове, а теперь, пока шел суд, оно ни разу не удержало меня ни от одного поступка, ни от одного слова. Какая же тому причина? Я скажу вам: пожалуй, все это произошло мне на благо, и, видно, неправильно мнение всех тех, кто думает, будто смерть — это зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство: ведь быть не может, чтобы не остановило меня привычное знамение, если бы я намеревался совершить что-нибудь нехорошее.

Но и вам, мои судьи, не следует ожидать ничего плохого от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах. И моя участь сейчас определилась не сама собой, напротив, для меня ясно, что мне лучше умереть и избавиться от хлопот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам ничуть не сержусь на тех, кто осудил меня, и на моих обвинителей, хотя они выносили приговор и обвиняли меня не с таким намерением, а думая мне повредить, за что они заслуживают порицания. Все же я кое о чем

⁶ Над тюрьмами надзирали ежегодно выбиравшиеся 11 архонтов (начальников).

их попрошу: если, афиняне, вам будет казаться, что мои сыновья, повзрослев, станут заботиться о деньгах или еще о чем-нибудь больше, чем о добродетели, воздайте им за это, донимая их тем же самым, чем я вас донимал; и если они, не представляя собой ничего, будут много о себе думать, укоряйте их так же, как я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и много воображают о себе, тогда как сами ничего не стоят. Если вы станете делать это, то воздадите по заслугам и мне, и моим сыновьям.

Но нам уже пора идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а что из этого лучше, никому неизвестно, кроме бога.

Платон

Ну, пора
после мытья
обмывать м
Тут заго
— Хоро

вить им ил
еще чего-ни
любую служ

— Ничего

ко то, что го
да, что бы в
близким, и в
А если вы не
с тем, о чем м
не достигнете,
надавали.

— Да, Сокр
все, как ты вел

— Как угод
схватить и я не

Он тихо засм

— Никак мн

тот Сократ, кото

кается каждым

кого он вскорост

ронить! А весь

не с вами не ос

дается ему пуст

одно и себя... З

и говоришь непр

и душе причин

твоему мое тело

С этими словами

Платон пошел след

говариваясь и р

лова возвращали

лишались отца и

Было уже близко

Платон. Соч. г. 2

Ну, пора мне, пожалуй, и мыться: я думаю, лучше выпить яд после мытья и избавить женщин от лишних хлопот — не надо будет обмывать мертвое тело.

Тут заговорил Критон:

— Хорошо, Сократ, — промолвил он, — но не хочешь ли оставить им или мне какие-нибудь распоряжения насчет детей или еще чего-нибудь? Мы бы с величайшей охотой сослужили тебе любую службу.

— Ничего нового я не скажу, Критон, — отвечал Сократ, — только то, что говорил всегда: думайте и пекусь о себе самих, и тогда, что бы вы ни делали, это будет доброй службой и мне, и моим близким, и вам самим, хотя бы вы сейчас ничего и не обещали. А если вы не будете думать о себе и не захотите жить в согласии с тем, о чем мы толковали сегодня и в прошлые времена, вы ничего не достигнете, сколько бы самых горячих обещаний вы сейчас ни надавали.

— Да, Сократ, — сказал Критон, — мы постараемся исполнить все, как ты велишь. А как нам тебя похоронить?

— Как угодно, — отвечал Сократ, — если, конечно, сумеете меня схватить и я не убегу от вас.

Он тихо засмеялся и, обернувшись к нам, продолжал:

— Никак мне, друзья, не убедить Критона, что я — это только тот Сократ, который сейчас беседует с вами и пока еще распоряжается каждым своим словом. Он воображает, будто я — это тот, кого он вскорости увидит мертвым, и вот спрашивает, как меня хоронить! А весь этот длинный разговор о том, что, выпив яду, я уже с вами не останусь, но отойду в счастливые края блаженных, кажется ему пустыми словами, которыми я хотел утешить вас, а заодно и себя... Запомни хорошенько, мой дорогой Критон: когда ты говоришь неправильно, это не только само по себе скверно, но и душе причиняет зло. Так не теряй мужества и говори, что хоронишь мое тело, а хорони как тебе заблагорассудится и как, по твоему мнению, требует обычай.

С этими словами он поднялся и ушел в другую комнату мыться. Критон пошел следом за ним, а нам велел ждать. И мы ждали, переговариваясь и раздумывая о том, что услышали, но все снова и снова возвращались к мысли, какая постигла нас беда: мы словно лишились отца и на всю жизнь оставались сиротами.

Было уже близко к закату: Сократ провел во внутренней ком-

¹ Платон. Соч. т. 2, М., 1970.

нате много времени. Вернувшись после мытья, он сел и уже больше почти не разговаривал с нами. Появился прислужник Одиннадцати и, ставши против Сократа, сказал:

— Сократ, мне, видно, не придется жаловаться на тебя, как обычно на других, которые бушуют и проклинаят меня, когда я, по приказу властей, объявляю им, что пора пить яд. Я уж и раньше за это время убедился, что ты самый благородный, самый смирный и самый лучший из людей, какие когда-нибудь сюда попадали. И теперь я уверен, что ты не гневаешься на меня. Ведь ты знаешь виновников и на них, конечно, и гневаешься. Ясное дело, тебе уже понятно, с какой вестью я пришел. Итак, прощай и постарайся как можно легче перенести неизбежное.

Тут он заплакал и повернулся к выходу. Сократ взглянул на него и промолвил:

— Прощай и ты. А мы все исполним как надо.— Потом, обратившись к нам, продолжал: — Какой обходительный человек! Он все это время навещал меня, а иногда беседовал со мной, просто замечательный человек! Вот и теперь, как искренне он меня оплакивает. Однако ж, Критон, послушаемся его — пусть принесут яд, если уже стерли. А если нет, пусть сотрут.

А Критон в ответ:

— Но ведь солнце, по-моему, еще над горами, Сократ, еще не закатилось. А я знаю, что другие принимали отраву много спустя после того, как им прикажут, ужинали, пили вволю, а иные даже наслаждались любовью, с кем кто хотел. Так что не торопись, время еще терпит.

А Сократ ему:

— Вполне понятно, Критон, что они так поступают,— те, о ком ты говоришь. Ведь они думают, будто этим что-то выгадают. И не менее понятно, что я так не поступлю. Я ведь не надеюсь выгадать ничего, если выпью яд чуть попозже, и только сделаюсь смешон самому себе, цепляясь за жизнь и дрожа над последними ее остатками. Нет, нет, не спорь со мной и делай, как я говорю.

Тогда Критон кивнул рабу, стоявшему неподалеку. Раб удалился, и его не было довольно долго; потом он вернулся, а вместе с ним вошел человек, который держал в руке чашу со стертым ядом, чтобы поднести Сократу. Увидев этого человека, Сократ сказал:

— Вот и прекрасно, любезный. Ты со всем этим знаком — что же мне надо делать?

— Да ничего,— отвечал тот,— просто выпей и ходи до тех пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда ляг. Оно подействует само.

С этими словами он протянул Сократу чашу. И Сократ взял ее с полным спокойствием, Эхекрат,— не задрожал, не побледнел, не изменился в лице, но, по всегдашней своей привычке, взглянул на того чуть исподлобья и спросил:

— Как, по-твоему, этим напитком можно сделать возлияние кому-нибудь из богов или нет?

— Мы стираем ровно столько, Сократ, сколько надо выпить.
— Понимаю, — сказал Сократ. — Но молиться богам и можно и нужно — о том, чтобы переселение из этого мира в иной было удачным. Об этом я и молю, и да будет так.

Договорив эти слова, он поднес чашу к губам и выпил до дна — спокойно и легко.

До сих пор большинство из нас еще как-то удерживалось от слез, но, увидев, как он пьет и как он выпил яд, мы уже не могли сдержаться себя. У меня самого, как я ни крепился, слезы лились ручьем. Я закрылся плащом и оплакивал самого себя — да! не его я оплакивал, но собственное горе — потерю такого друга! Критон еще раньше моего разразился слезами и поднялся с места. А Апполдор, который и до того плакал, не переставая, тут зарыдал и заголосил с таким отчаянием, что всем надорвал душу, всем, кроме Сократа. А Сократ промолвил:

— Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, — ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!

И мы застыдились и перестали плакать.

Сократ сперва ходил, потом сказал, что ноги тяжелеют, и лег на спину: так велел тот человек. Когда Сократ лег, он ощупал ему ступни и голени и спустя немного — еще раз. Потом сильно стиснул ему ступню и спросил, чувствует ли он. Сократ отвечал, что нет. После этого он снова ощупал ему голени и, понемногу ведя руку вверх, показывал нам, как тело стынет и коченеет. Наконец, прикоснувшись в последний раз и сказал, что, когда холод наступит к сердцу, он отойдет.

Холод добрался уже до живота, и тут Сократ раскрылся — он лежал, закутавшись, — и сказал (это были его последние слова):

— Критон, мы должны Асклению петуха². Так отдайте же, не забудьте.

— Непременно, — отозвался Критон. — Не хочешь ли еще что-нибудь сказать?

Но на этот вопрос ответа уже не было. Немного спустя он вздрогнул и слугитель открыл ему лицо: взгляд Сократа остановился. Увидев это, Критон закрыл ему рот и глаза.

Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека — мы вправе это сказать — самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого.

² Выздоровливающий приносил Асклению, богу врачевания, петуха. Сократ считает, что смерть для его души — выздоровление и освобождение от земных невзгод (из комментариев ко II т. Собр. соч. под ред. Лосева А. Ф.)

Феофраст (Теофраст, ок. 370 — 288 г. до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, друг и последователь Аристотеля, после смерти последнего (322 г. до н. э.) в течение 34 лет возглавлял созданную им школу («Лицей»). Автор многочисленных произведений по всем отраслям знания своей эпохи, дошедшим до нас лишь частично. Развивал материалистические стороны учения Аристотеля. Разработал

метод наблюдения, использующего приемы индуктивного обобщения и классификации на основе сходств и различий индивидуальных предметов. Последовательно применял этот метод в ботанике, «отцом» которой он считается, а также в характерологии, где он дал одно из первых описаний человеческих типов. Соч.: Исследование о растениях. М., 1951; Характеры Л., 1974.

В своих «Характерах» Феофраст специфическим образом раскрывает термин «характер». Основу его типов составляет одна ярко выраженная (всегда отрицательная) черта, определяющая социальное поведение, или нравственный облик человека. В результате создаются образы-гротески, или образы-символы, обличающие различные социальные пороки. В них отсутствуют прочие индивидуальные качества носителей этих пороков.

Таким образом, в «Характерах» мы встречаемся с изображением черт личности в узком значении этого последнего слова.

Г. Олпорт (см. его статью) отмечает очень поучительный прием, которым пользуется Феофраст: он помещает свой персонаж в серию различных ситуаций, и в каждой из них прослеживает его поведение, обнаруживая в серии поступков печать одной и той же доминирующей черты. По мнению Олпорта, этот прием — один из тех, которые безусловно должна усвоить психология в своих лабораторных и клинических исследованиях личности.

Из 30 зарисовок Феофраста мы выбрали три. В них через яркие жанровые картинки быта афинского жителя своего времени Феофраст изображает «вечные черты»: недоверчивость, льстивость, бестактность.

Феофраст

ХАРАКТЕРЫ¹

НЕДОВЕРЧИВОСТЬ

(1) Недоверчивость — это какая-то склонность подозревать всех в нечестности. А недоверчивый вот какой человек. (2) Отправив на рынок раба за съестным, он посылает за ним вслед другого разу-

¹ Феофраст. Характеры. Л., 1974.

знать, почем тот покупал. (3) В дороге даже сам несет свои деньги и через каждый стадий присаживается и пересчитывает их. (4) Лежа в постели, спрашивает жену, заперла ли она денежный сундук и запечатала ли шкаф с серебряной посудой, заложила ли на большой засов дверь во двор; и даже если жена подтвердит все это, он вскакивает нагишом с постели, зажигает светильник и босой бегаёт вокруг, чтобы все проверить, и только после этого едва-едва засыпает. (5) У должников он требует проценты при свидетелях, чтобы они не могли отпереться. (6) Свой плащ он скорее отдаст в чистку не тому сукновалу, кто лучше всего выполнит работу, но тому, кто выставит верного поручителя. (7) Приди кто-нибудь просить у него займы серебряных кубков, он обычно отказывает; если же проситель какой-нибудь родственник или близкий человек, то отдает кубки, но чуть ли не подвергнув их пробе на огне и взвесив, и даже, пожалуй, потребует поручителя. (8) Провожаящему его рабу он велит идти не сзади, а впереди, чтобы наблюдать, как бы тот не удрал по дороге. (9) Если какой-нибудь покупатель скажет ему: «Запиши за мной, сейчас мне некогда с тобой рассчитаться», он отвечает: «Не беспокойся! Я буду ходить за тобой следом, пока ты не освободишься».

ЛЬСТИВОСТЬ

Лесть можно определить как недостойное обхождение, выгодное льстецу. А льстец вот какой человек. Идя с кем-либо, он говорит спутнику: «Обрати внимание, как все глядят на тебя и дивятся. Ни на кого ведь в нашем городе не смотрят так, как на тебя! Вчера тебя расхваливали под Портиком. А там ведь сидело больше тридцати человек. И когда речь зашла о том, кто самый благородный, то все (и я прежде всего) сошлись на твоём имени». Продолжая в таком духе, льстец снимает пушинку с его плаща, и если тому в бороду от ветра попала соломинка, то вытаскивает её и со смешком говорит: «Смотри-ка! Два дня мы с тобой не видались, а уже в бороде у тебя полно седых волос, хотя для твоих лет у тебя волос черен, как ни у кого другого». Стоит только спутнику открыть рот, как льстец велит всем остальным замолчать, и если тот поет, то расхваливает, а по окончании песни кричит: «Браво!» А если спутник отпустит плоскую шутку, льстец смеется, затыкая рот плащом, как будто и в самом деле не может удержаться от смеха. Встречным он велит остановиться и ждать, пока «сам» не пройдет. Накупив яблок и груш, он угощает детей на глазах отца и целует их со словами: «Славного отца птенцы». Покупая вместе с ним сапоги, льстец замечает: «Твоя нога гораздо изящнее этой обуви». Когда тот отправляется навестить кого-нибудь из друзей, он забегает вперед со словами: «К тебе идут!», а затем, возвратившись, объявляет: «Я уже известил о твоём приходе». Мало того, он способен даже, не переводя духа, таскать покупки с женского рынка.

Первым из гостей он расхваливает хозяйское вино и приговаривает: «Да и в еде ты знаешь толк!» Затем, попробовав что-нибудь со стола, повторяет: «Что за славный кусочек!» Пристает к хозяину с вопросами: не холодно ли ему, не накинуть ли на него чего-нибудь и — не дожидаясь ответа — закутывает его. С хозяином льстец шепчется, а во время разговора с другими оглядывается на него. В театре льстец сам подкладывает ему подушку, отняв ее у раба. И дом-то его, по словам льстеца, прекрасно построен, и земельный участок отлично обработан, и портрет похож.

БЕСТАКТНОСТЬ

Бестактность — это неумение выбрать подходящий момент, причиняющее неприятность людям, с которыми общаешься, а бестактный вот какой человек. К занятому человеку он приходит за советом и врывается с толпой бражников в дом своей возлюбленной, когда та лежит в лихорадке. К уже пострадавшему при поручительстве он обращается с просьбой быть его поручителем. Когда предстоит выступить свидетелем, он является в суд уже по окончании дела. На свадьбе начинает поносить женский пол. Человека, который только что пришел домой усталый, он приглашает на прогулку. Он способен к продавшему что-нибудь привести покупателя, который предлагает более высокую цену. В собрании, когда все уже знают и поняли сущность дела, он встает и начинает рассказывать все сначала. Он усердно предлагает свою помощь в деле, которое начавший его хотел бы прекратить. За причитающимися ему процентами он является как раз после того, как его должник потратился на жертвоприношение. Когда раба наказывают ударами бича, он стоит тут же и рассказывает, кстати, как у него как-то раб повесился после бичевания. В третейском суде он старается поссорить стороны, желающие примириться. Пускаясь в пляс, тащит за собой соседа, который еще не пьян.

Кант (Kant)
1724 — 12 февр.
философ, родо-
классического
так называемо
«трансцендентал
В «докритическ
выполнил ряд и
ненных матери
естественного ра
Земли.
Переход к «кри
знаменует по
ципальные грани
способностей чело
прос об условиях
верного знания в м
вознании, И. Кант
ию особых «апр
ных) форм созери
Установленные Ка
(противоречия) ра
для него основание
сшей самих по с
или способов обна
ней в опыте, а так
на, что теоретическо
тупны только «я
Канта оказало ог
на развитие научной
мисли, в частности, с

Приводимый отры
в образной,
Это, прежде всего,
«просто хара
человек обладае
твёрдыми, уста
от этого можно гово
природа. Для
человек обладает ха
принципы ложны ил

Кант (Kant) Иммануил (22 апреля 1724 — 12 февраля 1804) — немецкий философ, родоначальник немецкого классического идеализма, основатель так называемого критического, или «трансцендентального», идеализма. В «докритический» период (до 1770) выполнил ряд исследований, объединенных материалистической идеей естественного развития вселенной и Земли.

Переход к «критическому» периоду знаменуется попыткой указать принципиальные границы познавательных способностей человека. Исследуя вопрос об условиях возможности достоверного знания в математике и естествознании, И. Кант пришел к допущению особых «априорных» (доопытных) форм созерцания и рассудка. Установленные Кантом «антиномии» (противоречия) разума послужили для него основанием для различения «вещей самих по себе» и «явлений» или способов обнаружения этих вещей в опыте, а также для утверждения, что теоретическому познанию доступны только «явления». Учение Канта оказало огромное влияние на развитие научной и философской мысли, в частности, оно стало исход-

ным пунктом и стимулом для разработки диалектики у Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Вместе с тем философия Канта имеет отчетливо выраженный агностический и дуалистический характер, в силу чего в нем нашли опору некоторые реакционные направления последующей буржуазной философии.

«Антропология», отрывок из которой публикуется в хрестоматии, принадлежит позднему периоду творчества Канта. В соответствии с мыслью Канта, человек — существо, принадлежащее двум различным мирам: миру природы, где он подчиняется естественной необходимости, и миру свободы, где он выступает как нравственно самоопределяющееся существо.

Соч.: Соч., тт. 1—6. М., 1963—1966. Трактаты и письма. М., 1981.

Лит.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд., т. 3; Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд., т. 18; Фишер К. История новой философии, т. 4—5. Спб., 1906—1910; Виндельбанд В. История новой философии, т. 2. Спб., 1905; Асмус В. Ф. Философия И. Канта. М., 1974; Гулыга А. Кант. 2-е изд. М., 1981.

Приводимый отрывок из И. Канта представляется нам ценным потому, что в нем в образной, почти беллетристической форме раскрываются важные понятия.

Это, прежде всего, понятие личности в узком значении, обозначаемое Кантом термином «просто характер», или «внутренний (моральный) характер». Согласно Канту, человек обладает характером — в указанном смысле, — если он руководствуется твердыми, установленными для себя принципами, «максимами». В отличие от этого можно говорить о характере как «способе чувствования». Его задает человеку природа. Для обозначения его Кант использует термин «темперамент».

Человек обладает характером (т. е. является личностью) и в том случае, если принципы ложны или ошибочны. Такой человек может вызывать отвращение,

но в точном научном смысле он все равно остается личностью. Личность задается формальной структурой — самосознанием: «Это то, что человек сам делает из себя».

Очень интересны мысли Канта о двойственности природы некоторых черт характера (злости, доброты, упорства): они могут быть и свойствами темперамента, и — качественно иными по своей природе — свойствами личности.

Столь же интересно замечание Канта о способе, каким «утверждается характер». Принятие новых принципов обычно происходит не постепенно, а внезапно, создавая впечатление новой эпохи, своего рода возрождения личности. Это наблюдение Канта хорошо подтверждается описаниями «кризисных» событий в жизни личности.

И. Кант

О ХАРАКТЕРЕ КАК ОБРАЗЕ МЫСЛЕЙ¹

Сказать о человеке просто, что у него *характер* — значит не только *сказать* о нем очень много, но и сказать это многое в *похвалу* ему, ибо это редкость, которая вызывает у других уважение и удивление. Если под этим словом разумеют вообще то, чем несомненно обладает данный человек, будет ли это хорошее или дурное, то обычно к этому прибавляют, что у него *тот* или *иной* характер, и тогда этим словом обозначают *способ* его *чувствования*. Но просто иметь характер — значит обладать тем свойством воли, благодаря которому субъект делает для себя обязательными определенные практические принципы, которые он собственным разумом предписывает себе как нечто неизменное. Хотя эти принципы иногда бывают ложными и ошибочными, все же формальное в воле вообще, а именно [правило] поступать согласно твердым принципам (а не бросаться туда и сюда подобно туче комаров) заключает в себе нечто ценное и достойное удивления, потому оно и бывает редко.

Здесь главное не то, что делает из человека природа, а то, что *он сам делает из себя*; ибо первое относится к темпераменту (причем субъект большей частью бывает пассивным) и только второе свидетельствует о том, что у него характер...

О СВОЙСТВАХ, КОТОРЫЕ СЛЕДУЮТ ТОЛЬКО ИЗ ТОГО, ЧТО У ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ХАРАКТЕР ИЛИ У НЕГО НЕТ ЕГО

1. У *подражателя* (в сфере нравственного) нет характера, ибо характер состоит именно в оригинальности образа мыслей. Человек черпает [его] из им самим открытых источников своего поведения. Но это не значит, что человек разума должен быть поэтому *чужаком*; да он и не будет им, так как он опирается на принципы, значимые для каждого. Подражатель же, как обезьяна, слепо копирует человека, у которого есть характер...

2. Злоба как задаток темперамента все же не так дурна, как доброта из темперамента без характера, ибо благодаря характеру можно одерживать верх над такой злобой. Даже человек (как Сулла) со злым характером бывает предметом удивления, хотя на-

¹ Кант И. Собр. соч., т. 6. М., 1966.

силе, которое он творит, исходя из своих твердых максим, возбуждает отвращение, точно так же вызывает удивление *сила души* в сравнении с *добротой души*, хотя оба [эти свойства] должны были бы существовать вместе в одном и том же субъекте, чтобы проявить то, что имеется больше в идеале, чем в действительности, а именно то, что оправдало бы название *величие души*.

3. Упорство, непреклонность в [осуществлении] своего намерения (как у Карла XII), хотя и представляют собой природные задатки, очень благоприятные для характера, но не составляют еще определенного характера вообще, ибо для этого нужны максимы, которые следуют из разума и морально-практических принципов. Поэтому было бы несправедливо говорить: злоба этого человека — свойство его характера, ибо тогда она была бы чем-то дьявольским; но человек никогда *не одобряет* в себе злое, и потому, собственно, не бывает злости из принципов, она возникает только из пренебрежения ими.

* * *

Итак, лучше всего, если основоположения, касающиеся характера, излагаются негативно:

а. Не говорить преднамеренно неправды, а потому говорить осмотрительно, чтобы не навлечь на себя нареканий в измене своему слову.

в. Не льстить — в глаза казаться благожелательным, а за спиной быть враждебным.

с. Никогда не нарушать своего (свободно данного) обещания; сюда относится также: *помнить* о дружбе даже после того, как она прекращена, и впоследствии не злоупотреблять прежней доверчивостью и откровенностью другого.

д. Никогда не иметь дружеского общения с человеком дурного образа мыслей и, памятуя выражение *poscitur ex socio est*², ограничиваться только деловым общением с ним.

е. Не обращать внимания на болтовню, основывающуюся на поверхностном и злобном суждении других, ибо противоположное уже обнаруживает слабость; точно так же не очень бояться идти против моды, которая есть нечто скоротечное и изменчивое; а если она уже приобрела некоторое серьезное влияние, не распространять по крайней мере ее заповеди на нравственность.

Человек, который в своем образе мыслей сознает в себе характер, имеет этот характер не от природы, а каждый раз должен его иметь *приобретенным*. Можно даже допустить, что утверждение его характера подобно некоему возрождению составляет какую-то торжественность обета, данного самому себе, и делает для него неизбежаемым это событие и тот момент, когда, как бы полагая новую эпоху, в нем произошла эта перемена. Воспитание, примеры и

² От самого человека не узнаем того, что узнаем о нем от его товарища (лат.).

наставление, могут вызвать эту твердость и устойчивость в принципах вообще не *постепенно*, а внезапно, как бы путем взрыва, который сразу же следует за утомлением от неопределенного состояния инстинкта. Может быть, немного найдется людей, которые испытали эту революцию до тридцатилетнего возраста, а еще меньше найдется людей, которые твердо осуществили ее до сорокалетнего возраста. Пытаться постепенно стать лучше — это напрасный труд, ибо в то время как работают над одним впечатлением, гаснет другое; утверждение же характера есть абсолютное единство внутреннего принципа образа жизни вообще. Говорят также, что *поэты* не имеют характера, например, что они скорее готовы оскорбить своих лучших друзей, чем отказаться от какой-либо остроумной выдумки; говорят, что нечего искать характер у придворных, которые должны подлаживаться ко всяким формам; что плохо обстоит дело с твердостью характера у духовных лиц, которые должны в одинаковом настроении ухаживать и за господом на небе, и за господом на земле; что, следовательно, иметь внутренний (моральный) характер — это есть и остается лишь благим желанием. Но, быть может, в этом, виноваты *философы*, поскольку они никогда не представляли отдельно это понятие в достаточно ясном свете, а представляли добродетель только фрагментарно, но никогда не пытались представить ее целиком во всем ее прекрасном облике и сделать ее интересной для всех людей.

Одним словом, правдивость во внутреннем признании перед самим собой, а также в отношениях с каждым другим, если она стала высшей максимой, — вот единственное доказательство сознания человека, что у него есть характер; а так как иметь такой характер — это минимум того, чего можно требовать от разумного человека, а вместе с тем и максимум его внутренней ценности (человеческого достоинства), то принципиальность (обладание определенным характером) должна быть доступна самому обыкновенному разуму, и в смысле достоинства она ставит такого человека выше самого большого таланта.

Гоголь Николай
1809 — 4 марта
писатель. По
гимназии в
Н. В. Гоголь
предполагая
ции. Однако а
ской столицы э
ся от своего
несколько мест
литературная р
его другие заня
лось знакомств
А. С. Пушкиным
влияние на фор
голя как писа
известность при
«Вечера на хуто
(1832). Вслед
сборники рассказ
зор» (1836). В
голь уехал за гр
до 1848 года, нео
ясь в Россию. В
работать над гла
ведением — пер
«Мертвые души».
ре повесть «Шин
вок из которой пу
матии, продолжа
позднего Гоголя
человека, поднятук
сумасшедшего». Гр

Образ Акакия
мер бедной, незна
отмечает чрезвычай
кия Акакиевича. Это
выступает как безл
ведущую деятельность
бумаг для Акакия А
все мысли его, служ
копей, создает ощу
впечатления или стор
Хотя Н. В. Гого
Акакиевича, из всего

Гоголь Николай Васильевич (1 апреля 1809 — 4 марта 1852). — русский писатель. По окончании Нежинской гимназии высших наук (1828) Н. В. Гоголь приехал в Петербург, предполагая посвятить себя юстиции. Однако атмосфера бюрократической столицы заставила его отказаться от своего намерения. Он меняет несколько мест службы. Постепенно литературная работа вытеснила все его другие занятия. В 1831 г. состоялось знакомство Н. В. Гоголя с А. С. Пушкиным, оказавшим большое влияние на формирование Н. В. Гоголя как писателя. Литературную известность принесли Н. В. Гоголю «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1832). Вслед за этим появляются сборники рассказов и комедия «Ревизор» (1836). В 1836 году Н. В. Гоголь уехал за границу и пробыл там до 1848 года, неоднократно возвращаясь в Россию. В Италии он продолжал работать над главным своим произведением — первым томом поэмы «Мертвые души». Появившаяся вскоре повесть «Шинель» (1842), отрывок из которой публикуется в хрестоматии, продолжает волновавшую позднего Гоголя тему «маленького» человека, поднятую еще в «Записках сумасшедшего». Гротескная разработ-

ка этой темы Гоголем позволяет ему с невиданной до того остротой наметить многие проблемы, подхваченные впоследствии Ф. М. Достоевским. В 1847 г. Н. В. Гоголь выпустил книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», где выступил с религиозно-либералистической проповедью нравственного обновления русского общества того времени. Известная критика этой книги была дана В. Г. Белинским в его письме к Гоголю. Социальная позиция позднего Гоголя была глубоко противоречивой: обличая нравственные устои современного ему русского общества (многие главы «Выбранных мест» были запрещены цензурой), он вместе с тем признавал монархию, официальную церковь и крепостное право. Анализ этой противоречивости был дан в работах русских революционных демократов В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и др.

Соч.: Полн. собр. сочинений, т. 1—14. М., 1937—1952.

Лит.: Белинский В. Г. О Гоголе. М., 1949; Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь. — В кн.: Архаисты и новаторы. Л., 1929; Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934; Эйхенбаум Б. М. О прозе. М., 1970.

Образ Акакия Акакиевича Башмачкина — ставший уже классическим пример бедной, незначительной личности. Анализируя этот образ, А. Н. Леонтьев отмечает чрезвычайную узость основания, на котором зиждется личность Акакия Акакиевича. Это — страсть к переписыванию казенных бумаг. То, что обычно выступает как безличная операция, для Акакия Акакиевича превратилось в ведущую деятельность. Мы находим все признаки того, что переписывание бумаг для Акакия Акакиевича — действительно ведущий мотив: оно поглощает все мысли его, служит источником разнообразных приятных переживаний, наконец, создает ощущение полноты и смысла жизни. В то же время все другие впечатления или стороны жизни для него как бы вовсе не существуют. Хотя Н. В. Гоголь не показывает нам, как сложилась личность Акакия Акакиевича, из всего контекста повести следует, что она — порождение конкрет-

ных социальных условий существования мелкого чиновника. Ведь те собраты по профессии Акакия Акакиевича, которые приводятся как бы для контраста с ним, по существу, мало чем от него отличаются. Их «духовные запросы» не идут дальше «рассматривания кое-каких шляпёнок», «комплиментов какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга» или «модных претензий», сводящихся к приобретению лампы или иной вещицы, «стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний».

Итак, возвращаясь к Акакию Акакиевичу, мы можем повторить, что он — хрестоматийный пример личности низшего уровня. И здесь можно было бы поставить точку. Однако прежде зададим следующие два вопроса.

Достаточно ли это заключение для полного описания и понимания личности Акакия Акакиевича? И — второй вопрос, тесно связанный с первым — следует ли из характеристики личности Акакия Акакиевича как «бедной», «ничтожной» или «низшей» однозначное оценочное отношение к нему?

Над этими вопросами должен задуматься каждый человек, тем более психолог.

В повести Гоголя содержится ответ на эти вопросы, однако он прочитывается как бы между строк. Этот ответ выражен, например, через неожиданное чувство, пронзившее молодого чиновника, который позволил было себе посмеяться над Акакием Акакиевичем, но остановился, вдруг увидев все в ином свете, и через долго потом звучавшие в его ушах слова: «Я брат твой».

Во весь же голос ставит и решает эти вопросы Ф. М. Достоевский. Показ и защита ценности живой души любого, пусть самого «жалкого» человека — один из лейтмотивов всего его творчества. Мы отсылаем читателя к прекрасному анализу этой темы в работе М. М. Бахтина, помещенной в Приложении.

Наконец, процитируем мнение профессионального психолога. А. Ф. Лазурский, завершая описание личностей разных уровней, задает вопрос: нельзя ли уровень психического развития использовать как основу ее этико-социальной оценки? Ответ Лазурского — категорически отрицательный. Таким мерилom, по его мнению, может быть лишь **тенденция к развитию**, присущая любой личности: «И этот именно «священный огонь», это стремление к возможно более полному и всестороннему развитию и проявлению своих духовных сил мы считаем одинаково ценным, будет ли оно проявляться в яркой и разнообразной психике богато одаренного человека или же в бедной, примитивной душе индивидуума, принадлежащего к низшему психическому уровню»¹.

Не имея возможности продолжить здесь обсуждение этих важных вопросов, оставляем их на самостоятельное обдумывание и обсуждение читателей.

Н. В. Гоголь

МИР АКАКИЯ АКАКИЕВИЧА²

Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменилось директоров и всяких начальников, его видели все на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже: «Перепишите»,

¹ Лазурский А. Ф. Классификация личностей. М.—Пг., 1922, с. 30.

² Гоголь Н. В. Повести. М.—Л., 1977.

или «Вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал и тут же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же перед ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докук он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменилось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкой на лбу, со своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой».

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписывании, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой, и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал в статские советники, но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу², да нажил геморрой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписывание, именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место, дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить

² Пряжка — здесь: почетный знак, выдававшийся в дореволюционной России за выслугу лет на гражданской службе.

кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписывания, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета. ...Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, простирающий до того проницательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу пантalon стремешка, — что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел все это с мухами и со всем тем, что ни посылал бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно и получаемому жалованью и собственной прихоти, — когда все уже отдохнуло после департаментского скрипения перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже чем нужно, неугомонный человек, — когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматривание кое-каких шляпенок; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний. < ... > — словом, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра?

Толстой Лев Ни
1828 — 7 ноябр
писатель. В 1844
в Казанском уни
1854 годах служ
казе. В 1854—18
в обороне Севаст
приехал в Петер
с сотрудниками
познакомился с
И. С. Тургеневым
в др. Неудовлетво
чеством, в 1859 г
ратуру и поселяе
создает свою шко
преподают в ней,
ский журнал «Ясн
Аристократ по
воспитанию, Л. Н.
од из духовног
50-х годов в сбли
с его нуждами и и
Живя уединенной и
ью, Л. Н. Толстой
равновесие и нахо
тивном и сосредото
60-е годы — пора р
голения Л. Н.
война и мир»).
в середине 70-х го
нов переживает гл
изменения, котор
ные поиски Л. Н.
мировоззрения
г. «Исповедь»
В это время
многие настроени
с тем он вы
суждением и соци
ружен, официальн
ружен, официальн
Одн

Толстой Лев Николаевич (28 августа 1828 — 7 ноября 1910) — русский писатель. В 1844—1847 годах учился в Казанском университете. В 1851—1854 годах служил в армии на Кавказе. В 1854—1855 годах участвовал в обороне Севастополя. В 1855 году приехал в Петербург, где сблизился с сотрудниками «Современника», познакомился с Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым и др. Неудовлетворенный своим творчеством, в 1859 году оставляет литературу и поселяется в деревне, где создает свою школу в Ясной Поляне, преподает в ней, издает педагогический журнал «Ясная Поляна».

Аристократ по происхождению и воспитанию, Л. Н. Толстой видит выход из духовного кризиса конца 50-х годов в сближении с народом, с его нуждами и интересами.

Живя уединенной и размеренной жизнью, Л. Н. Толстой обретает душевное равновесие и находит себя в интенсивном и сосредоточенном творчестве. 60-е годы — пора расцвета творческого гения Л. Н. Толстого (роман «Война и мир»).

В середине 70-х годов Л. Н. Толстой вновь переживает глубочайший кризис своего нравственно-философского мировоззрения, который нашел отражение в романе «Анна Каренина». Духовные поиски Л. Н. Толстого и его новое мировоззрение выразились в произведениях конца 70-х — начала 80-х г. «Исповедь» и «В чем моя вера». В это время усиливаются религиозные настроения Л. Н. Толстого. Вместе с тем он выступает с резким обличением и социальной критикой государственных учреждений, суда, церкви, официальной культуры тогдашней России. Однако критика эта

была противоречивой. Учение Л. Н. Толстого включало некоторые элементы социализма (идея создания на месте помещичьего землевладения и полицейски-классового государства общежития свободных и равноправных крестьян). Вместе с тем оно идеализировало патриархальный уклад жизни и рассматривало исторический процесс с точки зрения «вечных» понятий нравственного и религиозного сознания.

В. И. Ленин в своих работах о Л. Н. Толстом раскрыл связь этих противоречий с противоречивой психологией русского пореформенного крестьянства и в этом смысле определил значение Л. Н. Толстого как «зеркала русской революции».

Л. Н. Толстой выступил в это время с проповедью «непротивления злу насилием», считая единственно допустимым способом борьбы со злом его публичное обличение и пассивное неповиновение властям. Путь к грядущему обновлению человека он усматривал исключительно в духовной работе по нравственному самосовершенствованию каждого человека, отвергая возможность политической и революционной борьбы.

В 80-е годы Л. Н. Толстой вновь отходит от литературного творчества и даже осуждает как «барскую забаву» свои прежние произведения. В 90-е годы отдается активной социально-публицистической деятельности.

Вместе с тем в эти годы он пишет свой последний роман «Воскресение». Последние годы жизни Л. Н. Толстой провел в Ясной Поляне. Пытаясь привести образ жизни в согласие со своими убеждениями и тяготясь бытом помещичьей усадьбы, Л. Н. Толстой тайно ушел из Ясной Поляны, по

дороге простудился и умер. Соч.: Полн. собр. соч. М.; Л., 1928 — 1958; Собр. соч., т. 1—20. М., 1960—1965.
Лит.: Ленин В. И. О Л. Н. Толстом. М., 1978; Эйхенбаум Б. Лев Тол-

стой. Семидесятые годы. М., 1960, 4. 3 и приложение; Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого. — В кн.: Литературное наследство, т. 69. М., 1961.

«Исповедь» Л. Н. Толстого — психологический документ необычайной глубины и силы. Пожалуй, равного ему нет в художественной литературе. Накануне своего пятидесятилетия Толстой переживает глубокий душевный кризис. Выйдя из него, он пишет «Исповедь» (1879), которая представляет собой не что иное, как историю развития личности писателя.

Толстой описывает ряд периодов своей жизни. Каждый из них отличается тем главным, что «двигало», по выражению автора, его жизнью. Фактически речь идет о ведущих мотивах, сменявших один другой на протяжении нескольких десятилетий биографии Толстого.

Совершенно замечательны строки, описывающие тот душевный «багаж», с которым 16-летний Толстой вошел во взрослую жизнь. Из детства он вынес смутную веру во что-то хорошее, стремление быть как можно лучше. Главным в этом смутном чувстве, как потом понял Толстой, было стремление к нравственному совершенствованию.

Это наблюдение Толстого иллюстрирует глубокую и очень верную мысль, высказывавшуюся многими знатоками человеческой жизни, — мысль о том, что именно в детстве, в благополучном детстве, закладываются нравственные основы личности. По мысли Ф. М. Достоевского, без счастливого детства человек не может стать нравственным. О том же пишет Л. Н. Толстой в известных строках: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений»¹.

Переживания юного Толстого того периода служат также выразительным примером еще плохо осознанного стремления к самоактуализации — так интенсивно обсуждающего сейчас в научной психологической литературе.

С точностью подлинного научного анализа Толстой показывает далее, как его стремление к совершенствованию «вообще» стало конкретизироваться («опредмечиваться») и одновременно — в силу специфики социального окружения — искажаться, превращаясь в стремление быть как можно лучше уже не перед богом или самим собой, а перед другими людьми, быть славнее, важнее, богаче других.

Очень ясно показывает Толстой механизм совершающейся здесь трансформации и дальнейшего усложнения — развития личности. На пороге взрослой жизни чрезвычайно мощным оказывается «социальный» мотив — стремление получить признание людей своего круга, найти место среди них. Но это возможно лишь при условии удовлетворения «социальных ожиданий», направленных на личность: «Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого и я чувствовал, что мною довольны».

В обществе русского дворянства, окружавшем Толстого, уважались «честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть». И вот жажда «стать большим» или даже «стать похожим на большого» приводит к тому, что вся эта «система ценностей» начинает определять действия и поступки молодого человека.

Так возникает драматический момент в жизни личности, знакомый, по справедливому замечанию Толстого, многим и многим. Стремление к добру, нравственности наталкивается на необходимость поступать жестоко, несправедливо, безнравственно. И что самое главное — эта вначале, внешняя необходимость становится внутренней движущей силой, мотивами или «страстями», которым молодой Толстой начинает предаваться.

¹ Толстой Л. Н. Детство, отрочество, юность. М., 1979.

Конфликт, который возникает при этом между новыми «нравственными» мотивами и пока еще смутным, но глубоким, вынесенным из детства нравственным чувством (нравственные потребности), имеет целиком социальное происхождение. По существу, это отражение в душевной жизни личности двух противостоящих во внешнем мире начал: добра и зла.

Молодому Толстому удалось избежать той «ловушки» или тупика, которые были уготованы его личности его социальным окружением. Об этой опасности он очень выразительно пишет в другом месте: «Главное зло состояло в том убеждении, что *comme il faut*² есть самостоятельное положение в обществе, что человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни ученым, когда он *comme il faut*; что, достигнув этого положения, он уже исполняет свое назначение и даже становится выше большей части людей. ...Эта участь ожидала меня»³.

Однако Толстой быстро перерастает рамки своей «социальной роли». Он увлекается писательской деятельностью; затем с головой уходит в занятия народным образованием. Следующий период — женитьба, увлечение семейной жизнью, воспитание детей, хозяйство. Страстная натура Толстого заставляла его бурно переживать каждый новый период его жизни. Может быть поэтому ему удается довольно быстро изживать свои *ведущие мотивы*.

Но дело еще и в другом. Очень отчетливо из текста «Исповеди» выступает еще одно свойство автора: на протяжении всех периодов он ни на минуту не прекращал напряженную аналитическую работу, направленную на познание себя и других. Со свойственной ему глубиной и силой ума, критичностью и откровенностью Толстой пытался понять, чем живут окружающие его люди, каковы их *истинные мотивы* и ради чего действует он сам. Эта работа приводит к ряду открытий-разочарований, после которых он уже не может вернуться к прежним занятиям.

Так, в «Исповеди» отчетливо просматриваются две линии развития личности. Одна — процесс *стихийного развития и смены мотивов*; он особенно выражен в первые периоды, когда, по выражению Толстого, он был еще «пьян жизнью». Другая — все более и более переплетающаяся с первой — напряженная работа сознания и самосознания.

Эта работа, а точнее весь процесс в целом, приводит к одному из самых острых событий психологической биографии писателя. Многократные попытки ответить на конкретные вопросы: «Для чего я это делаю?» — сливаются в общий интегральный вопрос: «Для чего я живу?»

К этому времени осознанность становится настолько характерной чертой всего строя личности Толстого, что без ответа на этот вопрос он не может продолжать жить.

Трудно переоценить значение для психологии личности описания Толстым этого его главного кризиса. Здесь важно все — и процесс его постепенного наступления, и содержания мыслей, переживаний, поисков в его кульминационный период, наконец, способ выхода из него. Эти страницы «Исповеди» особенно замечательны тем, что в них сила переживания и ищущего ума Толстого слились с силой его писательского таланта.

Психология только подходит к серьезному анализу подобных событий в жизни личности. И сказать о них значительное слово ей еще предстоит.

Сейчас же мы можем совершенно определенно сказать, что поиск смысла жизни — в том виде, как он изображен Толстым — есть одна из самых главных и высших функций личности, особенно той ее инстанции, которая определяется как ее самосознание.

Мы обрываем фрагмент из «Исповеди» в самом начале описания кризисного периода.

² Досл. благовоспитанный человек (фр.) — этим словом для Толстого обозначался идеальный представитель его круга. В этот «идеал» входило совершенное знание французского языка, длинные очищенные ногти, умение кланяться, танцевать, разговаривать, равнодушие ко всему и пр.

³ Толстой Л. Н. Детство, отрочество, юность. М., 1979, с. 207.

Нужно сказать несколько слов о том психологическом выходе, который нашел для себя в конце концов Толстой. Он очень знаменателен.

Одно из главных рассуждений, к которому постепенно пришел Толстой, состояло в том, что в своих поисках, гордых и одиноких, он оторвался от многих и многих миллионов людей, живших до него и живущих теперь — и в этом была его ошибка.

«С тех пор, как началась какая-нибудь жизнь людей, у них уже был этот смысл жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Все, что есть во мне и около меня, — все и плотское и неплотское, все это — плод их знания жизни. Те самые орудия мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее, — все это не мной, а ими сделано. Сам я родился, воспитался, вырос благодаря им. Они выковали железо, научили рубить лес, приручили коров, лошадей, научили сеять, научили жить вместе, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. И я-то — их произведение, ими вскормленный, вспоенный, ими наученный, их мыслями и словами доказал им, что они — бессмыслица! Тут что-то не так, — говорил я себе»⁴.

В этих замечательных строках Толстого мы находим ростки понимания общественной сущности человека. Человек и его личность — порождения человечества. Через это понимание Толстой и приходит к следующей мысли: чтобы понять смысл своей жизни, нужно приравнять ее не к конечному существованию своего тела, а к «бесконечному началу», для выражения которого люди в скрывающейся глубине веков выработали разные понятия. Среди них — «понятие божественности души, ...сущности души, ...нравственного добра и зла»⁵. И Толстой, по его словам, принимает в себя это начало, сливается с ним.

Так через своего рода субъективное открытие, через приобщение своей индивидуальной личности к ее источнику — духовному наследию человечества — Толстой находит решение мучавших его вопросов.

Л. Н. Толстой

ИСПОВЕДЬ⁶

Я с 16-ти лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть. Я не верил в то, что мне было сообщено с детства, но я верил во что-то. Во что я верил, я никак бы не мог сказать. Верил я и в Бога, или, скорее, я не отрицал Бога, но какого Бога, я бы не мог сказать. Не отрицал я и Христа и Его учения, но в чем было Его учение, я тоже не мог бы сказать.

Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вера моя — то, что, кроме животных инстинктов, двигало моею жизнью — единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была его цель, я бы не мог сказать. Я старался совершенствовать себя умственно, — я учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь, я старался совершенствовать свою волю, — составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовать себя физически, всякими упражнениями изодряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя к выносливости и терпению. И все это я считал совершенствованием. Началом всего было,

⁴ Толстой Л. Н. Исповедь. Спб., 1906, с. 32.

⁵ Там же, с. 38, 48.

⁶ Толстой Л. Н. Исповедь. М., 1911.

разумеется, нравственное совершенствование, но скоро оно подменилось совершенствованием вообще, т. е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед Богом, а желанием быть лучше перед другими людьми. И очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других.

Когда-нибудь я расскажу историю моей жизни — и трогательную и поучительную в эти десять лет моей молодости. Думаю, что многие и многие испытали то же. Я всею душой желал быть хорошим, но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался высказать то, что составляло самые задушевные мои желания, то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли.

Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть — все это уважалось.

Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого и я чувствовал, что мною довольны. Добрая тетушка моя, чистейшее существо, с которой я жил, всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтобы я имел связь с замужней женщиной: «rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut», еще другого счастья она желала мне, того, чтобы я был адъютантом, и лучше всего у государя, и самого большого счастья, того, чтобы я женился на очень богатой девушке и чтобы у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов.

Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеение всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за все это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком.

Так я жил десять лет.

В это время я стал писать из тщеславия, корыстолюбия и гордости. В писаниях своих я делал то же самое, что и в жизни. Для того чтобы иметь славу и деньги, для которых я писал, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я так и делал. Сколько раз я ухитрялся скрывать в писаниях своих под видом равнодушия и даже легкой насмешливости те мои стремления к добру, которые составляли смысл моей жизни. И я достигал этого: меня хвалили.

Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, льстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои попытки сделаться лучше.

Взгляды эти под распушенность моей жизни подставили теорию, которая ее оправдывала.

Взгляд на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию, состоял в том, что жизнь вообще идет развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы — художники, поэты. Наше призвание — учить людей. Для того же, чтобы не представился тот естественный вопрос самому себе: что я знаю и чему мне учить, — в теории этой было выяснено, что это не нужно знать, а что художник и поэт бессознательно учат. Я считался чудесным художником и поэтом, и потому мне очень естественно было усвоить эту теорию. Я — художник, поэт — писал и учил, сам не зная чему. Мне за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещение, женщины, общество; у меня была слава. Стало быть, то, чему я учил, было очень хорошо.

Вера эта в значение поэзии и в развитие жизни была вера, и я был одним из жрецов ее. Быть жрецом ее было очень приятно и выгодно. И я довольно долго жил в этой вере, не сомневаясь в ее истинности. Но на второй, и в особенности, на третий год такой жизни я стал сомневаться в непогрешимости этой веры и стал ее исследовать. Первым поводом к сомнению было то, что я стал замечать, что жрецы этой веры не все были согласны между собой. Одни говорили: мы — самые хорошие и полезные учителя, мы учим тому, что нужно, а другие учат неправильно. А другие говорили: нет, мы — настоящие, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали друг против друга. Кроме того, было много между ними людей и не заботящихся о том, кто прав, кто не прав, а просто достигающих своих корыстных целей и с помощью этой нашей деятельности. Все это заставило усомниться в истинности нашей веры.

Кроме того, усомнившись в истинности самой веры писательской, я стал внимательно наблюдать жрецов ее и убедился, что почти все жрецы этой веры, писатели, были люди безнравственные и, в большинстве люди плохие, ничтожные по характерам — много ниже тех людей, которых я встречал в моей прежней разгульной и военной жизни, — но самоуверенные и довольные собой, как только могут быть довольны люди совсем святые или такие, которые и не знают, что такое святость. Люди эти мне опротивели, и сам себе я опротивел, и я понял, что вера эта — обман...

Теперь, вспоминая об этом времени, о своем настроении тогда и настроении тех людей (таких, впрочем, и теперь тысячи), мне и жалко, и страшно, и смешно, возникает именно то чувство, которое испытываешь в доме сумасшедших.

Мы все тогда были убеждены, что нам нужно говорить и говорить, писать, печатать — как можно скорее, как можно больше, что все это нужно для блага человечества. И тысячи нас, отрицая, ругая один другого, все печатали, писали, поучая других. И не замечая того, что мы ничего не знаем, что на самый простой

вопрос жизни: что хорошо, что дурно, — мы не знаем, что ответить, — мы все, не слушая друг друга, все в раз говорили, иногда потакая друг другу и восхваляя друг друга, с тем, чтобы и мне потакали и меня хвалили, иногда же раздражаясь друг против друга, точно так, как в сумасшедшем доме.

Тысячи работников дни и ночи из последних сил работали, набирали, печатали миллионы слов, и почта развозила их по всей России, а мы все еще больше учили и никак не успевали всему научить, и все сердились, что нас мало слушают.

Ужасно странно, но теперь все понятно. Настоящим задушевым нашим рассуждением было то, что мы хотим как можно больше получать денег и похвал. Для достижения этой цели мы ничего другого не умели делать, как только писать книжки и газеты...

Так я жил, предаваясь этому безумию, еще шесть лет, до моей женитьбы. В это время я поехал за границу. Жизнь в Европе и сближение мое с передовыми и учеными европейскими людьми утвердила меня еще больше в той вере совершенствования вообще, в которой я жил, потому что ту же самую веру я нашел и у них. Вера эта приняла во мне ту обычную форму, которую она имеет у большинства образованных людей нашего времени. Вера эта выражалась словом «прогресс». Тогда мне казалось, что этим словом выражается что-то. Я не понимал еще того, что мучимый, как всякий живой человек, вопросами, как мне лучше жить, я, отвечая: жить сообразно с прогрессом, — отвечаю совершенно то же, что ответит человек, несомый в лодке по волнам и по ветру, на главный и единственный для него вопрос: «куда держаться» — если он, не отвечая на вопрос, скажет: «нас несет куда-то».

Тогда я не замечал этого. Только изредка — не разум, а чувство возмущалось против этого общего в наше время суеверия, которым люди заслоняют от себя свое непонимание жизни. Так, в бытность мою в Париже, вид смертной казни обличил шаткость моего суеверия прогресса. Когда я увидел, как голова отделилась от тела, и то и другое врозь застучало в ящик, я понял — не умом, а всем существом, — что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка и что если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира, находили, что это нужно, — я знаю, что не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорят и делают люди, и не прогресс, а я со своим сердцем. Другой случай сознания недостаточности для жизни суеверия прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил, и еще менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему во время его медленного и мучительного умирания. Но это были только редкие случаи сомнения, в сущности же я продолжал жить, исповедуя только веру в про-

гресс. «Все развивается, и я развиваюсь; а зачем это я развиваюсь вместе со всеми, это видно будет». Я тогда так бы должен был формулировать свою веру.

Вернувшись из-за границы, я поселился в деревне и попал на занятие крестьянскими школами. Занятие это было мне особенно по сердцу, потому что в нем не было той, ставшей для меня очевидной, лжи, которая уже резала мне глаза в деятельности литературного учительства. Здесь я тоже действовал во имя прогресса, но я уже относился критически к самому прогрессу. Я говорил себе, что прогресс в некоторых явлениях своих совершался неправильно и что вот надо отнестись к первобытным людям, крестьянским детям, совершенно свободно, предлагая им избрать тот путь прогресса, который они захотят. В сущности же, я вертелся все около одной и той же неразрешимой задачи, состоящей в том, чтобы учить, не зная чему...

В продолжение года я занимался посредничеством, школами и журналом и так измучился, что заболел более духовно, чем физически, — бросил все и поехал в степь к башкирам — дышать воздухом, пить кумыс и жить животной жизнью.

Вернувшись оттуда, я женился. Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время в семье, в жене, в детях и потому в заботах об увеличении средств жизни. Стремление к усовершенствованию, подмененное уже прежде стремлением к усовершенствованию вообще, к прогрессу, теперь подменилось уже прямо стремлением к тому, чтобы мне с семьей было как можно лучше.

Так прошло еще пятнадцать лет.

Так я жил, но пять лет тому назад со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить по-прежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и все в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачем? Ну, а потом?

Сначала мне показалось, что это так — бесцельные, неуместные вопросы. Мне казалось, что это все известно и что, если когда я захочу заняться их решением, это не будет стоить мне труда, — что теперь мне только некогда заниматься, а когда вздумаю, тогда и найду ответы. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнее и настоятельнее требовались ответы, и как точки, падая все на одно место, сплотились эти вопросы, без ответов, в одно черное пятно.

Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельной внутренней болезнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно

нераздельное по времени страдание. Страдание растет, и больной не успеет оглянуться, как уже сознает, что то, что он принимал за недомогание, есть то, что для него значительнее всего в мире, что это — смерть.

То же случилось и со мной. Я понял, что это — не случайное недомогание, а что-то очень важное, и что если повторяются все те же вопросы, то надо ответить на них. И я попытался ответить. Вопросы казались такими глупыми, простыми, детскими вопросами. Но только что я тронул их и попытался разрешить, я тотчас же убедился, во-первых, в том, что это не детские и глупые вопросы, а самые важные и глубокие вопросы в жизни, и, во-вторых, в том, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думал, разрешить их. Прежде чем заняться самарским имением, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать. Пока я не знаю — зачем, я не могу ничего делать, я не могу жить. Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну, хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..» И я совершенно опешил и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «Мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну, хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну и что же?» ...И я ничего и ничего не мог ответить. Вопросы не ждут, надо сейчас ответить; если не ответишь, нельзя жить. А ответа нет.

Я почувствовал, что то, на чем я стоял, подломилось, что мне стоять не на чем, что того, чем я жил, уже нет, что мне нечем жить.

Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Если я желал чего, я впредь знал, что удовлетворю или не удовлетворю мое желание, из этого ничего не выйдет. Если бы пришла волшебница и предложила мне исполнить мое желание, я бы не знал, что сказать. Если есть у меня нежелания, но привычки желаний прежних, в пьяные минуты, то я в трезвые минуты знаю, что это — обман, что я догадывался. Даже узнать истину я не мог желать, потому что я догадывался, в чем она состояла. Истина была та, что жизнь есть бессмыслица. Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти, я ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме гибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видеть, что ничего нет впереди, кроме страданий и настоящей смерти — полного уничтожения.

Со мной сделалось то, что я, здоровый счастливый человек,

почувствовал, что я не могу более жить, — какая-то непреодолимая сила влекла меня к тому, чтобы как-нибудь избавиться от жизни. Нельзя сказать, чтобы я хотел убить себя.

Сила, которая влекла меня прочь от жизни, была сильнее, полнее, общее хотения. Это была сила, подобная прежнему стремлению к жизни, только в обратном отношении. Я всеми силами стремился прочь от жизни. Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести ее слишком поспешно в исполнение. Я не хотел торопиться только потому, что хотелось употребить все усилия, чтобы распутаться: если не распутаюсь, то всегда успею. И вот тогда я, счастливый человек, прятал от себя шнурок, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами в своей комнате, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни. Я сам не знал, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь от нее и, между тем, чего-то еще надеялся от нее.

И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем; это было тогда, когда мне не было пятидесяти лет. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети и большое имение, которое, без труда с моей стороны, росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что имя мое славно, без особенного самообольщения. При этом я не только не был помешан или духовно нездоров — напротив, пользовался силой и духовной и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я мог работать на покосах, не отставая от мужиков, умственно я мог работать по 8—10 часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий. И в таком положении пришел я к тому, что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни...

Меня только удивляло то, как я мог не понимать этого в самом начале. Ведь это так давно известно всем. Не нынче-завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня. и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, все забудутся — раньше, позднее, да и меня не будет. Так из чего же хлопотать? Как может человек не видеть этого и жить — вот что удивительно! Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что все это — только обман и глупый обман! Вот именно, что ничего даже нет смешного и остроумного, а просто жестоко и глупо.

Давно уже рассказана восточная басня про путника, застигнутого в степи разъяренным зверем. Спасаясь от зверя, путник вскакивает в безводный колодец, на дне колодца видит дракона, разинувшего пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смея вылезти,

чтобы не погибнуть от разъяренного зверя, не смея спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожранным драконом, ухватывается за ветви растущего в расщелине колодца дикого куста и держится на нем. Руки его ослабевают, и он чувствует, что скоро должен будет отдаться гибели, с обеих сторон ждущей его; но он все держится и видит, что две мыши, одна черная, другая белая, равномерно обходят стволину куста, на котором он висит, подтачивают ее. Вот-вот сам собой обрушится и оборвется куст, и он упадет в пасть дракону. Путник видит это и знает, что он неминуемо погибнет, но пока он висит, он ищет вокруг себя и находит на листьях куста капли меда, достает их языком и лижет их. Так и я держусь за ветви жизни, зная, что неминуемо ждет дракон смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачем я попал на это мучение. И я пытаюсь сосать тот мед, который прежде утешал меня, но этот мед уже не радует меня, а белая и черная мыши день и ночь подтачивают ветку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и мед уже не сладок мне. Я вижу одно — неизбежного дракона и мышей — и не могу отвратить от них взор. И это не басня, а это истинная неоспоримая и всякому понятная правда.

Бахтин Михаил Михайлович (17 ноября 1895 — 17 марта 1975) — советский литературовед, доктор филологических наук, профессор, с 1957 по 1961 гг. — заведующий кафедрой литературы Мордовского государственного университета (Саранск). В 20-е годы М. М. Бахтин интенсивно разрабатывал широкий круг вопросов общей эстетики словесного творчества, а также проблемы методологии и философии языкознания. В 30-е гг. центр интересов М. М. Бахтина переместился в область проблемы исторической поэтики, поэтики литературных жанров и теории романа. В исследованиях 50-х — 70-х гг. Бахтин наметил контуры нового научного предмета — «металингвистики», объектом изучения которой является высказывание как особая единица речи. В эти же годы появляется ряд работ М. М. Бахтина, посвященных общим вопросам философии и методологии гуманитарных наук. В приводимых фрагментах из монографии М. М. Бахтина раскрывается

один из секретов глубокого психологизма творчества Ф. М. Достоевского. Достоевский, как это показывает автор, сделал предметом художественного изображения совершенно новую действительность — самосознание человека, его содержание, его функцию.

Глубоко гуманистичен в показе Бахтина протест Достоевского против «овнешняющего» и «завершающего» определения личности. Самосознание — точка роста личности, и пока человек жив, «он не сказал своего последнего слова».

Соч.: Фрейдизм. М., 1927 (под псевд. В. Н. Волошинов); Формальный метод в литературоведении. М., 1928 (под псевд. П. Н. Медведева); Марксизм и философия языка. 2-е изд. Л., 1930 (под псевд. В. Н. Волошинов); Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1980; Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Эстетика словесного творчества. М., 1979.

М. М. Бахтин

ГЕРОЙ И ПОЗИЦИЯ АВТОРА ПО ОТНОШЕНИЮ К ГЕРОЮ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО¹

Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками, не как определенный облик, слагающийся из черт односмысленных и объективных, в своей совокупности отвечающих на вопрос «кто он?». Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружаю-

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

щей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого.

Это очень важная и принципиальная особенность восприятия героя. Герой как точка зрения, как взгляд на мир и на себя самого требует совершенно особых методов раскрытия и художественной характеристики. Ведь то, что должно быть раскрыто и охарактеризовано, является не определенным бытием героя, не его твердым образом, но *последним итогом его сознания и самосознания*, в конце концов *последним словом героя о себе самом и о своем мире*.

Следовательно, теми элементами, из которых складывается образ героя, служат не черты действительности — самого героя и его бытового окружения, — но значение этих черт для него самого, для его самосознания. Все устойчивые объективные качества героя, его социальное положение, его социологическая и характерологическая типичность, его *habitus*, его душевный облик и даже самая его наружность, т. е. все то, что обычно служит автору для создания твердого и устойчивого образа героя — «кто он», у Достоевского становится объектом рефлексии самого героя, предметом его самосознания; предметом же авторского видения и изображения оказывается сама *функция* этого самосознания. В то время как обычно самосознание героя является лишь элементом его действительности, лишь одной из черт его целостного образа, здесь, напротив, вся действительность становится элементом его самосознания. Автор не оставляет для себя, т. е. только в своем кругозоре, ни одного существенного определения, ни одного признака, ни одной черточки героя: он все вводит в кругозор самого героя, бросает в тигель его самосознания. В кругозоре же автора как предмет видения и изображения остается это чистое самосознание в его целом.

Уже в первый, «гоголевский период» своего творчества Достоевский изображает не «бедного чиновника», но *самосознание* бедного чиновника (Девушкин, Голядкин, даже Прохарчин). То, что было дано в кругозоре Гоголя как совокупность объективных черт, слагающихся в твердый социально-характерологический облик героя, вводится Достоевским в кругозор самого героя и здесь становится предметом его мучительного самосознания; даже самую наружность «бедного чиновника», которую изображал Гоголь, Достоевский заставляет самого героя созерцать в зеркале². Но благодаря

² Девушкин, идя к генералу, видит себя в зеркале: «Оторопел так, что и губы трясутся и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во-первых, совестно; я взглянул направо в зеркало, так просто было отчего с ума сойти от того, что я там увидел... Его превосходительство тотчас обратил внимание на фигуру мою и на мой костюм. Я вспомнил, что я видел в зеркале: я бросился ловить пуговку!» (Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10-ти т., т. 1. М., 1956—1958, с. 186. Цитаты из художественных произведений Достоевского, за исключением специально оговоренных случаев, приводятся в дальнейшем по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы). Девушкин видит в зеркале то, что изображал Гоголь, описывая наружность

этому все твердые черты героя, оставаясь содержательно теми же самыми, переведенные из одного плана изображения в другой, приобретают совершенно иное художественное значение: они уже не могут завершить и закрыть героя, построить его цельный образ, дать художественный ответ на вопрос «кто он?». Мы видим не кто он есть, а как он осознает себя, наше художественное видение оказывается уже не перед действительностью героя, а перед чистой функцией осознания им этой действительности. Так гоголевский герой становится героем Достоевского.

Самосознание, как *художественная доминанта* построения героя, не может лечь рядом с другими чертами его образа, оно вбирает эти черты в себя как свой материал и лишает их всякой определяющей и завершающей героя силы.

Самосознание можно сделать доминантой в изображении всякого человека. Но не всякий человек является одинаково благоприятным материалом такого изображения. Гоголевский чиновник в этом отношении представлял слишком узкие возможности. Достоевский искал такого героя, который был бы сознающим по преимуществу, — такого, вся жизнь которого была бы сосредоточена в чистой функции осознания себя и мира. И вот в его творчестве появляется «мечтатель» и «человек из подполья».

«Человек из подполья» не только растворяет в себе все возможные твердые черты своего облика, делая их предметом рефлексии, но у него уже и нет этих черт, нет твердых определений, о нем нечего сказать, он фигурирует не как человек жизни, а как субъект сознания и мечты. И для автора он является не носителем качеств и свойств, которые были бы нейтральны в его самосознании и могли бы завершить его; нет, видение автора направлено именно на его самосознание и на безысходную незавершенность, дурную бесконечность этого самосознания. Поэтому-то жизненно-характерологическое определение «человека из подполья» и художественная доминанта его образа сливаются воедино.

Герой становится относительно свободным и самостоятельным, ибо все то, что делало его в авторском замысле определенным, так сказать приговоренным, что квалифицировало его раз и навсегда как законченный образ действительности, — теперь все это функционирует уже не как завершающая его форма, а как материал его самосознания.

О герое «Записок из подполья» нам буквально нечего сказать, чего он не знал бы уже сам: его типичность для своего времени и для своего социального круга, трезвое психологическое или даже психопатологическое определение его внутреннего облика, характерологическая категория его сознания, его комизм и его трагизм, все возможные моральные определения его личности и т. п. — все

и вицмундир Акакия Акакиевича, но что сам Акакий Акакиевич не видел и не осознавал; функцию зеркала выполняет и постоянная мучительная рефлексия героев над своей наружностью, а для Голядкина — его двойник.

это он, по замыслу Достоевского, отлично знает сам и упорно и мучительно рассасывает все эти определения изнутри. Точка зрения извне как бы заранее обессилена и лишена завершающего слова.

Так как в этом произведении доминанта изображения наиболее адекватно совпадает с доминантой изображаемого, то это формальное задание автора находит очень ясное содержательное выражение. «Человек из подполья» более всего думает о том, что о нем думают и могут думать другие, он стремится забежать вперед каждому чужому сознанию, каждой чужой мысли о нем, каждой точке зрения на него. При всех существенных моментах своих признаний он старается предвосхитить возможное определение и оценку его другими, угадать смысл и тон этой оценки и старается тщательно сформулировать эти возможные чужие слова о нем, перебивая свою речь воображаемыми чужими репликами.

«— И это не стыдно, и это не унижительно! — может быть, скажете вы мне, презрительно покачивая головами. — Вы жаждете жизни и сами разрешаете жизненные вопросы логической путаницей... В вас есть и правда, но в вас нет целомудрия; вы из самого мелкого тщеславия несете вашу правду на показ, на позор, на рынок... Вы действительно хотите что-то сказать, но из боязни прячете ваше последнее слово, потому что у вас нет решимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознанием, но вы только колеблетесь, потому что хоть ум у вас и работает, но сердце ваше развратом помрачено, а без чистого сердца — полного правильного сознания не будет. И сколько в вас назойливости, как вы напрашиваетесь, как вы кривляетесь! Ложь, ложь и ложь!

Разумеется, все эти ваши слова я сам сочинил. Это тоже из подполья. Я там сорок лет сряду к этим вашим словам в щелочку прислушивался. Я их сам выдумал, ведь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло...» [IV, 164—165].

Герой из подполья прислушивается к каждому чужому слову о себе, смотрится как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все возможные преломления в них своего образа; он знает и свое объективное определение, нейтральное как к чужому сознанию, так и к собственному самосознанию, учитывает точку зрения «третьего». Но он знает также, что все эти определения, как пристрастные, так и объективные, находятся у него в руках и не завершают его именно потому, что он сам сознает их; он может выйти за их пределы и сделать их неадекватными. Он знает, что последнее слово за ним, и во что бы то ни стало стремится сохранить за собой это последнее слово о себе, слово своего самосознания, чтобы в нем стать уже не тем, что он есть. Его самосознание живет своей незавершенностью, своей незакрытостью и нерешенностью.

И это не только характерологическая черта самосознания «человека из подполья», это и доминанта построения его образа ав-

тором. Автор действительно оставляет за своим героем последнее слово. Именно оно или, точнее, тенденция к нему и нужна автору для его замысла. Он строит героя не из чужих для него слов, не из нейтральных определений, он строит не характер, не тип, не темперамент, вообще не объектный образ героя, а именно слово героя о себе самом и своем мире.

Герой Достоевского не объективный образ, а полновесное слово, *чистый голос*; мы его не видим, мы его слышим; все же, что мы видим и знаем, помимо его слова, не существенно и поглощается словом, как его материал, или остается вне его, как стимулирующий и провоцирующий фактор.

Самосознание как художественная доминанта в построении образа героя предполагает и радикально новую *авторскую позицию* по отношению к изображаемому человеку. Повторяем, дело идет не об открытии каких-то новых черт или типов человека, которые могли бы быть открыты, увидены и изображены при обычном монологическом художественном подходе к человеку, т. е. без радикального изменения авторской позиции. Нет, дело идет именно об открытии такого *нового целостного аспекта человека* — «личности» (Аскольдов) или «человека в человеке» (Достоевский), — которое возможно только при подходе к человеку с соответственно новой и *целостной* же авторской позиции.

Постараемся несколько подробнее осветить эту целостную позицию, эту принципиально *новую* форму художественного видения человека.

Уже в первом произведении Достоевского изображается как бы маленький бунт самого героя против заочного овнешняющего и завершающегося подхода литературы к «маленькому человеку». Как мы уже отмечали, Макар Деушкин прочитал гоголевскую «Шинель» и был ею глубоко оскорблен *лично*. Он узнал себя в Акакии Акакиевиче и был возмущен тем, что *подсмотрели* его бедность, разобрали и описали всю его жизнь, определили его всего раз и навсегда, не оставили ему никаких перспектив.

«Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял, боишься нос подчас показать, — куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено!» [I, 146].

Особенно возмутило Деушкина, что Акакий Акакиевич так и умер таким же, каким был.

Деушкин увидел себя в образе героя «Шинели», так сказать, сплошь исчисленным, измеренным и до конца определенным: вот ты весь здесь, и ничего в тебе больше нет, и сказать о тебе больше нечего. Он почувствовал себя безнадежно предрешенным и законченным, как бы умершим до смерти, и одновременно почувствовал и неправду такого подхода. Этот своеобразный «бунт» героя против своей литературной завершенности дан Дос-

тоевским в выдержанных примитивных формах сознания и речи Де-вушкина.

Серьезный, глубинный смысл этого бунта можно выразить так: нельзя превращать живого человека в безгласный объект заочного завершающего познания. В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова, что не поддается овнешняющему заочному определению. В «Бедных людях» Достоевский впервые и попытался показать, еще несовершенен и неясно, нечто внутренне незавершенное в человеке, чего Гоголь и другие авторы «повести о бедном чиновнике» не могли показать со своих монологических позиций. Таким образом, уже в первом произведении Достоевский начинает нащупывать свою будущую радикально новую позицию по отношению к герою.

В последующих произведениях Достоевского герои уже не ведут литературной полемики с завершающими заочными определениями человека (правда, иногда это делает за них сам автор в очень тонкой пародийно-иронической форме), но все они яростно борются с такими определениями их личности в устах других людей. Все они живо ощущают свою внутреннюю незавершенность, свою способность как бы изнутри перерасти и сделать *неправдой* любое овнешняющее и завершающее их определение. Пока человек жив, он живет тем, что еще не завершен и еще не сказал своего последнего слова. Мы уже отмечали, как мучительно прислушивается «человек из подполья» ко всем действительным и возможным чужим словам о нем, как старается угадать и предвосхитить все возможные чужие определения своей личности. Герой «Записок из подполья» — первый герой-идеолог в творчестве Достоевского. Одна из его основных идей, которую он выдвигает в своей полемике с социалистами, есть именно идея о том, что человек не является конечной и определенной величиной, на которой можно было бы строить какие-либо твердые расчеты; человек свободен и потому может нарушить любые навязанные ему закономерности.

Герой Достоевского всегда стремится разбить завершающую и как бы умерщвляющую его оправу чужих слов о нем. Иногда эта борьба становится важным трагическим мотивом его жизни (например, у Настасьи Филипповны).

У ведущих героев, протагонистов большого диалога, таких, как Раскольников, Соня, Мышкин, Ставрогин, Иван и Дмитрий Карамазовы, глубокое сознание своей незавершенности и нерешенности реализуется уже на очень сложных путях идеологической мысли, преступления или подвига.

Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А. По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собой, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, «заочно». Подлинная жизнь личности доступна только

диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя.

Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, т. е. *заочная правда*, становится унижающей и умерщвляющей его *ложью*, если касается его «святая святых», т. е. «человека в человеке».

Приведем несколько высказываний героев Достоевского о *заочных анализах* человеческой души, выражающих ту же мысль.

В «Идиоте» Мышкин и Аглая обсуждают неудавшееся самоубийство Ипполита. Мышкин дает анализ глубинных мотивов его поступка. Аглая ему замечает:

«А с вашей стороны я нахожу, что все это очень дурно, потому что очень *грубо так смотреть и судить душу человека*, как вы судите Ипполита. У вас нежности нет: *одна правда, стало быть — несправедливо*» [VI, 484].

Правда оказывается несправедливой, если она касается каких-то глубин чужой личности.

Тот же мотив еще отчетливее, но несколько сложнее звучит в «Братьях Карамазовых» в разговоре Алеши с Лизой о капитане Снегиреве, растоптавшем предложенные ему деньги. Рассказав об этом поступке, Алеша дает анализ душевного состояния Снегирева и *как бы предрешает* его дальнейшее поведение, *предсказывая*, что в следующий раз он *обязательно* возьмет деньги. Лиза на это замечает:

«Слушайте, Алексей Федорович, нет ли тут во всем этом рассуждении нашем, то есть вашем... нет, уж лучше нашем... нет ли тут *презрения* к нему, к этому несчастному... в том, что мы так его *душу теперь разбираем, свысока* точно, а? В том, что так *наверно* решили теперь, что он деньги примет, а?» [IX, 271—272].

Аналогичный мотив *недопустимости чужого* проникновения в глубины личности звучит в резких словах Ставрогина, которые он произносит в келье Тихона, куда пришел со своей «исповедью»:

«Слушайте, я не люблю *шпионов и психологов*, по крайней мере таких, которые в мою душу лезут»³.

Нужно отметить, что в данном случае в отношении Тихона Ставрогин совершенно не прав: Тихон подходит к нему как раз *глубоко диалогически* и понимает *незавершенность* его внутренней личности.

В самом конце своего творческого пути Достоевский в записной книжке так определяет особенности своего реализма:

«При полном реализме *найти в человеке человека*... Меня зовут *психологом*: не правда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все *глубины души человеческой*»⁴.

³ Документы по истории литературы и общественности. Вып. 1. «Ф. М. Достоевский». М., 1922, с. 13.

⁴ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Спб., 1883, с. 373.

К этой замечательной формуле нам еще не раз придется возвращаться. Сейчас нам важно подчеркнуть в ней три момента.

Во-первых, Достоевский считает себя реалистом, а не субъективистом-романтиком, замкнутым в мире собственного сознания; свою *новую* задачу — «изобразить все глубины души человеческой» — он решает «при полном реализме», т. е. видит эти глубины *вне* себя, в *чужих* душах.

Во-вторых, Достоевский считает, что для решения этой *новой* задачи недостаточен реализм в обычном смысле, т. е. по нашей терминологии, *монологический* реализм, а требуется особый подход к «человеку в человеке», т. е. «реализм в высшем смысле».

В-третьих, Достоевский категорически отрицает, что он психолог. На последнем моменте мы должны остановиться несколько подробнее.

К современной ему психологии — и в научной, и в художественной литературе, и в судебной практике — Достоевский относился отрицательно. Он видел в ней унижающее человека *овеществление* его души, сбрасывающее со счета ее свободу, незавершенность и ту особую *неопределенность* — *нерешенность*, которая является главным предметом изображения у самого Достоевского: ведь он всегда изображает человека *на пороге* последнего решения, в момент *кризиса* и незавершенного — *и непредопределенного* — поворота его души.

Достоевский постоянно и резко критиковал механистическую психологию, притом как ее прагматическую линию, основанную на понятиях *естественности* и *пользы*, так в особенности и ее физиологическую линию, сводящую психологию к физиологии. Он осмеивает ее и в романах. Вспомним хотя бы «бугорки на мозгу» в объяснениях Лебезятникова душевного кризиса Катерины Ивановны («Преступление и наказание») или превращение имени Клода Бернара в бранный символ освобождения человека от ответственности — «бернары» Митеньки Карамазова («Братья Карамазовы»). Но особенно показательна для понимания художественной позиции Достоевского критика им судебно-следственной психологии, которая в лучшем случае «палка о двух концах», т. е. с одинаковой вероятностью допускает принятие *взаимно* *исключающих* решений, в худшем же случае — *принижающая* человека ложь.

В «Преступлении и наказании» замечательный следователь Порфирий Петрович — он-то и назвал психологию «палкой о двух концах» — руководствуется не ею, т. е. не судебно-следственной психологией, а особой *диалогической интуицией*, которая и позволяет ему проникнуть в незавершенную и нерешенную душу Раскольникова. Три встречи Порфирия с Раскольниковым — это вовсе не обычные следовательские допросы; и не потому, что они проходят «не по форме» (что постоянно подчеркивает Порфирий), а потому, что они нарушают самые основы традиционного психологического взаимоотношения следователя и преступника (что подчеркивает

Достоевский). Все три встречи Порфирия с Раскольниковым — подлинные и замечательные полифонические диалоги.

Самую глубокую картину ложной психологии на практике дают сцены предварительного следствия и суда над Дмитрием в «Братьях Карамазовых». И следователь, и судьи, и прокурор, и защитник, и экспертиза одинаково не способны даже приблизиться к незавершенному и нерешенному ядру личности Дмитрия, который, в сущности, всю свою жизнь стоит на пороге великих внутренних решений и кризисов. Вместо этого живого и прорастающего новой жизнью ядра они подставляют какую-то *готовую определенность*, «естественно» и «нормально» *предопределенную* во всех своих словах и поступках «психологическими законами». Все, кто судят Дмитрия, лишены подлинного диалогического подхода к нему; диалогического проникновения в незавершенное ядро его личности. Они ищут и видят в нем только фактическую, *вещную определенность* переживаний и поступков и подводят их под определенные уже понятия и схемы. Подлинный Дмитрий остается вне их суда (он сам себя будет судить).

Вот почему Достоевский и не считал себя психологом ни в каком смысле.

Итак, новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского — это *всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция*, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя. Герой для автора не *Он* и не *Я*, а полноценное *Ты*, т. е. другое чужое полноправное *Я* («ты еси»).

Достоевский никогда не оставляет ничего сколько-нибудь существенного за пределами сознания своих ведущих героев (т. е. тех героев, которые равноправно участвуют в больших диалогах его романов); он приводит их в диалогическое соприкосновение со всем существенным, что входит в мир его романов. Каждая чужая «*правда*», представленная в каком-нибудь романе, непременно вводится в *диалогический кругозор* всех других ведущих героев данного романа. Иван Карамазов, например, знает и понимает правду Зосимы, и правду Дмитрия, и правду Алеши, и «правду» сладострастника — своего отца Федора Павловича. Все эти правды понимает и Дмитрий, отлично понимает их и Алеша. В «Бесах» нет ни одной идеи, которая не находила бы диалогического отклика в сознании Ставрогина.

Приведем отрывки из первого большого внутреннего монолога Раскольникова (в начале романа «Преступление и наказание»); дело идет о решении Дунечки выйти за Лужина:

«...Ясно, что тут не кто иной, как Родион Романович Раскольников, в ходу и на первом плане стоит. Ну как же-с, счастье его может устроить, в университете содержать, компаньоном сделать в конторе, всю судьбу его обеспечить; пожалуй, богачом впоследствии будет, почетным, уважаемым, а может быть, даже славным

человеком окончит жизнь! А мать? Да ведь тут Родя, бесценный Родя, первенец! Ну как для такого первенца хотя бы и такой дочерью не пожертвовать! О милые и несправедливые сердца! Да чего: тут мы и от Сонечкина жребия, пожалуй что, не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит. Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне? Так ли? Под силу ли? В пользу ли? Разумно ли? Знаете ли вы, Дунечка, что Сонечкин жребий ничем не сквернее жребия с господином Лужиным? «Любви тут не может быть», — пишет мамаша. А что, если, кроме любви-то, и уважения не может быть, а напротив, уж есть отвращение, презрение, омерзение, что же тогда? А и выходит тогда, что опять, стало быть, «чистоту наблюдать» придется. Не так, что ли? Понимаете ли вы, что значит сия чистота? Понимаете ли вы, что лужинская чистота все равно что и Сонечкина чистота, а может быть, даже и хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, все-таки на излишек комфорта расчет, а там просто запросто о голодной смерти дело идет! «Дорого, дорого стоит, Дунечка, сия чистота!» Ну, если потом не под силу станет, раскаетесь? Скорби-то сколько, грусти, проклятий, слез-то, скрываемых ото всех, сколько, потому что не Марфа же вы Петровна? А с матерью что тогда будет? Ведь она уж и теперь не спокойна, мучается; а тогда, когда все ясно увидит? А со мной? Да что же вы в самом деле обо мне-то подумали? Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша! Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать! Не принимаю!»

«Или отказаться от жизни совсем! — вскричал он вдруг в испуге, — послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!»

«Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? — вдруг припомнился ему вчерашний вопрос Мармеладова, — «ибо надо, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти...» [V, 49, 50, 51].

Внутренний монолог этот, как мы сказали, имел место в самом начале, на второй день действия романа, перед принятием окончательного решения об убийстве старухи. Раскольников только что получил подробное письмо матери с историей Дуни и Свидригайлова и с сообщением о сватовстве Лужина. А накануне Раскольников встретился с Мармеладовым и узнал от него всю историю Сони. И вот все эти будущие ведущие герои романа уже отразились в сознании Раскольникова, вошли со своими «правдами», со своими позициями в жизни, и он вступил с ними в напряженный и принципиальный внутренний диалог, диалог последних вопросов и последних жизненных решений. Он уже с самого начала все знает, все учитывает и предвосхищает. Он уже вступил в диалогическое соприкосновение со всей окружающей его жизнью.

Приведенный нами в отрывках диалогизированный внутренний монолог Раскольникова является великолепным образцом *микродиалога*: все слова в нем двуголосые, в каждом из них происходит спор голосов. В самом деле, в начале отрывка Раскольников воссоздает слова Дуни с ее оценивающими и убеждающими интонациями и на ее интонации наслаивает свои — иронические, возмущенные, предостерегающие интонации, т. е. в этих словах звучат одновременно два голоса — Раскольникова и Дуни. В последующих словах («Да ведь тут Родя, бесценный Родя, первенец!» и т. д.) звучит уже голос матери с ее интонациями любви и нежности и одновременно голос Раскольникова с интонациями горькой иронии, возмущения (жертвенностью) и грустной ответной любви. Мы слышим дальше в словах Раскольникова и голос Сони и голос Мармеладова. Диалог проник внутрь каждого слова, вызывая в нем борьбу и перебои голосов. Это микродиалог.

Таким образом, уже в самом начале романа зазвучали все ведущие голоса большого диалога. Эти голоса не замкнуты и не глухи друг к другу. Они все время слышат друг друга, переключаются и взаимно отражаются друг в друге (в микродиалогах особенно). И вне этого диалога «противоборствующих правд» не осуществляется ни один существенный поступок, ни одна существенная мысль ведущих героев.

И в дальнейшем в течении романа все, что входит в его содержание — люди, идеи, вещи, — не остается внеположным сознанию Раскольникова, а противопоставлено ему и диалогически в нем отражено. Все возможные оценки и точки зрения на его личность, на его характер, на его идею, на его поступки доведены до его сознания и обращены к нему в диалогах с Порфирием, с Соней, со Свидригайловым, Дуней и другими. Все чужие аспекты мира пересекаются с его аспектом. Все, что он видит и наблюдает, — и петербургские трущобы, и Петербург монументальный, все его случайные встречи и мелкие происшествия, — все это вовлекается в диалог, отвечает на его вопросы, ставит перед ним новые, провоцирует его, спорит с ним или подтверждает его мысли. Автор не оставляет за собой никакого существенного смыслового избытка и на равных правах с Раскольниковым входит в большой диалог романа в его целом.

Такова новая позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского.

Але
Лазурский
(12 апреля 1874
русский психоло
Бехтерева, проф
гического инстит
Главные интерес
лежали в област
сти и характера.
ложен особый т
называемый «ес
мент», который
возможность на
конкретной личн
жизненных сит
А. Ф. Лазурский
понимании при
важным шагом
с традиционным
как совокупност
ций. Эта идея
советских психо
школы (В. Н. М
ньева и др.). Е
зурского была
первых в психо
ток дать конкре
типологию личн
рой была разра

Описывая
большое колич
водимое здесь
Лазурский
характерных о
силу, сознате
ний личности.
Одна из с
состоит в том
или социальн
индивидуальн
цент следовал
организации (людей высше

Лазурский Александр Федорович
(12 апреля 1874 — 12 марта 1917) — русский психолог. Сотрудник В. М. Бехтерева, профессор Психоневрологического института, в Петербурге. Главные интересы А. Ф. Лазурского лежали в области психологии личности и характера. Лазурским был предложен особый тип эксперимента, так называемый «естественный эксперимент», который должен был давать возможность научного исследования конкретной личности в ее реальных жизненных ситуациях. Выдвинутая А. Ф. Лазурским идея отношений в понимании природы личности была важным шагом вперед по сравнению с традиционным пониманием личности как совокупности психических функций. Эта идея стала отправной для советских психологов ленинградской школы (В. Н. Мясищева, Б. Г. Ананьева и др.). В работах А. Ф. Лазурского была предпринята одна из первых в психологии серьезных попыток дать конкретную и эвристическую типологию личностей, на основе которой была разработана (совм. с С. Л.

Франком) развернутая программа эмпирических исследований человека. При всей упрощенности и известной механистичности теоретических представлений А. Ф. Лазурского о личности его работы до сих пор сохраняют интерес для психологии, подкупая прежде всего огромным фактическим материалом, собранным в них, тонкостью отдельных наблюдений и мыслей.

Соч.: Школьные характеристики, 2-е изд. Спб. 1913; К учению о психической активности. М., 1916; Очерк науки о характерах. 3-е изд. Пг., 1917; Естественный эксперимент и его школьное применение (под ред. А. Ф. Лазурского). Пг., 1918; Классификация личностей. 3-е изд. Пг., 1924; Психология общая и экспериментальная, 3-е изд. Л., 1925.

Лит.: Бехтерев В. М., Лазурский А. Ф. — Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии, 1919, т. 14, вып. 1; Садчикова П. И. Психологическое наследие А. Ф. Лазурского. Киев, 1955 (автореф.).

Описывая свою классификацию личностей, А. Ф. Лазурский приводит большое количество примеров из художественной литературы и биографий. Приводимое здесь жизнеописание доктора Гааза — один из них.

Лазурский относит Ф. П. Гааза к личностям высшего уровня. В качестве характерных особенностей высшего уровня он выделяет значительные богатство, силу, сознательность и координированность психических переживаний и проявлений личности.

Одна из очень интересных идей, заложенных в классификации Лазурского, состоит в том, что с повышением уровня повышается социальная значимость, или социальный резонанс жизни и деятельности личности. Так что, если при индивидуальной характеристике представителей низшего уровня больший акцент следовало бы ставить на особенностях их внутренней нервно-психической организации (по терминологии Лазурского, эндопсихика), то для классификации людей высшего уровня нужно учитывать, прежде всего, характер их связей и

отношений с внешним социальным миром (экзопсихика). Таким образом, «психологический» принцип деления личности низшего уровня на «рассудочных», «аффективных», «активных» уступает место «психосоциальному» принципу классификации личностей высшего уровня по сферам социальной жизни: на служителей «знания», «красоты», «организации», «альтруизма».

Заметим, что здесь у Лазурского идет речь именно о постановке акцентов, а не об игнорировании одной из обозначенных им сторон психических проявлений личности.

Специальные комментарии к альтруистическим типам высшего уровня даются самим А. Ф. Лазурским.

А. Ф. Лазурский

АЛЬТРУИЗМ¹

В основе альтруистических типов высшего уровня лежит тот самый психолого-характерологический комплекс, о котором уже шла речь при рассмотрении альтруистов среднего уровня, а именно чувство симпатии или процесс «вчувствования», направленный на переживание чужих горестей и радостей. Здесь имеются как необходимые эндоэлементы этого комплекса (аффективная возбудимость, сила и продолжительность чувствований), так и некоторые другие черты, обычно с ним связанные, как-то: значительное развитие волевой деятельности, направленной на помощь страждущим и нуждающимся, отсутствие эгоизма и самолюбия, доходящее часто до самозабвения и самопожертвования, значительное развитие высших, идейных чувствований (особенно нравственных и чисто религиозных), наконец, интерес к внутренним, душевным переживаниям, порождающий нередко своеобразную сосредоточенность и склонность к самоуглублению.

Вместе с тем, однако, благодаря свойственным представителям высшего уровня богатство и сложности личности, у них всегда имеется, наряду с этим основным, альтруистическим комплексом, один или два добавочных, также значительно развитых и существенно видоизменяющих характер и проявление основного комплекса. Чаще всего эти добавочные комплексы определяют собой тот способ или средства, которыми осуществляется альтруизм данного человека. Так, например, значительно развитая волевая деятельность, направленная по преимуществу на борьбу с жестокими и корыстными притеснителями, делает из человека непреклонного, ожесточенного борца за правду и человеколюбие (доктор Гааз), или глубокая вера в блага просвещения и в возможность идейно-нравственного перерождения человечества заставляет деятельного альтруиста все свои силы направить на воспитание подрастающего поколения (Песталоцци), или мы имеем глубоко религиозного человека, типичного созерцателя, которого, однако, горячая любовь к людям, проникающая все его религиозные воззрения, заставляет

¹ Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Пг., 1922.

не уединять
веди и спа
или, наобо
ник, осторо
всю свою э
для рабоче

Федор Петро
мании в инт
ной школы,
тематики в И
верситете. В
около 1814 г
окончательно
роду. По при
стал одним и
себе порядоч
на дела благо
врачом Павл
Кавказ и на
Оставаясь до
резвый обра
питье. Высоки
ца, с мягкой,
ческой своей
никогда не бы
ровье. Имея
Голицына, во
душой отдава
концов грома
по выражении
святых».

Наиболее
более и более
его горячая, с
бенно к людя
стантов. Изб
он всю жизнь
верный путь
быть счастли
осуществлял
ве, имение и
нищим; все у
стантской бо
вала перепол

² См.: Кон
18*

не уединяться в пустыне, а всю жизнь свою посвятить делу проповеди и спасения заблудшего человечества (Франциск Ассизский); или, наоборот, человек совсем иного склада, типичный промышленник, осторожно-расчетливый и практический, все свое состояние и всю свою энергию посвящает бедному рабочему люду и создает для рабочего класса новые формы организации (Роберт Оуэн).

ДОКТОР ГААЗ²

Федор Петрович (Фридрих Иосиф) Гааз родился в 1780 году в Германии в интеллигентной семье. Воспитанник католической церковной школы, он был потом усердным слушателем философии и математики в Иене; медицинское образование получил в Венском университете. В Россию переселился с князем Голицыным в 1802 году; около 1814 года ненадолго съездил в Германию, затем, вернувшись, окончательно поселился в Москве, где и умер 70 с лишним лет от роду. По приезде в Россию он занялся частной практикой и скоро стал одним из виднейших окулистов Москвы, практикой он нажил себе порядочное состояние, которое потом все было растрчено им на дела благотворительности. 27 лет от роду был назначен главным врачом Павловской больницы в Москве, имел две командировки на Кавказ и написал одно из лучших сочинений о Кавказских водах. Оставаясь до конца жизни холостяком, он всегда вел деятельный и трезвый образ жизни, сохраняя большую умеренность в пище и питье. Высокий, широкоплечий, с крупными чертами широкого лица, с мягкой, ласковой улыбкой, он, будучи уже стариком, энергической своей осанкой напоминал Лютера. Бодрый и выносливый, он никогда не бывал серьезно болен, хотя и не заботился о своем здоровье. Имея уже под 50 лет от роду, он, по приглашению князя Голицына, вступил в число членов тюремного комитета и, всей душой отдавшись делу помощи арестантам, приобрел себе в конце концов громадную популярность среди населения Москвы, которое, по выражению биографа, еще при жизни «причислило его к лику святых».

Наиболее отличительной чертой Гааза, с течением жизни все более и более господствовавшей над всеми остальными, являлась его горячая, страстная и притом деятельная любовь к людям, особенно к людям несчастным и униженным, какими он считал арестантов. Избравши себе лозунгом: «Торопитесь делать добро!», он всю жизнь неуклонно стремился к его осуществлению; «самый верный путь к счастью» заключался, по его словам, «не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми». И он осуществлял эти слова на деле; 47 лет от роду он имел дом в Москве, имение и суконную фабрику, лошадей и карету, а умер почти нищим; все ушло на арестантов. Занимая при основанной им арестантской больнице квартиру из 2 комнат, он, когда больница бывала переполнена, клал больных в свою комнату и сам ухаживал за

² См.: Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз. 1897 (Прим. автора).

ними. Почти ежедневно ездил справляться и хлопотать по делам отдельных арестантов, часто рискуя своим здоровьем. Холерных больных целовал, садился после них в ванну, так что генерал-губернатор Москвы Закревский хотя и недолго любил «утрированного филантропа» (как называли Гааза защитники полицейски-административной рутины), но во время холеры просил его успокаивать народ. Ради малейшего улучшения участи «несчастных» он всегда готов был пожертвовать своим самолюбием: уже стариком при всех просил у директора комитета прощения за сделанное им самовольно (хотя по существу и полезное) распоряжение, случалось иногда, что он со слезами, на коленях вымаливал у начальствующих лиц какое-нибудь снисхождение арестантам. Вообще себя он никогда не жалел, так, однажды, будучи уже пожилым человеком, он, с целью испытать действие придуманных им облегченных кандалов, надел их на себя и, несмотря на крайнюю усталость, шагал с ними у себя на квартире до тех пор, пока не прошел расстояние, равное первому арестантскому этапу.

Гааз не только делал добрые дела, но и всей душой любил несчастных людей, горячо им сочувствуя и входя в положение каждого. Однажды, узнавши, что один чиновник, принимавший участие в заключенных, остановился в Москве проездом, возвращаясь из своей командировки в Сибирь, он ночью пришел к нему, и до рассвета беседовали они о положении арестантов в Сибири. Обходя больных или присутствуя при отправке арестантов, он подолгу беседовал с ними, раздавал лакомства (в гостях нередко брал двойную порцию фруктов — «для больных»), иногда целовал их, нередко по несколько верст шел с отправляемыми по этапу, беседуя с ними. Терпеливо и внимательно выслушивал самые вздорные заявления арестантов, он всегда умел обласкать и успокоить возбужденных больных. И все это Гааз выполнял не как тяжелую обязанность; напротив, когда однажды ему запретили присутствовать при отправке арестантов, он как милости, как награды за труды просил снять с него это запрещение. Конечно, Гааз способен был любить не только арестантов. Так, он писал гуманному председателю тюремного комитета князю Голицыну: «Нельзя сделать, чтобы я не любил вас всем сердцем»; даже о жестоком и несправедливом начальстве «всегда молится, чтобы, когда все соберутся перед Богом, начальство не было осуждено этими самыми преступниками и не понесло... тяжелого наказания». Жалел животных: лошадей себе всегда покупал на живодерне, спасая их от убоя. Очень любил детей, охотно ласкал их, — и дети его любили. Горячо хлопотал, чтобы детей не отнимали у ссылаемых родителей. Одну несчастную девочку, страдавшую настолько отвратительной болезнью (водяной рак — страшное зловоние), что даже горячо любившая мать не могла сидеть возле нее, Гааз посещал до самой смерти, просиживал целыми часами, обнимая и целуя ее. Но все же самая горячая любовь его сосредоточена была на заключенных, за внешностью преступника он, по словам Кони, всегда прозревал человека,

несчастливого и униженного. И арестанты понимали и ценили это. Больные смотрели на него, как на врача не только физического, но и духовного, самые ожесточенные, закоренелые преступники относились к Гаазу с уважением; и спустя много лет, в недрах Сибири ссыльные со слезами на глазах вспоминали о «святом докторе».

Всегда ровный в обращении, редко смеющийся, часто углубленного в себя, Гааз в обществе обычно бывал молчалив и только в тесном кружке любил подолгу говорить — все на ту же тему, о положении заключенных. Однако под этим внешним спокойствием скрывалась глубокая аффективность: стоило затронуть интересы арестантов, и кроткий, спокойный Гааз делался строптивым и язвительным, способен был на колених, со слезами умолять об отмене какого-нибудь сурового распоряжения или же гневно негодуя обрушивался на противника. В заседаниях комитета он нередко вступал в пререкания с самим председателем и однажды заявил, что если председатель не даст объяснение своим словам, то он уйдет из заседания. Однажды, в ответ на возражение, будто простой народ привык к лишениям, он рассказал о кухарке, которая утверждала, что угри привыкли, чтобы с них сдирали кожу. Гневно, не допускающим возражений тоном оборвал блестящего молодого чиновника, демонстрировавшего любопытным посетителям душевную драму арестанта, велевши ему немедленно замолчать. При замечании митрополита Филарета, будто не бывает невинно осужденных, Гааз вскочил с места и воскликнул: «Вы забыли Христа, владыко!» Таких вещей Филарету никто не осмеливался говорить. Однажды возмущенный придирками комитета Гааз вышел из себя и, по его собственным словам, «встал, поднял руки к небу и голосом, которым кричат «караул», заявил, что он ничего противозаконного не сделал... Свои моральные воззрения Гааз неуклонно и последовательно проводил в жизнь. В высшей степени добросовестный, он из 293 заседаний комитета отсутствовал только в одном, и то по болезни, сам лично наблюдал за перековкой арестантов в свои облегченные кандалы, он не пропускал ни одной партии. Точно так же требователен был он и к другим, в частности к служебному персоналу своей больницы, широко практикуя штрафы (за нетрезвость, грубость, небрежность и т. д.), он собранные деньги обращал затем в пользу больных. Глубоко правдивый, он штрафовал также и за ложь, причем однажды, после совместного осмотра больницы, взыскал штраф с высокого посетителя, донесшего ложно государю, будто Гааз содержит в больнице здоровых. При всем том он отнюдь не был формалистом: нередко ему приходилось, в интересах больных, нарушать различные административные распоряжения, и он, сознавая себя формально неправым, все же горячо отстаивал свою точку зрения.

Будучи по своей природе подвижным и деятельным, Гааз в то же время отличался крайней настойчивостью и энергией в достижении раз намеченных целей. Условия, в которых приходилось ему работать, были необычайно тяжелы. Один, среди бюрократической рутины и бездушия, выдерживая ожесточенные нападки и

злостные нарекания людей, основывающих свое благополучие на несчастии арестантов, он до конца жизни ни разу не опустил в бессилии руки. Комитет то и дело отказывал ему в удовлетворении ходатайств, отклонял его предложения по чисто формальным соображениям, часто даже не рассматривая их по существу; однажды, уже почти 60 лет от роду, он был на время совсем отстранен от дел, что его крайне взволновало. Но ничто не могло остановить Гааза в его борьбе за обиженных и угнетенных: ни придирки, ни волокита, ни гнев сильных мира сего, ни разочарования в людях. Еще в 1825 г., будучи назначен штадт-физиком, он повел такую энергичную борьбу с рутинной и злоупотреблениями, что через год должен был оставить место. Впоследствии вся его деятельность в тюремном комитете была сплошной борьбой за правду. В этой борьбе он старался использовать все доступные ему средства, если бессильно было заступничество попечителя князя Голицына, он доходил до государя, однажды даже написал письмо Фридриху Вильгельму IV. С особенной настойчивостью и «неослабевающей ненавистью» (выражение Кони) боролся он против варварского приковывания арестантов к пруту во время переходов и, потерпевши неудачу в общей постановке вопроса, добился все-таки в конце концов хотя бы частичного, местного осуществления своих требований. В борьбе он отличался крайней неуступчивостью и бесстрашием. Заспоривши однажды с губернатором, он стал горячо доказывать, что тот не имеет права стеснять его, и взял на себя ответственность за возможный побег арестантов. Когда в комитете Голицын пригрозил вывести его, Гааз ответил, что выведенный через дверь он вернется через окно, об инциденте с митрополитом Филаретом уже говорилось выше. Когда же не помогала борьба, он готов был просить, лишь бы достигнуть своей цели, смягчения участи несчастных.

Такая неистощимая энергия дала возможность Гаазу, несмотря на бесконечные препятствия, достигнуть многого. Так, он устроил при пересыльной тюрьме больницу на 120 кроватей и в ней задерживал всех усталых и измученных дорогой арестантов; в губернской тюрьме переделал часть корпуса, устроивши там мастерские и школу, для заболевших в долговой «Яме», организовывал выкуп; основал полицейскую больницу («Гаазовскую») для бесприютных и пострадавших от несчастных случаев, в которой при его жизни перебивало до 30 000 человек. Там, где не удавалось достигнуть цели сполна, Гааз добивался хотя бы частичных улучшений, придумал свои собственные, облегченные («гаазовские») кандалы и перековывал в них всех прибывавших в Москву арестантов, добился, несмотря на противодействие, указа об обшивке гаек кандалов кожей, а также отмены поголовного бритья головы у этапных. Но особенно много внимания и энергии посвящал он хлопотам об улучшении участи отдельных заключенных, почему-нибудь особенно нуждавшихся в его помощи. Протоколы комитетских заседаний содержат длинный перечень его ходатайств об отдельных лицах;

в каждом заседании он хлопотал об увеличении свиданий арестантам, о пересылке денег и т. п., по поводу каждого отдельного случая спорил, доказывал, прибегал к логическим и грамматическим толкованиям закона — и в большинстве случаев добивался-таки своего.

*

*

*

В этом на редкость чистом и цельном человеке на первый план выступают два комплекса, тесно между собой связанные и образующие в своей совокупности ядро его личности: во-первых, горячая и самоотверженная любовь к людям, в частности к бесправным, терпящим нужду и лишения арестантам; во-вторых, крайняя энергия и настойчивость, всецело направленные на облегчение участи несчастных людей и на борьбу с их притеснителями.

Эндопсихическую основу первого комплекса составляют повышенная аффективная возбудимость, сила и глубина чувствований, обращенных преимущественно на высшие, идейные объекты и прежде всего на сочувствие чужим страданиям; забота о себе и чувственные влечения всегда отступали у Гааза перед необходимостью помочь другим. Отсюда его глубокое внимание ко всякому проявлению человеческого страдания, та нежность и ласковость, с которыми он стремился не только помочь чужому горю, но также своим горячим сочувствием доставить страдальцу и моральное облегчение. А так как искреннее, глубокое чувство всегда ведет также и к соответствующим действиям, то наряду с сочувствием шла всегда и деятельная помощь.

Основу второго комплекса составляла его неукротимая, ни перед чем не останавливающаяся энергия, объекты приложения которой определялись все теми же господствовавшими в нем альтруистическими чувствами. Однако условия, в которых приходилось ему действовать, были необычайно тяжелы, на пути то и дело воздвигались самые разнообразные преграды. Благодаря этому наклонность к борьбе, всегда присущая в большей или меньшей степени энергичным натурам, еще усилилась под влиянием препятствий, и мирный деятельный альтруист превратился в непреклонного борца за правду и человеколюбие — оставаясь в то же время нежным и ласковым по отношению к тем, кого он защищал.

Представители высшего уровня всегда проявляют в большей или меньшей степени творчество, каждый в своей области. В чем выразилось творчество Гааза? Очевидно, не в каких-либо внешних сооружениях, построениях или организациях, а скорее в его совершенно новом, своеобразном отношении к арестантам, в том необычайно сильном и благотворном действии, которое он оказывал на их душевный мир и которое обуславливалось не столько его материальной помощью, сколько гениальной силой и глубиной его альтруистического «чувствования». Недаром Москва сначала удивлялась его чудачествам, а потом, еще при жизни, «возвела его в лик святых».

Чекалин Александр Павлович (25 марта 1925 — 6 ноября 1941). Родился в с. Песковатское ныне Суворовского р-на, Тульской обл. Участник партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. С 1938 г. учился в средней школе г. Лихвина. Член ВЛКСМ с 1939 г. В июле 1941 г. вступил добровольцем в истребительный отряд, затем в партизанский отряд

«Передовой»; был разведчиком. По доносу предателя схвачен фашистскими оккупантами и после жестоких пыток повешен в г. Лихвине. Герой Советского Союза (1942, посмертно). Лит.: Ивановский Е. М., Соколов В. А. Сын Родины. Повесть. 2-е изд. 1968; Смирнов В. И. Саша Чекалин. Повесть. М., 1972.

Великая Отечественная война легла тяжелым испытанием на плечи советского народа, но и проявила лучшие качества советских людей. Тысячи прославившихся и оставшихся неизвестными героев... Александр Чекалин — один из них.

Бесхитростный рассказ матери повествует о том, как рос Шура, чем интересовался, о чем мечтал. Перед нами открывается жизнь, во многом знакомая, типичная жизнь советского мальчика: любил слушать сказки на печке, помогал матери по хозяйству, а товарищам — в учебе, восхищался Чапаевым и Суворовым. Правда, выделяются и особенные черты мальчика: стремление к самостоятельности, хорошая гордость «внутри себя», и ранняя, не по летам зрелость. Шестнадцатилетний Саша становится самым молодым членом партизанского отряда, и там не уступает взрослым по серьезности и отваге, умению воевать, ненависти к врагу. В самом тяжелом испытании, перед лицом смерти, он остается тем же чистым, горячим и бесстрашным патриотом. Он использует любую возможность нанести удар врагу — физический и моральный, и в смерти оставаясь непобежденным.

Откуда силы в этом не успевшем повзрослеть еще человеке?

Сквозь строки рассказа проступает ответ на этот вопрос.

Фактически мы знакомимся с еще одной личностью — самой матерью Саши — Надеждой Самуиловной Чекалиной. Горячо любила сына, даже баловала его, и в то же время пристально следила за ростом в нем настоящих человеческих качеств. Могла она не пустить Сашу в отряд, и довод был — не совсем вырос еще, но не позволила себе этого: «Сама сроду не трусила и детей тому не учила». Прошла она сложный жизненный путь — от полуголодного детства до борьбы с кулаками в рядах партии: боролась за правду, «от правды не отступала». Свои взгляды на жизнь и на людей, свою «систему ценностей», свою убежденность передала она вместе со страстностью характера сыну. И с врагом ведут они себя сходно — бесстрашно, непокорно.

Так, проследившая судьбу матери и сына, атмосферу этой семьи, общенародный дух патриотизма и высоких нравственных принципов, отразившихся в ней, начинаешь лучше понимать истоки героизма советских людей.

Н. Чекалин
Родился мой
реповецкого
Ничего,
здоровеньки
Игрушек
у меня сам
младшим б
Платили ко
рукой. Горь
мне, чтобы
«Балуешь
от моего б
...Шура
горячий, а
кое дело у
испортится
Соседи и
не очень н
ственных
Крепко
воров». В
ка. Вот А
Суворов.
Шутя,
гордился,
Хорошая,
Конеч
совсем по
у тебя —
стальной
Начал
немцев б
Пойдем
С ма
отлете.
целый д
красных
понарез
Потом
Эта
остават
Правда

Родился мой Шура 17 марта 1925 года в селе Песковатском Череповецкого района. Теперь ему исполнилось бы семнадцать лет.

Ничего, кроме радости, я от него не видела. Был он спокойный, здоровенький ребенок. Я не замечала, как он вырастал.

Игрушек я Шуру покупала много — ничего для него не жалела, у меня самой детство было тяжелое, я рано осталась сиротой с младшим братишкой да сестренкой. Пришлось работать на заводе. Платили копейки, и я ходила после работы по миру с протянутой рукой. Горькое было детство. Одни обиды и попреки. Вот и хотелось мне, чтобы мой Шура рос счастливым. Говорили много раз соседи: «Балуешь ты ребят, Самуиловна». Верно, баловала, как могла. Но от моего баловства они только лучше становились.

...Шура не озорничал никогда так, как другие ребята. Бедовый, горячий, а дурного слова никому не скажет. Всем помогал, и всякое дело у него спорилось. Прямо даже удивительно. Примус ли испортится, кастрюля прохудится — Шура все сейчас же починит. Соседи и товарищи к нему за помощью обращались. Но это ему не очень нравилось: он точно стыдился перед ними этих своих хозяйственных занятий.

Крепко запомнились Шуру «Чапаев», «Александр Невский», «Суворов». Виктора дразнит: «Что у тебя за имя такое: Витька, Витюшка. Вот Александр — другое дело. Александр Невский, Александр Суворов. Это имя!»

Шутя, конечно, говорил. Но, думается, что он и в самом деле гордился, что вот и его зовут Александр. Была в нем гордость. Хорошая, настоящая, внутри себя.

Конечно, Шура мне сын. Матери всякий сын дорог. Но ведь мне совсем посторонние люди — учителя, соседи — говорили: «Шура у тебя — талант». Жадность у него к жизни большая была, при-
стальный ум, смелость. Настоящий бы вырос из него человек.

Началась война, и не было у Шуры другой мысли, как пойти немцев бить. Говорит мне: «Война, мама, тяжелая будет. Ничего. Пойдем с папкой воевать».

С малых лет он играл в войну. Дом наш стоял на горочке, на отлете. Ребята под горой вырыли землянку, забивались туда на целый день: это у них называлось «сидеть в засаде». Играли в красных и белых. Шура всегда был красным. Ружья он из дерева понарезал, раскрасил; пистолеты — на вид совсем настоящие. Потом пулемет-трещотку сделал. Золотые были руки!

Этакий стрелок, охотник, смельчак — мог разве он утерпеть и оставаться в стороне? Да и комсомолец он был образцовый. Правда — что греха таить — когда в комсомол вступал, схитрил

¹ Молодые герои Великой Отечественной войны (ред. — В. Быков). М., 1970.

немного: прибавил себе год, очень уж ему хотелось скорей стать комсомольцем. Единственный раз в жизни, по-моему, схитрил — всегда был прямой на редкость парень, честный, правдивый.

Знала я: все равно пойдет воевать мой Шура, и не мне ему в этом препятствовать. Я в партии с 1931 года, сама сроду не трусила и детей тому не учила. Шесть лет работала председателем облсовета, много пришлось повозиться с кулачем да подкулачниками, иные из них меня крепко ненавидели, грозились отомстить. Но я от правды не отступала. Мне ли Шуру от опасности отговаривать? А все же ноет материнское сердце, болит за любимого сына.

Как только создали у нас истребительный отряд, Шура побежал записываться. Отказали ему: молод. Вернулся домой и заплакал, а я его в слезах и не видела почти никогда. Очень уж ему обидно показалось.

Стали люди в ополчение собираться. Гляжу, марширует мой Шура рядом с бородачами, учится вместе с ними военному делу. Присмотрелись к нему командиры — даром что шестнадцать лет, выйдет из парня толк. «Ладно,— говорят,— ступай в истребительный, примем».

Сделался мой Шура истребителем. Отправятся они, бывало, в леса, вылавливать диверсантов. Ждешь их дня три-четыре, а то и пять. Чего только не передумаешь за это время!

Как-то говорит мне Шура:

— Помогла бы ты мне, мама, автобиографию написать.

— Зачем тебе?

— Кружок организуется. В помощь милиции.

Я помогла. Написал он автобиографию, заявление. Сфотографировался. Единственная эта карточка у меня и осталась. Смуглый был парень, черноглазый, черноволосый — красавец.

Теперь-то я знаю, что требовалось это вовсе не для милицкого кружка. Он мне ничего не говорил про партизан, но я скоро догадалась.

Немцы все ближе подступали к нашему Лихвину. Как-то приходит Шура домой молчаливый. Вижу: на душе у него тревожно.

— Ну,— говорит,— собери меня как следует. Я, наверно, уйду на всю зиму.

Упало у меня сердце. Собрала я ему белье, теплые вещи, валенки. Три буханки хлеба дала. Хотела мяса положить. Он говорит:

— Не надо. Нам папка уже все достал. Свинью целую. Два пуда меда.

Ушли они вместе с отцом.

Остались мы вдвоем с Витей. У того, конечно, тоже глаза горят, рад бы за старшими увязаться, да кто тринадцатилетнего возьмет? Живем с ним, скучаем. А дней через пять началась эвакуация.

Побежала я в райком. «Как хотите,— говорю,— вызывайте сына. Я знаю, он в партизанском отряде. Вызовите хоть на час. Проститься хочу».

Такое у меня
этого сына я все
ство моей был
еще на него пос
Губы я до
мурый.
— Зачем ты
— Шурочка,
хочешь?
Посмотрел н
— Очень хо
же у меня умна
Я, конечно,
Простились
— Ну,— го
защищай. Толь
аккуратнее.
— Что ты,
Прижала я
Больше я не
Далеко я ре
реве, в сорока
что работаю н
отрядом. Помо
ла сведения.
Навестил м
нит хорошо, хо
ему всякая тро
установил апп
И позднее
отряда. Расск
рых он взорв
убежал.
Много рас
матери, есть
Прошла не
Места я себе
ла, решила с
понятно, со м
Мы обогн
Недаром мен
мужа, взяли
— Шура,
старый дом,
солдат. Он
схватили, по
пался?» А о
не хочу!»

Такое у меня было решение: если не увижу его — не уеду. В этого сына я все вложила: всю надежду мою, всю радость. Гордо-стью моей был Шура. И осталось мне одно счастье — хоть раз еще на него посмотреть.

Губы я до крови изгрызла, его дожидаясь. Приехал. Вошел хмурый.

— Зачем ты меня вызвала, мать? Ведь ты от дела меня оторвала.

— Шурочка, — говорю, — неужели ты проститься со мной не хочешь?

Посмотрел на меня, лицо прояснилось.

— Очень хочу, мама. Только я не хочу, чтобы ты плакала. Ты же у меня умная, смелая. Проводи меня весело.

Я, конечно, заплакала.

Простились мы.

— Ну, — говорю, — сын, иди, защищай нашу Родину, крепко защищай. Только смотри: ты ведь не учен военному делу, будь аккуратнее.

— Что ты, мама? Я лучше старших стреляю.

Прижала я его к себе, расцеловала.

Больше я не видела своего Шуру...

Далеко я решила не уезжать. Поселились мы с Витей в Токареве, в сорока пяти километрах от Лихвина. Я там всем говорила, что работаю на шахте, а сама держала связь с партизанским отрядом. Помогала им чем могла: доставала белье, пищу, передавала сведения.

Навестил меня муж, рассказал про Шуру. Наш сын партизанит хорошо, ходит в разведку: не даром он в лесах наших охотился, ему всякая тропа известна. В отряде он единственный радиотехник, установил аппаратуру. Начальник им не нахвалится.

И позднее доходили слухи о Шуре — самом молодом партизане отряда. Рассказывали, как напали на него десять фрицев. Шестерых он взорвал гранатой, троих уложил из винтовки, десятый убежал.

Много рассказов ходило про моего Шуру. Есть чем гордиться матери, есть о ком плакать.

Прошла неделя, две, три... Нет вестей ни от мужа, ни от сына. Места я себе не нахожу. В голову лезут черные мысли. Не стерпела, решила пойти сама разузнать, что с отрядом. И Витя, понятно, со мной — не одному же ему оставаться?

Мы обогнули Лихвин, зашли в деревню, где жила свекровь. Недаром меня грызла тоска. Свекровь рассказала: взяли моего мужа, взяли сына.

— Шура, — говорит свекровь, — зашел в Песковатское, в наш старый дом, лег там на печку. Ночью пришли немцы, двенадцать солдат. Он бросил в них гранату. Граната не разорвалась. Его схватили, повели. На улице старуха спрашивает: «Как же ты попался?» А он ей: «Я с предателями песковатскими разговаривать не хочу!»

Выдали его, проклятые. Верно, те самые гады, что против меня камень за пазухой держали, отомстили мне.

Темным-темно стало у меня на душе. Чувствую: не видеть мне больше родного моего сына. Свекровь говорит:

— Уходи отсюда. О Шуре все знают. Заберут они тебя.

Но я устала, и тяжело мне было очень. Осталась ночевать.

А утром пришел в избу староста и говорит с ухмылкой:

— Пойдем, Чекалина, сына выручать.

Я разом поняла, какая это выручка, да ничего не поделаешь, — пришлось послушаться. Повел он меня в штаб, и Витя за нами следом побежал с собакой. Она за нами с самого Токарева увязалась.

Вошла я в штаб. Сидит там Шутенков из Лихвина, предатель.

— Хоть одна коммунистка лихвинская попалась. А то все скрылись.

Я ему отвечаю:

— Нет, мы коммунистки, не скрываемся, мы дело делаем.

Он брови сдвинул.

— Ишь ты какая. Тебе, верно, неизвестен наш закон: всех коммунистов истреблять...

— Зато, — говорю, — тебе фашистский закон хорошо известен. Давно ли это фашистский закон твоим стал?

Тут вмешался староста.

— Дело, — говорит, — ясное. Сын у нее — партизан. Муж — партизан. И сама раз не ушла никуда, значит тоже где-нибудь партизанит. Что с ней канителиться!

Тут заговорили они между собой о расстрелянных партизанах. Шутенков советует старосте:

— Коли не брезгуете, снимите с них валенки, разденьте и заройте их в землю, как собак.

У меня от злости дух захватило. Вижу, стоит на столе тяжелая чернильница. «Схвачу, — думаю, — да ахну этого подлеца, чтобы сдох, проклятый пес, тут же на месте». Рука так и тянется сама к чернильнице, и нет у меня никакого страха — легкость такая. Тут я вспомнила про Витьку.

— Ладно, — кричу, — убивайте меня! Истребляйте всех до корня. Мужа моего вы убили, любимого сына убили. Убивайте же и младшего сына, казните меня вместе с ним! Я сама вам его приведу!

Должно быть, отчаянно я говорила. Большая сила во мне в те минуты была. Староста кивнул головой.

— Ладно, води сына.

Не поняли они, гады, что не сдамся, не лягу костью, пока им не отомщу за их подлость. Не знали они большевистской души. Вышла из штаба. Вижу, Витя стоит, понурый.

— Тикаем, сын.

И мы с ним за машины, за дома, да все дальше... Смешались с людьми — тут как раз немецкая пехота проходила, — выбрались кое-как из деревни. Увела я от лютой смерти моего младшего сына.

А о старшем, о Шуре моем, рассказали мне в соседнем селе. Слух о его смерти шел впереди меня. Шепотом сообщали об этом люди друг другу и удивлялись великой силе, что таилась в шестнадцатилетнем мальчике.

...Привели Шуру на допрос. Стал выпрашивать его немецкий комендант, начал грубо ругать большевиков и партизан. Не стерпел Шура. Схватил он чернильницу со стола и двинул ею в переносицу коменданту. И приговорили моего сына к страшной казни.

Как сказали мне об этом, сжалось у меня сердце. «Так, — думаю, — Шурочка. Сделал ты то, что мамка твоя собиралась сделать. Точно сговорились мы с тобой. Так их, Шурочка!»

И хоть не была я с ним в последние его минутки, но я их вместе с ним сотни раз пережила, потому что он сын мне и потому что я сама сквозь все это прошла — сквозь эту злобу к негодяям, и гордость, и отчаянное бесстрашие.

Знаю, как брел он, больной, в родное село Песковатское, как лежал там ночью один в доме на печке, где отец с матерью ему сказки рассказывали. Помнится, любил он слушать про путешественников, которые открывали новые страны, про победителей, про людей, которые не умеют сдаваться. Он не сдался.

Когда он шел на казнь, фашистские сволочи штыками кололи ему ноги — полные валенки крови были у моего Шуры. Но он шел твердо: он решил умереть хорошо.

Люди видели, как он, смеясь, глядел в лицо своим палачам. Они велели ему написать на фанерной дощечке: «Такой конец ждет всех партизан». А он взял карандаш и написал крупными буквами во всю фанеру: «Сотрем с лица земли фашистскую гадину!» — и бросил дощечку в народ.

Они хотели повесить ему на спину винтовку: партизан должен качаться в петле во всем своем вооружении. Он выхватил эту винтовку и ударил прикладом немецкого солдата. Говорят, сломал ему ребро. Ударил и крикнул:

— Что вы мне ржавую винтовку даете! Мы не с такими воюем! А когда его подвели к виселице, он звонким голосом воскликнул:

— Эх, гады! Всех нас не перевешаете! Нас много!

Тут они накинули ему на шею петлю.

Тогда Шура запел «Интернационал». Петля была у него на шее, а он пел. Пел про последний, решительный свой смертный бой.

— Отбрось табурет, — приказали ему палачи.

Шура отказался. Он ни в чем не хотел им помогать. Только трусы ускоряют свою гибель. Немец выбил из-под его ног табуретку.

Повисая в петле, Шура что есть силы ударил гада ногой. Так и умер, сопротивляясь.

...Я брела с Витей из деревни в деревню, точно меня оглушили. Ничего я не слышала, кроме боли. Такая тьма была вокруг, столько ужасов встречалось нам на пути, столько расстрелянных, сожженных, повешенных немцами людей.

Шурина мука смотрела на меня отовсюду. Я шла, перевязывала

раненых и все отдавала им: «Шурину рубашку — для него приготовила, кружку свою, все вещи. Не моя сила меня вела, заставляла прятаться, обходить опасные места. Раненый лейтенант указал нам, как перейти линию фронта. Выбрались мы с Витей из немецкого ада. Увидела наших — отогрелось сердце. В первый раз за все время мне стало легче. Мы остались в части. Я просила, чтобы взяли меня на службу в армию, хотя бы санитаркой. Рассказала комиссару о сыне и муже. Он согласился. И начала работать.

Когда освободили наш район, пришло мне письмо от мужа, — ему удалось убежать от немцев. Муж писал, что Шурино тело нашли возле виселицы в снегу. Наверно, перервалась веревка. Обмыли его, одели и похоронили на площади.

Эта площадь теперь называется площадью имени Александра Чекалина. И Песковатское тоже теперь село имени Шуры Чекалина, моего сына.

Адамович
(род. 3 сентя
советский п
романом «
(1960), а та
ской советск
Соч.: Избра
томах. Минс

Необыкн
и тем не ме
виг советски
В услов
ностей. Был
Умираю
человек про
ние крошки
сок хлеба,
пожилая же
с ее похоро
Кусок
особенно ва
в человечес
делом, найт
альтруизм,
только выж
Отобран
А. Адамови

А. Адам

О блокаде
ни, о «нае
обширная

Что е
ли это ему

Мы х
как они
рассказы

Оказал

Новый мир

Адамович Александр Михайлович (род. 3 сентября 1927) — белорусский советский писатель. Известен своим романом «Война под крышами» (1960), а также статьями о белорусской советской прозе.

Соч.: Избранные произведения в 2-х томах. Минск, 1977.

Гранин Даниил Александрович (род. 1 января 1918) — русский советский писатель. Широкую известность приобрели романы Гранина «Искатели» (1954), «После свадьбы» (1958), «Иду на грозу» (1962), повести и рассказы писателя.

Соч.: Собрание сочинений в 4-х т. Л., 1978—1980.

Необыкновенно тяжело читать эти документы о ленинградской блокаде, и тем не менее их должен прочесть каждый. В них отразился беспримерный подвиг советских людей.

В условиях тяжелейших испытаний обнажались глубины человеческих личностей. Были нравственные взлеты и падения, но взлетов было больше.

Умиравшие ленинградцы... — сколько раз они подтвердили ту истину, что человек проверяется в смерти. Истощенный трехлетний ребенок отдает последние крошки своему брату; умирающая девочка настойчиво предлагает свой кусок хлеба, а другая, почти такая же, не может его взять, даже у умершей: пожилая женщина просит довести ее до кладбища, чтобы близкие «не мыкались» с ее похоронами...

Кусок хлеба стал бесценным: он поддерживал уходящую жизнь. Но что особенно важно, обострились и главные духовные потребности: потребность в человеческом участии и тепле, желание слушать стихи, заниматься любимым делом, найти высший смысл существования. И ленинградцы проявляли массовый альтруизм, находили, по справедливому замечанию авторов книги, способы не только выживать, но и жить.

Отобранные рассказы ленинградцев снабжены прекрасными комментариями А. Адамовича и Д. Гранина, к которым вряд ли нужно что-либо добавлять.

А. Адамович, Д. Гранин

главы из блокадной книги¹

О блокаде Ленинграда, о героических защитниках невиской твердыни, о «наемном убийце» фашистов — блокадном голоде существует обширная документальная литература.

Что еще можно поведать людям, миру обо всем этом? И нужно ли это ему, сегодняшнему миру?

Мы хотели дополнить картину свидетельствами людей о том, как они жили, записать живые голоса участников блокады, их рассказы о себе, о близких, о товарищах.

Оказалось, что быт и бытие сошлись в тех условиях, когда ведро

¹ Новый мир, 1977, № 12.

воды, коптилка, очередь за хлебом — все требовало невероятных усилий, все стало проблемой для измученного ослабевшего человека.

Откуда брались силы, откуда возникала стойкость, где пребывали истоки душевной крепости?

Перед нами стали открываться не менее мучительные проблемы и нравственного порядка. Иные мерки возникали для понятия доброты, подвига, жестокости, любви. Величайшему испытанию подвергались отношения мужа и жены, матери и детей, близких, родных, сослуживцев.

Мы слушали, записывали, и не раз нам казалось: вот он — предел страданий, горестей, но другая история открывала нам новые пределы горя, новую вершину стойкости, новые силы человеческого духа.

«Я перенесла всю блокаду. Хуже всего — это голод, — утверждает Лидия Сергеевна Усова, которая была тогда рабочей. — Это страшнее всего. Наш завод каждый день обстреливался. Но мы не шли в бомбоубежище: совершенно перестали этого бояться. Первое, что мы делали, это хватали кусок хлеба и запихивали в рот; не дай бог если тебя убьет, а он останется! Понимаете? Вот какая психика была. А потом ты в ужасе: ты все съела, а бомбежка кончилась! Это был сорок второй год. Это был самый ужасный год!.. Помню, когда умирала мама, я ей давала сахар по кусочкам, и она все говорила — добренькая, добренькая! А с сестрой поделиться я уже не могла. Она была в больнице, я несла ей что-то, но по дороге начинался обстрел, и я все съедала, я не могла ей донести. Тут я уже была в таком состоянии, я уже ни о чем не могла думать как только о еде. Понимаете? Это совершенно ужасно».

Алиментарная, третьей степени, дистрофия — это не только скелет без мышц (даже сидеть человеку больно), это и пожираемый желудком мозг.

Кого настигал голод, корчились и мучились так же, как тяжело раненные...

«Лучше держались девочки, а мальчик двенадцати лет, Толя, очень страдал, уже недоедал изрядно, иногда ложился на скрипучую кроватенку и все время качался, чтобы чем-то заглушить чувство голода, качался до тех пор, пока мать на него не накричит, но опять потом начинал качаться. Потом, через какое-то время, я узнала, что он умер...» (М. М. Хохолова).

— Итак, вы вернулись из стационара? — спрашиваем мы Ирину Васильевну Куряеву.

— Да, пролежала там некоторое время, вернулась. Няня была еще жива, но она уже погибала от голода. Помню, что мы ее поднимали. В стационаре нам давали какие-то порошки — на вес золота! — и мы считали, что если эти порошки принесем домой, мы можем спасти своих близких. Помню, что усиленно питали няню, которая, конечно, уже была сильно истощена, настолько, что на-

чался у нее голодный понос. Она скончалась на наших глазах. А до этого умерли наш восемнадцатилетний двоюродный брат, и тетя, и дядя. В январе — феврале вымирали прямо семьями. Что тут было — страшно! Тетя — в госпитале. Мама моя лежит со страшной водянкой (по возрасту она была, наверное, моложе, чем я сейчас). Лежит бабушка. Лежит няня. Воды нету. Темно, холодно.

— Электричества уже не было?

— Электричества не было. Поставлена была временка, такая печурка. Пришел боец и сложил нам такую временочку. Тут мне приходилось, поскольку я оказалась самая жизнеспособная и самая старшая из детей (сестра моложе меня была), приходилось ходить за водой. Воду мы брали из люка. Каждое утро выходили — это тоже был подвиг. Ведра нет. Мы приспособили кувшинчик — наверное, литра на три воды. Надо было достать эту воду. До Невы идти далеко. Открыт был люк. Каждый день мы находили новые и новые трупы тех, которые не доходили до воды, потом их заливало водой. Вот такая это горка была: горка и корка льда, а под этой коркой трупы. Это было страшно. Мы по ним ползли, брали воду и носили домой.

Вода, дрова, тепло... И конечно же — хлеб. В первую очередь он, к нему и сейчас стягиваются главные нити воспоминаний, с ним связаны, может быть, самые острые и жестокие переживания. Граммами хлеба измерялись в те дни шансы и надежды человека выжить, дожидаться неизбежной победы.

И какие драмы — видимые и невидимые миру — разыгрывались ежедневно вокруг кусочка хлеба (ведь он был мерой жизни и смерти!), какие сложные, самые высокие и самые низкие чувства клокотали в очередях; где дожидались хлеба, над буржуйками, где его сушили, делили!

Неполной будет картина, если упоминать про одни рассказы и умалчивать о других. Вот и об этих похитителях хлеба, хлебных довесков. О них рассказывают тоже по-разному. С одной стороны, очень врезались в память такие случаи. Еще бы: женщина, ее дети мечтали об этом «завтрашнем» хлебе еще вчера, ночью видели во сне, как едят его, — и вдруг чья-то рука хватает, запихивает в рот!.. Запомнилось, хотя самые лютые обстрелы могли уже выпасть из памяти. И так этого довесочка жалко — все тридцать лет он в памяти! Даже самым рассказчицам неловко. Но еще более жалко им тех подростков мужчин, потерявших себя. И тогда, в тот миг тоже их жалели, хотя и кричали на них вместе с возмущенной очередью, даже били.

«Со мной вместе жила жена моего брата с ребенком маленьким, четырех годков, и ее мать-старушка, потом еще карточки ее сестры дали мне и просили, чтобы я пошла получить хлеб. Вот я пошла в булочную. Я получила хлеб на всю семью. Ну, дали мне такую маленькую буханочку и небольшой довесок. Не знаю, сколько в этом довеске было, граммов пятьдесят, что ли. И вот, только я беру у продавца этот хлеб, и вдруг какой-то парнишка, голодный, исто-

щенный парнишка, лет шестнадцати-семнадцати, как выхватит у меня эту буханку хлеба! Ну и стал скорей кусать от голода — ест, ест, ест ее! Я закричала: «Ой! Что же мне делать, я ведь на всю большую семью получила хлеб, с чем же я приду домой?!» Тут женщины сразу же закрыли дверь булочной, чтобы он не убежал, и начали его бить. Что ты, мол, сделал, ты оставил семью без хлеба! А он скорее глотает, глотает. Остатки буханки отобрали от него, и у меня еще этот довесок остался. Я стою и думаю: с чем же я домой-то приду? И в то же время и его так жаль, думаю, ведь это голод заставил его сделать, иначе он так не сделал бы. И так мне его жалко стало. Я говорю: «Ладно уже, перестаньте его бить». Этот случай мне запомнился, думала: надо же, чтобы голод человека на такой поступок толкнул! Ведь из-за голода он выхватил хлеб!» (Юлия Тимофеевна Попова).

Со слезами смущения, вины, удивления перед тем, что голод с нею сделал, вспоминает Таисия Васильевна Мешанкина (ул. Софьи Ковалевской, д. 9, кв. 97) про такой случай.

...Но лучше послушать ее, ее рассказ, начиная с тех трех дней, в декабре, когда в магазине совсем хлеба не давали. Не было. Хлебозаводы стали.

«— В эти три дня тяжелые я одну ночь почувствовала — умираю. У меня длинная слюна бесконечная была. Рядом лежала девочка, моя дочка. Я чувствую, что в эту ночь я должна умереть. Но поскольку я верующая (я это скрывать не буду), я стала на колени в темноте, ночью и говорю: «Господи! Пошли мне, чтобы я до утра дожила, чтобы ребенок не увидел меня мертвую. Потом ее возьмут в детское учреждение, а вот чтобы она меня мертвой не увидела». Я пошла на кухню. Это было в чужой квартире (мы там жили, мой дом по улице Комсомола, пятьдесят четыре был разбомблен). Пошла на кухню и — откуда силы взялись — отодвинула стол. И за столом нахожу (вот перед богом говорю) бумагу из-под масла сливочного, валяется там еще три горошины и шелуха от картошки. Я с такой жадностью это поднимаю: это оставлю, а завтра суп сварю. А бумагу себе запихиваю в рот. И мне кажется, что из-за этой бумаги я дожила.

— Только бумага от масла? Масла не было?

— Да, бумага. Из-за этой бумаги я дожила до шести часов утра. В шесть часов утра мы побежали все за хлебом. Прихожу я в булочную и смотрю — там дерутся. Боже мой! Что же то дерутся? Говорят, бьют парня, который у кого-то отнял хлеб. Я, знаете, тоже начинаю его толкать — как же так ты, мы три дня хлеба не получали! И вы представляете себе, не знаю как, но евонный хлеб падает мне в руку, я кладу в рот — чудеса — и продолжаю того парня тискать. А потом говорю себе: «Господи! Что же я делаю? Хлеб-то уже у меня во рту?!» Я отошла и ушла из булочной.

— И не получили хлеба?

— Я потом пришла за хлебом. Мне стало стыдно, я опомнилась. Пришла домой и простить себе не могу. Потом пошла и получила

хлеб. Я полу
и девочка ст
Но насто
начале меся
Потерявший
так, что о
Кузьмина. Ру
точек. Крик
женщина, ск
столовой, и
и мать неск
какими-то кр
...В воспо
на, кажется
особую нравс
«Видела
дровни труп
идет: «Подож
ты не видишь
пути. Вчера
мой-то не мы
пеньке, замер
чек хлеба гра
Конечно же
Но те потребн
ких не имели
...Перед на
ный сотрудник
шлял: что же
ся в этом.
«— Мне б
Ну так они ж
не такой, как
не так уж сла
кие! Ну, може
И мне показал
об этом я ниг
что блокада —
И в силу этого
вот этого поня
человека.
И вот что
что ни разу в
осознанной и с
даже казалась
по разным при
обстрела, котор
нется — поним

хлеб. Я получила двести двадцать пять граммов, я была рабочая, и девочка сто двадцать пять».

Но настоящая трагедия была потеря карточек. Особенно если в начале месяца и особенно если карточек лишалась вся семья. Потерявший их мог считать себя убийцей своей семьи. «Я крикнула так, что остановился трамвай», — вспоминает Анна Викторовна Кузьмина. Рука вернулась к карману, а там — ни кармана, ни карточек. Крик был такой, что остановился трамвай, подошла какая-то женщина, сказала ехать с нею. Она-то незнакомая женщина из столовой, и подкормила четырнадцатилетнюю Аню, ее сестренку и мать несколько критических дней какими-то остатками щей, какими-то крохами.

...В воспоминаниях Екатерины Павловны Янищевской есть сцена, кажется вобравшая в себя всю трагедию утерянных карточек и особую нравственность первой блокадной зимы.

«Видела на проспекте Энгельса такое: везет старик полные дровни трупов, слегка покрытые рогожей. А сзади старушонка еле идет: «Подожди, милый, подсади». Остановился: «Ну что, старая, ты не видишь, какую кладь везу?» — «Вижу, вижу, вот мне и по пути. Вчера я потеряла карточку, все равно помирать, так чтобы мои-то не мыкались со мной, довези меня до кладбища, посижу на пеньке, замерзну, а там и зарюют»... Был у меня в кармане кусочек хлеба граммов сто пятьдесят, я ей отдала...»

Конечно же, сужался круг интересов, потребностей человеческих. Но те потребности, что оставались, приобретали значение, силу, каких не имели в другое время.

...Перед нашим приходом Павел Филлипович Губчевский, научный сотрудник Эрмитажа, внутренне готовясь к разговору, размышлял: что же такое была для него блокада? Потом он нам признался в этом.

«— Мне было трудно самому себе на это ответить. Снаряды? Ну так они же всюду. Бомбы? Они всюду. Голод? Ну, он конечно, не такой, как всюду, а в более страшной форме, но ведь и всюду не так уж сладко жилось. Смерти? Так они всюду были, и еще какие! Ну, может быть, только не в такой концентрированной форме. И мне показалось, когда я сам захотел отдать себе отчет (никогда об этом я нигде не говорил и сам с собой никогда не говорил), что блокада — это раньше всего человек. А человек — он разный. И в силу этого, по-видимому, существует и очень разное восприятие вот этого понятия «блокада» — в зависимости от индивидуальности человека.

И вот что удивительно: после этого я подумал следующее: что ни разу в жизни, ни до, ни после блокады, я не имел такой осознанной и определенной цели в своей жизни. Она, эта цель, даже казалась близкой. Другое дело, что она все время отодвигалась по разным причинам... Я сидел в своей комнате и ждал очередного обстрела, который больше выматывал душу тем, что он долго тянется — понимаете? — и думал: и какой же я был чужак, как я

жил раньше! Я редко ходил в филармонию, редко ходил в Кировский театр. А ведь как много для этого нужно! Нужно, чтобы в театре было тепло, чтобы его осветили, чтобы собрали более сотни оркестрантов и чтобы они были сыты, чтобы собрали артистов балета, чтобы публика могла приехать туда и тысяча еще «чтобы»! И этого я не ценил, этого не замечал. Я не думал тогда, что вот кончится блокада и я буду есть пшенную кашу целыми кастрюльками (наверно, вы это слышали, наверно, вам это некоторые блокадники говорят). У меня этого как-то не было. А была такая вещь: появилась цель найти в жизни то большое, если говорить громкими словами, что-то духовное, такое, что раньше мало ценил, мало пользовался, не смог осуществить».

В числе оставшихся и усилившихся не только потребность в пище да в тепле буржуйки. Но и в тепле участия. Никогда так не нуждался ленинградец в помощи, поддержке, и никогда его поддержка так не нужна была кому-то другому, как в дни, месяцы, годы блокады. «У каждого был свой спаситель», — убежденно сказала нам ленинградка. Каждый в нем нуждался и сам был необходим, как хлеб, вода, тепло, другому.

И не только помощь физическая.

Пища духовная, когда так мало было просто хлеба, означала очень и очень много!

«Я думаю, что никогда больше не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы», — пишет Ольга Берггольц в предисловии к сборнику «Говорит Ленинград».

Людмила Алексеевна Маныкина, работник Центрального государственного военно-исторического архива:

«— Я хочу вот что интересное рассказать. Был такой — вы, наверно, его знаете, он потом работал директором Высших дипломатических курсов, — Францев Юрий Александрович. Это был профессор. Я с ним не была знакома раньше. Однажды он пришел ко мне и сказал: «Я хочу посмотреть, как живут мои соседи». — «Пожалуйста». Он очень милый, очень интересный человек был. Однажды, уже весной, он мне сказал: «Людмила Алексеевна, давайте что-нибудь придумаем. Ну мы же не можем только так. (Он худой-худой, высокий такой был, седоватый.) Мы же не можем все время только так жить?». Я говорю: «Давайте. А что мы будем делать?» — «Давайте соберем историков и будем говорить о том, о чем каждый хочет. А собираться мы будем в архиве Академии наук, внизу». Знаете? На набережной, там же пустое место было. И вот он и я собрали тех, кто оставался в Ленинграде... Иногда нас было пять человек, иногда семь человек. Это был очень своеобразный семинар. И каждый говорил, делал такие рефераты, доклады о том, о чем хотел. Я, например, занималась двенадцатым годом, я говорила о партизанской тактике Дениса Давыдова. Ираида Федоровна Петровская, наш научный сотрудник (она сейчас работает в Институте театра и музыки), говорила о Московском опол-

чении, Псковском ополчении, о Петербургском ополчении. Из Эрмитажа (не помню ее фамилии) говорила об устройстве виноградников в пятом веке в Риме.

— Вот это прекрасно!

— Все прекрасно было. Сербинова рассказывала о греческих иконах.

— Лишь бы подальше от голода?

— Да, это же была отдушина! Мы делали доклады часами, причем слушали, так, что я не помню, чтобы когда-нибудь потом так слушали.

— А сколько народу сидело?

— Тут уж больше приходило, начиная с десяти человек и кончая тридцатью. Никто не шевелился, никто не вышел, никто! Вот мы каждую пятницу и собирались. Сегодня мы не смогли, не кончили, тогда говорили: продолжим в следующий раз.

— И что, с удовольствием об этом вспоминаете?

— С огромным удовольствием я это вспоминаю! Это была такая большая отдушина, ты там занимался тем, чем бы ты мог заниматься, если бы всего этого не было...»

Весь сохранившийся запас душевного участия отдавали живым.

Какое-то особое властное чувство заставляло людей подавать руку тем, кто сползал в небытие. Довести до дому — по тем временам это был подвиг. Зачастую это было единственное, что мог сделать человек человеку. На это самопожертвование часто уходили последние силы. Такая простая вещь, самая вроде элементарная, была, может, одним из величайших проявлений человечности. Для чего это делалось? Для себя, для своей души, для того, чтобы чувствовать себя Человеком. Для того, чтобы выстоять, не поддаться врагу.

Безвестный Прохожий — пример массового альтруизма блокады. Он обнажался в крайние дни, в крайних обстоятельствах, но тем доподлиннее его природа.

Большинство спасителей остались безвестными. Но некоторые обнаруживались. Черты их проступали слабо и случайно в рассказах, которые, в сущности, лишь называли, только обозначали судьбу, заслуживавшую исследования, подробной истории.

...Николай Иванович его звали. Кажется, Лебедев. Наверное, Лебедев. Детская память ненадежная. Ирине Куряевой (ныне работнику Эрмитажа) было тогда четырнадцать лет. Она не представляет, сколько было там детей, в стационаре, который организовал Лебедев. Он ходил и собирал по Дзержинскому району истощенных ребятишек, бесконечно хлопотал, добывая для них какие-то маленькие дополнительные пайки.

«— Мы спаслись потому, что с двоюродной сестрой оказались в больнице у Николая Ивановича. Он заполнил абсолютно все теплые помещения, которые можно было отапливать. Помню, когда привозили детей, они часто уже есть не могли, так были истощены. Меня поразило и то, что в три с половиной года дети стали совер-

шенно взрослыми... Это было страшно. Это декабрь, тут уж был голод. В сентябре — октябре нас зажигалками забрасывали. Тогда мы, ребята, еще дежурили на крышах. К этому относились легко. Как-то все было любопытно... Теперь уж наступило другое. Помню, привезли ребят-близнецов... Вот родители прислали им маленькую передачу: три печеньица и три конфетки. Сонечка и Сереженька — так звали этих ребятшек. Мальчик себе и ей дал по печеню, потом печенье поделили пополам. Остаются крошки, он отдает крошки сестричке. А сестричка бросает такую фразу: «Сереженька, мужчинам тяжело переносить войну, эти крошки съешь ты». Им было по три года.

— Три года?!

— Они едва говорили, да, три года, такие крошки! При чем девочку потом забрали, а мальчик остался. Не знаю, выжили они или нет...»

О нем бы разузнать подробнее — кто он был, Николай Иванович Лебедев? Как он все это делал? Собрать то, что еще не кануло в Лету: ведь это человек, который спас сотни детей.

Среди людей происходила как бы поляризация. Либо поступать по чести, по совести, несмотря ни на что, либо выжить во что бы то ни стало, любыми способами, за счет ближнего, родного, кого угодно.

В детском стационаре Ирине Куряевой запомнилась девочка. Ее привезли уже умирающую. Девочка была старше Ирины.

«Она мне говорит: съешь, пожалуйста, мой хлеб (ну сколько там? Норма — 125 граммов хлеба), я не доживу до завтра. Лежит она рядом со мной. Койки стояли очень близко друг к другу, чтобы побольше можно было впихнуть.

Помню, как я всю ночь не могла спать, потому что думала: взять хлеб или не взять? Все знают, что она не может уже есть. Но если я возьму этот хлеб, то подумают, что я его украла у нее. А страшно хотелось есть. Страшная борьба с собой: чужое же! Так я хлеба не взяла. Вот сейчас, когда говорят: голодный может все сделать, и украсть и прочее, прочее, — я вспоминаю чувства свои, ребенка, когда чужое, хотя мне и отдавали его, я взять все-таки не могла. А девочка действительно умерла, и этот кусок хлеба остался у нее под подушкой».

Подвергались тяжелейшему испытанию все человеческие чувства и качества — любовь, супружество, родственные связи, отцовство и материнство.

...Особую историю рассказала нам Мария Васильевна Машкова. Ей было поручено в 1941 году эвакуировать детей сотрудников Публичной библиотеки, однако дорогу перерезали, и вскоре ей пришлось вернуться с детьми в Ленинград.

«В числе детей, с которыми уезжала, был мальчик нашей сотрудницы — Игорь, очаровательный мальчик, красавец. Мать его очень нежно, со страшной любовью опекала. Еще в эвакуации она мне говорила: «Мария Васильевна, вы тоже давайте своим деткам козье

молоко. Я Игорю беру козье молоко». А мои дети помещались даже в другом бараке, и я им старалась ничего не уделять, ни грамма сверх положенного. А потом этот Игорь потерял карточки. И вот уже в апреле месяце я иду как-то мимо Елисеевского магазина (тут уже стали на солнышко выползать дистрофики) и вижу — сидит мальчик, страшный, отечный скелетик. Игорь? Что с тобой? — говорю».

И дальше история о мальчике и матери. Понять ее можно, лишь учитывая тяжелейшую обстановку в голодающем городе, которую не каждый мог выдержать до конца. Тем более, что любой голод, съедая мышцы и мозг человека, отнимал зачастую и разум. Мальчик потерял карточки, мать, уже почти невменяемая, выгнала его из дому. Он погиб. А когда все вернулось — сытость, прежняя психика, она не смогла жить. Покончила с собой из чувства вины перед мальчиком. Распад человеческой личности кончился трагически. Вернуться назад оказывалось невозможно.

...Амплитуда страстей человеческих в блокаду возросла чрезвычайно — от падений самых тягостных до наивысших проявлений сознания, любви, преданности.

Сплошь и рядом, когда мы допытывались, как выжили, каким образом, каким способом, что помогало, то оказывалось — семья сплотилась, помогала друг другу, сумели создать в учреждении, на предприятии коллектив, кто-то требовал, заставлял подчиняться дисциплине, не позволял опускаться. Мать Марины Ткачевой заставляла детей всю блокаду чистить зубы. Не было зубного порошка — чистите древесным углем. Много значило для этой семьи то, что не был съеден кот. Спасли кота. Страшный он стал, весь обгорелый оттого, что терся боками о раскаленную буржуйку. Но не съели. И это — по чисто детской, сохранившейся от тех лет гордости — первое, что сообщила в своем рассказе Марина Александровна Ткачева. И такое тоже поддерживало, поднимало самоуважение людей. Из самых разных историй и случаев убеждаешься, что для большинства ленинградцев существовали не способы выжить, а скорее способы жить.

Ленинградская женщина... Она жила чуть дольше, чем могла жить, если даже потом смерть, иссушив, сваливала. Ее «задерживали» — на день, на два, на месяц — мысль, страх, забота о ребенке, о муже...

«И вот, знаете, другой раз я чувствую, что слабею, слабею. Совсем руки, ноги холодные. Батюшки! Я же умру! А Вова?! И, знаете, я вставала и что-то делала. Этого я сейчас просто объяснить не могу» (Александра Борисовна Ден).

Многие из них только благодаря этому и сами выжили — вопреки научным подсчетам, что, мол, лежащий неподвижно теряет меньше калорий, чем тот, кто ползет на заледеневшую Неву за водой, через силу тащит на саночках дрова, сутками стоит в очередях за хлебом для ребенка... Тут и наука должна была что-то пересматривать или вспоминать забытое.

Внутри блокадной муки, среди всех бед, лишений, ужасов, смертей главной трагедией были дети. О них заботились прежде всего и городские учреждения, и само население, их страдание, их положение для всех было наимучительной болью. И даже в помутненном голодном сознании взрослых дети, детское сохранялось, как правило, святым.

«...Продукты с базы возила на санках одна взрослая женщина-экспедитор. Она всегда брала с собой двух мальчиков лет по четырнадцать. Вот наступила моя очередь. База находилась за Невскими воротами. Туда и обратно мы шли пешком. Туда налегке, обратно схватившись за веревку санок. Один из нас всегда шел сзади наблюдающим. На одном из ухабов сани накренились, и съезжие конфеты рассыпались из коробки на снег. Вокруг нас моментально образовалось тесное кольцо из проходивших мимо пешеходов. Экспедитор замахала руками, заохала, из ее крика поняли, что конфеты везут в детский дом, да и мы, два заморыша, были хорошей иллюстрацией. Народ толпился вокруг нас, растопырив в стороны руки, глаза горели, но никто не наклонился. Мы собрали все конфеты в коробку, подобрали кульки, поправили сани и двинулись дальше. Люди еще долго провожали нас глазами» (Александр Иванович Любимов).

«Вот запомнила имя своей учительницы в первом классе — Елена Игнатьевна. Это была двести вторая школа, на Желябова... Она, когда мы впервые чему-то засмеялись в классе, — это уже было, наверно, в сорок четвертом году, в конце, класс почему-то захохотал, — она после этого пошла по домам, обошла родителей и всем говорила: «Сегодня ваши дети смеялись!» Это было самым важным сообщением».

— Как вы узнали, что она ходила?

— Нам родители сказали. Я не знаю довоенной судьбы этой учительницы, я не знаю ее домашней жизни во время войны. У меня сложилось такое впечатление, что она жила только школой и только нами. Мы приходили в школу голодные, холодные. Она нас раздевала, смотрела, что у нас внизу надето. Заворачивала (у кого ничего нет) в газету, сверху надевала платье, чтобы дети не мерзли. Если кто-то начинал плакать на уроке, у нее всегда какие-то корочки находились в кармане. Кофта у нее была большая, карманы где-то внизу (может быть, такое впечатление тогда было). Вот она нам давала эти корочки пососать, лишь бы мы не плакали. Во время обстрелов она нас собирала в коридоре и буквально укрывала собой. Очень часто навещала нас дома. Если кто-то из детей хотя бы раз не придет в школу, она в этот же день шла домой. Как она себя чувствовала, я этого ничего, конечно, не знаю, не знаю, была ли у нее семья или она была одна».

В июле 1942 года Л. М. Филипова получила самый для нее дорогой подарок — пакет лебеды. В то время это был драгоценный дар, но тут важно и что предшествовало этому подарку. Любовь Михайловна до сих пор волнуется, стоит коснуться того случая.

А де
това
мож
200
ной
парто
«
Пойд
татск
напис
сухар
Я к П
Я так
застат
ром ка
кратит
сандро
ете, эт
там шо
го чувс
чай. У
Понима
дойти.
Вот ул
этаж. И
ра). Вх
— Б
— Э
порог э
голодна
Думаю
с другой
В ответ
«Я вам
того что
какие-то
вила кип
жуйки. С
что я и
дошла бы
выжили...
на Кресто
и весной
мне и тро
котлет! Та
ка и Ксени
степенно е

А дело обстояло так. Зимой пришло к ней письмо с фронта, от ее товарища по горкому комсомола И. К. Ковбаса. Он спрашивал, чем можно помочь его жене и дочери. Л. М. Филипова сама получала 200 граммов хлеба, что она могла? Но она была женщиной огромной энергии и собранности, недаром все эти годы она руководила парторганизацией Государственной публичной библиотеки.

«— Думаю,— пойду я к Попову, председателю горисполкома. Пойду к Петру Сергеевичу. С чем пойду? Использую свой депутатский билет. Ведь не для себя, для помощи. И действительно, написал записочку на Тамбовский холодильник: двести граммов сухарей, плиточка шоколада, сушеная картошка, какая-то крупа. Я к Попову в Смольный рано утром пришла, оттуда на Тамбовскую. Я такая была счастливая, что столько получила! Только бы мне застать родных Ковбаса живыми (Илья Кириллович был комиссаром какого-то батальона). Дошла до Невы. Уже вечер. А чтобы сократить расстояние, не через мост пошла, а по Неве, там к Александровскому саду была дорожка. Вьюга страшная! И вот вы знаете, это самый страшный момент в моей жизни. У меня пакет, там шоколад, я иду через Неву и уже падаю. Как бы не съесть! Этого чувства я вам передать не могу никакими словами. Страшный случай. У меня там шоколад и сухая картошка, а я должна донести. Понимаете? Иду через Неву. Вьюга задувает, думаю, мне уже не дойти. Как я тогда с ума не сошла, не знаю. И все-таки, я иду, иду. Вот улица Ленина. Нашла этот самый дом. Поднялась на третий этаж. Ищу комнату, где они жили (это была коммунальная квартира). Вхожу. Мне стало легче, что я донесла.

— Борьба с собой была для вас труднее, чем с вьюгой?

— Этого не передать. Это было страшно. Когда я переступила порог этой комнаты, мне стало легче, что я донесла. Я такая же голодная, такая же больная, я не могу двигаться, но уже счастливая. Думаю — были бы только живы! Вижу — с одной стороны кровать, с другой стороны кровать. Спрашиваю: «Ксения Петровна? Люся?» В ответ слабый голос Ксении Петровны и более сильный девочки. — «Я вам от отца принесла привет!» Ну, знаете, что тут было! Мало того что счастье преодоления! Я какой-то стул очередной, какие-то книги оставшиеся вытащила, растопила буржуйку, поставила кипятки. Они, конечно, поднялись. Мы сели около этой буржуйки. Они меня угощали, и я, уже не стесняясь, поела, потому что я иначе с улицы Ленина до Публичной библиотеки не дошла бы. Это был очень счастливый случай. К счастью, обе они выжили... Они тот паечек разделили и обе выжили. И жили уже на Крестовском острове, были на своих ногах, собрали там лебеду и весной сорок второго года вот такой большой пакет принесли мне и трогательное письмо. Из этой лебеды мы наделали таких котлет! Такой у нас был пир! Ведь они уже умирали обе — девочка и Ксения Петровна. И этот паек, который я принесла и они постепенно ели, их все-таки спас».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. ПОНЯТИЕ О ЛИЧНОСТИ. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ	11
Ильенков Э. В. Что такое личность?	11
Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность	20
Рубинштейн С. Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности	28
Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности	35
Ананьев Б. Г. Некоторые черты психологической структуры личности	39
Сэв Л. Основные понятия. Акты, способности. Проблема потребностей	42
Фромм Э. Характер и социальный процесс	48
Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности	55
2. ДИНАМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ	
Джемс У. Личность	61
Леонтьев А. Н. Мотивы, эмоции и личность	71
Узнадзе Д. Н. Мотивация — период, предшествующий волевому акту	80
Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс П. Уровень притязаний	86
Левин К. Типы конфликтов	93
Хорни К. Культура и невроз	97
Олпорт Г. Принцип «редукции напряжения»	106
Маслоу А. Самоактуализация	108
Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия	118
Рубинштейн С. Л. Самосознание личности и ее жизненный путь	127
Мейли Р. Различные аспекты Я	132
Мейли Р. Черты личности	142
3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ (в норме и патологии)	150
Леонтьев А. Н. Формирование личности	150
Выготский Л. С. Развитие личности и мировоззрения ребенка	161
Божович Л. И. Социальная ситуация и движущие силы развития ребенка	166
Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте	172
Массен П., Конгер Дж., Каган Дж., Гивитц Дж. Развитие личности в среднем возрасте	182
Зейгарник Б. В. О патологическом развитии личности	187
Белкин А. И. Формирование личности при смене пола	197

ПРИЛОЖЕНИЕ. Психологические проблемы личности в философской, художественной литературе, жизнеописаниях, дневниках и пр.	206
Олпорт Г. Личность: проблема науки или искусства?	208
Платон. Апология Сократа	218
Платон. Смерть Сократа	225
Феофраст. Характеры	228
Кант И. О характере как образе мыслей	232
Гоголь Н. В. Мир Акакия Акакиевича	236
Толстой Л. Н. Исповедь	242
Бахтин М. М. Герой и позиция автора по отношению к герою в творчестве Достоевского	250
Лазурский А. Ф. Альтруизм	262
Чекалина Н. Мой сын	268
Адамович А., Гранин Д. Главы из блокадной книги	275

3

11

11

20

28

тви-

35

39

42

48

55

61

71

80

86

93

97

106

108

118

127

132

142

е и па-

150

150

161

166

рабенка
я в дет-

172

и в сред-

182

187

197

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ. ТЕКСТЫ

ПОД РЕД. Ю. Б. ГИППЕНРЕЙТЕР,
А. А. ПУЗЫРЕЯ

Зав. редакцией *Г. С. Ливанова*

Редактор *И. И. Шевцова*

Художественный редактор

Н. Ю. Калмыкова

Технический редактор *Т. Е. Светличная*

Корректоры *В. П. Кададинская, Г. В. Зотова,*

Н. И. Коновалова

БЗ № 11-3-82

ИБ № 1396

Сдано в набор 28.08.81. Подписано к печати
26.03.82. Л-80589. Формат 60х90/16. Бумага
тип. № 2. Гарнитура Литературная. Офсетная
печать. Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 19,75. Ти-
раж 50 000 экз. Заказ 1589. Цена в переплете
№ 5 — 1 р. 30 к. (1000 экз.), в обложке —
1 р. 20 к. (49. 000 экз.). Изд. № 1913

Ордена "Знак Почета" издательство Московского университета,
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Отпечатано с диапозитивов 12 ЦТ МО, в Московской типографии № 6
Союзполиграфпрома. Москва, 109088, Южнопортовая ул., 24

Библиотеки Москвы
СВАО, Библиотека №50-1

итета,
№ 6

20 10

ПОСМОТРИТЕ ИЛИ ТЯЖКОСТЬ

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.